

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Том 2. От финских хладных скал...

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ. Том 2. От финских хладных скал...

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Том второй. ОТ ФИНСКИХ ХЛАДНЫХ СКАЛ...

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Том второй
ОТ ФИНСКИХ ХЛАДНЫХ СКАЛ...

ЭКСМО

МОСКВА

2013

Оформление серии *Е. Савченко*
Серия основана в 2003 году
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

- Звягинцев В. Д.**
3-45 Большие батальоны : фантастический роман : в 2 т.
Том 2 : От финских хладных скал... / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-63577-1

Заказчики и вдохновители заговора против России в этот раз крупно просчитались. Ни выверенные схемы, ни миллионы долларов, потраченные на подкуп чиновников и продажных военных, не сработали. Буквально за день казалось бы до мелочей отработанный план начал рушиться как картонный домик под порывом свежего ветра. Ветра перемен. В Россию наших дней пришли новые русские — свободные, уверенные в себе люди из альтернативной Российской империи, не испытывавшие гнета большевизма, не пережившие ужасов Второй мировой, готовые помогать и защищать тех, кого они по праву считали своими братьями. Вадим Ляхов, Сергей Тарханов, их учителя и соратники рискнули — и вот их чаяния и надежды готовы стать реальностью.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

...Вы грозны на словах — попробуйте
на деле!
Иль старый богатырь, покойный
на постели,
Не в силах завинтить свой
измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно
слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми
до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

А. Пушкин.

Клеветникам России. 1831 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

 думаю, уже пора сматываться, —
сказал Басманов, когда на горизонте
появились отчётливо видимые силу-
эты российских эсминцев, а справа
и слева от крейсера, уже ничего не опасаясь, на
бреющем прошли две пары «КОРов».

— До наших километров тридцать, если я не
ошибаюсь...

— Да, может быть, чуть больше, пятнадцать
миль примерно. Полчаса хода, если даже не силь-
но спешить. И с гидропланов должны были рассмо-
треть наш флажный сигнал, — согласился Бекетов.

Обстановка прояснилась — как только отключились системы глушения и наведения ложных импульсов на экраны русских радиолокаторов, англичане оказались в чистом проигрыше. Один крейсер без хода и уже в поле оптической видимости всей российской эскадры, остальные три при желании догнать можно, но только эсминцами, крейсера не успеют, а дивизион «Новиков» против трёх «Тайгеров» — бабушка надвое сказала, что получится¹. Как говорил пушкинский Германн: «Я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».

Молодому, амбициозному и агрессивному, но не очень верящему в прочность своего нынешнего положения адмиралу Дукельскому захвата исправного крейсера, в ходе безупречно проведённой оборонительной (а кто посмеет возразить?) операции, со всеми сопутствующими успехами достаточно. Тогда и на приличный орден рассчитывать можно, «Георгия» скорее всего, и вторые чёрные орлы могут спорхнуть с «горних высот» и усесться на погонах рядом с не так давно обмытыми первыми. Известно, что новый Государь предпочитает раздавать чины гораздо щедрее, чем ордена.

Команда Уварова—Басманова целиком собралась в боевой рубке. Отсюда видно всё вокруг очень далеко, и исчезнуть нетрудно. Через трубы спуститься в расположенный ниже ватерлинии Центральный пост — и для всех окружающих исчезнуть, как и не было. Ушли и ушли. Куда и зачем — англичанам на эту тему очень долго задумываться настроения не будет, своих забот хватит.

¹ Э/м «Новик» — водоизмещение 4200 т. Скорость до 44 уз. Вооружение 3х2—130-мм пушек, 3—5-трубных т/а.

Л/кр. «Тайгер» — водоизмещение 12 тыс. тонн, скорость — 32 уз. Вооружение: 4х3—152 мм. 8х2—76 мм. 8х2—37 мм.

А если свои флотские вдруг докапываются вздумают — кто именно тут стрелял да командовал, по радио из самой Москвы проинструктированный адмирал им быстро объяснит — «не ваше дело», и все немедленно согласится. Что касается непереносимых пересудов в кают-компаниях и среди матросов на баке — кто на них когда внимание обращал?

Из всех участников захвата крейсера понастоящему безутешны были Юрий Бекетов да младшие братья Кузнецовы. Судьбы остальных волонтеров, и живых, и убитых, мало кого интересовали, посторонние, в принципе, люди, с которыми свела на краткий миг судьба. Большинство и по именам неизвестны... Ими займются люди из штаба адмирала.

Мария погладила Бекетова по рукаву куртки.

— Я всё понимаю, вам сейчас тяжело, несмотря на победу. Знаете, через несколько дней, когда относительно вас примут какое-то решение и предоставят свободу, — она чувствовала, что слова звучат невероятно казённо, но другие не выговаривались, — мы ещё увидимся.

Она не очень представляла, как будет выглядеть эта встреча, где и в чём её смысл, но понравившегося и очень себя хорошо показавшего в бою парня было сейчас просто очень жалко. Маша никогда не теряла, на войне или иным образом, друзей, подруг, родственников (которых, правда, и не было, не считая приёмных тётушек и дядюшек), но догадывалась, что люди при этом чувствуют. И обещание скорой встречи, с намёком, что она будет «не просто так», Юрия должно поддержать в тот момент, когда все уходят, а он остаётся с телами убитых друзей на руках и полностью неясными перспективами.

В это же время Уваров, единственный здесь профессионал-разведчик этого мира, а также и «старший по команде», чуть ли не по слогам вколачивал в головы участвовавших в восстании и бою волонтёров всё, что, а главное — как они должны говорить на допросах, которые непременно скоро начнутся. (А вы как думали? Придётся разбираться, кому награды, а кому и тюрьма.) И будут они весьма вьедливые, пока в самой Москве решение по представлению эскадренного начальства примут. Но в любом случае — чем меньше у людей будет заранее заготовленных ответов и чересчур детальных совпадений в показаниях на очных ставках — тем лучше. Бунт, он и есть бунт, стихийный, не поддающийся ни логике, ни стройным воспоминаниям. Основное, что должны запомнить все, — началось со стрельбы зениток и налёта русских самолётов. Тут героически павшие в бою Николай с Егором и призывали всех к сопротивлению. А бывший офицер Юрий восстание возглавил и руководил до последнего момента. Дальше пусть каждый несёт всё, что в голову придёт. Какие-то парни оружиеку вскрыли, а дальше — само пошло. Все были в разных местах и друг друга почти не видели, так что никто ни за кого, кроме двух-трёх ближайших товарищей, отвечать не может. Каждый в полном праве расписывать, как сам из пушек и пулемётов стрелял, или признать, что просто бежал без особой цели, подчинялся тем, кто громче кричал. Кто сколько англичан убил — врите, как после вчерашней рыбалки.

А вот чего нельзя говорить ни в коем случае — будто кто-нибудь хоть мельком видел на крейсере каких-то женщин, тем более — вооружённых. На обложках журналов, наклеенных на переборки в кубриках, — видели, а больше никак. О мужчинах — можно, хоть о двухметровых мордоворотах,

ломом подпоясанных, всё равно никто не успел запомнить хотя бы в лицо, не говоря об именах и фамилиях двух сотен человек, раскиданных по пяти кубрикам.

— Учтите, ребята, — наставлял Уваров, — «лаймы» будут дружно утверждать, что женщины были, даже те, кто их сам не видел. А вы говорите, что ничего подобного. Мол, галлюцинации это, от спермотоксикоза. Всего и делов. Кто нормально пройдёт «собеседования», получит не только государственные награды, но и приличные деньги. Нет — значит, нет. Меня все поняли? Тогда до встречи. Я сам вас найду, слово офицера...

Вооружённые волонтёры согнали всех англичан, выживших в короткой, но жестокой мясорубке на верхней палубе, на самый бак, за волнолом, к брашпилям. Там они стояли толпой под прицелом пулемётов с мостика и могли развлекаться только тем, что считать количество вымпелов в смыкающих кольцо вокруг «Гренвилла» дивизионах крейсеров и эсминцев и предполагать, сразу ли их повезут в Сибирь или предварительно будут какие-то следственные мероприятия и подобие суда.

Трупы погибших снесли на шканцы, англичан на левый борт, наших на правый. Раненым, без различия подданства, оказывали помощь судовые врачи и фельдшера. Остальной экипаж крейсера предпочёл остаться на своих боевых постах, не предпринимая никаких активных действий. А предоставленные сами себе волонтёры устраивались в зависимости от личных вкусов и сообразительности. Многие, теперь совсем ничем не рискуя, избавленные от конкуренции матросов противника, продолжили грабёж крейсера. Если денежный ящик ревизора очистили люди Шурлапова, то в каютах офицеров, кают-компаний и иных помещени-

ях нашлось достаточно подлежащих экспроприации вещей. Другие по-быстрому вооружились, чтобы обозначиться в числе героев — участников восстания, и теперь сочиняли себе подходящие легенды. Большинство же и здесь предпочло «плыть по течению», проще говоря, прихлёбывать добытую выпивку и, теснясь у лееров, наблюдать за приближающимися русскими кораблями. Это зрелище, как и всё случившееся раньше, у многих оживило чувство патриотизма, почти растерянное за годы скитания по границам.

— Смотри, капитан, — наставлял Бекетова Вальерий. — Когда наши подойдут — представишься, сдашь корабль и пленный комсостав, что на мостике. Про остальных ты ни сном ни духом... Что есть какой-то Эванс, профессор Френч и прочие. Пусть устраиваются, как хотят, для тебя их просто не существует, неоткуда было о них узнать, и некогда. Вся твоя информация — что вы лично слышали от надзирателей и... Ну, от кого ты мог ещё что-то узнать? — Уваров на ходу выстраивал самую простенькую легенду, буквально на несколько часов действия, да и то не для того, чтобы Бекетову «положительный и героический образ» создать, а чтобы для рядовых офицеров флота лишняя информация не дошла. Кто знает, как ею Чекменёв и Ляхов решат распорядиться. — Некогда тебе было. Разве последний час кое с кем из соотечественников поговорил. Сопоставил, обмыслил... Но это всё так, экспромт, наброски углём. Через несколько часов после доклада в центр командующий русской эскадрой получит приказ срочно доставить тебя в Москву. Там мы с тобой и встретимся...

Валькирии, пленный инженер и добровольно сдавшийся Остин Строссон, Уваров и Басманов

(Михаил — последним) спустились по скобтрапу до первого же подходящего отсека.

— Мы готовы, — сказал Басманов, и тут же Сильвия открыла правую переборку в кабинет Арчибальда.

Здесь почти ничего не изменилось за несколько прошедших в Замке минут. Сильвия, сидевшая в кресле и наблюдавшая за происходившим на крейсере, даже позы, кажется, не поменяла, только окурков в пепельнице прибавилось.

Арчибальду было велено найти подходящее помещение и изолировать пленных, по одному.

— Картину героического пленения русскими моряками вражеского «фрегата» досматривать будете? — осведомилась Сильвия. Такого желания ни у кого не оказалось. Впечатлений было достаточно и без этого.

— Пусть этот господин сделает полную видеохронику, мы потом как-нибудь взглянем, — сказал Басманов, а Уваров добавил, что такая запись в любом случае понадобится руководству его Управления.

— Тогда приведите себя в порядок и возвращайтесь, — продолжила распоряжаться Сильвия, по-прежнему считая себя здесь самой старшей, и ей никто не возразил, даже любящий попрепираться со всеми, кроме Новикова и Шульгина, Константин Васильевич.

— Прошу прощения, конечно, мадам, — кривя губы, обратился к ней полковник, когда они остались втроём, считая профессора, который суетился у стола, наполняя бокалы «за одоление супотата». — Но сегодня ты накаркала! Нужны были трупы для убедительности — извольте. Извольте, целых девять, ещё столько же вряд ли выживут. Об англичанах не говорю. Достаточно, нет?

— Возьмите себя в руки, Михаил Фёдорович. Я что-то не помню за последние сто лет вашей службы таких эмоциональных срывов. Неужто в боях под Гумбиненом, Екатеринодаром, Абинской, Каховкой вас так уж волновали потери? И ведь не я в ваших «неожиданных союзников» стреляла. Дело сделано, это главное. А хотите погрузиться — можем попозже организовать подобие тризны... Прошу прощения, конечно, это на вас не новое ли увлечение так подействовало?

Говоря всё это, Сильвия тонко усмехнулась и посмотрела на дверь, через которую минутой раньше вышла Марина с остальными валькириями.

Натура Сильвии не позволяла ей «просто так» отпустить человека, который чересчур демонстративно предпочёл ей обычную девчонку. Не имело никакого значения, что сама она, возможно, никогда больше не пригласила бы полковника в свою постель. Это — совсем другое дело. Басманов чересчур демонстративно дал понять, что Марина ему действительно интересна, а с нею он просто исполнил некую обязанность. Не смог отказать старшей по положению «сестре».

Зла она не затаивала, и впредь как-то «мстить» Басманову, оказавшемуся неплохим любовником, Сильвия не собиралась, а вот уязвить, поставить на место — с огромным удовольствием.

Заход Сильвии сразу понял и оценил только старый и повидавший жизнь и смерть во всех проявлениях профессор Удолин. Даже деликатно ухмыльнулся в сложенный кулак и подмигнул Михаилу. Терпи, мол, братец, знай, как с «панночками» связываться, «Вия» перечти на досуге...

А Басманова, знавшего Сильвию ещё с тех времён, когда она была почти чистопородной «леди», пусть и бойко говорящей по-русски, сказанное ею

почти не задело. Он другому удивился — насколько русской она выглядела сейчас. И выражением лица, и интонациями. Прежний, и так малозаметный акцент пропал совершенно, зато появились манеры, подходящие не даме из британского герцогского рода, а эмансипированной, не считающейся ни с какими условностями дворянки. Графини или, скорее, княгини, умеющей при необходимости произносить фразы, не каждому боцману доступные. То есть всё той же нормальной русской бабе, даже, скорее, казачки кубанской. Два года Гражданской он провёл на Юге и сейчас уже шестой год жил там же, так что этот типаж изучил прекрасно. А то, что подобные манеры появились у Сильвии... Ну, видимо, это она так перестроилась, собираясь занять подходящее место при дворе Императора Олега. А почему бы и нет? Надо же готовить себе тихую пристань, раз надоело наконец болтаться между временами и мирами.

Он ещё подумал, что её ответная резкость, в общем, справедлива. Не стоило ему сразу же акцентировать внимание на тех её словах. Будто бы зло за свои промахи на посторонней сорвал. Не из-за её ведь слов погибли инженер и унтер. От собственной невнимательности, прежде всего. Тут скорее и он сам, и Мария в некоторой степени виноваты. Опять же — нельзя за полчаса научить правильно воевать неподготовленных людей. Автомат в руки дать можно, как и в какую сторону стрелять — объяснить, а вот научить думать, как положено кадровому «человеку с ружьём», — не одного месяца дело...

— Вы правы, миледи, а я нет. Вы тут, конечно, ни при чём. Просто не нужно было этих парней брать с собой, вот и всё. Сейчас сидели бы здесь с нами и даже не представляли, что могло быть иначе...

— Ладно, Миша, забудем. Я всё понимаю... — и даже сделала движение, словно собралась погладить полковника по щеке. Но вовремя спохватилась...

Из них троих только Константин Васильевич знал истину и пребывал в полной удовлетворённости, относя успешное завершение крайне неприятно складывавшейся поначалу, с момента их захвата Замком (или Арчибальдом, Ваал разберёт), ситуации в основном на свой счёт. Это его заклинания и формулы, составленные с привлечением сокровенных тантрических методик и не имеющих вербального воплощения *объективных идей*¹, организовали текущую микрореальность, в которой удалось изящно и без потерь справиться с Арчибальдом да вдобавок гармонизировать «гендерные», как сейчас принято выражаться, отношения внутри филиала Братства. Попросту говоря, перевести излишнее напряжение *эротического поля*, возникшего между *разнозаряженными* членами стихийно сложившейся группы в полезную работу. В данном случае — бой и все сопутствующие моменты.

В это же время разместивший в однокомнатном, полутюремном, полугостиничном номере инженера Майкельсона Арчибальд открыл соседнюю дверь такой же камеры перед Строссоном.

— Прошу вас, сэр.

Услышав обращённый к нему голос, слишком знакомый, офицер наконец не выдержал. Он и так

¹ Объективная идея — наивысшее родовое понятие идеализма, которое не только обладает объективной реальностью, но и определяет собой чувственное бытие. Монистическая теория Платона говорит о воздействии самостоятельно данного идеального мира на реальность.

чувствовал себя *до крайности странно*. Мало всего случившегося на крейсере за последние полсутки, а особенно — два часа, так теперь вдруг — это!

Увидев старейшего члена клуба, мистера Боулнойза, один раз уже восставшего из могилы или куда там ещё попадают такие энергичные джентльмены, а теперь вот явившегося в облике дворецкого *старого закала*, Строссон буквальным образом *офонарел*, как выражаются русские на своём чрезвычайно перегруженном идиомами¹ и жаргонизмами языке. Оттого и внезапный переход из отсека крейсера чёрт знает куда и ему же известным способом уже как-то не слишком удивил.

Дополнительным, смягчающим шок фактором оказалась внешность окружающих лейтенант-командера женщин. От младших до самой старшей. Строссон имел случаи убедиться, что практически любая русская несравнимо симпатичнее, красивее, и уж тем более эффектнее взятой хоть наугад, хоть путём специального отбора островитянки. Но здесь их было шесть, и от концентрации физического совершенства и красоты, помноженных на шарм, становилось даже не по себе. Это как если бы войти в Гайд-парк и вместо опавших осенних листьев увидеть покрывающие газоны серебряные шиллинги и золотые гинеи.

На крейсере девушки не успели произвести на Остину должного впечатления в силу специфических обстоятельств их знакомства. И момента полюбования Анастасии и Кристины он не видел, лёжа лицом в подушку, с готовой в каждую секунду взорваться гранатой на спине.

¹ Идиома — устойчивое словосочетание, значение которого невыводимо из значений составляющих его компонентов.

Но если молодые леди с автоматами просто восхищались, то одетая строго и вместе с тем с тщательно выверенным намёком на фриivolность дама лет тридцати пяти, то есть ровесница Строссона, очаровывала каким-то не совсем человеческим образом. Будто бы встретившаяся на пути Афродита или даже Афина Паллада, принявшая из божественного каприза облик земной женщины.

Остин решил махнуть рукой на эти и другие странности, пока не достигнута главная цель (этим, кстати, англичане отличаются от русских в лучшую сторону). Цель же была столь значительна, что иные мысли имели право только на вспомогательное существование.

Удолин ещё в первые минуты появления в Замке англичанина заметил не только вполне естественный интерес британского офицера к девушкам и несколько аффектированный — к Сильвии, но и взгляд, брошенный им на Арчибальда. Взгляд несколько смятенный, англичанин явно раньше уже видел робота и сейчас не мог сообразить, как поступить — каким-то образом обозначить это знакомство или до подходящего случая сохранить его в тайне.

Профессор решил поступить нестандартно. С пульта он приказал роботу привести второго пленника обратно. Когда они вошли, Удолин с усмешкой посмотрел на Строссона, жестом указал сесть в кресло и произнёс велеречиво:

— Поведай нам, Арчибальд, откуда ты знаешь этого молодого человека и откуда он знает тебя?

— Да вы тоже присаживайтесь, — предложил он Басманову с Сильвией. — Рассказ будет, может быть, долгим, но весьма познавательным...

Рассказ, впрочем, оказался не особенно длинным, минут на пятнадцать. Работая сейчас как ком-

мутатор между Замком во всей его непостижимой целостности и людьми с их ограниченными возможностями восприятия, Арчибальд излагал наиболее существенные моменты своей деятельности в роли Боулнойза удивительно сжато и в то же время с предельной информативностью. Как хороший лектор-популяризатор, с приёмами мелодекламации доводящий до слушателей конспект, к примеру, «Истории Французской революции» Карлейля.

Сам Строссон был упомянут лишь однажды, как доверенное лицо адмирала Гамильтона-Рэя, перереформированного Арчибальдом для непосредственного воплощения стратегического замысла русско-британской войны.

— Пока достаточно, — сказала уже Сильвия, и робот послушно замолчал.

— И с какой же целью, сэр, — перейдя на английский, спросила леди Спенсер у лейтенант-коммандера, — вы решили капитулировать перед рядовыми разведчиками, выполнявшими вполне локальную собственную задачу, а не дождались встречи с гораздо более значительными лицами из командования русской эскадры?

Строссон в очередной раз был удивлён происшедшим с дамой превращением. Теперь с ним говорила настоящая британская аристократка из самых-самых высоких кругов. Он, хоть и не был профессором Хиггинсом¹, отлично умел определять социальный статус человека по его речи.

— Боюсь показаться вам трусом, но ответу честно — я сразу сообразил, не сдайся я немедленно вот этой мисс, — он слегка поклонился Анастасии, — господин офицер, бывший с нею (а я не со-

¹ См. пьесу Б. Шоу «Пигмалион» или мюзикл «Моя прекрасная леди».

мневаюсь, что он был именно хорошо подготовленный офицер-диверсант, а не безродный бродяга), вполне мог не рассчитать силы удара. Когда под горячую руку бьешь автоматом по голове, очень легко не сдержаться... Тем более, я подозреваю, у него были для этого основания...

— Что да, то да, — кивнула Сильвия. — Несколькими минутами раньше ваши *сотрудники* убили его лучшего друга. Едва ли господин капитан не причастен ко всему с нами случившемуся.

— Крайне сожалею и выражаю вам своё сочувствие. Лично я к происходившему на корабле не причастен абсолютно, — поспешил заверить Строссон. — Я исполнял совсем другие функции и, как только понял, что адмиралтейские лорды заигрались и ведут дело прямым путём к войне с Россией, самостоятельно принял решение любым способом это предотвратить. Прошу заметить, это именно я воспрепятствовал Эвансу немедленно начать поиски скрывшихся ваших людей... Вы выиграли много нужного времени.

— Хорошо, это сейчас не имеет значения, — прекратила его излияния Сильвия. — Есть люди, которые вас выслушают с интересом. А у нас есть темы более насущные. Ты, Арчибальд, можешь нам открыть выход из Замка в нашу реальность?

— Естественно. В любую из теоретически доступных. Более того, теперь я снова готов исполнять при вас те же обязанности, что раньше при Антоне. Мои самостоятельные действия признаны чрезмерными, волюнтаристскими и неадекватными...

При этих словах рассмеялась только Сильвия. Был бы здесь Фёст или Берестин, они бы её поддержали. Остальные, не знавшие эпохи Хрущёва,

юмор ситуации не оценили. Интересно, кто принимал решение и диктовал роботу «формулу покаяния»? Включилась новая специализированная ячейка в структуре, предназначенной осуществлять связь Замка с данным сектором Гиперсети, или его всеобъемлющая сущность решила использовать ту же форму (Арчибальда), лишив его самостоятельности и переключив на функцию просто понижающего трансформатора, переводчика с металанга десятого, скажем, уровня на доступный этим людям третий, иногда четвёртый.

Влил, так сказать, новое вино в старые мехи.

— Мы согласны, — кивнула Сильвия, обращаясь явно не к роботу.

— Вы не хотите, чтобы я изменил внешность? Возможно, нынешняя будет вызывать у вас неприятные ассоциации? — Арчибальд даже приосанился, расправил плечи, демонстрируя, что готов к любому решению.

— Нет, зачем же, — опередил Сильвию с ответом Удолин. — В этом виде вы нас, *любезнейший*, вполне устраиваете...

— Другие мнения будут? — демонстрируя аристократическую демократичность, посмотрела на Басманова аггрианка. Полковник молча пожал плечами. Строссон вообще перестал что-то понимать в происходящем.

— Тогда, Арчибальд, организуйте нам для начала возможность контактов с внешним миром.

— С каким именно? Или со всеми одновременно?

Сильвия пожала плечами, давая понять, что считает вопрос не слишком умным.

— Со всеми, но последовательно... Сейчас — с первой реальностью.

Под «первой» Сильвия подразумевала ГИП.

И тут же в её кармане прозвучала негромкая, почти не привлекающая внимания посторонних, настроенная на восприятие только тех, кому она предназначена, трель вызова.

Был бы здесь Фёст, он непременно бы прокомментировал: «Абонент вновь доступен для связи».

Интересно так совпало — Арчибальд снял накрывающий Замок колпак одновременно с посланным антенной СПВ «Валгаллы» сигналом. Или — именно поэтому.

Переключив блок в режим обычной телефонии, Сильвия поднесла портсигар к уху. Пока она не выяснила, зачем ей звонит Дмитрий, остальным слышать его не нужно. Чувствуя, что разговор может быть долгим и сложным, она взяла со стола бокал явно в расчёте на неё и приготовленного Арчибальдом розового джина (по рецепту ещё *той* (1819—1901 гг.) королевы Виктории, перешла в кабинет, устроилась в кресле, сделала глоток, закурила и только потом ответила самым милым и волнующим из своих голосов:

— Утро доброе, Митенька! Да-да, у нас здесь утро. Надеюсь, ты хочешь сказать мне что-то приятное? Compliments тебе очень удаются...

Примерно на втором году знакомства, освоившись в Братстве и как следует разобравшись в системе отношений и психологических характеристиках каждого, она избрала для общения с Воронцовым именно этот стиль и тон. Прекрасно понимая, что с ним, как и с Новиковым, ей на интим рассчитывать нечего (а моментами очень даже хо-

телось), она сублимировала¹ свои эмоции таким образом, особенно — в присутствии Ирины и Натальи.

— Спасибо, у меня тоже всё в порядке. Совершенно как в песне про прекрасную маркизу — «всё хорошо, всё хорошо». Правда, так уж получилось, что мне пришлось сначала навестить Белый Крым. Да, конечно, по Мишеньке Басманову соскучилась. Потом мы неожиданным образом опять попали в *твой* Замок, немного повоевали, но теперь уже всё в порядке. Все, особенно девушки, живы и здоровы. Вовсю *женятся*. Скоро свадьбы будем справлять, так что готовьтесь с Наташей. Нет, нет — всё абсолютно пристойно, всё под моим контролем... Ох, ну ты и скажешь! — в ответ на довольно скабрёзный комплимент Воронцова (тот тоже позволял себе *шутить* с агтрианкой *непринуждённо*) серебристо рассмеялась.

— А если серьёзно — всё по обычной схеме. Преодолеваем возникающие трудности, отчего ситуация всё больше осложняется. Да, я понимаю, что так и должно быть, но моментами надоедает. Встретимся, расскажу в деталях. Сейчас ты что-то конкретное хотел сказать или просто соскучился? Так, так... Ну, давай на связь нашего... юнкера (это она так называла полковника Ляхова-второго, имея в виду его иерархическое положение в Братстве со своей точки зрения). Только покрути там у себя настройки, дай изображение, терпеть не могу говорить, не глядя человеку глаза. Нет, с тобой могу, потому что под твоим взглядом я прямо таю...

¹ Сублимация — психический процесс преобразования и переключения энергии аффективных влечений на цели социальной деятельности и культурного творчества. По Фрейду — один из видов трансформации влечений (либидо), противоположный *вытеснению*.

Управляющий СПВ робот-связист не стал открывать полноценный канал, включил только рамку двустороннего, но физически непроходимого «окна», не создающего «эффекта пробоя».

— Я тебя слушаю, Вадим. — С ним, после одного из слегка поцарапавших самолюбие агтрианки инцидентов личного плана, она предпочитала разговаривать хотя и по-прежнему благожелательно, но только по делу. Не любила, когда мужчины ей *отказывали демонстративно*.

Секонд сначала доложил, зачем ему потребовался совет и помощь «старшей сестры», которой он парадоксальным образом, в практических, особенно — авантюрных делах, доверял больше, чем Дмитрию Сергеевичу. Да ведь она уже гораздо больше, чем Воронцов, втянулась в обычную жизнь его реальности. С Императором вон на короткой ноге, как Хлестаков выражался...

И только потом спросил (уже по другой должности), как там себя чувствует «купец Катранов» и что говорит Басманов насчёт перспектив его миссии?

Сильвия ответила в обратном порядке. Сначала по поводу последнего вопроса спросила, будет ли ей позволено принять самостоятельное решение «в свете вновь вскрывшихся обстоятельств» и её собственного видения проблемы. А потом сообщила, что информация Секонда её весьма взбудрила и она, пожалуй, прямо сейчас, в пределах двух-трёх часов, прибудет и вплотную займётся этим интересным делом.

— Любое мероприятие, тобою начатое, следует доводить до конца, иначе тебя посчитают пустым человеком...

— Ну вы, миледи, самого Пруткова переплюнули. А, кстати, почему у вас в Англии все афори-

сты такие скучные и ничего подобного там не услышишь?

— Вернусь — объясню, — тоном, очень близким к манере Чекменёва, ответила миледи. — Пока можешь просмотреть афоризмы Уайльда. По-моему — не хуже ваших. Значит, фиксируем позицию. Я так понимаю, скоро мне придётся и с Олегом, и с тем Президентом говорить?

Тут Сильвия позволила себе слегка улыбнуться, Секонд, как никто другой, понимал, что она имеет в виду.

— Считаем, что от тебя, как непосредственного куратора всего проекта...

Секонд попытался возразить, что как раз этот вопрос вне его непосредственной компетенции, здесь в основном Тарханов и Чекменёв заправляют, но аггрианка слушать не стала.

— Решаем так — от тебя, по причине невозможности экстренно связаться с кем-нибудь другим, я санкцию на срочное завершение миссии Катранджи получила. Не бойся, всё будет оформлено в наилучшем виде, и наш Ибрагим успеет участвовать в делёжке британского наследства. Тем более тут ещё одна интересная штука выяснилась. Оказывается, половина «Интернационала» Ибрагима давно против него работает. Тоже объясню. Думаю, на этот раз достаточно будет отправить с Михаилом Фёдоровичем обратно в двадцать пятый только его и... с ним одну Кристину. Факты показали, что от вмешательства «третьей силы» ни отделение, ни взвод не помогут защититься. А теперь им едва ли что-то угрожает, весь удар мы уже приняли. И отразили — дай бог каждому. Михаилу я скажу — пусть соглашаются на все условия турка, не торгуясь. Сейчас на кону совсем другие ставки. И Уваров, и остальные девочки нам здесь весьма

пригодятся. Проблему транспортировки оружия я возьму на себя. В моем нынешнем положении куда разумнее будет воспользоваться методиками Замка. Они с нашими не пересекаются и общую обстановку не осложнят. У вас и без этого скоро станет действительно весело.

— Я вас не совсем понимаю, но верю безусловно. Не думаю, что будут возражения, но минут на двадцать я отключусь. Мне нужно всё же согласовать.

— Давай-давай. Заодно скажи, что мы такой гостинец приготовили, что хоть Чекменёву, хоть самому Императору с ним и на трибуну ООН выйти не стыдно будет, и для закулисного торга сойдёт...

— Будет сделано. Связь не отключаем...

Сильвия вернулась в зал в приподнятом настроении. Несмотря на солидный по человеческим меркам возраст, она совершенно не утратила любви к интригам. Большим и маленьким. Сейчас она сообщила «всем заинтересованным лицам», что миссия Катранджи будет продолжена. Басманов в ближайший час, если у него нет каких-то возражений, может забирать клиента, его эскорт-леди и вылетать домой. Арчибальд обеспечит «экономичный маршрут». Не более получаса лёта до Мармара.

— Вы, Константин Васильевич, конечно, с ними? Там ведь ваши коллеги до сих пор безуспешно пытаются нас разыскать за «завесой Майи»¹. Встретитесь, пообщаетесь и дальше — как знаете. Хотите — там оставайтесь, а можете — к нам в

¹ Майя — в древнеиндийской философии категория, скрывающая истинную сущность мира и одновременно позволяющая постигнуть реальность во всей её полноте.

Москву. Там скоро очень интересно будет. Некромантам — тоже. Ты, Валерий, тоже возвращаешься, Ляхов решил — вы там нужнее будете. Людмила с Гертой уже вдвоем навоевались, а это ведь только начало. Помощь им требуется.

Заметила откровенно расстроенное лицо Марины и короткий, отнюдь не христианский взгляд Басманова. Да ради бога, ей ведь ничего не стоит и переиграть, так, чтобы ничего не было сказано вслух, но заинтересованным лицам понятно.

— Конечно, Валерий, — улыбнулась она Уварову, — здесь ты командир, я только передала, что полковник Ляхов сказал. Он ещё добавил: «А впрочем, пусть делает, как хочет. Его задание, ему и решать».

Уварову показались не совсем убедительными слова дамы, которая по многим позициям явно была главнее не только Ляхова, но и самого Чекменёва, уж слишком уверенно она держалась.

— Я бы хотел переговорить с полковником лично. Это возможно?

— Почему бы нет? Через десять минут...

Уваров никогда бы не пошёл против прямого приказа командира, но у него уже был — отданный Тархановым. А сейчас Сильвия как бы отменяла его «в вольном пересказе» и от лица человека, формально ему начальником не являвшегося. Ни прямым, ни непосредственным. Так что вполне можно проигнорировать. Не впервой. Хотя, конечно, осложнять отношения с Вадимом Петровичем ему очень не хотелось по многим обстоятельствам.

Он ничего не имел против того, чтобы немедленно вернуться домой всем составом, но отправлять Волынскую одну в чужой мир не хотел кате-

горически. Его бойцы приучены действовать как минимум двойками, причём — сработавшимися. И пусть постоянной напарницей Кристины чаще всего была Герта, любая другая из пятёрки тоже сойдёт. Значит, он будет добиваться у Ляхова, чтобы позволил дать в поддержку Волинской... Кого?

Он посмотрел на Анастасию. Та сразу поняла и показала глазами на Верещагину. Значит, так тому и быть. Взводный всегда лучше комбата знает, кого к какому делу приставить. А дела амурные — кому о них ведомо? Если Вельяминова решила поручить поддержку Кристины подпоручику Верещагиной — так тому и быть. А уж он, если придётся, будет до упора настаивать на полной рациональности своего решения. Тарханов ведь согласился выполнить просьбу Фёста о выведении из операции и передаче в его подчинение Вяземской? И Секонд не возражал...

На самом деле ничего доказывать и настаивать на своём не пришлось. Не совсем даже вслушиваясь в заготовленные Валерием доводы, полковник Ляхов, явно озабоченный другим, просто пожал плечами:

— Да мне какая разница? Мне, главное, ты срочно нужен. Прямо сейчас...

И вдруг, уловив хвостик мелькнувшей по краю сознания фразы, насторожился.

— Постой, постой... Это тебе что же, Сильвия Артуровна такого рода приказы начала отдавать? Мол, именно одну Волинскую отправь... Так?

Валерий подтвердил, что так и есть.

— Забавно...

Ляхов побарабанил пальцами по столу. Была у него такая привычка, отчасти заменяющая дру-

гую — при каждом умственном затруднении заку-
ривать.

— Вот тебе и домашнее задание, господин начальник штаба. Чтобы не забывал, что тебе не только девок по плацу гонять положено, а и стратегически мыслить моментами. Что на самом деле подразумевала и на что рассчитывала наша миледи, влезая вдруг в совсем её не касающуюся тему? Догадайся и при встрече доложи...

Вследствие этого обмена мнениями почти счастливая Марина и осталась помогать подруге «обеспечивать безопасность Ибрагима». Впереди её ждала очередная незнакомая Россия и романтические перспективы. Не то чтобы она имела на будущее сколько-нибудь серьёзные виды, но всё равно интересно. Двадцатилетней девушке намёк на ту самую, пресловутую «любовь» (в самом чистом значении) — всегда повод для водопада воображений.

Анастасия, в какой-то мере определяя грядущую судьбу подруги, задумалась — а ведь только у неё с Уваровым получилась любовь светлая, беспро-
блемная и, как бы поточнее выразиться, — закономерная, «правильная». Встретились, посмотрели друг на друга, что-то такое почувствовали. И спокойно, шажок по шажку начали сближаться... Она очень нервничала и, как бы ни смешно это звучало, — «стеснялась». Себя, его, своих чувств. У всех остальных, кроме Инги, до сих пор вообще обделённой мужским вниманием, выходило что-то странное. Их «объектами» стали мужчины, что называется, «с трудной судьбой». Хотя и достойные во всех отношениях.

Теперь, похоже, у Марины тоже что-то может случиться...

...Дальше всё пошло неожиданно быстро, почти как в режиме «перемотка» видеомэгнитофона. Подняли благополучно проспавших главные события ночи лётчиков и Ибрагима. Позавтракали (а кто-то и поужинал), за столом обсудили предстоящие действия. Пилоты с «Буревестника» так по-настоящему и не поняли, куда, как и зачем они *прилетели*. Много интересного увидели, неожиданные подарки от странных хозяев получили. Подошёл к ним тот капитан, что встречал их вчера на пирсе, и каждому вручил часы «от главноначальствующего», вроде бы обычные «Штурманские», но в золотом корпусе и с дополнительными циферблатами, показывающими почти всё, что угодно. Особенно лётчикам понравилось, что при нажатии третьей сверху кнопки высвечивались координаты «точки стояния» до долей секунд широты и долготы.

Затем Джинджер сказал, что автомобиль у крыльца и готов отвезти экипаж к гидроплану для предполётной подготовки. Вторым рейсом заберёт остальных.

Сегодня этот парень выглядел точно так, как и там, на пирсе. «Смена власти» никак на «офицере» не отразилась. Команды он получал напрямую от «управляющего процессора», определявшего, кому «эффектор» должен безоговорочно подчиняться. Сейчас список имён и образов несколько изменился, тот, кто недавно был для него «царём и богом», получил лишь *третий приоритет*. Вполне естественная «придворная ситуация». В человеческой истории, которую Джинджер знал (точнее, мог знать в нужных случаях во всей условной полноте), случались и более суровые рокировки. Но межличностные взаимоотношения повелителей никаким образом не касались оставленных «при исполне-

нии» функционеров. Бывших гвардейцев бывшего «кардинала», ассоциативно выражаясь.

За ними начали подходить и главные действующие лица. Девушки, вновь принявшие милый и домашний облик, в платьях, приготовленных для светской жизни в Царьграде, Севастополе и Харькове. Сильвия начала «предполётный инструктаж». Не ставя в известность Катранджи, она уже предварительно предложила Басманову без всяких проволочек, отменив все прежние схемы дипломатической игры с «восточным клиентом», но и не давая турку повода своей сговорчивостью что-то лишнее о себе вообразить, подписать все необходимые бумаги, гарантирующие «ленд-лизские поставки» по всему списку.

— Повода не будет, — скупое усмехнулся Михаил. — Мы против него двух евреев и одного армянина выставили. Сидят в Ливадии и ждут. Каперанг Исаков, он же Тер-Исакян, хоть сызмальства в Морском корпусе лоску набирался, а нашёл себя на административном поприще. Национальный характер никуда не денешь. Из пушек стрелять и эсминцами командовать каждый может. А вот ты попробуй добиться, чтобы все армейские интенданты и вольные купцы от Одессы до Батума от одного имени твоего трепетали и еженедельно свечки ставили за упокой души...

Жаль, что сейчас никого рядом не было, Фёста того же, чтобы удивиться несовпадению настоящего и здегшего Исаковых¹.

¹ Исаков (Тер-Исакян) И. С. (1894—1967) — Адмирал Флота Советского Союза, после войны начальник Главморштаба и зам. главкома ВМФ. Бывший «чёрный гардемарин» и мичман досрочного выпуска 1917 г. Автор многих интересных произведений, объединённых темой «Досути старого адмирала».

— Вашего ассортимента не хватит — мы от себя подкинем, — пообещала Сильвия, быстро прикинув, что, если после завершения «Креста» начнутся массированные поставки современного оружия из нынешней РФ Олегу, много всякого добра высвободится в Российской императорской армии. — Но выглядеть будет, что всё равно от вас. В уплату требуйте абсолютные ликвиды — золото, алмазы, другие камни. Большинство африканских, индийских и цейлонских месторождений под контролем «Интернационала». А вашим зарубежным партнёрам — лишняя головная боль, пусть гадают, что за особые каналы поставок возникли. Особенно англичане всполошатся, начнут у себя «протечки» искать. Нам это только на руку. Ты же слышал, что кое-какие негативные эмоции и тенденции способны через межвременные границы *просачиваться*?

Это Басманов знал, убеждался, и не раз, на личном примере. Да и как же иначе? «Советская» Гражданская война, где он сражался, потом альтернативная, потом мятеж в России Олега, англо-бурская, «новая и старая», наконец! Везде имели место отчётливые взаимопроникновения.

Пока слуги Арчибальда накрывали фуршет «на посошок», для «стременной» и «закурганной», валькирии, уезжающие и остающиеся, устроившись в стороне от «старших», болтали и болтали. Когда опять встретятся? Марина с Кристиной мыслями были уже не здесь, а в загадочном и почти сказочном Белом Крыму. Остальным девушкам предстояло что-то не столь экзотическое.

Арчибальд, кое в каких вопросах сохранивший свободу воли, решил хоть частично выполнить свои обещания, данные им (а им ли?) ещё в другом качестве и с другими целями.

Каждой из девушек он преподнёс довольно большие и тяжёлые (как средневековая рукописная Библия примерно) сафьяновые, с золотыми (лучшей в мире 96-й пробы) углами, ручками и замками ларцы. А внутри, на мягком разноцветном бархате — комплекты ювелирных украшений немыслимой красоты, ценности и древности. Кольца, перстни, браслеты, серьги, колье и диадемы.

Причём — вот что значит аристократизм (пусть и искусственный) и неограниченные возможности — гарнитурсы своим дизайном, фактурой, цветом и сортами камней точно соответствовали знаку Зодиака, внешности, цвету глаз и, главное, ещё не совсем раскрывшимся вкусам и характерам каждой из девушек.

Замку, сумевшему воссоздать до мельчайших деталей, со всеми необходимыми корректировками личность Натальи Воронцовой, а потом переместившему её в исходное тело, это не составило труда. Нет необходимости уточнять, что изделия были несомненными подлинниками и их цену на каком-нибудь «Сотбисе» трудно представить. Нигде на одной и второй Земле ничего подобного не найти и не заказать. Одно слово — неземная работа.

— Это мои вам свадебные подарки и будущие фамильные драгоценности, — сказал он засмущавшимся и впавшим одновременно в полный восторг девушкам. Они ведь стали настолько простыми и земными девчонками, что Анастасия не так давно задохнулась от внезапного счастья, получив от Уварова флакон обычных парижских духов... А это! При всех своих полученных от Катранджи капиталах они не могли купить, а главное — вообразить ничего подобного.

— Будете надевать — вспоминайте своего нового дядюшку, — сказал удивительно человеческим и

даже растроганным голосом Арчибальд. Ещё чуть-чуть — и слезу пустит. — Впрочем, не горюйте, мы обязательно встретимся. И даже не раз.

Вельяминова вдруг пожалела, что с ними нет Людмилы и Герты, и теперь им наверняка будет очень обидно оказаться обделёнными. Но её опередила Инга и сказала об этом вслух.

Вместо Арчибальда ответила Сильвия:

— Вы заслужили, вам и подарки. А те барышни кое-чем другим вознаграждены...

— Нет, так не пойдёт, — если нужно было отстаивать не свои, а близких ей людей интересы, самая из всех скромная девица Вирён могла быть нестигаемо-упорной. — Кристина свой гонорар за Одессу на всех поделила, а мы?

«Вот и делитесь, если вам вожжа под хвост попала», — чуть не ответила Сильвия, но вовремя сообразила, что такая позиция ей авторитета не прибавит. Мнение девчонок бывшей координаторше первого класса было сравнительно безразлично, но вот в глазах Басманова, Уварова да и Удолина ей совершенно не хотелось выглядеть бесчувственной, а то и просто завистливой (да, да — завистливой!) стареющей матроной.

Она едва заметным движением лица отдала Арчибальду команду. Её *приоритет*, как абсолютной госпожи, наряду с Антоном, Воронцовым и другими «первопоселенцами» Замка в его иерархии был первый. У Басманова, Удолина, а теперь и пятерых валькирий — только второй.

Арчибальд вышел и ровно через минуту возвратился с ещё двумя ларцами. Что показалось валькириям в очередной раз странным — он ничего не спросил о личных качествах и даже именах тех, кому подарок предназначался. Но на их крышках, как и в элементах оформления самих украшений,

присутствовали монограммы владелиц, иногда весьма причудливым образом стилизованные. Откуда бы сотворившей подарки силе было знать, что в Москве остались именно «Л.В» и «G.W»? Очевидно, мыслеформа Веллыминовой (или Вирен) была достаточно яркой, чтобы Замок её уловил и материализовал.

«Так девушки скоро и саму миледи обгонят, — подумал прежде всех обративший внимание на эту тонкость Константин Васильевич. — Да, пожалуй, уже обгоняют. Особенно если я с ними ещё поработаю».

— Вот уж приданое так приданое! — от всей души воскликнул Удолин. — И мне кажется, это не только *побрякушки*, есть в них ещё какие-то тайны. Правда, Арчибальд?

Робот развёл руками с таким видом, будто просто не понял вопроса. Что приказали *свыше*, то и подарил. Не сам же он отливал, чеканил, гранил и паял. И тайны — не по его части.

Сильвия, единственная, кто мог наблюдать за происходящим отстранённо, заметила взгляды, которыми обменялись Уваров с невестой, порозовевшие щёки Марины, тонкую, едва заметную усмешку, на секунду скользнувшую по губам Кристины.

— Одним словом — счастливого пути и нам, и вам! — провозгласил Удолин, несколько даже торопливо поднимая бокал.

Остающиеся Сильвия, Уваров и три валькирии распрощались на пирсе с друзьями и подругами, проводили глазами взлетевший и почти тут же исчезнувший из глаз гидроплан. Впятером они уместились в один «Виллис». Валерий за рулём, Сильвия рядом, Настя, Мария, Инга устроились сзади.

Так на этих, единственно подлинных «Джипах»¹ лихие бойцы ездили в войну — кто-то на узком сиденье посередине, а остальные на обитых дерматином подушках поверх колёсных ниш, свесив ноги наружу через борт. Очень даже весело, и в случае необходимости, особенно если в машину набьётся человек семь-восемь, да все с «ППШ» или «Томсо-нами» — обеспечен мощный круговой огонь при внезапном нападении. На заявленных спидометром шестидесяти милях в час так, конечно, не поездишь, но на обычных фронтовых двадцати — вполне.

Теперь им спешить было некуда, и в ту и в другую Москву они смогут перейти в любой нужный им день и час. Как в далёкие уже времена, когда всем здесь распоряжался Антон и Сильвия попала сюда в качестве пленницы, довольно быстро ставшей одной из равных, каждая дверь в отведённом людям крыле Замка могла открыться в любое освоенное пространство-время. В неосвоенное, впрочем, тоже, только с «непредсказуемыми», как любят последнее время выражаться политики и «эксперты», последствиями. В этом некогда лично убедились Новиков с Шульгиным². Для управления возможностями Замка достаточно было простого желания, сказанного хоть словами, хоть мысленно.

Сильвии нужно было всё же отлучиться в Лондон, где до сих пор ждал её Берестин. Завершить кое-какие неоконченные дела и забрать оттуда

¹ Эти армейские машины («Форд», «Виллис», «Бантам») обозначались аббревиатурой «GP», «general purpose», т.е. «общего предназначения». Сейчас американские производители отчего-то пишут на капотах совсем других машин — «Jeep».

² См. роман «Бульдоги под ковром».

Алексея. Начавшиеся в Москве события наверняка придутся ему по вкусу, он ведь уже начал забывать свою основную, военную профессию. Пост министра обороны в обновлённом российском правительстве ему предлагать, конечно, не стоит, не то время.

Это после Октябрьского переворота, возникнув словно ниоткуда, наркомвоенморами и командармами становились такие *яркие революционные таланты*, как Троцкий или Фрунзе, никогда вообще не служившие в армии, или мичманы и прапорщики военного времени.

Сейчас незачем давать народу неудобоваримую пищу для размышлений, да и излишнюю вдобавок. Всё же нужно стараться «не умножать сущностей сверх необходимости». А вот главным военным советником при командующем «ограниченным контингентом», вводимым из императорской России в РФ, он вполне сможет послужить в первый, самый сложный и *турбулентный* период.

Уварову и оставшимся при нём девушкам миледи подробно разъяснила, каким образом они смогут провести время до её возвращения, не прибегая к помощи Арчибальда. Слишком много неожиданных тайн хранил Замок, и пытаться постигнуть их «с налёту» действительно не стоило. Если с блокуниверсалом обошлось, не значит, что и следующий раз повезёт.

— Вам здесь наверняка понравится. Ещё и уходить не захочется. Теперь бояться нечего, а узнать, увидеть и попробовать можно многое, — сказала Сильвия. — Здесь не столько коммунистический принцип «каждому по потребностям» действует, сколько библейский: «Стучите — и откроется, ищите — и обрящете, просите — и дастся вам»...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Для начала нам с вами проехать кое-куда придётся, — сосредоточенно глядя между Фёстом и Людмилой, сказал майор, вернувшись за столик после очередного телефонного вызова. — Часика через полтора-два примерно. Там с людьми, кто под руками окажется, встретимся, поговорим. Ты им политинформацию прочитаешь, заодно и сам сообразишь, чем народ дышит.

До какого-то его *старшего товарища* информация дошла, подумал Фёст. И что этот или *эти* товарищи хотят? Убедиться в его *серьёзности*, поставить свои условия, что же ещё? Уж с заговорщиками у них никаких общих дел быть не может, если, конечно, эти люди не на том уровне, о котором и Стацюк не знает. Ну, посмотрим.

— Далеко ехать?

— Да не слишком. В район «Автозаводской», а там совсем рядом. Поедете?

— Почему бы не поехать?

— Только тогда так — никуда больше не уходите, возле меня держаться будете. Понятно? И телефоны не включаете.

Фёст усмехнулся, как и полагалось хорошо воспитанному полковнику, услышавшему бестактную глупость от майора.

— Понятно, да не совсем. Это ведь мы тебя хотим в дело взять, нет? Со всеми моральными и материальными стимулами. Деньги брал и опять не отказался. А нужно бы было, если «по понятиям». Ну и? Что дело опасное — никто не спорит, поэтому идею посоветоваться с друзьями вполне приветствую. Но вот чтобы ты мне свои правила диктовал — это уволь, Борис Иванович. Не говоря обо всём прочем, я и званием тебя постарше, и по дру-

гим параметрам. Это так, к слову, чтобы недоразумений впредь не возникало. Надо будет мне отсюда выйти — выйду. Позвонить — позвоню. Насчёт мер безопасности сам думай. Вот как раз сейчас и выйдем с Людой, тоже позвонить. У меня секретов куда больше. А ты пока перекусывай и в окно поглядывай, мы вон там, под навесиком устроимся. В поле зрения...

— Да, кстати, Борис Иванович, а мои напарники, Эдик с Гришей, на встрече будут? — с подкупающей наивностью спросила Вяземская. — Они-то меня в *общем деле* видели, неужто вы и им не доверяете?

— Может, и будут... Там уже не я решаю, — постарался не уступить консьерж. — Кстати, Петрович, ты, помнится, майором назывался, а сейчас... Случайно сорвалось или как?

— Случайно только школьницы залетают, — при этих словах Вяземская демонстративно поморщилась, но промолчала. — А мне чего ради было откровенничать? Теперь — другое дело. На, смотри...

Он протянул майору удостоверение полковника ГРУ и заодно ещё одну книжечку. Борис Иванович заглянул, присвистнул тихонько.

Неслабо, конечно — Герой России Ляхов Вадим Петрович, все печати и подписи на месте. Фёст не считал, что уподобляется тем, кто купленные в известных местах чины и ордена носит. Он сделал ровно то же, что Секонд, и с Александром Ивановичем, куратором, условлено было, что они, аналогично, в одной пропорции беды и заслуги делят. А если нынешняя власть не в курсе, так не её, *этой власти*, забота. Как тогда на перевале *гругой*, в этом мире не выживший Тарханов пел: «Россия нас не

балует ни славой, ни рублём, но мы — её последние солдаты...»

— Совсем здорово. Уважаю, — сказал консьерж. — И за что?

— По совокупности, — не стал распространяться Фёст, хотя майор, по идее, мог и даже должен был бы слышать про их не такой давний бой в ливанских горах. Но раз не вспомнил, и фамилия ему ничего не сказала — так тому и быть.

— Сейчас по-прежнему на службе?

— Нет, я же сказал. Действующий резерв. На такой вот, как сегодня, случай.

— Хорошо, хорошо, — повторил майор, и видно было, что мысли его приобрели несколько другое направление. — Но съездить всё равно придётся...

— Так мы разве против?

Во внутреннем дворике, откуда были видны окна квартиры, Вадим с Людой присели за столик под черепичным навесом, закурили.

— Ты чего-то опасаясь? — спросила Вяземская. — Чего?

— Не так, чтобы очень, но всё равно. «Время вывихнуло сустав». Кто сказал? Гамлет. У нас — аналогично. Вполне может просто для убедительности какая-нибудь *демонстрация силы* понадобится. Никто никого пугать не собирается, я так думаю, но очень Борис Иванович (или кто постарше) беспокоится, не развожу ли я его. Вполне естественное чувство. В таких-то обстоятельствах. Я не знаю, кто и что ему по телефону сказал, но *кто-то* у них уже в курсе происходящего. Теперь его друзьям нужно понять, как всё обстоит на самом деле, вмешиваться или нет, стоит ли игра свеч, а выигрыш — голов. И — за кого меня держать. Это тоже существенный

момент. За чужой стол со своими раскладами не садятся... Вон официант в углу скучает, пива ему закажи, чего зря сидим, спросит скоро.

Вадим достал обычный сотовый телефон, к блок-универсалу прибегать пока необходимости не было. Набрал городской номер, но с совсем не московским количеством и сочетанием цифр. Из одной реальности в другую через внутриквартирный межвременной коммутатор. Такую связь здесь ещё Лихарев в двадцатые годы наладил. На третьем звонке трубку взяла Герта.

— Как там у вас? Гости не скучают?

— Ничуть. Сидят в гостиной, очень много курят, спорят... Журналист с Воловичем чуть не подрались. А у вас что-то случилось?

— Ничего экстраординарного. Тоже сидим, пиво пьем. Набери по городскому Секонда, скажи — «Форос пошёл». Пусть срочно, буквально «аллур три креста»¹, поднимает в ружьё два отделения из вашего взвода, он знает какие. Может и сам их привести, если развеяться есть настроение и обстановка позволяет. Я бы одобрил. Форма одежды девчат — штатская, разнообразная, прогулочно-походная. Снаряжение — для скрытных боевых действий в городе этой ночью. Большой войны не предполагается, но так, патронов по триста на ствол, по несколько гранат и спецсредства пусть прихватят. На всё — полчаса, край — сорок минут. Когда придут, пойдёшь с ними, если хочешь. Я ж без тебя никуда, сама знаешь, — вроде как пошу-

¹ В XIX веке и раньше, когда большинство солдат было неграмотно, ординарцу или вестовому вручался пакет, на котором рисовались крупные кресты, означающие экстренность доставки. «Три креста» — значит, гнать коня изо всех сил, гаплом или карьером, не считаясь с риском, как можно быстрее и любой ценой.

тил Фёст, но на самом деле Герта ему здесь была гораздо нужнее, чем для присмотра за Мятлевым.

— Мы вас «У Гиляя» ждём, можешь в окно взглянуть. Для присмотра за гостем... оставь кого-нибудь поддипломатичнее...

Эти слова баронесса приняла скорее за похвалу, чем за упрёк.

— Ясно кого. Скажу Секонду, пусть Яланскую из второго взвода возьмёт. В рядовые ей уже не почину, а «старшей по гарнизону» — как раз. При таких гостях! Да ты и сам бы её назначил, я помню, очень ты её хвалил после очередных «зачётов», — не задумываясь, ответила Герта, давно уже говорившая Вадиму с глазу на глаз на «ты». Ляховы вообще не любили чопорности и официальщины, употребляли это самое простонародное «ты» при каждом допуске широко толкуемыми правилами этикета случае.

— Это правильно, молодец. И местная, и в таких сферах вращалась... — Он действительно помнил названную барышню. Ничего удивительного, одна из самых симпатичных в роте, не считая валькирий, естественно. У неё кто-то из близких родственников в высоких чинах состоял, и сама она, высокая, темноволосая, с подчёркнуто стройной фигурой, Галиной её зовут, до поступления на нынешнюю службу весьма на балах блистала, а одновременно на всевозможных соревнованиях по «офицерскому пятиборью»¹ первые призы брала. И до поры две эти её жизни почти не пересекались. Пока Секонд не начал девичью роту «печенегов» формировать.

¹ «Офицерское пятиборье» — почти то же, что у нас называется «современным». Включает стипль-чез, стрельбу (из винтовки на 100 м и пистолета на 25 м), фехтование на саблях, плавание, бег на 3 км.

— А ты, командир, не боишься, что Яланская под шумок Президента вашего соблазнит? Она, кстати, легко сможет. И что тогда?

От того, что предстояло очередное *дело*, настроение у валькирии поднялось, она даже принялась язвить и острить.

— Это будет их совершенно личное дело. Лишь бы в рамках устава караульной и гарнизонной службы. Проинструктируй от моего имени. И Леонида своего не вздумай сюда брать, как бы не нарывался. Он хоть и местный, но сейчас ему тут совершенно нечего делать.

— Слушаюсь, господин полковник. Мне бы больше понравилось, если б Волович за ней приударил, — вдруг хихикнула Витгефт.

— Жестоко. С её открытой натурой Галина может не просечь, что в нашем мире он просто хам разъевшийся, а не *звезда*... Ладно, хватит шуточек. А то много себе начала позволять, *спасительница*...

Это у них тоже была как бы игра для двоих. Взаимной любви на почве этого самого спасения не вышло, но взамен Герта завоевала права как бы младшей сестрёнки, которой многое позволяется, несмотря на её моментами очень откровенное ехидство. И у баронессы хватало ума никому, за исключением Вяземской, такой тип отношений не демонстрировать. Людка не ревнивая, точнее, настолько уверена в себе, что соперниц не боится. Мол, или он её выберет в жены, или так до смерти в холостяках проходит. Знает она, видишь ли! Эти слова Вяземской Герта, между прочим, Вадиму дословно пересказала, да ещё и со своими комментариями. В силу тех же отношений.

— Не беспокойтесь, господин полковник. Ни за Воловича, ни за остальных. Как примет, так и сдаст,

по описи. Остальное тоже будет исполнено в точности. Через вахту как прикажете проходить?

— Обычным образом. Впрочем, я встречу. Будешь готова — одним импульсом просигналь Людмиле на блок. Без звука. А я с улицы световым сигналом отвечу. Тогда стойте у двери и ждите.

— Есть!

Сразу после Московского путча, имевшего целью не допустить воцарение Олега и подавленного только с помощью белых офицеров Югославии, Фёст с Секондом, да и Тарханов, впечатлённый агрессией чеченских и бандеровских боевиков из *парамели*, согласились, что им крайне необходимы собственные подразделения, способные работать в другой России, Москве прежде всего. Что-то вроде «городских партизан», в стиле шестидесятых годов, группы Баадера — Майнгоф¹ с их «Красной Армией». Там, кстати, процент женщин-террористок был весьма высок, как и во многих других радикальных движениях. А в Россиях, что одной, что другой, таких экстравагантных «любительниц странного» не счесть. От изысканных Засулич и Перовской до отворотительных Каплан и Землячки. А всякие атаманы Маруськи? И так далее.

Тогда и родилась идея укомплектовать хотя бы одно подразделение по «половому признаку». Ведь для подавляющего большинства населения женщи-

¹ Баадер Андреас, Майнгоф Ульрика — организаторы левацкой «Фракции Красной Армии», террористической организации, ставившей целью «свержение капитализма в Западной Европе». Действовала в ФРГ и Западном Берлине в 1970—1972 гг. После ареста организаторов «РАФ — Роте армее фракцион» прекратила свою деятельность. Баадер и Майнгоф умерли в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

ны по-прежнему не выглядят источником опасности, кроме разве мусульманских шахидок. А раз так, то и на государственной службе, по другую сторону баррикады, «дамский спецназ» имеет целый букет технических и психологических преимуществ. Некоторое количество девушек и молодых женщин окажутся куда эффективнее мужских групп. На них если и будут смотреть, то с понятными мыслями и чувствами, почти любые их ошибки поведения, вызванные недостаточным знанием местной специфики, *проскочат* куда легче, чем у крепких парней «призывного возраста». А каковы они в бою — на собственном опыте знает почти каждый женатый мужик, имевший несчастье навлечь *серьёзный* гнев своей «благоверной».

Чекменёв, а за ним и Император согласились с этим предложением и первое же боевое использование валькирий, как девушек сразу же начали называть с лёгкой руки Фёста, доказало их высокую эффективность. Достаточно сказать, что им обязаны жизнью и сам Чекменёв, и Ибрагим Катранджи, лидер «Чёрного интернационала». После этого первый взвод был развёрнут в полноценную роту численностью сто двадцать человек, и Секонд с Тархановым подумывали о создании ещё трёх. Претенденток хватало, хотя требования к ним превышали таковые в самых элитных подразделениях любого спецназа мира.

За истекший год семёрка валькирий и ещё три отделения их подруг, всего сорок человек, прошли дополнительную, весьма солидную и крайне секретную подготовку для *зафронтowej разведки*, проще говоря — работы в параллельной реальности. Девушки наизусть запоминали все отличия в политическом устройстве, перемены в городской и подмосковной топографии и топонимике, номе-

ра практически всех автобусных, троллейбусных и трамвайных маршрутов. Практиковались в вождении машин по московским улицам, метро знали так, словно по несколько лет проработали в тамошней службе безопасности движения. Знали, что почём в магазинах, как разговаривать с обычными гражданами, представителями органов власти и криминалитетом. Научились не ошибаться в границах приемлемого насилия при самозащите, умели прикинуться хоть девушками из консерватории, хоть «ночными бабочками», интуристовскими и даже «плечевыми».

Впрочем, по мере того, как события путча отодвигались в прошлое, подёргивались, так сказать, патиной прошлого, руководство к «девичьему межвременному спецназу» охладело, и все заботы и прелести командования этим «патрулем времени», как называл спецвзвод Фёст, легли на его и на Валерия Уварова плечи. И дело не только в личной заинтересованности. Отважный граф, сам проявивший героизм при спасении Императора, а потом и руководивший одесской операцией, верил в своих «девочек» безоговорочно и не сомневался — придёт время, и они себя так покажут...

Зачёты по «спецподготовке» принимал сам Фёст, и ни одна курсантка не провалила главного испытания — прожить в Москве РФ неделю без денег и документов и вернуться на базу целой и невредимой. «Разборы полётов» потом, конечно, были, но в основном для корректировки допущенных ошибок «нефатального» характера и «обмена передовым опытом».

Особо эта работа активизировалась, когда пошёл в разработку «Мальтийский крест». Тут каждый из причастных сообразил, что кадров сначала нелегальной, а дальше видно будет, работы потре-

буется много. И соответствующие службы над этим работали.

Вот сейчас и пришло время. Фёст решил для прикрытия своих контактов с новыми союзниками (если они, конечно, пойдут на союз) использовать только два отделения, как бы «головной дозор». А остальная рота вместе со всей бригадой «печенегов» пойдут следом.

Фёст с Людмилой вернулись в зал. Майор безмятежно ужинал, довольный, что ещё пару тысяч рублей может сэкономить. Даже с учётом чаевых не сильно пошикуешь на зарплату охранника и офицерскую пенсию. После знакомства с Фёстом полегче стало, но всё равно. Вот он и заказывал от души, и выпивал не абы что, а «премиумную» водку.

Снова увидев «жильца с племянницей», вскинулся, но Фёст его успокоил:

— Не спеши, не спеши, Иваныч. Я так понимаю, неплохо бы темноты подождать, а то по свету я не очень люблю. Хрен знает, может мы тут с десяти точек обложены, и как поедem — нас двадцать машин поведут...

— Сомнительно, но, в общем, верно. По сумеркам лучше начинать. Тогда давай, присоединяйся. Я давно хочу с Людочкой выпить. Очень мне интересно, сколько ей, в натуре, лет и где служила...

— Девятнадцать, дядя Боря, девятнадцать, всё остальное макияж. И кроме средней школы ничего не заканчивала...

— Ну да, средней спецшколы для детей с задержками развития...

Вяземская вежливо улыбнулась. Не поняла юмора, наверное. Кое-какие моменты в русском языке сами по себе, без контекста, звучат непонятно, тем более иностранцам или русским, но с другим жизненным опытом.

— А выпить мы в любом случае можем, дядя не запрещает, я уже взрослая, даже замуж собралась, — и короткий выстрел взглядом в сторону «жениха» из-под взмаха ресниц: среагирует, или как?

— Не рановато ли? — приподнял бровь консьерж, и не совсем понятно было, что он имеет в виду, выпивку или замужество. — Но — дяде виднее...

Час пролетел незаметно в разговорах как бы нейтральных, в том смысле, что касались они общей обстановки в стране, а не конкретно предстоящей *встречи*.

Потом наконец Вяземская толкнула Ляхова ногой под столом. Он кивнул.

— Ладно, Людок, ты здесь ещё посиди. Чужие парни приставать начнут — вежливо отшивай, «без шума и пыли», как Папанов в кино говорил. А мы с Борисом Ивановичем отлучимся на короткое время, — сказал Фёст, вставая. Майор пошёл за ним к выходу из дворика.

— Что у тебя?

— Так, дельце одно, вспомнил вдруг, — ответил Вадим, закуривая и одновременно условными тремя вспышками зажигалки подтверждая Герте или кто там сейчас смотрит в окно, что всё идёт по плану и что он начинает действовать.

— У тебя на вахте один помощник сейчас? — спросил он майора.

— Один, а зачем больше?

— Да вроде и незачем. Ты вот что, дай ему сейчас денежку, — Фёст протянул стодолларовую бумажку, — пусть до обменника с хорошим курсом пробежится. Ну и прикупит чего-нибудь вам перекусить для пересменки. Ты ж его обедать-ужинать в кабак не отпускаешь?

— Точно, — консьерж всё больше напрягался, не в состоянии уловить ход мысли собеседника.

— Вот пусть не стесняется, возьмёт, что нравится. И не торопится особенно, минут тридцать у него есть. А сам давай, занимай его место, отключай видеорегистраторы и выходи ко мне снова. Минут на пять хотя бы...

— Зачем это вдруг?

— Квартиры я соседние собрался грабить, неясно, что ли? Удивляешь ты меня, командир. Ладно, скажу доступнее — в течение этих пяти минут в подъезд войдут или из него выйдут несколько человек. Мне сейчас не нужно, чтобы их видел даже ты, не говоря о тех, кому записи на проверку сдаёшь...

— Слушай, как-то не по делу всё это. Темнишь?

— Как раз сейчас истинную правду говорю. Мы ж на войне, и неизвестно, доживём до утра или... Чего тут неясного — я не хочу, чтобы именно сейчас кто-то видел моих гостей и смог их пересчитать, — почти по слогам ответил Фёст. — Теперь доходчиво? У тебя свои секреты, у меня свои. Вот, даст бог, разберёмся сегодня окончательно — на что я надеюсь, — тогда и взаимных тайн поменьше станет. А то ведь не ты один головой рискуешь, я — в гораздо большей степени...

— Пусть так. Но как же я регистратор выключу, сразу же на записи дырка по времени выйдет...

— Если у вас так всё сурово, сделаем по-другому. Иди с племянницей ещё по одной выпей, а я просто предохранители в коробке на лестнице перемкну. Ты прибежишь не раньше, чем через десять минут, как свет в окнах погаснет, и вызовешь аварийку электросетей. Приедут, починят, вызов в журнал запишут, и ты тоже, в свой. Вот тебе и алиби. Годится? А если жильцы нервные раньше начнут тебе на вахту звонить, я отвечу.

— Ну, если так надо... — с сомнением протянул майор. А куда деваться. Что там за разговор будет, в том месте, куда он *беспокойного жильца* везти собрался, время покажет, а деньги-то он уже взял. Хотя бы в этих пределах нужно пожелания *клиента*, а то и будущего начальника, исполнять. Тем более продумано всё отчётливо. Другое дело, что страшно хотелось ему посмотреть, что ж там за гости такие? Раньше, за весь прошлый год и почти весь этот, сколько раз Вадим Петрович людей к себе водил, и обычных *девок*, без всякой маскировки под *школьниц-племянниц*, и мужиков серьёзных. Сейчас что-то изменилось? Стоит подумать. Да, к чёрту, о чём тут думать? Что нужно — скажут, чего не положено — всё равно не узнаешь, а неприятностей огрести можно...

— Так я пошёл?

— Само собой. Парня отошли и — к «Дяде Гиляю». Через три минуты после твоего ухода я вырубаю свет, значит, через двенадцать будь на месте. Как раз то время, чтобы опытный привратник убедился, что самому не справиться, и вызвал аварийку. И всех делов...

Фёст сделал, что планировал, и бегом взлетел на свой этаж, подсвечивая под ноги фонариком из блок-универсала. Сумерки были уже очень густыми, да и сколько там остаточного света проходило через темноватые даже в солнечный день витражи? Герта ждала на пороге.

— Быстренько выводите людей, пять минут у вас, рассредоточьтесь вдоль переулка и ждите. А мне ещё инструктаж провести...

Впрочем, с этим можно и не торопиться, в положенное время майор заступит на пост и ста-

нет ждать электриков, потом разбираться с ними. В лучшем случае в полчаса едва уложатся.

Первым из двери вышел Секонд, за ним, цепочкой, тринадцать девиц из взвода Вельяминовой. Плохо, самой командирши нет, ну ничего — полковник Ляхов её как-нибудь заменит, авторитета у него хватит, чтобы этих опасно-безобидных на вид пантер в руках держать. Фёст бы с ними точно справился, он для барышень авторитет непререкаемый, только сегодня ему некогда. Секонд — старший воинский начальник, а Герта — за взводную.

Кстати сказать, если б её вместо Анастасии на этот пост назначить — барышни бы взвыли. Та ещё штучка. Не зря в министерши госбезопасности всей РФ метит. На равных с самим Чекменёвым желает стать. А что, у неё получится. Екатерина Вторая тоже совсем сопливой девчонкой из своих Ангальт-Цербстов в Россию приехала, в пятнадцать лет, в цесаревны наниматься, а потом быстренько в обстановке разобралась и всех «буквой Зю» поставила. Генералов, царедворцев, князей-Рюриковичей, русаков исконных, а муженька вообще того... В пресс-релизе написали — «Государь Пётр Фёдорович июля шестого дня сего тысяча семьсот шестьдесят второго года скончался в Ропше от геморроидальной колики, усугубленной употреблением алкоголя...». Просто и мило. Могли бы завтра и про Президента нашего что-то в этом роде написать.

Герта вышла последней, одетая подходяще почти на любой случай. Джинсы, такая же курточка, обтягивающая тёмная водолазка. И не заметишь, что под ней бронекорсет. На ногах лёгкие кеды, рюкзачок за плечами, волосы в «конский хвост» собраны. Сейчас две трети её ровесниц из самых разных социальных групп так ходят, если не в ноч-

ной клуб, конечно. С ней — поручик Яланская, действительно видная, словно с парадных портретов начала XIX века, девушка лет двадцати пяти. Эта, предупреждённая, что работа ей предстоит «гарнизонная», да ещё и по «присмотру» за гражданскими мужчинами, оделась, что называется, «на грани» — вроде всё пристойно, но всё слегка «чуть-чуть». Юбка совсем немного, но покороче общепринятой длины, ткань типа «мокрый шёлк» облегает рельеф крайне выразительно, вырез на груди совсем немного поглубже. Золотистые чулки со швом тоже кое-что подчёркивают. В Москве Фёста она бы особого внимания не привлекла, здесь и не такое видали, свобода нравов, что вы хотите, а у себя барышня смотрелась такой суфражисткой, что в XIX веке в обществе в брюках появлялись. В её России правила приличия были примерно как для голливудских фильмов конца сороковых годов: платье ветер не имеет права поднять выше, чем на ладонь от колен, если случайно мелькнёт застёжка чулка — уже почти фурор, никаких купальников-бикини, только глухие, поцелуй в кадре максимум две секунды. Зато в таком наряде никто не подумает, что девушка почти три года откомандовала взводом «очень специального назначения» и ждёт назначения на роту или, в крайнем случае, *очень удачного* замужества.

Вообще, подумал Фёст, девушки «местных» взводов и отделений, хотя и отличались от валькирий (если тех и других рядом поставить), были тоже весьма своеобразны. Сильно сексапильных красавиц, как бы случайно затесавшихся в их ряды, вроде, допустим, Глазуновой или Темниковой, среди них было немного, но зато все в пределах среднестатистической симпатичности и миловидности. Если б не служба, в девках бы не засиделись. Но

всё же, даже компанией появляясь на улицах, особенно в штатском, приступов оторопи у прохожих мужиков и парней не вызывали. Фёсту они напоминали девчат, которые в его молодые годы серьёзно занимались спортом, ходили в турпоходы, гоняли на мотоциклах. Типаж «свой парень», одним словом.

Вадим быстренько изложил поручице индивидуальный боевой приказ: тщательно оберегать «квартирантов». На улицу не выпускать, на эту половину квартиры доступ воспретить, кормить и поить неограниченно, скандалов и членовредительства между представителями разных политических взглядов не допускать. На все вопросы, кроме личных и общеобразовательного характера, отвечать: «Не могу знать, вот скоро господин полковник вернётся, он всё скажет». В случае необходимости разрешается обращаться напрямую, не по команде, лично к полковнику Неверову. Прямой телефон такой-то.

Яланская подтвердила, что приказ поняла, улыбнулась на прощание, одновременно «сделав глазки». Девушки-«печенежки» отчего-то все при встречах улыбались Фёсту, умело отличая его от Секонда. С разной степенью радости и даже обожания в глазах улыбались, но — все. Наверное, рассказы валькирий о совместной битве на генеральской даче их очень впечатлили, или так выражали своё одобрение тому, что выбрал в невесты одну из них, а не совсем постороннюю даму, как их, *настоящий* Ляхов.

Дверь закрылась, снова отсекая от Вадима мир спокойной, почти нормальной жизни. Стало темно, только фонарик в руке освещал площадку и полмарша лестницы впереди.

По секундомеру у майора оставалось ещё двадцать секунд, и Фёст, отойдя чуть в сторонку, по-

наблюдал, как появился Борис Иванович, настороженно озираясь, будто надеялся всё же увидеть то, что от него хотел скрыть «жилец».

Ну, пусть теперь ждёт электриков, это ещё минута на сорок, в лучшем случае. Сам починил бы свет гораздо быстрее, но нужно документальное подтверждение причины отключения видеокамер. Фёст понимал, что такая перестраховка едва ли имеет смысл, но кто его знает? Сорвётся что-нибудь, и «новая власть» первым делом займётся политическим сыском. А эта квартира давно на примете, и у самых разных категорий граждан — от блатных авторитетов до МГБ, сталинского НКВД, милиции и иностранных разведок минимум трёх реальностей.

Вадим повернулся и фланирующей походкой двинулся в сторону Петровки. Первый подошёл к Герте, под ручку с Секондом рассматривающую выставленные в витрине меховые изделия.

— Значит, так, баронесса, идите вон в то заведение, садитесь с кавалером на веранде и ждите. А, чёрт, не выходит, — вдруг чуть было не хлопнул он себя ладонью по лбу. — Придётся мне подзадержаться, ещё кое-куда наведаться. А вы, главное, перед майором не светитесь. Пока его нет, подойдите к Людмиле, скажите — не замечай. Держись с этими девушками, причём — вторым планом. Временно поступаешь под команду своего полковника Ляхова. Когда этот приказ будет отменён — сама поймёшь. Тест на сообразительность. Людмиле по блоку, текстом передай — если майор про меня спросит, пусть ответит, что сигарет пошёл в магазин на Дмитровке купить. Здесь в баре по вкусу не нашёл. И точка.

— А что это ты Герте поручения раздаёшь, а меня как и не видишь? — удивился Секонд.

— На реверансы времени нет. Ей сказал, сейчас с тобой определяться будем...

— Что ты ещё придумал? — осведомился он, когда Герта скрылась в калитке ресторана. — Вроде не так планировали...

— Обстоятельства имеют свойство меняться. Нас на какую-то довольно странную встречу пригласили. Похоже, там и решится, будет у нас квалифицированная помощь или, наоборот, где-нибудь в брошенном котловане и прикопают.

— Прямо так? И кто?

— Да консьерж мой, майор Борис. Сперва помогать согласился, а потом, похоже, начал просекать масштабы — и забеспокоился. Я его понимаю.

— Что и входит в твои прямые обязанности. От нас сейчас чего хочешь?

— Сейчас изложу. Пошли, чего стоять, посмотрю, кого ты привёл...

Полувзвод Секонда, как и было приказано, сосредоточился по обеим сторонам переулка от церквушки на пересечении с Петровкой до угла Дмитриевки. Кто из девиц по одной — по двое просто прогуливались, кто у магазинных витрин о чём-то спорил. Ранее упоминавшиеся поручицы Глазунова и Темникова, которых он в роте выделял не только по внешности, но и по боевому опыту, как бы прикрывали фланги, контролируя противоположные входы в переулок.

Сейчас Фёста разобрал смех. Прямо сцена из итальянского кино эпохи неореализма — близнецы-сутенёры своих курочек вывели по рабочим местам распределять. Он сам ещё ничего, а вот Секонд с усами шнурочком и небольшой бород-

кой-буланже — вылитый Педро Зурита в исполнении Михаила Козакова¹.

Заложив руки за спину, они пошли вдоль нечётной стороны переулка. Нет, сказать нечего, за отведённое время девчата сумели вполне попасть в тему. Одни нарядились «под Герту», другие «под Яланскую», но с достаточными, вполне существенными отличиями. Внимания не привлекут, как кагэбэшники 70-х годов, которым штатские костюмы шил один и тот же мастер в служебном ателье, причём всем из одной и той же «штуки» в принципе стильной «шерсти с лавсаном». Ну а чего ж? Модные журналы *отсюда* кому положено получают, учебные и художественные фильмы смотрят. Если уж консультант, отставной капитан, а ныне *резидент-инструктор* Ляхов-Фёст за что берётся, так делает это основательно, так как смысл и пользу *дела* понимает. Без оглядки на начальственное мнение. Отчего вряд ли он в своей *эрэфии*, оставшись служить, даже через майорский рубеж перебрался бы. А вот *на той стороне* его охотно признают полковником и в вопросах подготовки личного состава для работы в своей реальности дан ему *чистый* карт-бланш.

У тех девчат, кто по-походному одет, оружие или под куртками, или в модных здесь рюкзачках. А точнее — и там, и там. Те, кто в платьях, плащах — у тех понятно, где, и ещё в хозяйственных и дамских сумочках. Он прикинул их вес. Надо девочкам тесных контактов с прохожими избегать, а то вид — видом, а инерция у этих сумочек соответствует реальной массе. Вполне может с ног хилого «менагера» или старушку снести при неловком со-

¹ См. к/ф «Человек-амфибия», 1961 г.

прикосновении в уличном потоке или на эскалаторе метро.

Одна — совсем молодец, этакая из себя вся богемная девица, в очках даже, с футляром от скрипки-альта явилась, а в него свободно «ПКМ» помещается с боекомплектом и кое-что ещё сверх того.

Да, всё хорошо, только в зонах спецконтроля девушкам нельзя появляться, а по теперешней ситуации любое место такой зоной оказаться может. Хоть прямо у выхода из переулка на Тверскую.

Он дошёл до обеспечивающей левый фланг (у Дмитровки) поручика Темниковой.

— Привет, Ариша, — улыбнулся он ей, будто случайно хорошую знакомую встретил. — Меня Вадик зовут, не забыла? — Это он, поскольку давно с девушками её взвода не встречался, напомнил, как их «в миру» называть следует. — А брата моего — Петя. Не перепутай. Документы хорошие у всех есть?

— Ну, я не знаю, все, что вы сделали для таких выходов. Паспорт здешний, в Бирюлёво прописанный, бумага с ИНН, страховая карточка, удостоверение водителя, права в смысле, — поправилась она. — Что ещё нужно? Санитарной книжки нет, в ресторан или магазин устраиваться пока не собираюсь. «Визы» Сбербанковские, по двести тысяч на каждой... Наличность рублями, долларами и евро...

— Молодец, нормально. Только — на будущее, нельзя, чтобы на карточках у всех одинаковые суммы были. Сколько людей на такой мелочовке сторе́ло. Но именно сегодня — несущественно. Давай пройдишь до того угла и веди девчат, по одной, по двое, в этот вот трактир. Там уже Вяземская и Герта. Вы с ними незнакомы. Рассаживай своих за столики во дворе, будто вы на экскурсию в Москву приехали, из Костромы, допустим, и здесь у вас

очередной объект осмотра и заодно питательный пункт. Доведёшь и вернёшься. Попутно Полину к нам направь. Мы с полковником на той стороне, возле пивного бара будем.

Подошла Глазунова, для забавы одетая чересчур вызывающе — высокие, по последней моде, сапоги на низких каблуках, под вид офицерских, чёрные чулки-сетки, чёрное обтягивающее платье а-ля Коко Шанель, сильно выше колен. Сверху расстёгнутый белый плащ с поднятым воротником, распущенные тёмные волосы. Только лицо и глаза выбивались из стиля. Развратности совсем не чувствуется, одна сплошная ирония, и взгляд слишком умный и внимательный. Ну да не беда. Может, она «в нерабочее время» в МГУ философию преподаёт.

— У тебя, Полина, права тоже с собой? — спросил он Глазунову, одобрительно ей подмигнув.

— У всех полные комплекты, я проверила, «регистрация» в порядке, московская, то есть прямо так сразу не загребут. И денег достаточно, чтобы скромным блядюшкам от ментов отмазаться... Чтоб под юбку не лезли и «субботник» не устраивали...

— Ну, молодец, в стилистику вписалась. Хотя не пойму, в чём *сверхзадача* и *зерно образа*¹.

— Всё вы понимаете, Вадим Петрович. У вас у самого, когда на меня посмотрели, где-то там ёкнуло. Физиология, ничего личного. Вот пока «ёкает», я с клиентом что захочу, то и сделаю... Проведено.

— Тогда пошли...

Всего одним кварталом выше, не доходя до Страстного бульвара, в старинном многоэтажном доме с обширным внутренним двором (тут, кста-

¹ Термины из книги Станиславского «Работа актёра над ролью».

ти, совсем рядом помещалась старая квартира с мастерской, принадлежавшая Берестину, где, собственно, и начался непосредственно данный виток истории¹⁾ находилась фирма по прокату автомобилей, обслуживавшая только солидных клиентов.

Фёст перекинулся несколькими словами с знакомым помощником управляющего и попросил подобрать немедленно четыре машины, не очень дорогие, но проходимые, чтобы хорошей компанией отправиться в дикие места, вёрст за сто-двести от Москвы.

— Сам понимаешь, в мой «Пассат» всех не помещу, а гости издалека нагрянули, без колёс...

— Сможем и водителей квалифицированных предложить, есть такая услуга.

— Водителей своих хватит. Квалифицированных и непьющих, — он указал рукой на Глазунову. У менеджера глаза на лоб не полезли, но удивление на лице отразилось.

— Ты ещё поудивляйся, а Полина, кстати, мастер спорта по ралли. И в «Кэмел-трофи» участвовала... Просто у неё манеры экстравагантные. Так что давай, пойдём технику выбирать...

Для пятнадцати человек подобрали четыре почти одинаковых, совсем новых пикапа «Тойота Самшит», пятиместная кабина плюс довольно ёмкий кузов. Не совсем вездеход, но близко к этому. Движок 380 лошадей, а расход солярки куда меньше, чем у БТРа.

— Смотрите, Вадим Петрович, машины в каком состоянии. Только получили. Вы первые клиенты. Придётся залог внести, не считая арендной платы. На сутки, на трое?

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку. Гамбит бубновой дамы».

— Давай на трое, — сказал Фёст, а сам подумал: «Знал бы ты, парень, что тут завтра может начаться... Бизнесу вашему точно кранты, а мы с машинами будем, по всем правилам оформленными и, на верное, незасвеченными».

— Полина, позвони кому-нибудь, пусть подбежит, четвёртый водитель нужен, — распорядился Секонд.

Посмотрев прайс-лист, Фёст тяжело вздохнул, скорее «для порядка», ведь известно, что «если вы спрашиваете, сколько это стоит, значит, оно вам не по карману».

— Рубли, баксы, еврики? — осведомился он.

— За прокат рублями, сейчас иначе нельзя, а залог лучше бы баксами...

— Как скажешь. Пиши акт...

Обошёл машины, заглянул под капоты, словно бы контролируя, не собираются ли ему потом счётчик за прежние дефекты подкинуть. Да вроде порядок, ничего в глаза бросающегося. Впрочем, на фирме господина Ляхова знали, едва ли рискнули бы связываться, «куклу» подсовывать.

Как раз не подбежала, конечно, но подошла быстрым шагом подпоручик Амелина, девушка из второго взвода, в противовес хулиганке Глазуновой, вся из себя абсолютно положительная, на первый взгляд, конечно.

Выехали, почти тут же и припарковались, рядом с пивной «Ладья». Отчего-то сегодня движение по городу чуть не вдвое поредело против обычного. Неужто народ спинным мозгом чувствует предгрозовую атмосферу? Хорошо, если так.

Вышли на тротуар, Глазунова тронула Фёста за рукав.

— А правда хороши машинки? Я там рот не разевала, чтобы деревенщиной не выглядеть, а сейчас

смотрю и радуюсь. У нас таких нет. Вот бы не возвращать. Как?

Она коснулась крыла той, на которой выехала. А и вправду хороша, цвета тёмно-зелёного, как раз к названию, да ещё и с перламутром. Гробина, конечно, здоровая, зачем такая симпатичной девушке? Ну, просто девушке, может, и не очень, а поручику спецназа пойдёт. Только с кабиной конструкторы чего-то перемудрили, задние дверцы открываются только при открытых передних. Не здорово. Правда, на «Тундрах» это азиатское недомыслие исправили, но тех в наличии не оказалось.

— Бандитская у тебя натура, *Полинька*. Точнее, мародёрская...

Девушка довольно хихикнула. Вот, удостоилась личной оценки, явно её из других выделяет таинственный полковник. Жаль, в постель он её точно не пригласит, тут картина ясная. Людка в него — мёртвой хваткой, но в других-то случаях быть на примете у *такого* начальника не помешает. Очень умные девушки собрались в отряде усилиями Фёста и Секонда, при помощи Максима Бубнова, и за полтора года службы стали ещё умнее. Ляховы, как могли, передавали им уроки Шульгина. Любую можно без защиты в доктора психологии выдвигать.

— Да ты не расстраивайся, — Вадим как-то интимнее, чем обычно, коснулся её плеча. — Посмотрим, куда кривая повернёт. Может, и оставишь себе на память. А если всё как надо пройдёт, всем желающим такие купим...

— Ну-у, всем, — разочарованно протянула баришня, изобразив обиженное лицо. А сама подумала: «Что-то разнежничался Вадим Петрович, видно, снова лихое дело предстоит».

— Ладно, не всем. Тебе эту, другим — другие. Вроде такой. — Он указал на прошмыгнувшую мимо сиреневого цвета «Микру».

— О, им — в самый раз! — засмеялась Глазунова, с лёгким презрением проводив взглядом подобию «божьей коровки».

И ведь не шутил полковник, получится с «Крестом» — каждая сможет жить в этой Москве и кататься, на чём заблагорассудится. Хоть на пикапе, хоть на «Бентли». Тогда у «причастных» возможности будут, как у елизаветинских «лейб-кампанцев».

Не слишком спеша, две, на неискушённый взгляд, семейные или просто пары свернули в Столешников.

— Задача у вас простая, — говорил Фёст на ходу Секонду и обеим девушкам, самоопределившимся в роли водительниц, настраивая, в случае чего, командовать своими пассажирками в автономном режиме. У них для мгновенной связи «портсигаров» не было, только обычные здесь мобильники. — Нас с Вяземской хозяин куда-то повезёт, предположительно — в сторону здешнего завода «ЗИЛ». Вы за нами. С тобой, шеф, — сказал он Секонду, — мы по блоку контактировать будем, но, на всякий случай, и ты слушай, — он вкратце объяснил, как проехать к Автозаводской с трёх наиболее вероятных направлений.

— Очень может быть, что нас с Людой майор вздумает на метро повезти. В оперативном смысле очень неглупо. Значит, тогда на выходе встретимся. Работать вам на пределе возможностей. И чтобы скрытно и как можно ближе к нам. Не стрелять ни в коем случае... Ну, почти ни в коем, если уж совсем кранты. Снайпера, скажем, заметите или целую толпу с автоматами. Да и то лучше б не до смерти. Люди сейчас нервные, что-то не так пой-

мут, руки распустият, а вы им — пулю в лоб. Не хорошо. Я вообще так планирую — доводите нас до места встречи, плотно его блокируете и ждёте сигнала. В идеале, я вас просто предъявляю самым эффективным образом, и дальше пойдёт деловой разговор...

А сейчас в кабак заходим поврозь, я к своим, вы со своими, ужинайте и развлекайтесь. К такой компании провинциальных девиц одиночки приставлять не будут. А если больше четырёх — тогда думайте. Смотрите, когда мы уходить соберёмся. Людмила в любом случае мимо вас в туалет заскочит, окончательные данные о маршруте передаст. Тогда отпускаете нас на полста шагов — и по машинам. За четвёртый руль Герта сядет. Чёрт, я не спросил, она с правами или без. Да ни хрена, менты тормознут — отмажешь, — это он уже лично Секонду сказал.

Да, у того эта возможность была. Документы — МГБ, службы собственной безопасности МВД, МЧС даже, а ещё прокурорские и мидовские. Даже второго секретаря американского посольства. Смотря с кем судьба сведёт.

А если совсем ничего из средств морального убеждения не поможет, изготовили, допустим, мятежники для своих какие-то спецпропуска или пароли, тогда — силовой вариант. Наверняка есть у них такие отморозки, что и маму родную пинком в автозак отправят. Что ж, если «настырных не по разуму» окажется меньше роты, шансы у них слабые.

Условленное время истекло, Борис Иванович допил и доел всё заказанное. Очевидно, текущие обстоятельства употребить примерно двести граммов ему не препятствовали. Но выглядел он вполне све-

★

жо. Ляховы в армии на такие «ресурсы человеческого организма» насмотрелись. Да что говорить, если у Фёста первый командир полка, тридцатипятилетний красавец мужчина, подполковник Гальцев, племянник, между прочим, начальника Управления кадров МО РФ, перед утренним разводом принимал «сто неразведённого» (а доктору три литра в месяц казённого спирта куда хочешь, туда и списывай) и совал за щёку две таблетки валидола, якобы запах отбить. И поговорка такая в войсках ходила: «Пить на службе можно, попадаться нельзя».

Вадиму сейчас в этом смысле было проще. Он выставил нужную функцию гомеостата на максимум, и теперь у него срок разложения спиртов и альдегидов до воды и углекислого газа составлял всего пятнадцать минут. Выпил стопарь, закусил помидором солёным, покурил — и снова чист, как младенец. Майор смотрел на него с уважением. Да и Вяземская почти не отставала, ей нынешний образ позволял. Отчего тридцатилетней женщине за компанию с мужчинами коньячку не выпить, за руль ведь не садиться. Главное — Бориса Ивановича это должно дополнительно успокоить: если люди спокойно *отдыхают* — значит, опасаться их не надо. Никакой серьёзный спецслужбист перед *настоящей работой* такого себе не позволит.

— Ну, пошли, что ли? — сказал наконец Борис Иванович.

— Пошли, — согласился Фёст. — У тебя машина далеко?

— Я без машины. На метро поедem.

— А смысл? — удивился Вадим. Пусть до любой из восьми ближайших станций десять-пятнадцать минут хода, но если вспомнить один старый фильм — «Улица полна неожиданностей», так за-

думаешься. И тут же его осенила совсем хорошая идея:

— Сейчас такси возьмём, докуда скажешь, или, ещё лучше — приличного бомбилу. На твоё усмотрение. Пробежимся с комфортом и без лишнего риска...

Людмила поняла.

— Идите, я загляну кой-куда. — И направилась к видимой с их места двери туалета. Опять же, лишний успокаивающий фактор, всё на глазах.

— Ну, давай перекурим напоследок. Люда твоя правильно сообразила — перед нервным делом очень неведно куда нужно сбегать, а то потом де-вушке с этим делом сложнее...

Фёст удивился, что майор затронул эту деликатную и в приличном обществе необсуждаемую тему. Сначала подумал, что так примитивно намекает на серьёзность происходящего, потом сообразил — это он так, на своём уровне, дал понять, что их игру просчитал. Не только по обычной необходимости племянница пошла, а звонить кому-то. Скорее всего — насчёт транспорта. Именно *подставу* обеспечивая.

Людмила вышла через точно рассчитанное время, машинально потряхивая недовысушенными электрополотенцем руками. Очень «по Станиславскому» жест.

Вышли в переулок, не стовариваясь, повернули влево, к Дмитровке. Майор, не искущённый в тонкостях спецпсихологии, не заметил, что шедшая правофланговой Вяземская точно выверенным микродвижением обозначила нужное ей направление, а дальше он уже сам уверенно пошёл, как туда и собирался. В принципе, это не играло никакой роли. Вздумай Борис Иванович поступить по-своему, с другой стороны, на Петровке, их тоже ждали.

Считая, что разбирается в подобных делах (на самом деле — в основном из книжек и фильмов), консьерж остановился на бордюре Дмитровки.

— Куда ещё идти, давай здесь ловить...

Майор демонстративно пропустил три или четыре пустые машины с шашечками и опять легко повёлся на уловку Вяземской. Она как бы невзначай, почти случайно, но выразительно (для чужой подкормки) взглянула на только что отъехавший от прокатного салона большой тёмно-серебристый пикап.

— О! Давай этот тормознём, — вдруг предложил майор, почти правильно предположив, что уж эта машина, только что из салона, *подставой* быть не может.

— Да брось. Такие, с понтами, пассажиров не берут, — отмахнулся Фёст.

— А спорим?! Он машину только взял, ему сейчас тест-драйв сделать охота, выпендриться, какая тачка, перед людьми нарисоваться. Да и денег, что заплатил, жалко. Я такую публику знаю. Хоть что отбить. Заломит, конечно, — выразительно посмотрел на Фёста. Заплатишь, мол?

— Тонко соображаешь, — хмыкнул Вадим. — Он, может, вообще на своей, а здесь стоял только...

Но майор подтолкнул локтем Людмилу, и она замахала рукой, когда Секонд, ехавший на этом «Самшите», был уже в нескольких метрах.

Неожиданно, подтверждая правоту майора (тот победно взглянул на скептика), «Тойота» притормозила.

Дальше пошла чисто Людмила игра. С отчётливым западноевропейским акцентом сообщила водителю, куда ей надо, и как она боится ночами передвигаться по этому большому и непонятному городу, и что, разумеется, джентльмен на такой со-

лидной и красивой машине никак не может оказаться «не джентльменом».

Она тараторила так убедительно, что Фёст с Борисом как бы вообще выпали из сюжета, их почти видно не стало. Хотя любой нормальный московский (то есть *пуганый*) человек сильно подумал бы, брать ночью девицу и двух крепких мужиков. Да ещё в довольно сомнительный район. Вот этого Борис Иванович, считающий себя специалистом, только вот беда — в другой области, не просёк. В морской пехоте, даже в бригадном разведбате, учат несколько другому.

Обладатель эффектного пикапа сразу согласился, тем более, как оказалось, ему почти по пути. Но запросил, для проверки, очевидно, внаглую — сто долларов. Майор хотел возмутиться, но Людмила молча кивнула и тут же достала из сумочки требуемую сумму, одной бумажкой. Сразу полезла на переднее сиденье, предоставив мужчинам размещаться сзади.

Доехали быстро, Секонд здесь прилично ориентировался и погнал по набережным, где движение было достаточно разреженным. Только один раз их притормозили дэпээсники, на Котельнической, передвижной пост на двух машинах, причём во второй сидели явно не милиционеры. Тут Секонд быстро сообразил, протянул лейтенанту через приспущенное стекло удостоверение как раз службы собственной безопасности городского Главного управления и не стал ничего говорить, объяснять или убеждать, просто смотрел на него очень внимательно и выразительно, как бы запоминая номер на нагрудной бляхе и лицо тоже.

★ Лейтенант тоже не из простаков оказался, молча кивнул, вернул документ, о правах и прочем не заикнулся. Наверное, на сегодня имел какие-то инструкции.

Три остальные машины (раз конечная точка маршрута известна и связь постоянная) шли параллельными улицами, не столько опасаясь того, что майор слежку заметит, как излишнего впечатления, которое могли произвести на гаишников идущие подряд четыре новых и довольно редких здесь «Самшита».

Не доезжая метров сто до ограды бывшего завода «ЗИЛ», майор велел остановиться. Людмила ещё раз поблагодарила любезного джентльмена, по-русски, но прибавив ещё и «сэр».

— Хорошо это у тебя получается, — похвалил консьерж, когда задние огни пикапа исчезли за поворотом. — Я б тебя тоже за американку принял. Случись что, этот парень никакой толковой информации никому дать не сумеет.

— Школа, — с усмешкой ответил Фёст. — Теперь куда? — И довольно демонстративно извлёк из-под ремня «беретту», снял с предохранителя и засунул на место. О том, что у девушки (сильны в людях, даже опытных, стереотипы) под платьем к симпатичным ножкам пристёгнуты ещё две такие же, он и вообразить не мог.

— Это я ни на что не намекаю, камрад, — сказал Вадим майору, — но стреляю быстрее, чем большинство подумать успевает. Смотри, чтобы кто-нибудь из ваших не переоценил личных способностей. Роковая может выйти ошибка. Глаза завязывать тоже не дам, не в кино. Пошли, порешаем *ваши* дела побыстрее, а там и *нашими* займёмся. «Время не ждёт», как писал Джек Лондон.

— Я бы предпочла, чтобы нас знакомые мне товарищи-разведчики встретили, если есть такая возможность, — очень мягким, *волнующим*, как иногда выражаются, голосом добавила Вяземская.

При этом она через большие накладные карманы платья, снабжённые прорезями, тоже привела в боеготовность свой арсенал.

— Слушай, Петрович, ты правда не обижайся. Я не знаю, как и куда ты смоешься, если что не так пойдёт, а нам ошибаться нельзя, — успокаивающим тоном сказал майор. — У нас только один ход — первый и последний... За стукача я тебя не держу, но вдруг у нас взгляды настолько разные...

— Не продолжай. Мы здесь, начинай второе действие нашей интересной пьесы...

— «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано», — продолжила театральную тему Людмила. Это она сегодня, полчаса назад афишу какого-то театра (название слишком мелко написано было) увидела. Ей понравилось.

Майор только головой покрутил.

Они пролезли сквозь прикрытую изнутри листом ржавого железа дырку в заборе и оказались словно в декорациях американского боевика. У них там, в Голливуде, половина фильмов снимается на территориях и в цехах заброшенных заводов. Покрутились, следуя за уверенно шагающим майором между корпусами цехов и просто двух-, трёхэтажными зданиями старинного красного и сравнительно современного силикатного кирпича. Кое в каких ещё светились окна, то ли склады какие, то ли офисы фирм-однодневок, а может — общежития га-старбайтеров. Людмила всё время давала пеленг с

блок-универсала Герте и Секонду. Обстановка вокруг была более чем спокойная. Блок-универсал Вяземской отметил несколько скрытых парных постов на их пути, но никакой поблизости работающей аппаратуры слежения, включая ночные прицелы и лазерные целеуказатели. Так что «печенежки» смогут держаться на минимальной дистанции. Снаружи, конечно, внутрь зданий им лезть пока не стоит, да и незачем. Свою роль «туза в рукаве» они сыграют и так.

Наконец через вестибюль очередного «строения» спустились в подвал, на целых два марша, майор с фонарём впереди. Прошли с полсотни шагов по сухому и чистому коридору.

— Ну прямо ставка Гитлера «Вольфшанце», — единственное, чем нарушил Фёст тишину, когда Борис Иванович открыл толстую, как в бомбоубежище, дверь. Похоже, именно в нём они и оказались, построенном во времена «холодной войны» или ещё раньше, в тридцатые годы.

— Очень правильно выразились, коллега, — вдруг послышался спокойный мужской голос слева и сзади. Вадим с Людмилой остановились. Обобщиваться не стали.

— Молодцы, выдержка на уровне, — продолжил тот же голос, — даже и не вздрогнули...

— Надрожались уже, во времена лейтенантской юности, — в тон, не повышая голоса, ответил Фёст. — Теперь у нас нервы как стальные канаты...

— Ещё и острите. Ну, заходите. Дешёвых эффектов больше не будет.

Вдруг стало светло. За приоткрытой дверью в углу горела нормальная лампочка, ватт на триста. Действительно, бомбоубежище. Комната большая,

даже скорее — зал. На стенах учебные плакаты и схемы противоатомной тематики, два стола, скамейки вдоль стен, несколько нормальных стульев у столов. В меру тепло, совсем не сыро, но пахнет всё равно как в подzemелье, специфический такой запах.

Во главе стола мужчина в армейском камуфляже старого образца, возрастом прилично за пятьдесят, но крепкий, подтянутый, сухощавый. Лицо, как сразу определил Фёст, соответствует строевому полковнику с богатым жизненным опытом, не карьеристу и не сволочи, такие вещи Ляхов сразу просекал. Ещё на собственной службе научился, а потом в школе Александра Ивановича значительно усовершенствовался.

Кроме «полковника» в комнате было ещё шесть человек, среди них, к радости Людмилы, её вчерашние сопровождающие, Григорий и Эдуард.

Мизансцена закончилась, все как-то сразу облегчённо задвигались, начали доставать сигареты. До этого не курили, чтобы гости раньше времени не забеспокоились, издалека учуяв табачный дым.

Фёст с Вяземской сели напротив «полковника», Борис Иванович отошёл в сторонку. Его задача, похоже, на сегодня выполнена.

— Теперь будем знакомиться, Вадим Петрович. Полковник, вы, значит, «Герой России». С этого места — поподробнее, пожалуйста.

— С кем имею честь? Или — удовольствие беседовать? — осведомился Ляхов, тоже доставая сигарету из портсигара. Достал, прикурил, положил блок рядом, под левую руку.

— Резонно. Сергей Саввич, Хворостов, тоже полковник. В отставке. В былое время — началь-

ник разведотдела штаба КДВО. Сейчас — директор ЧОП «Хайратон»¹.

— На Серышева², на третьем этаже сидели? — спросил Ляхов.

— Грамотный вопрос. Нет, не на Серышева, на Уссурийском бульваре. Так?

— Очень может быть, я не в курсе, просто пару раз бывал в тех местах, вот и спросил. А «Хайратон» — вы сами придумали?

— Уточните смысл вопроса...

— Да тоже из чистого любопытства. Слышал от старших товарищей такую песню: «Как хочется скорей дойти до Хайратона, где сразу за рекой закончится война...» Выходит, ваша контора — рубеж между войной и миром? Между победой и поражением. Рубикон — Хайратон. Созвучно даже. Вы это подразумевали?

— Вадим Петрович, вы умнее даже, чем я со слов Бориса Ивановича представлял. Ну и зачем же мы потребовались «Чёрной метке»? Поделитесь?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Насчёт «умнее» вы, пожалуй, слегка преувеличиваете, — с усмешкой ответил Фёст. Вопрос о своём «геройстве» он деликатно обошёл. — Не из того смыслового ряда термин. Сообразительнее — это пожалуй. Не ожидали вы от такого, по вашим

¹ Хайратон — пограничный город в Афганистане, на берегу р. Амударья. По Хайратонскому мосту из Афгана выходили последние подразделения 40-й армии, за ними — пограничные прикрытия.

² На ул. им. С. А. Серышева (во время Гражданской войны — командующий Восточным фронтом ДВР, член РВС ДВР) в Хабаровске размещался штаб Краснознамённого Дальневосточного военного округа.

воззрениям, «салаги» знания реалий, имевших место чуть ли не до его рождения, умения соотносить факты и делать из них нестандартные, по меркам даже и образованных людей, выводы. Так правильнее будет.

— Ну, и избытком скромности вы тоже не страдаете.

— Сам себя не похвалишь, и сидишь, как оплётанный... Так вы не ответили на мой основной вопрос. Про Хайратон...

— А вам зачем? — удивился Хворостов.

— Хочу отчётливее представлять, с кем дело имею...

— Я, вы знаете, тоже.

Фёст замолчал, затянулся «Кэмелом», внимательно глядя, как быстро укорачивается сигарета. Словно бикфордов шнур. Отчего он и полюбил имперские папиросы. Те — как «наган». Нажмёшь — выстрелит, не нажмёшь — не выстрелит. То есть сторают они только по воле курильщика, а если тот не затягивается, переходят в «стендбай». Ждут спокойно и не гаснут при этом. Надо не забыть в следующий раз достать из кармана коробку «Корниловских», ещё немного *развлечь* полковника.

— Я думал, приглашая меня сюда, заведомо предполагая, что я приду, и я пришёл — без прикрытия, только с девушкой-подружкой — вы уже имели обо мне более-менее отчётливое представление... Разве нет?

— Сложный вы человек, Вадим Петрович. Ну вот и Хайратон... Дела настолько давних дней. Вы какого года рождения?

«Молодец, что не спросил «с какого года?», — отметил Фёст.

— Семьдесят шестого.

— Значит, вам тогда тринадцать было. Что-то помните, но явно смутно. А я выводил через этот самый мост последний батальон «поддержки погранвойск». Уже и Громова показали по телевизору под развевающимся знаменем, «капитана, последним сходящего с корабля», уже и Героя ему, кажется, дали, а мы ещё там оставались. Вышли, когда все дела закончили, как бы и не существующие солдаты ушедшей армии. Потом двум десяткам бойцов по «Отваге» и ЗБЗ¹ дали, пяти офицерам — Красную Звезду, мне — не поверите — орден Александра Невского. Им за всю войну человек десять наградили, наверное. Но о том, что мы Громова прикрывали, чтобы он красиво выглядел, — нигде ни слова. Впрочем, не имеет значения. А вы когда и где «Героя» получили, тридцатилетний полковник?

— Ну, к слову, мне уже тридцать два, ещё немного — с генералом армии Черняховским² сравниюсь.

— Всё вас на сравнения тянет. Ну так как же?

— Полковник я совсем не по вашему ведомству, Героя получил за боевые действия за границей, конкретнее — Ближний Восток, три года назад. Может, слышали — миротворческие силы ООН, перевал в горах Маалум. Получал тоже втихаря, из рук в руки, без опубликования. Этого пока хватит?

— Бывает, и не такое бывает. А — «Чёрная метка»?

— Что — «метка»? — сделал вид, что удивлён, Ляхов. — Вас она каким краем интересует? Вы же не из тех структур. Она больше, помимо армии, в

¹ З Б З — армейское сокращение названия медали «За боевые заслуги».

² Черняховский И. Д. (1906—1945) — генерал армии, дважды Герой Советского Союза, командующий 3-м Белорусским фронтом, погиб в ходе Восточно-Прусской операции.

«правоохранительной сфере» работает. Это уж я Бориса Ивановича решил привлечь как боевой резерв. До него всё больше с начальством выше нас с вами званием общался...

Хворостов неопределённо покрутил головой.

— Слышал, слышал. Но всё равно неубедительно. Вы, предполагаю, специалист по понятной линии, а я — армеец. Мне кое-какие явные ляпы в глаза лезут, а ваши коллеги иногда настолько по-другому думают, что по пустякам привлекают сотню человек и сотни тысяч дензнаков. Не знаю, наши или *те* «дело Литвиненко» организовывали, но по-любому глупо. Я бы за двести долларов нанял негра, чтоб его в лондонской подземке ножом под рёбра ликвидировал. И никто б никогда концов не нашёл.

— Полностью с вами согласен. Только *те люди* другие задачи решают. Почему и не позволили Грачёву за час одним десантным полком чеченскую проблему закрыть. А он бы смог. Но это лирика. Ко мне какие вопросы? Только поконкретнее. Мне кажется, что у вас... Не знаю точно — или страх, или ревность. Если ревность — не надо. Вы своё гарантированно получите, если захотите, и мы с вами нигде не пересечёмся. А от страха лекарство — могу, как врач по образованию, кое-что прописать...

Хворостов стукнул ладонью по столу.

— Да что вы за человек? Мы всё могли за три минуты решить, а вы так поворачиваете, что полчаса говорим, и только вязнем...

— Не я первый начал, коллега. *Всё решить* можно было и из дома не выходя. Давайте, я вам просто картинку текущего состояния дел нарисую, и будем обсуждать... «Чёрная метка». Правда, красиво? Детство, «Остров сокровищ», пират Билли Бонс и так далее. Да ещё Борис вам напел про десятиком-

натную квартиру, про деньги, что я ему давал, про разные чудеса в стиле театра «Варьете». Эдуард и Григорий с моей сотрудницей вчера по Москве прогуляли, тоже порассказали... Вот вам и захотелось познакомиться, когда от верных друзей узнали, что Президента больше нет и сейчас самая гульба пойдёт... Сейчас, я думаю, — Фёст посмотрел на часы, обычные «Командирские», не «Бреге», не «Роллекс», — где-то в их штабе, на Мясницкой, скорее всего, идут лихорадочные совещания, как в Петроградском ВРК¹ 24 октября... Интересно, кто раньше успеет, мы или они?

— Снова уходите в сторону, — одёрнул его Хворостов. — «Чёрная метка»?

— А, — небрежно махнул рукой Ляхов. — Это, по сути, этакий «пазл», знаете такую игрушку? Нет никакой организации. Есть коробка с детальками, есть я и ещё несколько человек, знающие, как они друг с другом соединяются, и держащие в памяти картинку, которую нужно сложить. Сами же «детальки» понятия не имеют, что являются составной частью некоей *сущности высшего порядка*.

Вот, возьмём ваш ЧОП. Считай, штыков двести вы имеете, хороших, опытных. А что с ними сейчас делать, знаете? Допустим, второй «Форос» его организаторам удастся. Вы не боитесь, что завтра вас разоружат, а послезавтра — к стенке или по этапу?

Тут он как бы невзначай достал из кармана коробку белогвардейских папирос, подвинул полковнику.

Хворостов сначала долго смотрел на картинку с портретом Лавра Георгиевича и прочими деталями

¹ В Р К — военно-революционный комитет, орган для руководства захватом власти 25 октября 1917 г.

оформления. Как-то очень осторожно открыл, взял папиросу, понюхал, помял, закурил, наконец.

— Вы в том, что происходило в Москве в позапрошлом году, участвовали? — спросил, не глядя в глаза.

— Было дело. Только недоработали, о чём сейчас жалею...

— И всё равно, мне трудно вам поверить. Есть гораздо более простые объяснения, и они мне не нравятся...

— Очень жаль. Я думал, без демонстраций обойдёмся. Да вы курите, курите, это немного времени займёт...

Посмотрел на Вяземскую.

Та сидела, совершенно безразличная ко всему окружающему, будто просто ждала, когда командир что-то прикажет. Дождалась. Достала из кармана свой портсигар, под настороженными взглядами всех присутствующих вынула сигарету, щёлкнула зажигалкой. Одновременно пошёл сигнал Секонду.

— А я могу и ваш отряд вставить в свой «пазл», и послезавтра вы наденете давно заслуженные генеральские погоны, примете под команду дивизию «особого назначения» или — сами придумаете, что захочется. Вам ведь сколько? Пятьдесят три, пять?

— Всего пятьдесят один. Это я выгляжу старше...

— Ну, тем более. Служить и служить ещё можно. Помните, сколько Брусилову¹ в шестнадцатом году было? А ведь до этого никто о нём почти и не слышал. В шестьдесят три Галицийскую битву вы-

¹ Брусилов А. А. (1853—1926) — российский военачальник, генерал от кавалерии (1912 г.), с 1916 г. Главком Ю.-З. фронта, автор т. н. Брусиловского прорыва, положившего конец «позиционной тактике». В мае 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим (вместо Николая II) российской армии.

играл, на весь мир прославился, в шестьдесят четыре Главковерхом стал...

— Вашими бы устами... Но не уходите в сторону, сколько можно просить. Конкретно — кто вы на самом деле, что такое «Чёрная метка», какая ваша роль в творящемся бардаке и что вы хотите от нас?

Никуда не деться от литературных ассоциаций и даже аллюзий. Но что поделаешь, если происходило всё, как в известной книге, правда, с некоторыми коррективами: «За выкрашенной казарменной синей краской дверью послышался шум, полковник Хворостов недовольно оглянулся. А его собеседник, зловеще усмехаясь, медленно поднялся...»¹.

Пока Сергей Саввич и его вернейшие, судя по всему, паладины только тянули руки к пистолетам, у кого в традиционных кобурах на поясе, у кого в других местах, Ляхов и его нежная возлюбленная уже держали в руках свои. Просто на всякий случай. Как в «Великолепной семёрке»: «Хлопай руками, быстрее хлопай!»

Дверь открылась. Сначала в неё цепочкой вошли пятеро солидных мужчин в камуфляжах. Руки у всех за спиной зафиксированы, и рты толстым специальным пластырем заклеены. За ними — четыре пёстро, совсем не по-военному одетые девушки с автоматами через плечо. Замыкающей — вездесущая Глазунова. Она с грохотом свалила на ближайший стол груды оружия и патронных подсумков. Выпрямилась и замерла, как бы охраняя свои трофеи. Глазами при этом постреливала по сторонам вполне дружелюбно. А присутствующие сотрудники Хворостова пока что только ошарашенно вертели головами. Молча.

¹ Источник — А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом».

— А где вторая половина отделения? — спросил Фёст у Полины.

— На постах. Этих ребят подменили. Система охраны и обороны не нарушена, — поручица опять улыбалась Ляхову так, что Людмилу передёрнуло. Нет, ну нельзя же так наглеть! Только Герте она готова что-то простить, но никому больше.

— Молодец, Полина. Завтра же *здесь* четвёртую звёздочку получишь, обещаю, а с остальным — твоё начальство разберётся. Ну и господин полковник пусть делает выводы, как у него караульная служба поставлена.

Повернулся к Хворостову.

— Вы садитесь, садитесь, Сергей Саввич. Где вы там служили, до штабов? Спецбатальон поддержки погранвойск? А до этого наверняка ведь рассказы про штурм дворца Амина слышали. Моим бы девчатам поручили — без стрельбы и ненужного кровопролития справились. Как оцените — ваши бойцы ведь далеко не мальчики. И кто их без шума снял и обезоружил? Вы, Глазунова, никого не покалечили?

— Обижаете, господин полковник. Пареньки и не рыпнулись... За что их бить?

Ляхов сел, совершенно машинально взял очередную папиросу. Ну не выходил без этого разговор.

— Так что, *товарищ* Хворостов, фронткамерада, про «Чёрную метку» вы можете предполагать, что вам угодно, а вот что вы думаете про моих девочек?

Вся прибывшая команда уже рассредоточилась по помещению, без нервного напряжения, но чётко контролируя весь его объём по многократно пересекающимся директрисам. И глазами, и стволами.

Главе принимающей стороны было крайне тяжело сохранить подобие самообладания.

Ещё и Людмила не выдержала, добавила «свои пять копеек».

Спросила, обращаясь к своим вчерашним спутникам, Эдуарду и Григорию, достаточно вроде бы опытным фронтовым разведчикам:

— Ну, что же вы своему командиру сразу всё не объяснили?

— Мы объясняли, он не поверил, — не то удручённо, не то со скрытым торжеством человека, чья правота подтвердилась самым наглядным образом, ответил Эдуард.

— Приношу свои извинения, — выдавил Хворостов. — Не скрою, не поверил, думал, чего-то вы недопоняли в происходившем. И сейчас не могу поверить. Как вы... ваши сотрудницы всё это провернули? Я ведь своих людей знаю...

— Своих знаете, моих — нет. А если разведке не удалось установить силы и средства противника, уровень его подготовки — нужно быть трижды осторожным. Да что я вам прописные истины объясняю? Вы обратили внимание, в каком чине госпожа Глазунова?

— Вы сказали — поручик. Я решил, что позывной такой...

— Отнюдь, это её подлинный чин, или, по-нашему, воинское звание. Дело, видите ли, вот в чём, — Ляхов щёлкнул пальцами, подбирая подходящие слова. — В той армии, где служат эти прелестные существа, уровень военно-технической оснащённости значительно ниже, чем в нашей российской или, не к ночи будь помянута, американской. Приходится компенсировать. Про японских ниндзя слышали, конечно, или, если поближе взять — вьетнамцы в известной войне. Да, кстати, ваших ребят нужно освободить. Пусть не обижаются, что так с ними поступили, наглядный урок, ничего личного.

По его кивку девушки, сохраняя бдительность и осторожность, развязали охранникам руки, убрали пластыри.

— Скажите, — обратился Фёст к ближайшему из них, — вы что-нибудь вообще успели заметить, услышать, почувствовать?

Чоповец был в таком состоянии и настроении, что говорить не стал, просто отрицательно мотнул головой.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросил Хворостов, — что это за армия такая, с дореволюционными чинами, плохим оснащением и высочайшим уровнем индивидуальной подготовки? Не израильская ведь?

— Упаси бог. Я как раз с самого начала хотел вам всё рассказать, да вы меня всё время отвлекали. Теперь слушайте. Удивляться не обязательно, просто так уж мир устроен...

Он буквально за десять минут, умалчивая лишь о том, что сейчас не имело непосредственного отношения к делу, рассказал и про другую Россию, и про «Мальтийский крест». Не стесняясь присутствия полутора десятка бойцов Хворостова. Таиться теперь незачем, если завтра всем этим людям придётся работать в связке с «печенегам» или любовью пришедшей с *той стороны* воинской частью. На весьма ответственных должностях. Наверняка все присутствующие — офицеры, от капитана, как минимум, и выше. Каких служб — несущественно.

— Поразительно. Действительно, поверить почти невозможно, — сказал Хворостов, машинально жуя мундштук уже третьей «корниловской» папиросы. Теперь смысл коробки и картинки на ней приобрёл другое значение. А поначалу он просто за такой приколы принял.

— Этим девушкам наша действительность тоже при первом знакомстве казалась абсурдом. Ничего, свыклись. Так что, будем вместе работать, или как?

У Хворостова и его окружения тотчас возникли примерно те же вопросы, что мучили и самого Президента. Насчёт аннексии, оккупации и прочего.

— Вы иначе на это дело взгляните, — предложил Вадим. — Вот абхазы, например, не обижаются, что мы к ним на помощь пришли. Живут, как жили, даже лучше, и имеют за спиной сто сорок миллионов друзей и семнадцать миллионов квадратных км надёжного тыла. А не пять миллионов врагов, мечтающих этих самых абхазов ассимилировать, в самом лучшем случае, и крайне сомнительное в роли *гарантов* «мировое сообщество». Так мы с ними всё же разного этнического происхождения, а в нынешнем случае вам готовы помочь четверста пятьдесят миллионов единокровных братьев и сестёр, проживающих на двадцати пяти миллионах квадратов территории. При этом Император абсолютно не заинтересован как-то нас притеснять и ущемлять. Скорее — всё наоборот.

В ином случае — я, честно, устал уже повторять очень многим людям один и тот же довод — всё здесь пойдёт так, как уже началось. И чем оно закончится? Девяносто первый год рождественской сказкой покажется. Вас, как русских офицеров, этот вариант устраивает?

Фёст вдруг широко улыбнулся, будто ему надоело быть серьёзным и жёстким.

— Да вы на моих девчат посмотрите — все из другого мира, а сильно от наших отличаются? На оккупанток похожи? Если кого слегка ушибли невзначай, так они извиняются, правда, Полина? И все, к слову, незамужние. Имейте в виду, мужики.

Обстановка сама собой разрядилась. И девушки в ответ на слова Ляхова заулыбались, бессовестная Глазунова подмигнула самому Хворостову. Его «снятые с постов» офицеры тоже начали отходить от стресса. В общем, этакая «встреча на Эльбе». Только Людмила оставалась в фазе натянутой струны. Что-то ей всё же не совсем нравилось в обстановке, или приказ Тарханова, возложивший на неё ответственность за безопасность операции и лично Фёста в том числе (невзирая на его формально неизмеримо более высокое должностное положение), оставался доминирующим, не позволял расслабиться, как бы ни складывалась обстановка.

— Разрешите вас на минутку, господин полковник, — обратилась она к Ляхову.

Они вдвоём вышли за дверь.

— Что у тебя?

— Во-первых — как-то мне не по себе. Интуиция... Словно по спине оптическим прицелом шарят...

— Принимается. Во-вторых?

— Надо бы тебе с Президентом, а лучше, с Мятлевым связаться. Сказать, чтобы остальных своих друзей, если они ещё живы и на свободе, срочно к нам на квартиру вызвал...

— То есть?

— На этой стороне, конечно. Прикажи, чтобы всё бросили и туда мчались. Поднимутся на этаж, позвонят в дверь. Яланская, её предупредить тоже надо, объяснит, как впустить. Президенту их показывать пока не надо. Я правильно рассуждаю? Вернёмся, сам и решишь, показывать им наш *терминал* или как-то иначе... Те люди нам наверняка понадобятся, а их сегодня ночью вполне *изъять* могут, если не уже.

— Молодец! Талейран в юбке, — он не удержался, коротко поцеловал девушку. — А я и не удосужился. Хуже того, и Президент с Мятлевым про них не вспомнили... Сейчас сделаю. — Фёст начал набирать номер телефона. Действительно, как же это Людмила быстрее него сообразила то, о чём в суматохе даже сам Президент не подумал. Или подумал, но не видел реального способа забрать друзей туда, где сам оказался. Возможно, говорил об этом с Мятлевым и Журналистом, но и только. К нему не обратился.

Яланская сняла трубку. Вадим объяснил «коменданту гарнизона» то, что требовалось от неё, специально подчёркнув, что дверь между смежными квартирами должна быть обязательно закрыта на защёлку, когда (и если) очередные гости придут, не позволять им даже подходить к ней.

— Контакт между *теми* и *этими* до нашего возвращения исключить. Новоприбывшим накрой стол с закусками в кухне, напитки в баре. Ничего объяснять не надо. Не твоя, мол, компетенция. Теперь позови мне Президента.

Георгию Адриановичу он сообщил, как по этому же телефону дозвониться в другую Москву, выразил надежду, что с Писателем, Юристом и Философом пока что всё в порядке.

— Ну, если нет — примем меры. Лишь бы живы были, выручим из любого узилища. Не буду вдаваться в подробности, но такая тут технология — до моего прихода вы с ними увидеться не сможете. Галина (это так Яланскую звали) вам доложит, что прибыли, ну и радуйтесь. Договорились?

Президент предпочёл не задавать лишних вопросов. До самого дошло, что забыл о друзьях, слишком поглощённый и домашними, и здешними впечатлениями. С другой стороны — по тому же

принципу «разновременности» с ними *ничего такого* просто не успело бы случиться. Зачистки, скорее всего, начнутся завтра и позже, при условии, что всё остальное пойдёт по устраивающему мятежников варианту.

И тут же, едва Фёст отключился от собеседника, на связь вышел Секонд, контролировавший периметр завода снаружи.

— У нас, похоже, тревога, — как-то очень буднично сказал он. — Территория, скорее всего, окружена. Герта говорит, что отслеживает не меньше полусотни человек в непосредственной близости, до десятка единиц техники. Кольцо пока очень редкое. Мы, — он имел в виду себя с Витгефт и оставшихся при нём троих «печенежек», — пока можем пройти к вам. Минут через десять *они* подходы верняком заблокируют. Решайте там, что в вашей ситуации выгоднее — жёсткая оборона, прорыв с боем или «выход малозаметными группами».

— Понял. Наблюдай, я сейчас.

Счёт шёл на минуты, и основное решение принимать не ему.

— Это вас, полковник, кто-то или выследил, или заложил. Прошу прощения за самоуверенность, но за нами хвостов не было. Эта ваша база, думаю, давно на примете, а сегодня *пришло время*, как в том анекдоте. Тут не спорю, наше прибытие на четырёх машинах могло спусковым крючком послужить...

— Плохо дело, Вадим Петрович, честно скажу. У меня здесь всего тридцать человек, включая... — Хворостов обвёл рукой комнату. — По тревоге, общему авралу, могу поднять ещё полтора. Но собираться и добираться сюда им долго. Не меньше часа-двух. Это те, кто не дальше МКАДа живёт. И подходить-то будут, вот беда, поодиночке!

Сами понимаете, мы к такому варианту не готовились, чтобы в каком-то специальном месте сначала собрались, потом единым кулаком и со специально к этому случаю назначенным командиром нам на выручку двинулись. С оружием тоже плохо. Пистолеты, дробовики. Настоящих автоматов едва десяток наберётся... Плохо, одним словом. У вас людей сколько?

— Со мной — пятнадцать. Оружия и боеприпасов — на двадцать минут серьёзного боя.

— Боеприпасами помочь можем.

— Едва ли, — мотнул головой Фёст. — У нас, увы, полный разнобой по системам. Если «восьмого года» есть — пулемёт наш постреляет, а так — всего две ленты. И «тэтэшные» пригодятся, почти у каждой девочки — «ППС». У прочих — «беретты» да «вальтеры».

— Для «ТТ» есть, но немного, меньше цинка. В большинстве «ПМ», «АК-7,62» да охотничьи для «Сайги» и помпового «ИЖа». Уходить надо, не отобьёмся...

— С таким боезапасом — точно. Но главное — смысла нет. А куда уходить?

— Да хоть в леса. И будем твоих друзей ждать. По первому сигналу выйдем и встретим. Есть хорошие места, с полсотни кэмэ отсюда, хрен нас там найдёшь и выковырнешь, а у нас — полная свобода манёвра.

— Толково. Но чтобы всех твоих ребят обзвонить — не меньше часа уйдёт. Потом вызовешь, когда прорвётесь. Ну, не мне тебя учить. Потом мы вам поддержку окажем, даже и бронетехникой. Связь со мной, Сергей Саввич, вот по этому телефону держать будешь. — Фёст протянул полковнику дешёвенький «Сименс». — Здесь «симка» совсем новая, с ходу не перехватят. Только сначала

план подконтрольной вам местности покажи, будь добр, — попросил Фёст, уже составивший в голове план собственных действий.

— Эдик, быстро, — распорядился Хворостов, отходя с телефоном в дальний угол. Бывший командир разведбата отпер сейф, положил на стол ксерокопии плана заводских корпусов и прилегающей территории.

— Глазунова, с отделением бегом на позицию, в распоряжение командира. Вяземская — при мне. — И перешёл на немецкий.

Среди окружающих если кто и знал языки, так скорее английский. В школах и военных училищах немецкий, кажется, давно не учат.

— Лови идею. И передай Герте и Секонду. Блоки к бою. В подходящий момент обозначить себя и начать как бы отход... — он взглянул на план, отыскал устраивающее его место, — сюда, скажем. Через пять минут ты перемещаешься даже. Блоки — на парализатор. Как только в нужном пространстве соберётся подходящая масса — работать. Под пули подставляться запрещаю. Лично тебе приказываю — вернуться живой и целой. Ферштеен зи?

— Ага! — нагловато ответила Вяземская. — Вообще-то мне при тебе приказано неотлучно находиться. Герте приказывай...

— Одна не справится, — стараясь оставаться в рамках должности и возраста, ответил Фёст. — А я твои зихера терпеть не намерен, особенно — в боевой обстановке. Исполнять!

— Мы с Эдиком можем по старой памяти девушку сопровождать, — сказал Григорий, вынимая из шкафа два массивных помповых ружья, похожие на «ремингтон» или «мосберг», но с вдвое укороченным стволом. Двенадцатый калибр. Если заряжен картечью или полукартечью, в коридо-

рах и подвалах ему цены нет. Классическая «окопная метла». В руках мощных разведчиков тяжёлые «дробомёты» выглядели как детская «воздушка».

— Нам не привыкать. А что такое «парализатор»? Как на Каретном?

Фёст с удивлением сообразил, что Григорий говорит на прекрасном «хохдойче». Тот улыбнулся и ответил на незаданный вопрос:

— Видите, и вы проколы допускаете. А я с десяти лет и до призыва в армию жил с отцом-офицером в Эберсвальде. У Люды немецкий лучше, чем у Шиллера и Гейне, вместе взятых, а вы, простите... Любому ясно, что если не из самой Рязани, так из окрестностей.

Это он намекнул на фильм «Парень из нашего города» и разговор пленного героя в исполнении Крюкова с немецким офицером.

— Да, это ты прав. Не подумал. Однажды ещё хуже было, в Намибии обругал таксиста матом, а этот «дядя Том» в канотье ответил мне очень адекватно. Оказывается, академию Фрунзе заканчивал.

Ещё посмеялись.

— В общем, иди, поручик, и ни о чём не тревожься. Главное, момент не упустите.

— Это уж вы с Секондом согласуйте, — буркнула Людмила, крайне недовольная, выдернула из-под юбки «беретту», не стесняясь чужих людей, выжидательно посмотрела на Григория.

— Подожди, — сказал Григорий. — Покурим напоследок. Дальше нельзя будет, а у меня через полчаса без курева руки трястись начнут. Сам знаю, что патология, а ничего поделать не могу.

И курил он обычную «Приму», затягиваясь так, что за один раз сгорала чуть не четверть сигареты.

— Если живы останемся, могу помочь вылечить-ся, — неизвестно зачем сказала Вяземская. Что ей

до этого человека и его привычек? А вот сказалось, и всё.

Он, похоже, оценил.

— Что, с командиром отношения хреновые? — сочувственно спросил он, когда за ними закрылась тяжёлая дверь. — Сильно достаёт?

— Ещё как! Особенно не по делу...

— Так он же вроде наш, а ты — *оттуга?*

— Это без разницы. Нас ему подчинили, вот и служим...

— Эх, посмотреть бы, как там у вас, — мечтательно сказал Григорий, гася окурок о стену. — Небось штатские девчата ещё интереснее военных?

— С чего бы вдруг? — не поняла хода его мысли Вяземская.

— А как же? У нас на контракт те идут, кому сильно замуж хочется, а на гражданке шансов не очень...

— Психолог ты, — уважительно протянула Вяземская. — Прямо Спиноза, который Барух. А что нахамил мне между прочим, так даже и не заметил. Докурили? Тогда пошли. Ты дорогу показываешь, я на пять шагов сзади, Эдик замыкающий.

— Договорились. А что такое «парализатор»?

Людмила прикусила губу. Секретничают, секретничают, а зачем? Всё ведь очень просто. Тайну имеет смысл сохранять лишь в том случае, если она слишком близка к правде. В противном случае... Только для очень подготовленного человека будет иметь смысл информация, что некая Вяземская умеет мгновенно повергать человека в состояние комы и каталепсии. Причём — голыми руками. Всем остальным с тем же успехом можно рассказать, что она по ночам летает над Москвой на метеле. Силы ПВО по такому случаю в боевую готовность приводить не станут.

— Это просто медицинский термин. Если кто-то мне очень не нравится, я могу сделать так, что он потеряет способность двигаться, если нужно — заодно видеть и слышать. На минуту, на час, на год — как пожелаю...

Разведчики поверили. Сразу. Не тот случай был, чтобы сомневаться. Тем более они видели, что эта же некрасивая (днём, кстати, она была куда страшнее, чем сейчас), но чем-то неуловимо привлекательная, даже *влекущая* (а так нередко бывает), женщина сотворила с целой группой чекистов. Он находился не дальше тридцати метров от центра событий и отчётливо помнил, что *сначала* нападавшие повалились на дорогу, а только *потом* появился автобус ОМОНа и в дело пошёл газ.

Вот, значит, в чём дело.

— Так какие у нас проблемы в таком случае? — спросил он.

— Такие, что они по нас будут стрелять из настоящего оружия со всех направлений. Наверху ночь. У них, скорее всего, есть инфракрасные прицелы и тепловизоры, у нас — нет. Плюс — подавляющий численный перевес. Потому выигрышная тактика — наносить удары по отдельным компактным группам, не имеющим зрительной связи с другими, и мгновенно исчезать. Работать буду я, вы — прикрывать тыл и фланги. Главное — не шуметь. Стрелять в крайнем случае и наверняка. Уловили?

— Так точно.

— Вот, значит, так и будем соображать. Наших наверху тринадцать человек, здесь мы с вами, полковник семнадцатый. Парализаторов у нас четыре. Думаю, справимся. Общая цель, если я правильно поняла, — обеспечить отход всех ваших. Когда последний уйдёт с завода — вы следом. А дальше мы сами.

— Не вижу смысла, — возразил Григорий. Если можем тихо уйти все — всем и уходить. Вам — чего зря рисковать? Это ж мы вас сюда вытащили, получается...

Всё правильно, он ведь бывший замначштаба бригады по разведке, мыслит тактическими категориями.

— Знаешь, друг, надо мной — сразу два полковника, наш и здешний. Они так решили — живым, из тех, кто пришёл, отсюда никто не должен уйти. Тут вам и политика, и психология, и боевая необходимость. Так что обсуждать мы ничего не будем. Замётано?

— Ну вам виднее, конечно, — согласился офицер. Тоже майор, наверное, судя по последней должности. Как и их консьерж. И Эдуард должен майором быть, раз комбат. Так она и спросила. Они подтвердили.

— Ну вот, а я подпоручик всего, но подчиняться всё равно придётся, вы уж извините. Вперёд!

Секунду в эти минуты было не слишком весело. Будто мало вчерашнего. Вернулся живым домой, собрался отдохнуть. Нет, пожалте бриться!

Высадив из машины Фёста со здешним майором и Людмилой, он сопровождал их до первого поста за оградой завода. Ничего подозрительного не заметил. Машины поставили на приличном удалении от объекта, по одной, на обычных стихийных парковках в междомовых проездах.

Герта разделила вверенный ей полувзвод на боевые тройки и приступила к тщательному изучению территории. Задача простейшая в небоевых условиях, когда «условный противник» несёт караульную службу чисто формально, настроенный

максимум на то, что придётся крикнуть постороннему: «Стой, проход запрещён. Закрытая территория». Даже «Стой, стрелять буду!» или предупредительный в воздух — за пределами условий задачи. В серьёзность начинающегося никто не верил, а то и вообще о «событиях» пока ничего не знал, как большинство военнослужащих людей 24 октября семнадцатого или двадцать третьего октября же пятьдесят шестого¹. Роковой какой-то месяц октябрь в истории XX века, если вспомнить, что «парламентское противостояние» девяносто третьего и стрельба по «Белому дому» случились третьего-четвёртого, да и «Карибский кризис» шестьдесят второго тоже в конце пресловутого «десятого месяца».

Хворостов просто собрал некоторое число своих людей по особому сигналу и велел обеспечивать безопасность какой-то важной «деловой встречи». Ничего больше.

Девушкам пришлось снять туфельки, на ком они были, и переобуться в кроссовки и кеды. Проникнув на территорию через ту же дырку в заборе, они оказались фактически внутри «боевых порядков» заводчан. Сам этот лаз по непонятной причине не контролировался. Очень может быть, что Борис Иванович повёл Фёста с Людмилой так, чтобы и те из «своих», кому не положено, не видели участников этой «тайной вечера».

«Диверсантки» без труда вскрыли систему охраны бывшего завода или не завода как такового, а места дислокации той организации, которая пригласила Фёста для знакомства и переговоров. Парные посты людей в черной форме охранников с

¹ День начала уличных демонстраций в Будапеште, очень быстро переросших в полноценную войну, по европейским меркам.

крупными эмблемами на руках располагались наподобие КПП у входа в административное здание, на переходе из него в бывший сборочный цех и перед вестибюлем, из которого начиналась лестница в подвальные помещения. Тот корпус, что им был нужен, и прилегающие подъездные пути снаружи контролировали всего восемь одиночных патрулей. Причём вполне условно. Более-менее «охранялись» только двое ворот, одни для узкоколейки, вторые автомобильные, пространство между соседними зданиями и сквер с клумбами, скамейками, местами для курения и остатками давней «Доски почёта». Наверное, люди знали, что делали. К зданию, где помещался «штаб», случайный человек не подойдёт, а расширять «зону особого внимания» до нескольких сотен плотно застроенных гектаров не было никакого смысла.

Единственное, что стоило бы поставить на вид «принимающей стороне», — отсутствие в составе патрулей нескольких хороших собак. На это, очевидно, имелись какие-то свои причины. Но без четвероногих друзей шансов у охранников не было.

Когда поступил приказ Фёста «организовать демонстрацию», Герта велела Глазуновой взять четырёх девочек и «сделать красиво». За несколько минут пятеро парней, нёсших службу у входа в контору одного из цехов и внутри неё, перешли в горизонтальное положение, с защёлкнутыми за спиной пластиковыми наручниками и заклеенными ртами. «Печенегов» так и учили — чтоб никто крикнуть не успел и ничего из железного, вроде оружия, с шумом не падало. И всё.

С внешних постов охрану сопровождали внутрь и разместили поблизости от спуска в подвалы. Допрашивать кого-то из них самостоятельно Секонд не видел смысла и отправил большую часть плен-

ных к Фёсту, на его усмотрение и для подкрепления «дипломатического статуса».

Темникову и шестерых оставшихся с ним девушек Секонд распределил по постам внешнего оценивания, только наметил позиции пограмотнее, чем здешний карнач.

Сам с Гертой устроился у окна подъезда на втором этаже. Хорошая видимость, слышимость, тыл, прикрытый растяжкой, остроумно пристроенной на единственной двери, ведущей с лестницы в глубь здания, к переходу в слишком большой, чтобы взять его под надёжный контроль, цех.

Для них с валькирией, на случай чего, имелись три выхода в разные стороны, которые незаметно не перекроешь. Нормальная, в общем, позиция. В отличие от чоповцев, он очень даже хорошо представлял, что самое худшее может произойти в любой момент. Не произойдёт — значит, это неожиданный бонус. Ему было даже интересно — сумели их выследить те ребята, что чуть не прихватили Вяземскую с Журналистом, а потом устроили чересчур шумный перформанс¹ перед президентской дачей, или же нет?

По всему выходит, что должны бы, если аппаратура у них сейчас не уступает той, что использовалась два года назад. Ну и мы за это время кое-чему научились.

Он вполне самостоятельно принял то же решение, что и Фёст с Вяземской. Действовать без шума, не оставить ни одного живого свидетеля и «организованно отойти на заранее подготовленные позиции». Проще говоря, как выражался вор в од-

¹ Перформанс (перфóманс) — от англ. performance (представление), вид художественного творчества, объединяющий театр с изобразительным искусством, предполагающий активное зрительское участие (соучастие).

ном старом фильме¹: «В нашей профессии главное — вовремя смыться».

Так что он испытал даже облегчение, когда Герта, вернувшись с обхода постов, сообщила, что обнаружено несколько групп, каждая минимум по десять человек, с разных направлений подтягивающихся к периметру. Не слишком мощные и избирательные детекторы, имевшиеся в блок-универсалах, всё же выявили и несколько автомобилей, двигающихся и остановившихся «нестандартно». По всему, на них и прибыли группы захвата. А то и уничтожения.

— Уважают, значит, — не пожалел Секонд нескольких лишних секунд, чтобы сообщить свой вывод валькирии.

— Так точно, шеф, — коротко ответила та. Это Герта только что придумала такое обращение, чтобы не путаться в титуловании аналогов. Но, однако, отметил Ляхов, для Витгефт именно Фёст — «командир», а он — всего лишь «шеф».

— Пусть делают, что наметили, — сказал он. — Я оттягиваю девчат в здание, ты оставайся снаружи, придётся тебе одной «внешнее кольцо сталинградского окружения» изображать.

— Постараюсь справиться, шеф.

«Как-то подраспустил их Уваров, — подумал Секонд, — а точнее — все мы. Одни любовь крутят, другие из чужих амуров дивиденды извлекают. Ну ничего, как любил путать бойцов один его сослуживец, ротный командир: «Вот подождите, подлецы, брошу пить, я вами займусь!» Но та угроза имела хотя бы теоретические перспективы. А как ты *этим* займёшься? Две на выданье, третья около того, за остальными, судя по всему, тоже не заржаве-

¹ «Праздник святого Йоргена». Мосфильм, 1930 г.

ет. Отправить их в Кисловодск, всех, под присмотр Майи с Татьяной — и с плеч долой. Не ровен час, воспользуется какая-нибудь ситуацией, подстережёт в тёмном уголке — и что тогда делать?»

Полушутливая, а на самом деле вполне серьёзная, только не ко времени, мысль ушла, нужно было сиюминутные заботы разгребать.

— Тебе задача — найти их передвижной центр управления. Всех, кого случайно по пути встретишь — вырубай парализатором, полным импульсом, и прячь, чтоб до завтра не нашли. А хоть и никогда. Доберёшься до начальства — то же самое, но помягче. Языки будут нужны. Действуй, баронесса, и из связи вообще не выходи, ты мой главный резерв и заодно крылатое воплощение надежды.

— На банкет в Валгалле, что ли? Вы думайте, что говорите, шеф. Так я пошла?

Да, действительно. Сказанул, не подумав. Валькирия — надежда на что? На героическую гибель? Увольте. Это всё равно как предстоящий авиавылет «последним» назвать.

— Прости, дорогая. Работай, сама не подставься. И не вздумай меня с поля боя уносить с торжествующим криком. Сам выберусь...

Герте, пожалуй, досталось самое лёгкое задание. Она его ещё больше упростила, зная, что нарушает приказ, но ведь для общей пользы! Кроме того — «базовая подготовка» не запрещала координаторам при необходимости пользоваться блок-универсалом для перемещения в пределах Земли по установкам «общего уровня». Выбравшись на улицу, застроенную довольно старыми, тридцатых, наверное, годов жилыми домами, Герта нашла подходящую, с трёх сторон закрытую щель между торцами краснокирпичных пятиэтажек. Всего на пару минут открыла

проход в квартиру, прямо в свою комнату. Да, не порядок, комната ведь «на той стороне», а это уже не пространственный, а межвременной скачок, что усугубляло нарушение. Правильно думал Секонд, «особые отношения» с Фёстом девчонку подраспустили. Недельки две гауптвахты ей очень бы не помешали. Ну, не хотела она, чтобы её Яланская или кто-то другой сейчас увидели. Да ведь и не узнает никто, не Ляхову же её перемещения отслеживать? Герта схватила из шкафа роликовые коньки и сразу обратно, на место отправления. Как раз в две минуты и уложилась, как рассчитывала. Теперь кеды — в рюкзачок, ботинки с коньками застегнула — порядок.

Нет, опять не порядок. И уже непонятно, случайность или последствие очередного возмущения межвременной ткани. У выхода из щели ей преградили путь два неизвестно откуда взявшихся парня. Не бомжи, самый обычный типаж нагатинско-коломанской шпаны, с Нижних Котлов, к примеру.

— О, ты глянь, Вить, тёлка в натуре. И прямо на месте преступления. Думала, спряталась, — с наглым, типично наигранным удивлением воскликнул первый. — Пардон, девушка, справление нужды в общественном месте карается...

— От нас не спрячешься, — гоготнул первый. — Штаны застегнуть успела?

— Да хоть и успела, сейчас снова расстегнёт. Сама. Слышь, Таня, или как тебя там, не тyani. Здесь место хорошее, кричи — не кричи, не услышат. Так ты поняла? Давай, снимай. Совсем не надо, до колен — и хватит. Мы быстренько...

Герта не колебалась, да и причин не было. Блок, только что спрятанный, снова будто сам выскочил в ладонь из нагрудного кармана.

Теперь и пошутить слегка можно, а то эти подонки её чуть не напугали.

— Закурить не хотите, ребята? Заодно и познакомимся. А то нехорошо как-то — прямо так сразу штаны снимать с приличной девушки...

— Ты слышь, Витёк, она, бля, ещё и подъё...

— Толян, а у неё ведь штучка-то — зае... Может, заберём да и отпустим?

— И то, и то...

— Ну, как хотите, — широко улыбнулась Герта.

Щелчок — и умельцы подавливать неосторожных девиц, не нашедших поблизости общественного туалета (а они явно её засекли на улице и решили, что она именно для того укромное местечко ищет), повалились на совсем нестерильный асфальт, засыпанный разнообразным мусором. Валькирия «под настроение» включила парализатор почти на полную мощность. Так что неизвестно, восстановятся ли двигательные функции к завтрашнему дню. А с сексуальными — вообще вопрос. А поскольку она готовилась брать языков, сознание «объектов воздействия» волновой удар не нарушил. Будут здесь лежать, как колоды, вдыхать не слишком приятные запахи, наблюдать то, что доступно лежащему ничком человеку, и думать. Ох и много же можно успеть передумать за 12 часов. Если раньше шок с комой от страха не наступят.

Герта, держась за стены, перепрыгнула через тела и легко покатила через двор. Действительно, ни души вокруг и половина плафонов не горит. Плохо бы пришлось оказавшейся в её положении нормальной девушке.

Выехала на улицу, пеленгуя блоком все подзрительные излучения. Это заняло всего двенадцать минут, но теперь она знала всю вражескую дислокацию, обнаружила и стоявший в переулке,

триста метров от бокового проезда на территорию завода, синий мини-вэн с зашторенными окнами. В нём и работала многоканальная радиостанция, экипаж — человек пять, примерно. Люди в машине сидели тесно, масс-детектор смог выдать только приблизительную оценку.

О результате первичного осмотра ТВД она сообщила Секонду.

— Хорошо. Наши объекты чего-то не очень торопятся — сжимают кольцо, но пока вне зоны действительного огня. Подойдут поближе, мы стрельнём по паре раз, чтоб шороху навести, и начнём отход внутрь здания. О! Вот и подкрепление прибыло, — это он имел в виду Людмилу и двоих разведчиков.

— Слушай, баронесса. Как только услышишь первые выстрелы — мы из дробовиков начнём, приложим двух-трёх самых прытких. Они задумаются, а в это время все лишние с территории уйдут. Тогда и позабавимся. Твоя цель — вэн. Всех вырубай и угоняй машину. Не сильно далеко, в подходящий проходной двор. Можно — поблизости от моего «Самшита». Там и стой. Если у них рация на приём работает — слушай. Сама в связь не входи. Без связи и координации наши клиенты не шибко много наработают.

Фёст приказал Григорию с Эдуардом занять позицию у перехода из здания в цех. Людмилу и весь девичий полувзвод рассредоточил по периметру примыкающей к конторе площади. Им задача — сидеть тихо до последнего, как засадному полку Боброка Волынского. В случае необходимости удар в тыл или фланг всей огневой мощью десятка ство-

лов надолго нападавшим «памороки отобьёт»¹, как дед выражался.

Ещё не ушедшим людям Хворостова Фёст поручил устроить яркую демонстрацию. С дистанции прямой видимости произвести по каждой из разведгрупп противника максимально возможное за минуту число выстрелов и сразу отходить. Но при этом отчётливо обозначив, что «шверпункт» позиции как раз в конторе и её подвалах. Да это атакующие и сами знают, сюда и шли. Ну, лишний раз убедить противника в его правоте — святое дело.

Главное, о чём он предупредил «ополченцев», возможно, подзабывших настоящую войну (если кто в ней вообще участвовал) — отступать организовано, не отвлекаться на ложные цели и вражеские провокации, а главное — не высовываться выше верхних кромок естественных и искусственных укрытий. Снайперу много времени не надо, чтобы неосторожную голову продырявить, даже и в, условно говоря, «темноте». Для нокто- и тепловизоров темноты не бывает.

— Командир, — спросила Темникова шёпотом, — а их не удивит, что *картинка боя* слишком *срежиссированно* выглядит? Если подумать, так очень понятно, как их в огневой мешок затягивают...

— С чего? — ответила вместо Фёста Людмила. — С чего им сейчас *думать*? Они всё заранее знают. Они нашу квартиру отслеживали, разговоры «дяди Бори» слушали. Знают, сколько здесь примерно людей должно быть, чем вооружены. Я бы на их месте решила, что вся «верхушка» так и сидит в подвале, разговоры разговаривает. Ну и с

¹ У В. Даля — «отбить, отшибить памороки» — лишить памяти, сознания, способности разумно действовать.

ходу вперёд. Хватай мешки, вокзал отходит. А когда нарвутся на огонь, окончательно убедятся...

— Тоже мне стратег, — недовольно бросила Арина. То, что Вяземская так быстро начинает «борзеть», взводную совсем не радовало. Вельяминова, вон, с Уваровым уже сколько времени как с мужем живёт, и тоже взводная, а своего положения не выпячивает. А эта с первых дней вообразила, что ей теперь и чёрт не брат...

— Верно, — поддержал Людмилу Фёст. — Так что приготовились...

Момент и вправду наступил. У кого-то из продвигавшихся широкой дугой, в две шеренги с пятиметровыми интервалами, «контртеррористов» (так они числились в официальных отчётах) под ногой провалилась проржавевшая водосточная решётка. Ходить-то что по лесу, что по замусоренному заводскому двору эти спецы умели, но — «неизбежная на море случайность». Наступил, железка громко хрустнула, ещё что-то загремело. И началось!

Командовавший отрядом чоповцев Григорий демонстративно неуверенно выкрикнул: «Стой, кто идёт?», луч не очень сильного фонарика зашарил по двору, зацепил одного или двух крайних в шеренге. Тут же гроыхнул одиночный ружейный выстрел в воздух, клочок оранжевого пламени выметнулся на полметра. Следом за ним (известный приём — формально требование закона исполнено, а там иди разбирайся, кто ответил огнём на предупредительный и чьи были первые пули на поражение), подряд, вперебивку гулко захлопали до десятка «Сайг». Ребята стреляли в основном полукартечью. Не так, чтобы совсем смертельно, но если кто без бронежилета, в ближайшее время бегать вряд ли будет.

Ну и ещё насколько-то убедит, что никто опаснее сторожей с дробовиками и нескольких пистолетов у руководства им не угрожает.

Расчёт был верный. И слишком внезапная демаскировка, и стрельба своё дело сделали. Те, в кого попало, начали нажимать спуски вполне машинально. Не дальняя ведь разведка эти «зубры», не спецназ ГРУ. Так, чуть лучше обученный ОМОН фактически. И неважно, зомбированы они или просто хорошо финансово простимулированы.

Через полминуты пистолетные выстрелы и короткие очереди из «Кедров» и «Кипарисов» гремели уже вдоль всей цепи. То есть операция мятежников автоматически потеряла рисунок и смысл. Полноценный огневой бой с подготовленным противником — совсем другая стратегическая концепция. Приказ ведь был — взять живыми таких и таких-то персонажей. И фотографии имелись, словесные портреты, номера и волновые характеристики телефонов и других средств связи. Теперь эта задача представлялась уже невыполнимой. Требовалась срочная корректировка плана, и не на уровне командиров отделений, хоть и в офицерских званиях. Но с этим тоже возникли трудности из разряда непреодолимых.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

То, что в этом не центральном и отнюдь не фешенебельном районе вдруг вспыхнула перестрелка — едва ли должно было взволновать руководителей операции. Даже и в спокойные времена то, что происходило на гигантской, неизвестно кому принадлежащей территории, не слишком волновало окружающих. Ну, могло бы сейчас несколько

особо бдительных граждан позвонить в отделение милиции или «Службу спасения», мол, стреляют тут где-то за заборами. Так сначала нужно ещё разобратся, не кавказскую ли свадьбу справляют поблизости или просто мальчишки петарды раздобыли и развлекаются. А если даже какой-то бдительный дежурный вдруг и вышлет наряд, посмотреть, разобратся, так его остановят на дальних подступах вежливые мужчины с серьёзными документами. Объяснят, что операция проводится «на другом, чем окружное отделение милиции, уровне», и всё на этом.

Кстати, руководство пока и не вмешивалось, а вот сразу три командира «среднего звена», руководящие тремя группами — «зубров» для силового обеспечения, специалистов «интеллектуального профиля» для захвата основных фигурантов и немедленной с ними работы и того самого «взвода прикрытия», что должен был исключить любое вмешательство извне, причём не только патрулей ППС, — оказались поставлены в тупик.

Двое «силовиков» должны были при возникновении нештатной ситуации доложить по команде, получить необходимые указания и продолжить выполнение задачи, что они сейчас и пытались сделать, а вот третий, «аналитик», сразу понял, что операция уже сорвана. Раз началась стрельба, вместо необходимых «на самом верху» пленных им достанутся только трупы, причём — исключительно бойцов прикрытия. Главари непременно уйдут, есть у них такая мерзкая способность, что сегодня уже дважды подтверждалась. Значит, операцию надо сворачивать, пока не поздно, и возвращаться «к месту постоянной дислокации».

★ Беда в том, что этому «третьему» первые два не подчинялись. У них были свои командиры и свои инструкции, а для «согласования разногласий» как раз и был развёрнут ППУ¹ в мини-взне. Решение могли принять только там. Значит — приостановка движения, закрепление на достигнутых рубежах, доклад, ожидание новых инструкций, перегруппировка. Вот, считай, и всё, нечего было и затеваться. В таких делах потеря темпа равнозначна проигрышу партии.

И с самим докладом тоже не заладилось. «Зубры» и взаимодействующие с ними формирования даже в условиях почти уже достигнутой победы всё же не расслаблялись, не позволяли себе пользоваться для оперативной связи мобильными телефонами, как армейские офицеры противостоящих сторон в постоянно полыхающих на территории бывшего СССР локальных войнах. У них имелись специальные, отнюдь не российского производства, полевые рации со скользящей волной, согласуемой между приёмниками компьютерно, по отдельной программе, то есть пеленгация и перехват разговора «в режиме реального времени» исключался. Если только на противника не станет работать сам «начальник службы связи», знающий все характеристики радиостанций, частоту и амплитуду модуляций, саму программу и всю линейку кодов доступа.

В этом смысле «переговорники», которыми пользовались «печенег», были гораздо удобнее. У себя они представляли последнее, секретнейшее достижение технической мысли, а с точки зрения здешнего XXI века были настолько примитивны и работали в таких диапазонах, что для их перехвата подходящей аппаратуры просто не имелось «в ши-

¹ ППУ — полевой пункт управления.

роком доступе». Это примерно как американские методики «Стелс» — прекрасно защищали самолёты от современных радаров, но оказались совершенно бессильны против стоявших на вооружении у сербов древних советских РЛС, работавших в метровом диапазоне.

Герта подкатилась на своих роликах к спокойно стоящему мини-вэну, заведомо поставленному так, что и свобода маневра обеспечивалась, и никакие пункты ПДД не нарушались. Машина выглядела пустой, ни лучика света из-под шторок, ни шевеления внутри. По крайней мере, так должно было показаться случайному прохожему или совершающему свой ежевечерний круг по вверенной территории экипажу ДПС.

Валькирия на своих роликах выглядела совершенно естественно, даже когда чуть не наткнулась на инвалида в кресле на колёсах, совершавшего вечерний моцион; рванулась в сторону, кое-как объехала старика со старушкой, зацепилась за электрический столб и с маху ударилась прямо о широкую сдвижную дверь микроавтобуса, обращённую к тротуару. И тут же тренированно отметила недостаточную подготовленность своих «клиентов». Гулкий удар семидесятикилограммовой (со всем снаряжением) девицы, помноженный на квадрат её же скорости в тонкий, срезонировавший лист автомобильной двери, заставил кого-то, сидящего к ней вплотную, чисто автоматически отодвинуть край оконной шторы, взглянуть, что случилось.

Особого значения для планов Герты это не имело, она и так успевала, но всё же внимание противника было дополнительно отвлечено. Никогда ведь не знаешь, не столкнёшься ли вдруг с мастером, за три секунды выпускающим весь барабан «кольта»

одинарного действия¹ в подброшенный двадцатипятицентовик. Маловероятно, но раз такие люди достоверно существуют, отчего бы вашим путям однажды не пересечься?

Она рывком распахнула дверь, незапертую (а ведь специалисты советуют, во избежание нападения уличных грабителей, всегда фиксировать замок изнутри), увидела пятерых мужчин, в разных позах сидящих в салоне, кто с ноутбуком, кто перед светящимся стационарным монитором. И затылок шестого, на водительском месте, вопреки всем правилам курящего, пусть и аккуратно, выпуская дым поверх чуть приспущенного стекла в сторону проезжей части. Оттуда заметить эти *дискретные* струйки мгновенно рассеивающегося дыма было практически невозможно, но тем не менее...

Герта нажала кнопку уже готового к действию блок-универсала, и «экипаж машины боевой» дружно повалился на пол, друг на друга, на пульт чего-то радиозлектронного и на рулевую баранку.

Здесь дело сделано. Валькирия, оглянувшись и не заметив, чтобы кто-то заинтересовался её задержкой возле мини-вэна, скользнула внутрь и задвинула за собой дверь. Подождала минуту-другую, наблюдая через лобовое стекло и из-за шторок — всё вокруг снаружи тихо, спокойно. Внутри тоже — клиенты в той самой кондиции, что и гарантировалась инструкцией к «портсигару».

Она сбросила с ног неуклюжие ботинки с роликами, раздвинула створки стеклянной перегородки, отделяющей салон от водительского отсека. Подхватила отнюдь не хрупкой комплекции мужи-

¹ Револьвер одинарного действия — требующий ручного взведения курка для каждого следующего выстрела, не самовзводный.

ка под мышки и выдернула его, как морковку из грядки. Помогло ей то, что у парализованных блокуниверсалом поперечно-полосатые мышцы значительно расслабляются, а гладкие остаются в тонусе. И они не становятся такими свинцово-тяжёлыми, как покойники. Приложился водитель головой об угол приборного столика основательно, но это девушке было совсем безразлично. Он явно не относился к объектам, заслуживающим аккуратного обращения.

Доставать из рюкзака кеды, переобуваться было некогда. Герта, подобно профессиональной «женщине-змее» из цирка, по сложной траектории изящно скользнула к рулю ногами вперед, в одних носках. Даже удобнее, педали лучше чувствуешь. Завела мотор, включила скорость и поворотник, начала отпускать сцепление. И на тебе! Не было печали!

Слева, прямо к дверце, прижался патрульный «Форд Фокус». Через опущенное стекло на валькирию весьма нелюбезно смотрел старший лейтенант, возрастом под сорок, «мордой же огряден», как писали во времена Ломоносова и Тредиаковского.

— Заглушите мотор, *девушка*...

Как-то эта «*девушка*» некрасиво прозвучало. Будто гаишник собирался произнести совсем другое слово, но в последний момент сдержался.

— А в чём дело? Я ничего не нарушала...

— Повторить? Глуши мотор и давай документы. — Разговор начал приобретать совсем нехорошую окраску, если на «ты» патрульный заговорил. Разве что «мент» (Герта легко научилась здешнему диалекту) стоял где-то в укрытии и пронаблюдал всю сценку, действительно со стороны очень некрасиво выглядевшую.

Вон и короткий «АКСУ» у него на коленях лежит, гаишник явно готов применить его в следующей мизансцене.

«И как же ты это собираешься делать? — насмешливо подумала Герта. — Палец на спусковом крючке, а ствол направлен в бок напарнику. Развернуться в тесной машине на сто восемьдесят градусов по горизонтали и одновременно ухитриться поднять автомат на девяносто по вертикали, чтобы весьма относительно прийти в подходящую для стрельбы позицию. Ну-ну...»

— Сейчас, гражданин начальник, уже начинаю искать права, они у меня в каком-то кармане, а джинсы узкие. Может, я лучше из машины выйду?

— Выходи, выходи, — гаишник чуть успокоился. Людей в салоне он явно не видел, решил, что просто хипповая девица решила на чужой машине прокатиться. Причём девица очень ничего из себя. Глядишь, ещё и под кайфом. Наверное, стоит изъять документы, посадить в машину, а потом в подходящем месте договориться на заднем сиденье «по-хорошему».

«Нет уж, извини, коллега, но мне с тобой сейчас вступать в обсуждение разницы наших взглядов на одно и то же событие недосуг», — подумала Герта.

— Сейчас, протрону чуток, а то мы с вами движение загораживаем, — очаровательно-смущённо улыбаясь, «нарушительница», не ожидая реакции собеседников, немного отпустила сцепление, минивэн продвинулся вперёд метра на три, скрежетнув краем порога о высокий бордюр. «Менты» совершенно машинально повторили её маневр. Вот и хорошо, не будут теперь загораживать полосу, привлекать ненужное внимание.

Герта прыгнула на ещё тёплый асфальт, в долю секунды оказалась рядом с «Фокусом», держа блок-

универсал на уровне пояса, нажала кнопку. Режим парализатора был выставлен на минимум. Полчасика отдохнут «утомлённые службой», потом долго будут соображать, что и почём... Вреда им не случится, и никто, по ночному времени, стоящей у обочины машиной, кроме другого экипажа, проезжай он вдруг мимо, не заинтересуется. Люди приучены — внимание этих ребят без повода привлекать не стоит. Если вдруг захотелось им вздремнуть на рабочем месте, ну и пожалуйста, всем окружающим от этого только лучше.

Герта сильно надела на верхний край бокового водительского стекла, перегнулась внутрь салона. Схватила оба «АКСУ», тот, что на коленях старшего лейтенанта, и второй, на заднем сиденье. Очень ей эти изящные игрушки понравились. Вернётся домой, оформит разрешение и будет ходить с ним на службу, на зависть прочим девицам. Она даже забыла в азарте, что имеет на ближайшее будущее несколько другие планы, на фоне которых эти два автомата — как утащенные в детском саду у соседа по песочнице лопатка и ведёрко.

Так ей ведь, биологически, ненамного и больше, лет девятнадцать примерно. В эти годы кому бриллианты в полкарата весь свет застят, кому прозрачные гарнитурчики из «Галери Лафайет», а баронессе автоматы, совсем новенькие, кстати.

Девушка аккуратно, чтобы не зацепить бампером грустную, забытую хозяином «Приору», на палец покрытую пылью, вырулила на полосу и влилась в удивительно свободный поток движения. Держа руль одной рукой, другой включила вызов Секонда.

— Порядок. Машина у меня, клиенты в машине. Прошло без осложнений.

О двух мелких эпизодах она распространяться не стала.

— Есть. Поняла. Мои предложения — через полкилометра, по ту сторону моста останавливаясь, привожу одного в чувство и начинаю слушать эфир. А может, господин полковник, приказать, чтобы он своей банде общий отход скоординировал? Типа «Нас предали! Спасайся кто может!»? Пусть бегут, ищут свою машину, а вы аккуратненько...

Герте такой выход из боя казался оптимальным. Ей очень не хотелось, чтобы шальная пуля задела кого-то из своих. Гомеостат гомеостатом, но если экспансивная пуля в голову — потребуется не один месяц стационарного лечения, и без гарантии, что сложные интеллектуальные функции восстановятся. Очень вероятно, что человек, хоть и со стопроцентно регенерированным мозгом, превратится в дауна, если не хуже...

Секонд мыслил иначе. Отпускать на волю полсотни вооружённых боевиков, ориентированных именно на тотальную зачистку Москвы от перспективных борцов с новым режимом и их вдохновителей — ничуть не разумная идея. Это весной сорок пятого можно было пацанов из «Гитлерюгенда» просто выпороть, отняв «панцерфауст» и «98 К»¹, после чего отправить к маме (поскольку папа, скорее всего, сам уже гниёт под Москвой, Сталинградом или Минском). А сейчас всё только начинается, и гуманизм в данном случае — прямая помощь врагу.

— Принимается ровно наполовину. Займи неустойчивую позицию, одного активизируй, кто там самый главный — сама разберёшься, и пусть он передаст всем группам: «Выполнение задачи про-

¹ 98К — карабин системы «маузер», 1898 г. (курц — короткий), стоявший на вооружении германской армии в разных модификациях обе мировые войны.

должать. Сопротивление подавить. Захват всех намеченных личностей живыми и здоровыми обеспечить любой ценой». В этом духе, а как это должно звучать в их системе координат — выясни в процессе... Работай, баронесса — сорок веков смотрят на тебя с вершины этих пирамид¹.

Герта вдруг опять с острым сожалением подумала, что, наверное, зря она не сумела добиться *настоящего* внимания со стороны этих странных, но крайне привлекательных *близнецов*. Лучше бы, конечно, если бы это был Фёст... А Мятлев — это совсем, совсем не то. После сегодняшней ночи это стало ей отчётливо ясно. Да, не противен, влюблён, умеет сделать девушке приятно, но — никак не героёй её романа. Как инструмент достижения определённых целей, конечно, сгодится на определённое время, а потом она сообразит, как устроить свою жизнь. Этому её специально учили.

Может показаться странным, что такие мысли пришли Герте в голову в совсем неподходящее время, и они противоречили тому, что она же думала всего вчера, но не нужно забывать о её биологическом и эмоциональном возрасте, и что она, как и вся их «великолепная семёрка», — девушка весьма романтического склада личности. И вот выдалась в череде боёв короткая передышка — мысли сразу же потекли по совсем другому руслу. Да и пережитая ночью гормональная буря так до конца не утихла ещё. А во всём этом «виноваты» не только неизвестно от каких «родителей» доставшиеся ей гены, но и воспитательное воздействие на *незафиксированные матрицы* валькирий Лихарева, Сильвии, а в особенности — Натальи Андреевны Воронцовой,

¹ Цитата из обращения Наполеона к своим войскам перед началом сражения за Каир в 1798 г.

да и Майи Ляховой, жены Секонда и свояченицы Фёста, о которых Герта сейчас подумала.

Впрочем, в следующие секунды баронесса забыла обо всех этих глупостях и полностью переключилась на *непосредственную задачу*.

Несколько поворотов по внутридворовым проездам, две поперёк пересечённые магистрали, мост — и мини-вэн остановился у глухого кирпичного забора старинной церкви. С другой стороны переулка — обширный сквер, полого спускающийся к Москве-реке. Едва ли кто-то в ближайшее время ей здесь помешает. А попробует — ему же хуже.

Герта проверила, нет ли в машине действующих противоугонных маячков, связанных с GPS или «Глонассом». Вроде бы нет. Можно продолжать.

Она решила начать с человека, кулём застывшего между спинкой сиденья, бортом машины и поперечным столиком с агрегатом, похожим одновременно на стационарный компьютер, армейскую радиостанцию и пульт диджея на дискотеке. Он здесь если и не начальник, то наверняка наиболее информированный сотрудник, раз работает с такой аппаратурой.

Через несколько минут тот очнулся, то есть пришёл в сознание, не до конца восстановив двигательные функции. Едва ли переход к реальности доставил ему удовольствие. Напротив сидела девушка, чьё изображение и ориентировочные данные имелись в памяти и человека, и его электронной машины.

Прелестное лицо и очень жёсткий взгляд. В руках у неё поблёскивал жирным золотым оттенком массивный мужской портсигар. Она взяла из него сигарету двумя пальцами и, элегантно отставляя руку, закурила.

— Ты меня слышишь? Понимаешь?

Мужчина, как бы заново учась пользоваться голосовыми связками, просипел, что да, слышит.

— Что вы со мной сделали? Я тела не чувствую? Что-то с позвоночником?

— Как вы все начинаете вдруг о своём здоровье заботиться, когда припрёт. Сегодня два десятка вполне здоровых мужиков полдня в меня из автоматов палили, и ни одна сволочь не подумала, что мне своего тела тоже, может быть, жалко...

Мужик отчаянно замотал головой, пытаясь довести до сведения этой девицы, что он к покушениям на её жизнь совершенно не причастен.

— Так я и думала. Убивает и отдаёт команды убивать всегда кто-то другой...

Времени у Герты было много, и она решила немного поупражняться в том искусстве, которым виртуозно владел Фёст.

— Очень хорошо. Сейчас тебе станет гораздо лучше. Или — даже не представляешь, насколько хуже. В зависимости, как ты себя поведёшь. У тебя зубы когда-нибудь болели?

Пленник утвердительно кивнул. Не хотел с мучительными усилиями ворочать языком, словно бы обколотым новокаином.

— Имеешь шанс почувствовать, как бывает, когда человек целиком превращается в насквозь больной зуб. Быстро — фамилия, имя, должность, звание, задача...

Человек, очевидно, руководствуясь той методикой, что предусматривает полный отказ от сотрудничества со следствием и ответов на самые невинные вопросы, мотнул головой и замычал.

— Что, говорить трудно? Или не хочешь? Или требуешь встречи с адвокатом? Извини, я по другому ведомству... И не таких гордых видала.

Нажатие кнопки, и мужчину скрутило пронзительной болью во всех нервных узлах сразу. Для здоровья почти безвредно, но неприятно до невозможности. Герта решила, что и секунда для него сейчас — невыносимо долгий отрезок времени. Отпустила кнопку.

— Я могу это делать ещё и ещё. Причём сознания ты не потеряешь. Это предусмотрено. Будем дальше героя изображать или перейдём к прозе жизни?

Герта не была садисткой, то, что пришлось делать, ей, скорее, не нравилось. Но ведь она честно предложила выбор. Если здесь такие люди... Только что, на протяжении меньше чем получаса, её дважды собирались изнасиловать, совершенно без всякого повода, не думая, понравится ей это или совсем наоборот. В случае излишне активного сопротивления могли и убить. Не её, конечно, с ней бы не вышло, а ту, какой она казалась.

И вот эти, в машине, сделали бы с ней и её подругами то же самое. Дай им волю.

Капли холодного пота, покрывшие лоб и всё лицо этого, в общем, приличного на вид человека, не успели высохнуть. Он отпустил закушенную губу и кивнул.

Герта сняла с его мышц паралич. Всё равно ближайшие несколько минут ему придётся заново учиться ими пользоваться.

— Буду говорить...

— А я читала, что бывают люди, молчащие под пытками до смерти. Наверное, у них другая мотивация... — как бы сама себе сказала девушка с долей презрения. — Тогда начинаем сначала. Я слушаю...

Атакующие оказались в очень неудобном положении. У них были снайперы, были автоматчики, большинство бойцов умело штурмовать здания. Но — немножко в других условиях. Рвануть сейчас вперёд, зная, что обороняющиеся успеют из крупнокалиберных дробовиков и пистолетов первым залпом положить минимум десяток человек... Самое существенное — никто не может угадать, окажется ли он в числе «двухсотых» и «трёхсотых». «Русская рулетка» с полным барабаном патронов.

А обороняющиеся отстреляются из темноты и сразу отойдут в глубину комнат, коридоров, подвалов, прикрываясь огнём, ставя растяжки и используя чёрт знает какие ещё способы борьбы, до следующего рубежа. Слепая отвага здесь просто нерациональна. Это понимали даже те, кому в атаку идти было необязательно. Если бы ещё в итоге была гарантия, что бой закончится победой, будет достигнута цель операции. Так ведь нет! Потери будут три, пять, а то и десять к одному, причём те, ради кого всё затевалось, определённо уйдут. Или — уже ушли.

Поэтому стрельба прекратилась за полной бессмысленностью продолжения штурма. Пат! На стороне атакующих было достаточно укрытий, чтобы не опасаться ответного огневого налёта или атаки, если, конечно, в дело не пойдут гранатомёты, миномёты и прочая пакость, несовместимая с понятиями «бойцов невидимого фронта».

Фёст именно так оценил обстановку. Тем более Ляхов-второй передал ему информацию, полученную от Герты.

— Тогда пора заканчивать. Девчата пусть расстреливают все боеприпасы, попарно отходя к дырке в заборе. А мы втроём (он имел в виду их двоих и Людмилу, вооружённых блок-универсалами) со-

вершаем марш-маневр по тылам. Глушим всё, что шевелится, — и к машинам. Идёт?

— Нормально, — согласился Секонд. — Только подождём немного. Гертин пациент передаст свою команду, а мы посмотрим — станут ли эти её выполнять... Оп!

Не зря он считался великолепным стрелком ещё в своей прошлой жизни. Уловил нечто вроде человеческой тени, мелькнувшей между грудой старых бордюрных блоков и углом одноэтажного строения метрах в тридцати левее его окна.

Навскидку выпустил по ней четыре дуплета из «беретты», слившиеся в короткую очередь. По две пули на метр вправо и влево от исходного положения цели, ещё пару метром выше, последнюю снова в центр условной мишени. Надёжная методика, если патронов хватает. Хоть один раз он попал на верняка. В тишине отчётливо прозвучал вскрик, какой бывает, когда человеку уже глубоко до фонаря правило спецназа — молчать, даже умирая. Вслед за криком — звук падения тела на какой-то строительный мусор. Не повезло «товарищу», забыл, что перебежек в зоне действительного огня следует избегать. Темнота и скорость далеко не всегда спасают.

В ответ замолотил сразу десяток автоматных стволов. Зазвенели вылетающие стёкла, занули рикошеты от кирпича и бетона. Но впустую. Хоть и демаскировал себя Фёст, так успел убраться из оконного проёма раньше, чем долетела до цели его последняя пуля. Зато по вражеским дульным вспышкам врезала очередью из «ПКМ» на поленты «девушка-скрипачка». Зубченко её фамилия, Татьяна, вспомнил Фёст.

— Сейчас они рванут в последнюю атаку, — сказал Секонд, сосредоточенно подбирая нужную

комбинацию на панели блок-универсала. — Просто для самоутверждения...

— Первую и последнюю, — уточнил внезапно появившийся у него за спиной Хворостов. С ним были неизменные Григорий с Эдуардом, а ещё и консьерж. — Мы не устоим. Ребята немножко разведали. У них ещё одна резервная группа, больше взвода. Все с автоматами. И три пулемёта точно. У многих подствольники. Замкнут кольцо, и нам... Ну, может, кого-то из девушек в плен возьмут...

Пессимизм полковника Фёста удивил. Или не пессимизм это был, а что-то другое.

— Не понимаю, Сергей Саввич, зачем вы сюда вообще пришли, — сказал он крайне резко и раздражённо. — Вам было сказано — пострелять и сматываться. Кстати, до своих людей вы дозвонились?

— Дозвонился. Точка сбора — двадцатый километр за МКАД по Киевскому шоссе. Контрольное время с нуля часов и до подхода всех, кто сможет. А пришёл я, чтобы вас увести. Азартные вы больно. Не по делу...

— Кто б говорил. Последнее слово — ноги в руки и уё... по-быстрому. Здесь вам делать уже нечего. За нас не переживайте. Догоним. Только как вы через всю Москву — с оружием?

— А нас возле Тульской должны надёжные ребята встретить и с мигалками проводить, так что за нас не беспокойтесь...

— Значит, главная проблема вам мост проскочить, а это не всегда легко.

— Ничего, у нас как раз по таким делам специалистов хватит.

— Тогда — не смею задерживать. Какой-нибудь номер машины назовите, желательно — замыкающей, чтобы я ваш кортеж с чужим не путал.

— Это пожалуйста. «УАЗ-Патриот», «С 593 ЕУ». Сам в нём ехать буду.

— Тогда всё, а то заболтались мы.

— Григорий и Эдуард с вами останутся. Помогут сориентироваться... Пустыми цехами проведут... Хворостов растворился в темноте.

Под командой Фёста остались Секонд, Людмила, двенадцать «печенежек» и *эти...* В принципе, вроде неплохие ребята, но Вадима всё мучило смутное ощущение какой-то *неправильности*. Не совсем ему были понятны их роли. Днём с Людмилой ходили, слежку якобы заметили, но сами под неё не попали. Неизвестно, что с ними было после того, как Вяземская с Журналистом прорвались с боем. И здесь оказались, как на заказ. Борис Иванович тоже... *Смутно* ведёт себя. Он тоже мог привести «хвост» — случайно или намеренно.

Главной загадкой оставалось — почему сразу не атакована база на Столешниковом. С помощью консьержа или без — разведка мятежников не могла о ней не знать. Значит, что? «А то, — ответил сам себе Фёст, — им до сих пор не всё ясно, они не определились, главные ли персонажи господин Ляхов и его племянницы или по данному адресу могут (скорее всего — должны!) появиться более серьёзные люди».

Подозрительность, считается, нехорошая черта. Но ещё в войсках Ляхов-первый слышал от начальника разведки своей бригады, *того* майора Трайчука, что в их профессии паранойя — достаточно полезная болезнь. Это он с Вадимом как с врачом разговаривал, под казённый спирт и принесённую с собой закуску.

Слово «того» Фёст мысленно подчеркнул, потому что давно уже не был уверен, что мир, где он находится сейчас, — истинно его. Прямых доказа-

тельств не было, только ощущение. Как там у Шекли: «Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что всё равно ничего не выяснишь. Он лежал под привычным зелёным небом и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочёвывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении тёмного спутника? Всё оказалось на своих местах. Отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца...»¹

Но это уже чистая схоластика². И Хворостов, и эти парни имели куда больше оснований с подозрением относиться к нему и его «девочкам». То есть непреложным, самоочевидным фактам и даже их объяснениям они, скорее всего, верили, а вот конечным целям — большой вопрос.

Но это тоже будем обсуждать не здесь и не сейчас. Время поджигает, его остаётся буквально секунды. Если противник «упредит в развёртывании», то план посыплется со свистом и грохотом.

— Темникова! Пулемёт на правый фланг. Четыре-пять самых длинных очередей с рассеиванием в глубину. Если с той стороны выстрелят — сделай вид, что пулемётчик убит. Если не успеют — просто заглохни на половине очереди. Перекос или лента кончилась. И все, кроме меня, Вяземской и полковника Ляхова, — бегом к задним воротам. С боем или без, что предпочтительнее, выходите к машинам, отъезжайте на несколько кварталов, в сторону Тульской, как Хворостов сказал. Ты, Гри-

¹ См. Р. Шекли. «Обмен разумов».

² В данном случае подразумевается не философский смысл термина, а бытовой, т. е. бесплодное умствование.

ша, — головой ответишь, извини за грубость. Глазунова, Шацкая — глаз с проводников не спускать. Шаг вправо, шаг влево — сами знаете... Исполнять!

— Что, до сих пор не верите? — с обидой спросил Эдуард. — Зря...

— Вы нам сильно верите, — вдруг огрызнулась Глазунова. — Вперёд!

Основные силы отступили в порядке, теперь предстояло поработать арьергарду.

После того как замолчал пулемёт, наступающие выжидали не менее десяти минут. Что от них и требовалось. Всё это время командир группы захвата безуспешно вызывал свой ППУ, и настроение у него портилось всё больше и больше. Голос, а главное — манера говорить старшего по операции ему сразу не понравились. И интонации звучали не совсем привычно, и на вполне соответствующие обстановке вопросы толковых ответов не было. «Выполнять, что я приказал!» — причём с заметным надрывом, и больше ничего, по сути. Потом связь совсем прервалась. Это Герта, тоже сообразив, что пленник свою роль играет плохо, сначала хлопнула ладонью по заметной кнопке «Power» на пульте, а потом, не выдержав, хлестнула его обратной стороной кисти по губам. Почти не больно, но весьма обидно, если человек был в состоянии сейчас это понять.

— Я предупреждала, — прошипела валькирия и снова превратила не оправдавшего надежд «языка» в парализованный полутруп. Только зрение и слух остались при нём. Исключительно в воспитательных целях. В следующий раз, вернувшись в норму, будет сговорчивее.

А командир «зубров», помучившись немного умственными усилиями, решил всё же выполнение задачи продолжить. Как ни крути — команду он получил. В нюансах начальственного тона разбираться не обязан. Мало ли там что — может, «первый» сам капитальную выволочку сверху только что получил. Случится «разборка на ковре» — их переговоры записаны, придаться будет не к чему. Главное — дойти до намеченной точки с минимальными потерями и предъявить потом энное количество трупов и пленных. Начальство «на сто тысяч рублей» умнее его — пусть потом разбирается.

Положив руки на руль, Герта слышала отдалённую стрельбу, пыталась по звукам представить картину происходящего на заводе. Удивлялась, что редкие прохожие, появлявшиеся в поле её зрения, как бы не слышали ничего особенного. А возможно, так оно и было. Петарды, решили, где-то рвутся, скоро ракеты начнут взлетать.

Интересная здесь жизнь. В её Москве на такую канонаду сбежались бы все городовые полицейской части, во главе с приставом.

Когда после пулемётных очередей огонь всех видов внезапно стих, она опять вызвала Фёста. Не стала спрашивать, что там и как, попросила инструкций для себя.

— Если вокруг спокойно, сиди и жди нас. Лучше выйди из машины, займи позицию поблизости, с хорошими путями отхода. Изображай местную жительницу, вышедшую воздухом подышать.

— Так точно, в полдвенадцатого ночи, в бандитском районе. Меня, к вашему сведению, несколько раньше здесь уже чуть не изнасиловали. Цивилизованная столица, называется.

— Но ведь обошлось? — участливо спросил Фёст.

Герта в ответ только фыркнула.

— Я так и думал. Подожди, одним словом. Минут через пятнадцать-двадцать, думаю, закончим. Темникова своих уже увела к машинам. Мы втроём к тебе подойдём.

— Вы там тоже... Остерегайтесь.

Боевики мятежников решили, что выждали достаточно. Тоже не сильно умно. Если опасались засады, так приличные снайперы могут и сутки цель караулить. В ином случае за это время противник может оторваться «с концами». Если только весь район не блокирован наглухо хотя бы батальоном. При меньшей численности в кольце такой длины неизбежны прорехи, через которые опытные разведчики уйдут без проблем.

С мотивацией у тех, кто не был зомбирован, тоже явно не очень. При классических военных переворотах в их успехе по-настоящему заинтересованы только организаторы и командиры выше среднего звена. Рядовые просто выполняют приказы, боятся попасть под случайную пулю или снаряд, боятся военного суда или бессудного расстрела в случае поражения. Желающих бросаться с гранатой под танки или грудью на пулемёт среди них обычно не находится. У защитников существующей власти оснований сражаться до конца обычно больше. Конечно, если речь не идёт о действительно народном восстании против всех доставшей тирании.

С помощью блок-универсалов за отпущенное время Ляховы и Вяземская с трёх точек успели запеленговать и позиции неприятеля, и направления

передвижения за пределами простреливаемой из здания зоны.

— Всё так и есть, классика, — сообщил свой вывод Фёст. — Наши приятели собираются демонстрировать атаку с фронта и одновременно большей частью сил проникают в цех через ворота для узкоколейки и автомобильную аппарель. Прячась за фундаментами станков и прочим оборудованием, окружают наше заводууправление. Минимум сорок человек. И всё. Тех из нас, кто окажется вне здания, рассчитывают перестрелять без проблем, у них подавляющий огневой перевес. Зачистив цех, окружат контору и — как пожелается. Могут предложить сдаться, могут сразу дом газовыми и боевыми гранатами закидать...

— Что, думаешь, они про подвалы не знают? — спросил Секонд.

— Могут и не знать, если среди наших чоповцев «кротов» не было.

— А если у них просто есть хорошие инженерные чертежи?

— Сильно сомневаюсь. Это ж не классическая спецоперация, это скорее — «побег на рывок»¹, как блатные выражаются. Но нас это сейчас не волнует. Мы их развлекать «бегалками и стрелялками» не подряжались. Пошли по коридору до конца, через окна во двор и прямо в сторону ворот. Там нас меньше всего ждут. Выходим в тыл и фланг основной ударной группе, работаем парализаторами на полный радиус — и смываемся. Главное — нигде не высунуться зря. И уточните пеленги на Герту, если вдруг оторвёмся друг от друга...

¹ То есть спонтанно, без предварительной подготовки, под настроение или по внезапно сложившимся обстоятельствам.

Примерно так и получилось. Перебегая от угла к углу беспорядочно разбросанных корпусов, вполне бесшумно вышли на цель. Маленький, как у сотового телефона, экранчик на внутренней крышке портсигара сейчас работал вроде тепловизора, обозначая людей розоватыми точками на серо-зелёном фоне. Что значит инопланетная техника, даже сочетание цветов нечеловеческое. По-нашему, куда проще — белыми на чёрном, красными на белом или дымчатом.

Фёст пересчитал всех, кто попадал в сектор захвата. Тридцать три. Остальные не высвечиваются, далеко. Значит, и нам не опасны.

«Конечно, с таким оружием воевать куда приятнее, — подумал Вадим, вспоминая, как он подавлял внутреннюю дрожь нетерпения и, честно признаться, некоторого страха, ожидая, когда авангард моджахедской колонны дойдёт до намеченного ими с Тархановым рубежа. — Можно чувствовать себя Львом Толстым, доктором Швейцером и матерью Терезой в одном лице. Лишнего греха на душу не возьмём. Беда только, что у нас дальнобойность полсотни метров максимум, а противостоящие «толстовцы» все сплошь со стволами, что и на километр наповал кладут».

Секонда и Людмилу он не видел, но примерно представлял, где они могут находиться. Главное, чтобы никто не оказался в границах зоны поражения. Так на это и придумана автопеленгация в блок-универсалах. Он её включил. Картинка на экранчике сменилась. Вот засветка, обозначающая Людмилу, вот Секонда, а у самой рамки — и Герта виднеется.

Из-за облаков вышла луна. Теперь на открытое место соваться нельзя. Да это уже и неважно. Он изо всех сил размахнулся и швырнул гранату в сто-

рону входа в контору. Метров на пятьдесят у него обычно получалось. Вот и сейчас примерно так же. Вспышка оранжево полыхнула в темноте. Задеть он никого не собирался, но внимание отвлѣк всех «зубров» без исключения, а Вяземской и Секонду — сигнал.

Убивать ему никого не хотелось. Скорее всего, это ведь такие же, как он, солдаты. Приказали — пошёл. Куда и зачем — командир знает.

А насчёт политических убеждений — едва ли они вообще здесь у кого-то есть. Слава богу, не настоящая Гражданская, не «та, единственная», на которой мечтали умереть (и чтобы обязательно над ними склонились «комиссары в пыльных шлемах») старшие из поколения нынешних либералов и их отцы, биологические и духовные. Сейчас и у сторонников нынешнего Президента, и рядовых будущей армии «будущего» главы неизвестно какого государства нет личных поводов рвать друг другу глотки насмерть. Не считаясь ни с чем. Пока так, попытка банального южноамериканского «гольпе милитар» с последующим «пронунсиаментом»¹. По десятку жертв с каждой стороны, и очередная страница истории перевёрнута.

Это только через месяц-два маховик взаимной ненависти и реального противоборства начнёт раскручиваться всерьёз. Если мы позволим...

После взрыва включились все три парализатора, на полную мощь и на весь раствор луча.

Зрелище не слишком эффектное. Под пулемѣтами люди падают гораздо *картиннее*, само действие имеет вид эпический и трагический. А тут — словно все разом заснуло, кто стоя, кто лёжа. Повали-

¹ Дословно — «военный удар» + «провозглашение» нового диктатора (исп.).

лись на асфальт неэстетичными грудями. Только каски да автоматы загремели коротко. И всё.

— Внимание! — громко, так, что голос его донёсся без мегафона дальних стен цеха и внешней ограды, закричал Фёст. — Всем живым вооружённым людям предлагаю сдаться. Единственный выстрел — все будут уничтожены огнёмётами. «Шмелей» на всех хватит.

Угроза была серьёзная. Тротиловый эквивалент выстрела у этой «шайтан-трубы» равнялся 122-миллиметровому артиллерийскому снаряду, объём разрушаемых объектов — до 80 куб. метров, если стрелять термобарической гранатой. Поэтому Вадим надеялся, что уцелевшие и сейчас затаившиеся боевики предпочтут не высовываться. Искать их поодиночке за многочисленными, часто хорошо экранирующими от луча тепловизора укрытиями не имело смысла.

Он побежал под прикрытием стены к воротам, уверенный, что друзья правильно поняли его экспромт и уже достигли выхода. Им до него было почти на сотню метров ближе.

Перебежал на другую сторону улицы, остановился под деревом, приводя в порядок дыхание. Возраст есть возраст, и рывок он сделал неслабый. Бывало, «восьмистокую» за две минуты ровно бегал, так то на стадионе, в трусах и шиповках, и в двадцать лет. Сейчас тяжело!

Из-за соседнего дерева появились Людмила с Секондом. Ну да, никак не привыкнет, локаторы же у всех.

Фёст вытер пот со лба рукавом.

— Видите — я же говорил. Все живы, и дело сделано...

— Ещё не совсем, — возразил Секонд. Он по-прежнему ощущал себя за линией фронта, на чужой территории, окончательно успокоится, когда домой вернётся. А Людмиле было всё равно где, если любимый рядом.

— Пошли дальше, Герта тоже волнуется, — сказал Фёст, заодно посетовав, что столько хорошего оружия бросить пришлось. — Если местные жители вовремя сориентируются и подсуетятся, добыча хорошая будет... «АК — сотки» в большой цене, а там и другого добра навалом.

— Главное — ко времени, — согласился Секонд.

Герта, увидев своих, тоже не скрыла облегчения.

— Едем, что ли? Куда?

Она уже окончательно освоилась в своей роли и в этом городе. Со шпаной справилась, с дэпээсниками без шороха справилась, вообразила, что и впредь не растеряется. В принципе, она была права, в этой России милиция подсознательно относится к женщинам за рулём не вполне всерьёз и почти всегда *ведётся* на всякие приёмчики из репертуара анекдотических блондинок. Герта была как раз в стиле. Чуть посерьёзнее на вид, чем Вяземская «во всей красе», но она же видела, как глазки замаслились и губы раскатались при виде неё у «мента» с напарником.

— А чего это ты, госпожа подпоручик, босиком? — поинтересовался Фёст, садясь в мини-вэне на переднее сиденье, будто обрадовавшись возможности рассчитаться за недавнее панибратство баронессы. — Неужто ножки натёрла? Надо лучше обувь готовить перед выходом на задание. В былое

время могли бы и за сознательное членовредительство наказать. Вроде как за самострел...

— Осмелюсь доложить, господин полковник, разулась исключительно в стремлении образцово выполнить задание. Вон там, извольте убедиться — ролики. Использовала для повышения скорости и маневра на улицах. Однако нажимать элементы управления автомобилем, именуемые в просторечии педалями, в них невозможно. Пришлось снять. В любую секунду готова надеть обувь, наилучшим образом обеспечивающую оптимальное выполнение очередного приказа...

— Вот, — грустно вздохнул Вадим. — Швейка в юбке нам только не хватало. Теперь имеем. Ох, доведёшь ты меня когда-нибудь. Боюсь, очень скоро. Ладно, заводи, поехали. Подвези к нашим машинам, а там поедem «союзников» искать. Увидишь «Патриот» № 593, мигни фарами и следуй за ним. Мы втроем, и Глазунова за нами пристроится.

Нашли машины, рассадили девушек по три в каждый «Самшит», оружие спрятали под сиденья. Все были веселы, возбуждены, делились впечатлениями. Темникова, пока они перекуривали перед тем, как ехать, — уж очень больно все истомились воздержанием, и нервов ушло немерено, — спросила в своём обычном стиле:

— Что, господа полковники, заработали скромные девушки по крестику в петлицу? Пока мы с вами запанибрата, ответьте уж. Страх как хочется на балу с «Георгием» покрасоваться. А?

Склонила головку к плечу, глазки в землю и носочком кроссовки асфальт ковыряет.

Секонд хотел поставить её на место, чтоб потом хуже не было, но Фёст был настроен благодушно.

— Что от меня зависит — сделаю. Здесь для всех по ордену у Президента выбью, а у себя — к Вадиму Петровичу обращайтесь.

По городу, слава богу, проехали спокойно. Гаишникам и вообще городской милиции было не до проблем уличного движения, у них сейчас в верхах начинались тектонические толчки, отчётливо ощущаемые «на земле». Так кошки и прочая специализированная живность реагирует на приближающееся землетрясение. Более серьёзные силовые структуры, наверное, пока не имели достаточно сил (простите за каламбур), чтобы перекрывать городские магистрали патрулями или вводить комендантский час. Армия пока в игру не вводилась (или не вступала) вообще. Одним словом — нормальная ретроспектива — «ночь накануне введения ГКЧП». Все к чему-то готовятся, и никто не предпринимает действительно необходимых и неотложных действий. Согласно поговорке, все пока ещё «запрягали», а «быстро ехать» собирались несколько позже.

Секонд поехал на своём «Самшите» с Темниковой и ещё двумя «печенежками», довольный, что те — девушки достаточно скромные и Арина при них воздержится от заигрываний. Фёст с Людмилой остались вдвоём.

— Теперь, значит, вот что у нас выходит, — говорил Вадим. — Доберёмся до места, чтоб не сглазить, камрад Хворостов подтянет туда свою армию, если сумеет, и будет у нас, допустим, полторы сотни штыков, из них наших — шестнадцать. Предстоит прояснить обстановку окончательно, устранить все неясности и шероховатости, и если сложится — начинать действовать. Я свяжусь со всеми, на кого могу рассчитывать, станет ясно — что имеем

в натуре. Но пока мы в меньшинстве, а это всегда нехорошо. Помнишь, что Наполеон говорил? «Большие батальоны всегда правы». Сейчас батальон полковника намного побольше нашего. Что из этого следует?

— Это ты у меня спрашиваешь? — удивилась Вяземская. Ей сейчас выше своего уровня размышлять не хотелось.

— Да нет, скорее, вслух рассуждаю. Мы «Леонова» с морпехами на «Валгаллу» отпустили. Не поторопились, как думаешь?

— Хочешь вернуть?

— Да я бы вернул. Только ну вот совершенно поперёк горла снова блоком переход открывать. Мне Левашов говорил — от него континуум трясёт куда резче, чем если СПВ пользоваться... Каждый раз — как на снежный мост над пропастью выходить. Раз прошёл, два прошёл, а там раз — и аут!

В эти дебри Людмила предпочитала не забираться. Она знала, что, стань она после школы координатором, ей долго-долго вообще не разрешалось бы использовать эту функцию блок-универсала. А если старшие решили, что им можно, так пусть сами и думают.

— Но выбора у нас всё равно нет, как у Корнилова под Екатеринодаром, — продолжил Фёст. — Так что предлагаю рискнуть. Хотя самому страшно, честно признаюсь. Провалимся к чёртовой матери в мезозой какой-нибудь... Правда, девчата с нами, так что скучно не будет...

— Я тебе покажу веселье, — безэмоционально, просто к сведению, сказала девушка.

— А что, думаешь, удастся моногамию сохранить при раскладе четырнадцать — два? Тут ведь даже не во мне вопрос? — продолжил поддразнивать невесту Фёст.

- Замолчи, мне эта тема неприятна...
- Всё-всё, молчу. А вообще, рискнуть согласна?
- Если считаешь, что другого варианта нет...
- Я — не вижу.
- Тогда селекторное совещание устроим.

Он включил блок, вызвал Секонда и Герту, сообщил о своей идее.

— А нам, ваше высокоблагородие, что водка, что пулемёт, лишь бы с ног валило... — ляпнула Герта.

— Слушай, ты где этой ерунды набралась, причём — последнее время? — удивился Секонд. — Раньше себя приличнее вела...

— Мятлев! — сказал Фёст и поднял указательный палец. — Гулял с девушкой по Москве и учил всяким генеральским глупостям.

— Это точно, — поддакнул Секонд. — Я вообще давно не встречал умных генералов. Это как при эпидемии, только наоборот. Из всей исходной массы подпоручиков и корнетов до «беспросветности» доживают только самые стойкие особи...

— Интеллект и личная порядочность условием выживания не являются.

— Скорее наоборот...

Герте пришлось всё это выслушать молча. Веселится начальство после пережитого, ну и пусть его.

Фёсту снова захотелось курить. У него от стрессов какие-то эндорфины в организме выгорали, и только никотин их быстро восстанавливал.

Одной рукой придерживая руль, достал сигарету, щёлкнул зажигалкой. Затянулся два раза подряд. Не закрывая портсигара, сказал:

— Ну, держитесь, славяне, у кого за что есть. Вызываю Воронцова...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как показалось Фёсту, Воронцов был почти не удивлён, когда получил пробивший три (или несколько больше) слоя реальностей вызов по блоку-универсалу. Ему пришлось, оторвавшись от ужина с Натальей, поспешить в рубку и включить стационарную СПВ, с большим трудом адаптированную Левашовым и Лихаревым для синхронной и синфазной работы с агтрианскими приборами. Теперь считалось, что канал, открытый с помощью тщательно отлаженной и постоянно контролируемой всей мощностью Главного судового компьютера установки СПВ обеспечивает более чем восьмидесятипроцентную надёжность и безопасность. А с автономно используемыми блоками — одни неприятности. Минимум два раза — у Ирины с Берестиным и у Сильвии с Новиковым «хроноперелёты» закончились чуть-чуть удачнее, чем последний полёт Валерия Чкалова¹. Едва не потерялись друзья «в дали времён, в пыли веков»².

Сам Дмитрий приводил такую аналогию: «Морю, естественно, всё равно, на чём ты там плаваешь. Есть даже мнение, что чем теоретически непотопляемей суда, тем чаще они гибнут от штормов и гораздо менее предсказуемых обстоятельств. Пример — «Титаник». Как известно, в процентном отношении число гибнущих в море кораблей за последнюю тысячу лет не уменьшилось ни на йоту. И всё же я предпочту выйти в штормовое море на толковом, оснащённом всем необходимым спасательном буксире, нежели на средневековом драк-

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку» и «Вихри Валгаллы».

² См. роман «Вихри Валгаллы».

каре. При всей его романтичности и реальной мореходности».

— И что там у вас опять случилось? — осведомился Воронцов, мгновенно заметив, что попросивший о встрече Фёст сидит не в своём кабинете, а в движущемся с приличной скоростью автомобиле. С ним рядом — Люда Вяземская, любимая питомица Натальи. С ней он вежливейшим образом раскланялся, обменялся улыбками. — Катаетесь где-то по ночам, вместо того чтобы предаваться честно заслуженному отдыху. И с автоматами. Тебе, Люда, совсем не идёт. Излагай, Вадим...

Вадим изложил.

— Ну и что? Пока всё нормально. Ваше счастье, что они сразу в квартиру не ломанулись. Интересно, кстати, а как бы это в натуре выглядело — попытка взлома межвременного барьера штатным оснащением типового пожарного щита? Утёрлись бы и ушли или решились весь подъезд разнести, долбая стены, полы и потолки направленными кумулятивными взрывами?

— Не могу знать, Дмитрий Сергеевич, — ответил Фёст. Ему и самому затронутая тема была интересна, но отчего-то не сейчас. Но, бывало, он, коротая частые и долгие одинокие вечера и ночи в многочисленных комнатах жутковатой, если не кривить душой, квартиры, ничуть не лучшей, чем булгаковская на Большой Садовой, и сам не раз задумывался: имеет ли данное пристанище свойства того созданного Богом камня, который он сам не может поднять? Как, к примеру, квартира будет выглядеть, если рванёт над Москвой мегатонная бомба? Останется ли висеть над радиоактивной пустыней странное кирпичное сооружение с человеком внутри или всё же превратится в пыль и пар,

а квартира продолжит существование в любой из остальных бесчисленных реальностей?

— Вы бы поручили, господин адмирал, роботу, обученному хронофизике, рассмотреть этот вопрос как в научном, так и в теологическом *аксепте*. Нас же сейчас интересует только сугубая эмпирика. Дело вот в чём...

Он, как Шура Балаганов, «монотонно, но довольно толково» изложил события целых суток в одной реальности и нескольких часов в другой. И доложил, что сам по поводу всего этого думает.

— Знаешь, по-моему — ничего странного, — беспечно ответил Воронцов. — И твой майор, и этот Хворостов — они на самом деле растерялись, как плохой штурман в тумане. И на вас ставку готовы сделать, и остерегаются всего на свете: подставы, провокации, прямой измены любого из своих людей. Ты ж такие вещи должен понимать. Люди создали что-то вроде подпольной организации, исходя из общности биографий и принципиального неприятия текущего положения дел. Создали, не совсем понимая зачем.

Профессионально, да и на генетическом уровне, они таким, как ты, всем, разбогатевшим и поднявшимся в девяностые, доверять не могут и не хотят. Для них, строго говоря, вообще нет сейчас подходящей экологической ниши. Как у Махно в Гражданскую. Выбирая из двух зол, на этот раз «белые» им вроде бы предпочтительнее. Но если и вы подведёте, то выжившим одна дорога — к уголовникам. Ты правильно просчитал — такие, как твой Борис Иванович, за тридцать тысяч рублей зарплаты всю оставшуюся жизнь новым «хозяевам жизни» кланяться не станут. Так и вас он пока согласен воспринимать только в силу общности прошлых биографий. Ваша сегодняшняя «совместная победа»

ничего принципиально не изменила. Поэтому не нервничай, если в ближайшее время случится очередное выяснение отношений, и очень может быть, что разговор выйдет на повышенных тонах...

— Спасибо, Дмитрий Сергеевич, — вмешалась Людмила, — мы это тоже понимаем. Но что реально делать?

Людмилу с первых дней «реабилитации» на «Валгалле» всегда удивляла способность адмирала, при полном вроде бы отсутствии всяких экстрасенсорных талантов, очень чётко воспринимать окружающую обстановку, делать далеко идущие выводы и принимать единственно верные решения. Без всяких искусственно создаваемых мыслеформ. Левашов то ли в шутку, то ли всерьёз сказал, что Дмитрий — их последняя надежда. Когда вдруг откажут все, условно говоря, компьютеры и калькуляторы, он окажется единственным человеком, умеющим перемножать в уме трёхзначные числа, извлекать кубические корни и помнящим наизусть таблицу логарифмов.

— Очень может быть, — смеялся Воронцов. — Какой же из меня штурман, если навигационные таблицы помнить не буду и девиацию компаса не смогу голыми руками уничтожить? Но я ещё и артиллерийские таблицы стрельбы от 76-мм и до 203-х тоже помню. И гадать на них умею. Девушкам — на женихов, мужикам — на шанс выскочить из классической «вилки».

Сейчас он спросил:

— Тебе от меня что нужно — благословение или «Леонов» с разведчиками?

— Догадливый вы, Дмитрий Сергеевич...

— А то! Я этой команде ни программу снимать, ни разоружаться и переодеваться не велел. Прямо сейчас и десантируются. Только не перестреляйте

там друг друга под горячую руку. Координаты называй...

— Да вот прямо на сигнал одного из блоков. Людмилы, пожалуй. Но тут, думаю, всё получится и обойдётся. Я вас ещё об одной вещи спросить хотел.

— Какие проблемы?

— Знаете, лучше я сначала с первой разберусь, тогда к основной вернёмся. Часа через два, если уложимся.

— Договорились. Буду ждать. Я бы вас подстраховал, но, сам понимаешь, чем дольше канал открыт, тем больше неконтролируемых нарушений причинности. Вам же Левашов толковал...

— Да знаем, знаем. Отключайтесь, и сами управимся.

— Ты что ещё придумал? — спросила Вяземская, когда рамка «двустороннего окна» погасла. Вообще, «окна» в рассуждении потрясения основ мироздания были намного безопаснее полноценных дверей.

— Я же сказал — потом. Так, мысль мелькнула, нужно ещё обмозговать, прежде чем зря трепаться...

Кавалькада из «Патриота», мини-вэна и четырёх «Самшитов» в сопровождении двух милицеских «Ниссанов» с мигалками, словно кортеж Президента (теперь уже почти бывшего), проскочила тоже удивительно просторный без машин Ленинский проспект. Стационарный пост ГАИ на пересечении с МКАД не обратил на них внимания, занятый тщательной проверкой въезжающих в город машин. Вот на этих полосах вытянулась почти километровая пробка. Кроме штатных машин ГАИ и

ДПС Фёст заметил несколько БТР-80, в шахматном порядке расставленных по обочине.

— Интересно, они опасаются, что из области двинутся верные властям войска? — слегка удивилась Людмила. — Так даже обычная стрелковая рота такой заслон опрокинет не глядя.

— Да как сказать. Через наш заслон господа заговорщики к президентской даче так и не прорвались. Тем более я уже разъяснял — пока что не война. Вполне возможно, на посту присутствуют некие эмиссары или комиссары с серьёзной бумагой от министра обороны или командующего округом. Запрещён, мол, въезд в Москву вооружённым силам до особого распоряжения, и точка. Не каждый лейтенант или капитан решится вот так сразу настоящие боевые действия против своих открывать...

— Здесь-то не война, — вдруг опять включился Секонд в селекторную связь. Ему вдруг захотелось, и возможность по пути появилась поговорить на темы большой, причём не здешней политики. — А у нас — на пороге. Англичане прямо на рожон лезут. Государь объявил «угрожаемый период», на флотах — «готовность номер один». Я с деталями не успел ознакомиться. В Атлантике их крейсерский отряд с нашими сцепился. Вроде бы эскадра адмирала Дукельского сумела захватить один крейсер англичан...

— Редкий случай, — прищёлкнул языком Фёст, — кроме сражения у мыса Сарыч в Басмановской реальности, я и не припомню, чтобы «лаймы» сдавались.

— Да просто некому было, — ответил Секонд. — В нашей реальности они вообще сто лет не воевали, в вашей японцы их долбали авиацией, топили и как зовут не спрашивали. А здесь вот случилось. Чекменёв мне успел сообщить, что Импера-

тор *очень* интересуется, что у нас прямо сейчас с «Крестом». И я его понимаю — если появится возможность на нашу сторону доставить хоть сотню авиационных противокорабельных ракет — он такую уверенность почувствует...

— Ещё бы! Я бы тоже почувствовал... — согласился Фёст.

— Но весь фокус вот в чём. Тоже от Чекменёва информация — в том «деле при Мадейре» наша милая компания засветилась!

— То есть как? Вельяминова с девчонками? — поразилась Людмила.

— Якобы адмирал Дукельский или его флаг-капитан по разведке сообщил — пленные в один голос утверждают, что вывели из строя крейсер и устранили его комсостав вполне посторонние нашему флоту люди, и в их числе — несколько девушек или женщин, причём особо подчёркнуто — «крайне, даже чрезмерно привлекательной наружности». Вопросы есть?

— У меня один — кой чёрт их туда занёс? Белый Крым и английский крейсер в Атлантике веком позже — довольно далеко отстоящие «шверпункты», — спросил Фёст.

— И я о том же. Значит, что-то у них пошло совсем не так. И не туда. Могу предположить — вот одно из следствий наших забав с вечностью. Совершенно тот вариант, о котором Ницше писал: «Если ты слишком пристально всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя...»

— А что с нашими? Все целы? — Людмилу судьбы подруг интересовали куда больше «вельт-политик»¹.

¹ «Мировая политика» по-немецки.

— Вот этой информацией со мной никто не поделился. Но поскольку их самих никто не видел, а источник — только слухи, могу предположить, что после своего очередного безбашенного подвига (у Императора на них скоро крестов не хватит) они *опять куда-то делись*. Меня весьма утешает тот факт, что кроме Уварова и Басманова при девушках находится профессор Удолин со своей бригадой некромантов. Возможно, это они там чего-то *переколдовали*, и дела пошли *наперекосяк*. Надеюсь, скоро узнаем. Возможно, в ближайшие часы.

О том, что к группе Уварова присоединилась экстренно вызванная по предложению Басманова Сильвия, Секонд не знал. А если бы знал, то трудно сказать, прибавило бы это им с Фёстом спокойствия или наоборот.

На Киевском шоссе головная машина резко прибавила скорость до сотни, и за ней вся колонна, растягивая интервалы.

При таком режиме движения квалифицированная слежка маловероятна, разве что беспилотниками. Да и в случае с заводом Фёст склонялся к мысли, что их вообще не выслеживали и не преследовали, сразу ждали на месте, заранее зная, когда и в каком составе его группа там появится. Сколько-то боевиков могло подъехать и позже, для усиления. Но засада там сидела с того самого момента, когда у Хворостова возникла идея лично пообщаться с представителем «Чёрной метки». А она могла возникнуть сразу после «представления», что устроила Людмила на Триумфальной и в Каретном Ряду, под непосредственным наблюдением, из первого ряда партера, Эдуарда и Григория — мужиков, похоже, стоящих в иерархии «тесного кружка дру-

зей» полковника Хворостова повыше простодушно-го Бориса Ивановича.

Так всё постепенно выстраивалось. Если б побольше времени заняла дорога, пазл в голове Фёста успел бы сложиться целиком. А то и ехали недолго, и девушки с Секондом отвлекали своими разговорами на близкую им тему участия Уварова с пятёркой валькирий в какой-то совсем новой операции. Они вплотную приблизились к мысли, что смысл задания был как раз в этой антианглийской акции, а остальное — Крым, Катранджи — только прикрытие. Почему и Людмилу с Гертой из неё вывели в самый последний момент. А что сам Секонд в эти «тайны мадридского двора» оказался не посвящён, так на то, наверное, прошла команда с самого верха. Ляхов-второй даже вспомнил, что Тарханов показался ему... Ну, не совсем в своей тарелке.

К облегчению Фёста, которому абстрактные гипотезы, высказываемые с азартом и напором, мешали думать, магистральная дорога наконец закончилась. Для них. Само-то Киевское шоссе продолжало разматываться, вперёд и вперёд, до того самого, ныне иностранного города, куда язык доводит в тех случаях, когда не успел довести до Шлиссельбурга или Магадана.

Машины с мигалками развернулись и ещё быстрее, чем ехали сюда, рванули обратно в столицу. Там у всех этой ночью дела найдутся.

В известном месте «Патриот» Хворостова свернул на узкую асфальтовую дорогу, ведущую в весьма обширный и запущенный Ульяновский лесопарк, вполне достаточный по площади, чтобы там надёжно затерялся целый мотострелковый полк. Несколько человек из его чоповцев высадились перед длинным и еле-еле выдерживающим вес машин мостиком через сильно заболоченный, трудно

проходимый даже вброд ручей. Застава на всякий случай, совсем «на всякий», потому что милицеские передали по рации, что и на обратном пути до самой Москвы ничего подозрительного, особенно грузовиков, способных доставить значительное количество боееспособных преследователей, замечено не было.

Да Фёст с Секондом и не думали, что прямо сейчас за ними будет отряжена погоня. Некому её организовывать, все, кто мог что-то решать и связно доложить о последних событиях «наверху», — лежат кучей на полу своего мини-вэна. То, что имеется ещё одна группа специалистов, дублирующая работу именно этих, — маловероятно. При всём их интересе к Ляхову и его друзьям — не до того сейчас в штабе мятежников. И без этого они должны пребывать в состоянии, близком к истерическому. Слишком уж сразу всё пошло наперекосяк: как только не удалось захватить Людмилу с Журналистом. Дальше — по нарастающей. Приличные потери при безрезультатном штурме президентской дачи, попавший в плен генерал Стацюк, разгром на заводе...

Очень всё у них плохо. А если вообразить, что каким-то образом они в курсе «Мальтийского креста» — сейчас настроение в руководстве «Фороса» весьма сравнимо с тем, что творилось в Москве 16 октября трижды пресловутого сорок первого года. Кто-то собирается воевать до последнего, кто-то начинает задумываться об эвакуации, переходящей в паническое бегство, причём вместе с нажитым непосильным трудом имуществом, а кто-то наверняка надеется только на подход «дальневосточных и сибирских дивизий». Гитлер в похожей ситуации ждал прорыва к Берлину армии генерала Венка.

И в то же время, если руководствоваться беспристрастным анализом и сохранять ледяное спокойствие полководца, безусловно верящего в свой талант и умение управлять «стратегией чуда», — с мятежом ещё ничего фатального не случилось. Да, несколько темпов проиграно, но «большие батальоны» на нашей стороне. Пусть у Президента суетятся и изображают эффектные выпады несколько десятков непревзойдённых специалистов. «Три мамелюка смогут победить десяток призывников-драгун. Тысяча драгун всегда изрубит сотню мамелюков»¹. Все ставки уже выиграны. На руках — каре тузов с джокером. Соответственно, флешь-рояля у противника не может быть по определению...

Вообще-то может, конечно, если туза заменить вторым джокером. Но и в этом случае «покер»² выигрывает. А если у партнёра всё же флешь-рояль, но с тузом и *двумя* джокерами? Здесь уже возникает коллизия, аналогичная «большим батальонам». У кого шандал³ тяжелее. Иным способом доказать, чьи здесь *настоящие* пятый туз и третий джокер — крайне сложно.

С асфальта съехали на грейдер, покрутились так, что любой потеряет ориентировку, а на экран «джипиз» просто противно смотреть. В.И. Ленин советовал захватывать почту и телеграф, но веком спустя — удобнее базы сотовых операторов и ретрансляторы спутниковой связи. Простой рацио-

¹ Значительно адаптированная к текущим обстоятельствам формула Наполеона.

² «Покер» как раз и есть каре тузов с джокером, отчего и название игры, как «преферанс» — и игра, и почти невероятная комбинация из трёх старших карт по всем мастям.

³ Ш а н д а л (перс.) — большой настольный подсвечник, с помощью которого в XVIII—XIX веках решались споры между игроками и шулерами.

налист их отключит, а умный человек перенастроит так, что на любой запрос будет выдаваться день рождения двоюродной бабушки и цены на дрова в Якутске при царе Алексее Михайловиче.

Остановились на поляне, вполне сказочной, окружённой елями в два обхвата. И избышка присутствовала, правда, без куриных ног и двухэтажная. От обилия людей и машин перед домом сразу стало тесно.

Сначала из «Патриота» высыпали бойцы, приехавшие с Хворостовым, затем девушки вперемешку с чоповцами из четырёх «Самшитов», их туда набилось столько, что впору было вспомнить знакомые только людям старшего поколения консервы «Частик мелкий нерядовой укладки в томатном соусе». Ценителям «Сёмги по-византийски» и лобстеров такой продукт на своём столе представить трудно. Пока! А дальше по-всякому может повернуться.

Да по опушкам поляны успело обозначиться не меньше трёх десятков человек с оружием. Определить, сколько на самом деле, — света фар не хватало.

Фёст с Людмилой из своего пикапа сошли на густую траву последними. Демонстративно оставив в мини-вэне оружие. Впрочем, все, кому нужно, знали, что и без стволов напоказ «гости», до сих проявившие себя верными союзниками, способны на очень многое.

— Прорвались вроде бы, Сергей Саввич, — дружелюбно сказал Фёст, как бы намекая, что стоит оставить взаимные подозрения и заняться *настоящим делом*.

— Прорвались. И делом займёмся. Только у меня к вам так много вопросов, — с видимой грустью, не сулившей, Впрочем, никаких послаблений и *попущений*, ответил полковник. — Пойдёмте в

дом. Вы четверо. Остальные пока здесь подождут. Без обиды. Сами ведь понимаете — мне ошибиться нельзя... Вы пришли и уйдёте, если вздумаете, а нам и жить здесь, и помирать. Пойдёмте. Пистолеты тоже отдайте... — Он кивком указал на неожиданно оказавшихся за спиной Григория, Эдуарда и ещё двух парней, совсем молодых, но явно не «зелёных».

— Может, нам вообще до исподнего раздеться? — нагло спросила Герта, всем видом показывая, что только дай ей команду — и мало никому не покажется. В Одессе тоже всё выглядело очень серьёзно, пока она не взяла молдаванского налётника за известное место и вывела на середину двора. Кто смеялся, кто плакал, но *morga* обстановка разрядилась.

— Баронесса, вы не на Привозе, — с абсолютно серьёзным лицом сказал Фёст. — Пойдёмте, куда зовут.

— Простите, а можно я — за кустик? — попионерски подняла руку Людмила. — Я просто не могу уже. На, поддержи... — Она чуть замедленно, как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте», приподняла юбку, на несколько секунд блеснув незагорелыми бёдрами. Выдернула из кобур обе «беретты» и протянула их чуть напрягшемуся было Эдуарду.

— Я быстренько. И подсматривать не нужно...

Не дав никому опомниться от аудиовизуальных впечатлений, озадачив человека, назначенного блокировать именно её (она сразу поняла роль своего бывшего *сопровождающего* — чего тут не понять?), жутко эффектной походкой Вяземская *удалилась* за освещённые фарами многих машин пределы.

— Ладно, ладно, все на позиции, — повышенным голосом начал отвлекать от впечатлений и со-

путствующих мыслей своих солдат Хворостов. — По схеме...

— А мы с вами здесь и подождём, — это уже Ляховым и Герте он сказал. — Вернётся девушка...

— Вернётся, куда денется, — перебил его Фёст, отщёлкнул крышку портсигара, взял сигарету, протянул полковнику. За ним и Секонд начал прикуривать. Ничего нет удобнее, чтобы отвлечь внимание даже весьма бдительного человека. Руки у всех на виду, и настроение само собой меняется. Мирное занятие, объединяющее, можно сказать. Тем более ведь не враги они друг другу. Есть некоторые сомнения и взаимные вопросы, но не такие уж антагонистичные...

— И сколько же вы там положили? — спросил Хворостов. — Что это вообще за войска за нами пришли? Уж больно квалифицированные. Мы сами с ними точно не справились бы...

— А вот прикажите забрать тех, кто в автобусе, я почти и забыл про них. Поспрашиваем — яснее станет...

Ему пришлось прервать свою фразу на полуслове. Людмила появилась из почти непроницаемой темноты (и как там ухитрилась ни на какой торчащий сук не наткнуться и даже веткой не захрустеть), а за ней, к всеобщему (за небольшим исключением) изумлению, — едва различимая фигура не слишком крупного человека. Через секунды стало видно, что на нём камуфляжная форма непонятной, плывущей в свете луны расцветки, сдвинутый на ухо берет. В правой руке — положенный на плечо стволом вверх «ПКМ». Люди все здесь были опытные, сразу опознали знакомую систему.

— Это что? — только и успел спросить Хворостов, совершенно не понимая, откуда здесь это явление природы. В машинах он точно не ехал, а

пешком, через лес (поскольку единственная дорога надёжно перекрыта) сюда выйти наобум сложновато. Местность вокруг сильно пересечённая.

— Да вот познакомьтесь, — предложил Фёст. Людмила с незнакомцем (теперь всем стало видно, что на чёрном берете эмблема морской пехоты, на погонах — три звёздочки) подошли вплотную.

— Честь имею. Старший лейтенант Леонов, — он отдал честь, но так небрежно, будто муху от виска отогнал. Ничего больше. Подождал немного, не скажет ли кто чего, потом спросил у одного из Ляховых: — Курить разрешите, товарищ полковник?

И тут же полез в карман, достал пачку дешёвейшей «Примы» с фильтром.

— Поясняю, Сергей Саввич. Это мои друзья, нет, не те, о ком вы подумали, местные. Просто хорошие *грузыя* прислали мне в подкрепление Виктора Николаевича с вверенным ему взводом. Так что за оборону прилегающей территории можете не опасаться. Комар не пролетит.

— Морская пехота, значит? — вдруг шагнул вперёд Борис Иванович. — Из каких краёв будете, старлей?

— С ТОФа, если вам интересно. — «Леонов» переводил взгляд с бывшего майора на своих полковников, ожидая, что ему пояснят, стоит ли вообще разговаривать с этим штатским.

— Вы позволите задать коллеге несколько вопросов, Вадим Петрович? — спросил нынешний консьерж.

— А чего ж? Можете отвечать, старший лейтенант.

Майор в быстром темпе начал спрашивать всё, что в подобных случаях положено. С какого года на службе, где дислоцируется часть, сколько метров от КПП до остановки городского автобуса, закончили

ли наконец строить начатую ещё десять лет сауну для комсостава, кого из старослужащих прапорщиков и офицеров он может назвать, как называются приписанные к батальону БДК, и ещё в этом духе. Никто другой, кроме настоящего, в Славянке дислоцирующегося офицера на эти вопросы ответить бы не смог.

Оттого очень мало доверия внушают фильмы и книги про советских разведчиков, переодевающихся в немецкую офицерскую форму. Это такие, как условный Штирлиц, начавший работать задолго до прихода Гитлера к власти, могут выдержать не какой-то жуткий допрос в гестапо, а такой вот, обычный разговор. На десятиминутный подготовки ещё может хватить, а уже на полчаса — вряд ли. Самозванец в ста процентах случаев проколется, если спросить его, каким образом офицер может пройти к своему кадровику-направленцу в штабе того же Дальневосточного Краснознамённого округа¹. В Хабаровске, на улице Серышева.

Но Воронцов в таких делах соображал и абсолютно всему, что положено знать такому вот старшему лейтенанту, проходящему службу в в/ч № такой-то, биороботов обучил. Фёст снабдил Дмитрия весьма подробной *вводной*, учёл даже дату, когда ведущий сейчас беглый допрос майор навсегда покинул свой гарнизон, потому «Леонов» для полноты картины смог сообщить ему кое-что интересное о случившемся после этого. В том числе и о неких особах, по сей день продолжающих службу секретчицами и телефонистками.

¹ Правильный ответ — через парикмахерскую с торца главного корпуса, потом из «зала ожидания» позвонить по телефону, и уже потом по чугунной лестнице на четвёртый этаж.

Майор перевёл дух, хлопнул «Леонова» по погону, крепко пожал руку.

— Всё точно, браток! Поговорил с тобой — и аж сердце защемило. Так, говоришь, в чёрный цвет ворота перекрасили? Надо же... Как же ты сюда попал, скажешь?

— Это я скажу, Борис Иванович. Я ведь предупреждал — у нас друзей много. Попросил кое-кого, ребята получили командировочные и проездные, час на сборы, и спецбортom сюда. Слышите? — он поднял палец. Над головами как раз прогудел взлетевший из Внукова самолёт.

— Сколько летели, Виктор Николаевич?

— Девять часов.

— Благодарю за службу. Выдвиньте отделение на километр в сторону Киевского шоссе, остальными прикройте поляну с севера и востока. Задерживать абсолютно всех, обнаруженных в зоне контроля. Стрелять только в ответ на очевидное нападение. Ясно?

— Так точно.

— Подождите, Вадим Петрович. Наши люди будут прибывать до самого утра. Как бы не...

— Ну вот и выделите старшему лейтенанту знающих, ответственных людей. Все возможные недо-разумения — за вами.

С прибытием подкрепления положение и авторитет Фёста и компании существенно укрепились. Тринадцать вооружённых девиц неизвестного происхождения, пусть и отличнейшим образом подготовленных, — это одно. Впечатляет, конечно, но не в достаточной мере. У офицеров запаса самых разных родов войск — собственная гордость, которую они готовы отстаивать, пусть и в ущерб об-

щему делу. Сегодня неизвестно какой службы девушки сумели тебя обезоружить, связать и в таком виде предъявить начальству. Это скорее вызывает злость, раздражение и стремление при первом удобном случае отомстить.

Другое дело — настоящий, штатный взвод кадровой армии. Да ещё элитный, с полным вооружением, защищённый авторитетом всех вооружённых сил, которые при таком бардаке, как сейчас, могут на кого хочешь *положить с прибором и с высокой колокольни*. Тут разговоры уже в другой тональности начинаются. А вдобавок свой человек Борис Иванович засвидетельствовал подлинность этих морпехов. Однополчанина, практически, встретил. Здесь уж никаких сомнений.

В итоге у полковника Хворостова с миру по нитке вооружённые полторы сотни, почти что незаконное бандформирование, а у полковника неизвестно каких структур Ляхова пока что человек пятьдесят, но реально служащая элита. Штатно вооружённая. И в запасе у него, у Ляхова, ещё и моральный авторитет плюс неизвестное количество резервов. Все видели, как эти люди воюют. Упаси бог оказаться на противоположной стороне мушки.

Так Сергей Саввич и сказал Фёсту — все предыдущие вопросы автоматически снимаются, он и его люди готовы «стать под руку» Вадима Петровича и тех, кто за ним, желательно в качестве самостоятельного подразделения. Но вначале неплохо бы обсудить конкретные вопросы денежного и вещевого довольствия, ну и как со всем остальным тоже...

— Помню, помню, был разговор насчёт возвращения в строй и внеочередного производства. Вы фантастику читаете? — неожиданно спросил Фёст.

— Да как-то обходился, знаете ли... Мемуары читаю, Суворова и «антисуворовых» тоже... Пикуля ещё. Мне хватает. А вы к чему?

— Да был такой писатель, Роберт Шекли. У него один персонаж, вербуясь в инопланетную армию, рассуждал о предложенном ему чине подобным образом: «Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Зато, кроме того, — добавил вербовщик, — неограниченное право мародёрства и грабежа.

— Ну, это хоть на что-то похоже...»¹

— Не совсем понял, — осторожно сказал Хворостов.

— Это непринципиально. Я, знаете, тоже нервничаю, оттого и шучу неадекватно. Если по делу, то в случае успеха звание генерал-майора вы получите через несколько дней, это я твёрдо гарантирую. Даже, может быть, с выплатой разницы в окладе с момента увольнения в запас. Вот о должностях уже не со мной разговаривать будете. Возможно, Пётр Петрович поспособствует — вы ему в качестве военного советника или инструктора вполне можете пригодиться. Как, господин Ляхов?

— Дело сделаем, послужной формуляр изучим — тогда и поговорим, — не желая разбрасываться обещаниями, ответил Секонд. Хворостову, очевидно, этого было достаточно.

— Хорошо, пойдёмте в дом. Перекусим, чем бог послал, стресс снимем, потом можно и с пленными разбираться, и о дальнейших задачах говорить.

¹ См. Р. Шекли. «Обмен разумов».

Всё равно люди ещё долго подходить и подъезжать будут.

— Тогда я отлучусь на короткое время. Мне нужно со старшим лейтенантом поговорить, в Москве кое с кем связаться. Вадим, отойдём на минутку...

Отошли, присели на изображающее лавку затёсанное поверху толстое бревно. Вся их девичья гвардия, успокоенная появлением дружественных морпехов и не получившая очередных приказов, уселась за стол под навесом, устроенным рядом со стационарным мангалом, решётками для барбекю. Принялись вполголоса болтать о своём. Здешние мужчины держались поодаль, вместо того чтобы начать напропалую знакомиться с новыми «товарищами по оружию». Нестарые ведь все мужики, половина даже вполне молодые. Очевидно, дошедшие слухи сдерживали. А девушки как раз очень не против были пообщаться...

— Наверное, мне стоит прямо сейчас вернуться на квартиру и уже оттуда снова к Воронцову, — сказал Секонд. — Я тебя правильно понял — ты хотел с ним говорить о переброске всех «печенегов» через СПВ? Как прошлый раз дивизию Берестина?

— Об этом, об этом. Мы ведь с тобой правильно настроить терминал в квартире не сумеем, нужна помощь Дмитрия... Ну и перед началом работы тебе и с Тархановым переговорить надо, и с Чекменёвым. Президента опять же проинформировать. *Некорректно* ведь без согласия...

— Ну и иди. Только рассчитайте там, чтобы переход уже сегодня утром по здешнему времени начать...

Ни Фёст, ни Секонд точного представления о синхронности и синфазности течения времени в *параллелях* рассогласованных и соединённых не

имели. И приборов таких у них не существовало. Можно было только с достаточной долей вероятности предполагать, как если бы в уме переводить градусы Фаренгейта в Цельсия и обратно не по таблицам, а просто по аналогии. Сейчас Секонд с Фёстом думали, что разница во времени значительно подсократилась и *на той стороне* после их ухода прошло всего час-полтора. Впрочем, принципиального значения относительная скорость течения времени не имела, если только не пытаться попасть в собственное прошлое, уже однажды прожитое. То есть всегда будешь попадать хоть на минуту, да позже того момента, когда уходил из одной реальности в другую и возвращался. Зато всегда имелся риск того, что имеющаяся временная разница непредсказуемым образом удлинится и Секонд может объявиться на Столешниковом неделях или месяцем позже, чем ушёл. Тогда «гости» могут и не выдержать нервного напряжения. Но и на этот случай Яланская имела инструкции и передала бы Президента с друзьями и Воловичем под надзор и попечение Чекменёва. А тот при любом варианте не потеряется.

— Тогда я тоже за кустик — и привет. Хворостову соврёшь что-нибудь. Герту я с собой возьму? — Вопрос Секонда Вадима несколько удивил и прозвучал не очень уверенно.

— Это ты у меня спрашиваешь? Вроде командир у неё ты, а я так...

— Ну вдруг она возражать начнёт? У вас же с ней...

— Браток, ты ничего не путаешь? Я двоежёнцем становиться не планирую. Мне Людмила и в одиночку плешь проесть и спину погрызть управится... На тебя пребывание в нашем времени действительно вредно влияет.

— Да я не в том смысле. У вас с ней команда спаянная, боевое братство и взаимная мужская дружба. Вот я и подумал... Если ты или она против, я Темникову возьму.

— Нет уж, эту красотку ты как раз оставь, я дюжиной баб в одиночку командовать не собираюсь, а Людмиле поручить — в кумовстве и семейственности обвинят. Забирай баронессу с глаз долой и двигай!

Фёст ёрничал, но понимал, что Секонд в принципе прав. Да и как он мог быть не правым? Если бы на самом деле возможны были чистые дружеские отношения между сравнительно молодым мужиком и до невероятности очаровательной девушкой с особого рода хулиганистым шармом — лучшего друга и соратника в грядущих боях он бы не желал. Но увы — так не бывает. При наличии Людмилы он будет обязан держаться в очень жёстких рамках, а если бы Людмилы не было, Герта просто заняла бы её место. Независимо от чувств и желаний каждого. Автоматически. Какая уж тут «солдатская дружба»...

С хронологическим параллаксом¹ всё получилось даже лучше, чем Секонд рассчитывал, то есть на этот раз время *текло* в реальности Фёста, а в этой — почти стояло. С момента их ухода прошло не больше часа.

Из коридора они с Гертой увидели, через полуоткрытую дверь кабинета, что Президент с Журналистом и Мятлевым смотрят новости по здешне-

¹ Параллакс (греч.) — отклонение. В широком смысле — изменение видимого взаимного расположения предметов (в т. ч. небесных тел) вследствие перемещения каждого из них или точки наблюдения.

му дальноvizору, внешне очень напоминающему «Рубин» шестидесятых годов с электронно-лучевой трубкой, диагональю всего в семьдесят сантиметров, тоже цветной, но с «плазмой» не идущий ни в какое сравнение. Секонд не стал их отвлекать, ему прежде всего нужна была «старшая по гарнизону» Яланская.

— А ты пока иди в мастерскую, — предложил он Герте. — Настрой шар, попробуй выяснить, что сейчас наши главные оппоненты делают. Какая-нибудь новая информация наверняка появилась, они ведь не чаи гоняли после исчезновения Президента. Может быть, и по поводу акции на заводе что-то узнаем...

Галина нашлась неподалёку. Волович предпочёл занятие поинтереснее, чем просмотр местных новостей, его пока совершенно не касавшихся. Он изучал соседнюю реальность практически, словно бы в шутку флиртуя на кухне с новой надзирательницей. Яланская показалась ему более *сговорчивым объектом*, чем высокомерно-неприступные (для него) Людмила и Герта. Она была «стилистически ближе», достаточно симпатична, хотя и вписывалась в пресловутые 90—60—90, но ноги у неё *выглядели*, и явно умна, значит, позаигрывать с ней стоило.

Михаил, несмотря на свои массогабаритные характеристики, непонятным образом слыл в Москве донжуаном не из последних. По крайней мере, в тех тусовках, где Волович вращался, даже признанные светские львицы редко ему отказывали. Иногда, случалось, он получал по морде, но чаще не от женщин, а от их мужей или кавалеров. Но ничьей репутации такие эксцессы обычно не портили.

Поручик Галина, успевшая поучаствовать в позапрошлогодных московских событиях, видевшая

вблизи не только боевиков из соседней реальности, но и настоящих белых офицеров, Мишину суть *просекла* сразу, но старалась этого забавного, хамоватого, притом весьма неглупого, с хорошо подвешенным языком толстяка не разочаровывать. Глядишь, пригодится, когда России начнут объединяться. Связей у него масса, судя по болтовне. Тем более что на него не распространялась обязанность «вести себя предельно корректно!», чего потребовал Секонд в отношении «чужого» Президента.

Она, пожалуй, если «Миша» здесь задержится, была бы не прочь сводить его на вечеринку в офицерский клуб. Будет чем позабавить приятелей и подруг. словно экзотической обезьянкой, вчера доставленной с Борнео.

— Ну и как вы тут без меня? — спросил Секонд, неожиданно входя. Волович попытался отодвинуть локтем в сторону недопитый фужер. Он предпочёл общаться с девушкой на кухне, подальше от остальных, потому что «Галочка» не возражала, когда репортёр по-хозяйски потащил из буфета недопитую за завтраком бутылку. Чем быстрее надерётся, тем лучше — и лишнего наболтает, и приставать сильно не будет. Такой тип мужиков во всех мирах одинаков...

— Да чего ты маскируешься? Я тебе не жена и не начальник. Гуляй, если душа просит. И мне плесни, неизвестно, когда ещё доведётся. Это Галине Александровне нельзя, а нам с тобой — запросто.

Волович с напряжением всех мозговых извилин пытался угадать, какой из Ляховых сейчас перед ним. Судя по тому, что Яланская не вскочила при его появлении — первый, свой, который Вадим. Да и по манере разговора — тоже он. Второй, «Пётр Петрович», помягче будет, избалованнее спокойной и сытой жизнью при Дворе. Однако — боевой офи-

цер, полковник, награждённый многими орденами, значит, мягкость его скорее напускная.

«Ладно, — решил репортёр, — само собой видно будет». И немедленно выпил. Секонд не спешил, пригубил, отставил, начал отдавать девушке непонятные Воловичу распоряжения. Потом двусмысленно улыбнулся, неизвестно кому или чему, вышел.

— Это — кто? — спросил Михаил.

— С глазами плохо? — заботливо осведомилась «печенежка». — Или сразу с головой? Полковник наш, кто же ещё?

— Нет, я имел в виду — какой из двух?

— О, это интересный вопрос, — засмеялась Яланская. — Когда они не в форме, мы сами путаемся. Самый надёжный показатель — на кого Вяземская чаще смотрит, тот и Первый.

— А ты на кого чаще смотришь? — сразу перескочил в накатанную колею Волович.

— На того, кто в данный момент мне приказы отдаёт...

— Ну вот, опять казарму вспомнила, — расстроился Михаил. — Всё-таки не стоило бы женщин в армию брать. У вас другое предназначение...

— А как же в обожаемых тобою Штатах и Израиле? Там бабы даже крейсерами командуют...

— Это, так сказать, издержки демократии, мы до них ещё не доросли.

— В нашей России мы тоже не доросли, самодержавие и всё такое. Зато женщины только у нас служат, а больше ни в одной стране. Кое-где у них даже избирательных прав нет и частной собственности. А у нас всё есть. И где, по-твоему, лучше?

Секонд, на короткое время задержавшийся по ту сторону двери, не стал дальше слушать «политинформацию» (в их армии это называлось «разви-

вающие беседы», на которых допускалось обсуждение самых острых политических и иных проблем), до которых Яланская была большая охотница. И не случайно — отец у неё был крупный промышленник, да вдобавок руководитель фракции «октябристов» Государственной Думы, дядя — правящий архиерей, архиепископ Крутицкий и Коломенский, а старший брат — доцент на кафедре философии МГУ.

И никого не удивляло, что девушка с таким общественным положением предпочла военную карьеру в разведывательно-диверсионном подразделении чему-нибудь более гламурному, например — профессии ведущей программы для сексуально озабоченных феминисток по Центральному дальновидению. С её внешностью, знанием светской жизни и хорошо подвешенным язычком вышло бы «самое то», как Фёст выражается.

Но очень возможно, что и на военной службе она многого достигнет.

Ляхов отошёл к дверям гостиной, оттуда громко, будто с подороги возвращаться не хотел, позвал Галину.

— Слушай, у меня действительно с головой что-то не то. Тамошний климат на меня влияет хуже, чем хотелось бы. Скоро, наверное, совсем развоплошусь. Те люди, о которых говорилось, прибыли?

— Так точно, господин полковник. В течение примерно двух часов по *тому* времени. Все четверо. Были серьёзно взволнованы. Я, как могла, их успокоила, пообещала, что к утру они встретятся со своими, предоставила в их распоряжение кабинет, гостиную и кухню. Там, где вы сказали. Накрыла стол, чем было. Они сразу поняли, что в этой квартире живёт богатая и *непростая* женщина, поэто-

му за пределы отведённой территории не выходят. Стесняются, — при последнем слове Яланская со значением улыбнулась, чуть было не подмигнула Ляхову.

Ему это было понятно. Сильвия ушла из своей половины совсем недавно, и повсюду оставались следы её пребывания — запахи духов, в ванной сотни пузырьков и флаконов косметических средств, нужных ей не для того, чтобы маскировать возраст (она без всякого макияжа выглядела не больше, чем на отличные тридцать пять), а для создания имиджа. Там, где она бывает, в том числе и в викторианском Лондоне, не поймут, если леди Спенсер, госпожа Берестина и так далее (имён у неё легион) станет игнорировать самые модные и дорогие в этом месте и этом сезоне кремы, помады, пудры, краски, туши и притирания.

Интимные детали туалета, брошенные куда придётся, а потом забытые, тоже попадались на глаза.

— Слушай, а они ведь могли подумать, что именно ты и есть хозяйка. На служанку мало похоже...

— На *вашу знакомую* (и эта язвит беззастенчиво, совсем распустились девки) я ещё меньше похоже. Забыли, что ли?

Да, действительно, Секонд, замотавшись, упустил из виду, что в квартире, в спальне Сильвии и её кабинете на стенах висело несколько цветных фотопанно в натуральную величину, где хозяйка (двадцати пяти-, тридцатилетняя) была изображена в виде главной героини всемирно известных картин. «Завтрак на траве», «Купанье Фрины» и тому подобное. Все — «ню», разумеется. Нравилось ей на саму себя любоваться не только в зеркале. Не на редких же мужчин из соседней квартиры, вро-

де Новикова, Шульгина да Фёста с Секондом, этот вернисаж был рассчитан.

Так что президентским друзьям было на что посмотреть и заодно задуматься, при чём тут их Президент? В остальном они были довольны — сама квартира, внешность и манеры встретившей их девушки вселяли чувство надёжности и безопасности. В том числе и подсознательно.

Юрист, Писатель, Философ и Финансист проводили время нескучно, в лучших традициях русской интеллигенции выясняя под водочку, красное вино, кофе и холодные закуски — «что делать», «кто виноват» и «доколе».

Знакомая картина, ничуть не отличающаяся от того, что Ляхов наблюдал в Москве, поступив в Академию и посещая с Майей тамошние богемные кружки, «среды», «пятницы» и «субботы», как назывались еженедельные застолья в «открытых домах».

— Надо годить, господа¹, — сказал он входя и сразу попадая в тон.

Трое из гостей, правда, несколько удивились, но Писатель, уже несколько знакомый с «братьями Ляховыми», ответил не задумываясь:

— Помилуйте, Вадим Петрович! Ведь это, право, уже начинает походить на мистификацию!

— Там мистификация или не мистификация, как хотите рассуждайте, а мой совет — погодить! — одобрительно кивнул ему Секонд.

— Да что же наконец вы хотите этим сказать?

— Русские вы, а по-русски не понимаете! Чуждые вы, господа!

¹ Ключевая фраза из сатирического романа Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» (1877—1883 гг.). Далее идёт открывающий книгу диалог главных героев.

После чего сел в кресло, вытянув ноги, раскрыл портсигар.

— Молодец вы, Генрих, хорошо тексты помните, и ориентируетесь быстро. Идите ко мне в аналитический отдел, в самый раз пригодитесь. Но вы же сначала, думаю, захотите написать нечто вроде «Несколько дней, которые потрясли мир»¹.

— Может, и напишу. Знакомьтесь, друзья, это один из соратников Императора Олега, флигель-адъютант, полковник Ляхов. Вы его должны помнить, он присутствовал на первой нашей встрече с Его Величеством.

Все подтвердили, что да, конечно, помнят, просто не ожидали здесь увидеть, да и выглядел господин Ляхов несколько иначе.

— Это такая аберрация, у меня есть брат-близнец, и, мельком увидев нас вдвоём, люди в итоге не запоминают ни одного. Надеюсь, Галина вас хорошо встретила?

— Более чем. Но вы лучше скажите, что с нашим Президентом и как понимать всё происходящее...

— Непременно. Прямо сейчас. Пойдёмте...

Появление Ляхова, пропустившего перед собой в дверь *вторую* половину президентской команды, отвлекло *первую* от весьма заинтересовавшей их передачи об исторических предпосылках назревающего русско-британского «конфликта».

— Ну, всё как у нас, — как раз говорил Журналист Президенту. — Только здесь Англия исполняет роль и себя самой и Штатов одновременно.

¹ Намёк на книгу американского журналиста Джона Рида об Октябрьском перевороте 1917 г. «Десять дней, которые потрясли мир».

— Оно, наверное, и лучше, — вставил Мятлев. — Не приходится на несколько целей внимание рассеивать, и вообще конфигурация интересная...

И осёкся, увидев, кто пришёл.

— Мы решили, что вашим товарищам здесь будет спокойнее, чем дома, — сказал Секонд. — Вы тут пока пообщайтесь, обменяйтесь мнениями и впечатлениями, а я примерно через полчаса вернусь и сообщу вам кое-какие интересные новости, если они будут...

Из мастерской Лихарева, где Герта усердно работала над своим заданием, Секонд легко восстановил канал на «Валгаллу». Эта функция была фиксированной и никакой специальной подготовки не требовала. Не сложнее, чем нужную станцию по радио поймать.

Довольный случаем хоть на короткое время выйти из *горизонта* громоздящихся друг на друга событий, он вместе с Воронцовым уселся за столик на левом балконе «Солнечной» палубы. Вестовой матрос-буфетчик принёс им фирменного пива в тяжёлых фарфоровых кружках с откидными крышками.

Пароход шёл по почти штилевому океану семнадцатизловым ходом примерно на норд-вест, судя по звёздам.

— Хорошо тут у вас как, — от всей души, с лёгкой завистью сказал Вадим, стараясь хоть десять-пятнадцать минут не думать о делах. А можно и все полчаса, чтобы как следует посмаковать высококачественный напиток. Тех примерно кондиций, ког-

да, сев на пролитое пиво в кожаных штанах, вставь вместе с прилипшим дубовым табуретом.

— А вы заканчивайте свой *проект*, и добро пожаловать на отдых, хоть на две недели, хоть на месяц. Я тоже буду рад такой компании. С жёнами, с подругами и, как говорил Козьма Прутков, «самыми отдалёнными единомышленниками».

— Вполне свободно. Нельзя же всю жизнь только воевать. У меня к вам сейчас вопрос чисто технический. Как нам организовать переход отсюда на Столешников, причём в моё время, и уже оттуда — к Фёсту.

— А я вам зачем? Всё одной установкой сделать можно.

— Я думаю — у меня не получается. Мы ведь собираемся довольно приличный контингент в ту Москву переправить, так нельзя же несколько сотен вооружённых людей сначала в одну квартиру завести, а из другой выпустить в самом центре города. Мне представляется только так — вашей машиной создать входной портал в известном месте у нас, к примеру, в спортзале УТЦ¹, а уже из него пробить выходной в той России, тоже за городом... Вообще, практически это возможно? Мы ведь настолько с Фёстом запуганные, что уже не понимаем, чем такие дела закончиться могут.

— Ты прав, думать надо. Есть у меня спец, и.о. Левашова, робот, разумеется, но весьма и весьма квалифицированный. Сейчас его вызову.

— И ещё, Дмитрий Сергеевич, нам срочно, просто позарез нужно увидеться с Сильвией Артуровой...

¹ УТЦ — учебно-тренировочный центр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отпущенные Уварову и оставшимися трем валькириям сутки отдыха в Замке по вине Сильвии, задержавшейся в Лондоне, растянулись до четырёх, но никто по этому поводу не расстраивался. Анастасия не возражала бы пожить здесь и месяц. «Медовый» ведь ей по-любому полагался, да только Уваров никак не мог добиться у начальства полноценного отпуска. Все вроде свои, прямо-таки друзья, а позволить человеку забросить дела, которые по-любому до смерти не переделаешь, и съездить с молодой женой, например, за границу, где Настя никогда не была — никак, видите ли, не получается. Дошло до того, что Вельяминова поставила своему графу условие — никакого венчания не будет, пока он не решит этот вопрос. Ну и с «личной жизнью» соответственно, переезжать к нему она категорически отказалась до замужества. Вдруг у него планы изменятся внезапно — что, снова в казарму возвращаться? Вот уж девки, особенно Темникова с Глазуновой, повеселятся!

Зато здесь они с Валерием могли всё время проводить вдвоём, даже и на глаза подружкам не показываясь, наслаждаться тем, что не нужно на службу каждый день подсакивать к семи, а зачастую и к шести утра. Какая при таком графике любовь?

Девчонки тоже нашли для себя массу развлечений — изучали Замок, соревнуясь, кто больше неожиданностей в нём откроет или придумает, бежали купаться в доисторическом океане, в котором Арчибальд разогнал акул, а может быть, и плезиозавров на сто миль в округе, учились ездить верхом под руководством специально приставленных тренеров. Уже к концу второго дня валькирии лихо скакали по окрестной прерии, радуясь тому, что го-

меостаты избавляют их от главной беды начинающих кавалеристов. Ездить «по-дамски», хотя им и было предложено, девушки категорически отказались, а в мужском седле, как ни старайся, без до крови стёртых бёдер и шенкелей первую неделю-две не обойтись, не говоря об до синевы отбитых ягодицах. У них все эти места заживали, что называется, «в процессе», хотя сами ощущения никуда не девались.

Арчибальд, то ли замаливая грехи, то ли естественным образом избавленный от комплексов, окончательно и успешно превратился в того доброго дядюшку, роль которого ему не слишком удалась во время предыдущего «охмурения».

Он выполнял любые пожелания, отвечал на любые вопросы, деликатно держась вне поле зрения, но мгновенно оказываясь рядом, как только его звали, даже и мысленно. Вообще, старался изобразить из себя этакое рафинированного, два факультета окончившего, наряду с Удолиным кафедрой в Университете заведующего «старика Хоттабыча».

На второй вечер, например, он устроил Валерию с Настей вечернюю прогулку по майскому Парижу (мог бы и по сентябрьскому, если бы попросили). Просто указал на дверь, они её открыли и, словно из подъезда одного из старинных домиков, шагнули на брусчатку крутой монмартрской улицы, ведущей к собору «Сакре кёр». Вдобавок, для пущей романтичности, год здесь оказался тысяча девятьсот первый, самое, может быть, безмятежное и весёлое время за полтора века вокруг этой даты. В кармане у Уварова лежало несколько сотен франков, бумажками и золотом, Настя свободно владела французским, и вечер получился незабываемо прекрасным.

Там же, кстати, в ювелирной лавке на Елисейских Полях Валерий купил золотые, с алмазной осыпью обручальные кольца и наконец-то убедил невесту «обменяться».

Посмотрел на её пальчик, сказал удовлетворённо:

— Ну вот, теперь уж точно никуда не денешься...

Анастасия счастливо рассмеялась.

— Хочешь верь, хочешь нет — я сейчас точно теми же словами про это подумала...

Вернувшаяся в Замок, по общему мнению — слишком быстро — Сильвия привела с собой мужчину, увидев которого Уваров даже несколько растерялся. Это был собственной персоной генерал-лейтенант ВСЮР Берестин Алексей Михайлович. В той же полевой форме образца тысяча девятьсот четырнадцатого года, с шейным крестом ордена Святителя Николая, как он появился во главе корниловских и марковских легионов в Берендеевке, где и устроил перед Олегом Константиновичем впечатляющий парад пришедших ему на выручку войск.

Видно, что и сейчас генерал-лейтенант собрался прямо на войну: китель был перетянут полевыми ремнями адриановского снаряжения, пояс оттягивала тёмно-бежевая кобура пистолета.

Валерий инстинктивно вытянулся, чуть было не начал рапортовать, как в стихотворном переложении устава сказано: «Лишь появится начальник, он орёт во весь... что в отсутствие его не случилось ничего». Вовремя сообразил, что, во-первых, в штатском, а во-вторых — на нейтральной территории, и вообще, Берестин хоть и генерал, но совсем дру-

гой армии. Уважение оказывать положено, но и не более.

То ли Алексея Михайловича отличала такая же, как у самого Императора, фотографическая память (художник всё же по гражданской профессии), то ли Сильвия заранее проинформировала, но он протянул Уварову руку со словами:

— Здравствуйте, Валерий Павлович. Рад видеть вновь и в добром здравии. Мы, к сожалению, прошлый раз очень мало пообщались...

Мало! Просто во время представления после боя наиболее отличившихся офицеров Уваров сделал шаг вперёд, назвал фамилию и чин, а генерал так же, как сейчас, пожал руку. И всё знакомство. Потом генерал сидел за столом рядом с Олегом, а он — на самом дальнем краю, среди «геройских поручиков и штабс-капитанов».

— Надеюсь, в этот раз плотнее будем взаимодействовать, — сказал муж *Сильвии*, так отчего-то подумал Валерий. Вроде как *принц-консорт*.

Так же любезно Берестин поздоровался с валькириями и, как Валерию показалось, чересчур пристально смотрел на Анастасию, и руку её в своей руке задержал чуть дольше, чем требовала ситуация.

«Чёрт знает что начинает мерещиться. Я думал, что так называемая ревность — это не про меня».

— Ну как, получили от Замка удовольствие? — спросила Сильвия. И с понимающей улыбкой посмотрела на обручальное кольцо Вельяминовой. Когда прощались, его точно не было. Настя отчего-то страшно смутилась (такого свойства за ней, кроме Уварова, никто раньше не замечал) и спрятала руку за спину. Этого секундного эпизода никто не заметил.

— Огромнейшее. Только жаль, мы и сотой доли здешних чудес не успели осмотреть, — ответила почему-то Инга Вирен, раньше предпочитавшая, как казалось, держаться несколько на заднем плане, пропуская вперёд подруг, хотя ни внешностью, ни личной смелостью им ни в чём не уступала.

— Ещё успеете. Судя по отношению к вам сэра Арчибальда — сможете сюда ходить, как на собственную дачу, — без всякой улыбки или иного намёка на шутливость своих слов ответила аггрианка. Она моментами сама себе удивлялась. Вроде бы окончательно ассимилировалась, избавилась от прежних привычек, стала нормальной «сестрой», а вот появились эти девчонки, и сразу всплыли изпод сознания аггрианские архетипы и предрассудки. В советско-российской армии это называлось «дедовщиной», в военно-учебных заведениях царской России — «цуканьем», и в английских вооружённых силах имелся подходящий термин. Нельзя же сказать, что она завидовала их молодости, красоте и успеху у мужчин. У неё всё это тоже было, и в превосходной степени, но желание одёргивать, ставить на место, язвить при этом оставалось почти непреодолимым. Надо за собой следить, смогли ведь Наталья, Майя, Татьяна поставить себя доброжелательными «старшими подругами» или, как сами девицы их называют, «тётушками». А у тех ведь гораздо больше оснований считать себя обделёнными в сравнении с «племянницами», а Майе так вообще — «до скрежета зубовного» ревновать мужа, почти круглосуточно вращающегося среди этих «бутончиков». Или самой пуститься «во все тяжкие».

— Но всё это — потом, — сменив тон и выражение лица, продолжила Сильвия. — Пока — в Москву. Переоденьтесь в форму, парадно-выходную,

без наград. Возможна Высочайшая аудиенция. Ты тоже, Валерий...

— Но у нас с собой нет, — удивлённо приподняла бровь Анастасия. — Тогда сначала в расположение надо, и хоть полчаса времени.

И она, и Инга с Марией в отсутствие агтрианки совсем расслабились. Настя на самом деле себя нормальной *молодожёнкой* чувствовала, ну и остальные, не стесняясь начальника, если не в костюмах для верховой езды, то в легчайших, действительно как на курорте, где-нибудь на Лазурном Берегу, платьицах щеголяли. Не всё же по двадцать килограммов железа на себе таскать и камуфляжи с ботинками-вездеходами. Жалели девушки только о том, что здесь на них и полюбоваться некому. Арчибальд — железка, хоть и кремнийорганическая, а графу всё равно, зачарованный молодой женой, он не сообразит, в чём дело, если даже они к завтраку вообще без всего выходить станут.

— Чем вы тут занимались? — не менее удивлённо спросила Сильвия. — Нетрудно сообразить: представьте, что за любой дверью — ваша ротная каптёрка. Или лучшее в Москве военное ателье. Там и обряжайтесь, во времени не ограничиваю. Ты тоже, Валерий, аналогичным образом.

В ожидании, пока Уваров с валькириями приведут себя в подходящий для аудиенции вид, Сильвия с Алексеем расположились в том самом, знаменитом, почти *культовом* для первых членов Братства баре с подсвеченными изнутри фотопанно в простенках. С некоторой печалью Берестин, позванивая кубиками льда по стенкам массивного стакана, смотрел на эффектную всадницу, воображённую и

воплощённую Шульгиным в самом начале их эпопеи.

Снова всплыла у него в памяти фраза-вдох Карабанова: «Как хорошо было в Баязете».

— Может быть, правда, переселимся сюда окончательно, как и предлагал Арчибальд? — сказала Сильвия, поняв настроение мужа. — Велика ли разница — выходить на улицу из своего дома или вон в ту дверь, — указала она на прикрытую драпировками нишу в стене, позади и правее стойки. — Зато больше не нужно будет опасаться, что через неё войдёт кто-нибудь посторонний...

— А смысл? Помнишь, как лорд Джон Рокстон спрашивает у Челленджера: «Неужели вы собираетесь отгородиться от мирового эфира лакированной бумагой?»¹ Если кто-то захочет нас достать, достанет и здесь. Как Арчибальд выхватил вас вместе с самолётом из весьма отдалённой реальности... И, кажется, сказал, что просто спас от куда большей опасности...

— Для Замка не бывает отдалённых реальностей. Все равноценны. И, как видишь, мы сидим сейчас здесь, живые, здоровые, готовые к новым приключениям. Значит, Замок всё же надёжнее будет укрытие, чем любое другое. Вот тебе пример на твоём, фронтовом уровне — любой ДОТ можно заблокировать и уничтожить, но внутри него солдат до последнего чувствует себя намного более защищённым, чем в наскоро вырытом окопчике... И Воронцов с Натальей, видишь же, предпочитают на «Валгалле» жить, хотя тоже в любой момент могут на твёрдую землю сойти.

¹ См. А. Конан Дойл. «В ядовитом поясе». (Или — «Отравленный пояс».)

Берестин развёл руками, признавая, что в споре он уступает и готов согласиться с любым мнением жены. Да, он считал Сильвию своей *настоящей* женой, невзирая на то, что вполне был в курсе её некоторых, не слишком совместимых с «обывательской моралью» привычек.

«Ну и что? — вполне спокойно думал он. — Она прожила сто лет до меня и без меня, как умела и хотела. Не мне её перевоспитывать. Ревновать Сильвию — то же, что обычной женщине ставить в вину её эротические фантазии и сны. Это только в романе Белова муж бросил жену, когда узнал, что в заграничной турпоездке она с интересом посмотрела «Эммануэль».

Правда, ему не приходило в голову взглянуть на это глазами Константина Симонова, написавшего не вошедшие в сборники и собрания сочинений строчки:

Мы называем женщину женой
За то, что так несчастливо случилось.
За то, что мы тому, что под рукой,
Простясь с мечтой, легко сдались на милость...

Если бы он думал так, по-прежнему держа в памяти неслучившееся с Ириной, как бы он вообще жил? Что ни говори, Сильвия Спенсер-Берестина его не предавала и всегда готова была сделать ради него всё, что от неё зависело. Чего ещё можно требовать от жены? Вдобавок она была крайне умна и невероятно красива. Если не представлять на её месте Ирину, того ещё, восемьдесят четвёртого года...

— Ну, давай поживём. Оно, конечно, во многом удобнее.

— Вот и хорошо. Можно сюда только по ночам возвращаться. А утром — обратно. Никто ничего и не поймёт... Антон всегда так жил — пришёл, ушёл.

Берестин опять кивнул. Спросил только, почему же этот способ перемещения не вызывает тех потрясений мирового эфира, что все остальные?

— Потому что у форзейлей всё другое. Ты бы ещё спросил, почему современный автомобиль удобнее и безопаснее древней колесницы.

Ответ не показался Алексею исчерпывающим, а сравнение корректным. Никто не знает истинных данных по тогдашней аварийности. Он где-то читал про сыновей некоего древнего царя, которые как раз и разбились насмерть во время гонки на колесницах. Скорее всего, простые пользователи бились и калечились гораздо чаще коронованных особ.

Интересную тему прервало появление сначала Уварова, а потом и девушек. Действительно, оделись они как следует. Мастерские (или синтезаторы) Замка умели работать. И ткани, и приклад, и лекала — высшего качества. И швы, само собой, идеальные. Едва ли какой-нибудь Кристиан Диор лучше обслуживал своих постоянных клиентов.

— Пожалуй... — признал Берестин, придиричиво, словно бы даже с завистью, осмотрев их форму и то, как она сидит. — Мой Иосиф Моисеевич Шнейдерман, закройщик из Севастополя, так не умеет, хотя сорок лет шьёт исключительно для штаб-офицеров и генералов. Что ли, и себе здесь заказать? Нет, не буду, не люблю появляться перед знающими людьми в необношенных вещах.

— Представьте, как на вас в положенное время будут сидеть здесь же сделанные свадебные платья! Лихие джигиты прямо из-под венца выхватят, — исполняя своё решение стать доброй и терпимой, польстила девушкам Сильвия, повергнув их в смущение не столько смыслом своих слов, как их неожиданно ласковой тональностью.

— Ну, если готовы — пошли. Вещи можете не брать, потом вернёмся... Оружие тоже, с автоматами в Кремль не пустят.

— С пистолетами можно, — уточнил Уваров.

— Ну вот их и оставьте...

Через ту самую дверь позади барной стойки, что имела в виду Сильвия, они вышли прямо в приёмную Тарханова. Постороннему наблюдателю, в данный момент — дежурному адъютанту, показалось, что просто из коридора появились визитёры, обычным образом. Поручик слегка удивился другому — он ведь не заказывал пропуск на шестерых. Правда, Уварова он знал хорошо, трёх девушек из «Печенег» видел здесь же несколько дней назад. Очевидно, начальник Управления распорядился сам, минуя обычный порядок. Гораздо больше адъютанта поразило появление генерал-лейтенанта в непривычной, но знакомой форме. Будто с киноэкрана, из фильма про Первую мировую войну сошёл.

Нет, а вдруг?! Поручик хоть сам не видел, но, как и все близкие к высшим сферам офицеры, много слышал о дивизии белых офицеров, появившихся в Берендеевке для спасения Императора. Этот генерал вполне подходил под описания. И главное — воронёного металла шейный крест, напоминающий размером и формой Георгиевский второй степени. Поручик на всякий случай вскочил, вытянулся «во фронт»¹.

— Доложи, — распорядился Уваров.

Поручик поднял трубку селектора.

¹ «Стать во фронт» — особая форма приветствия нижними чинами и младшими офицерами особ первых четырёх классов Табели о рангах (от генерал-майора и выше).

Когда прибывшие направились в кабинет Тарханова, адъютант смотрел уже не на генерала, а на «печенежек» в задней проекции. Даже сухо сглотнул, слюна куда-то пропала. Лучше бы им всегда в камуфляжах на размер больше ходить, эти кителя и юбочки в обтяжку, ножки, сапожки — чересчур травмируют психику холостых офицеров. Ни за что бы не пошёл с ними служить — смотреть на эти прелести каждый день без взаимности — в уме повредиться можно. Или — наоборот, подыскать там жену, такую вот, как подполковник Уваров нашёл.

Сначала Валерий доложил о прибытии непосредственному начальнику, потом Тарханов и Секонд обменивались рукопожатиями и подобающими случаю словами с Берестиным; суровый полковник даже приложился к ручке Сильвии, удостоив валькирий всего лишь благосклонным взглядом. Чему девушки были только рады. Что значит психология — и Тарханов, и Ляхов в одном чине, в одном почти возрасте, одними делами занимаются, оба Герои, друзья-приятели к тому же, но с Вадимом Петровичем можно было и шутить, и заигрывать временами, а то и опасно приближаться к грани, за которой непосредственность переходит в простое хамство. Вести себя подобным образом с Сергеем Васильевичем никому из подчинённых в голову бы не пришло, несмотря на то, что он ни разу никому даже обычных трёх суток «губы» не объявил, что моментами считалось не столько наказанием, как знаком того, что тебя *заметили*. А вот так как-то получалось...

— От себя — всем благодарность выношу, — сразу перешёл к делу начальник Управления, — и

сейчас все идём к генералу Чекменёву, потом все вместе — к Императору. Он ждёт.

— Поручикам тоже? — на всякий случай спросил Уваров.

— Вот именно. Государь особо подчеркнул, что желает лицезреть героических защитниц Престола и Отечества. Пожалуй, чем-нибудь и наградит. Настройтесь и проникнетесь.

Анастасия и тут чуть не задала свой коронный вопрос об остальных «участницах дела», как выражались в позапрошлом веке, но наткнулась на предостерегающий взгляд Ляхова. Действительно, частенько она стала забывать, что в армии каждый говорит только за себя, а в присутствии старших по званию и должности открывает рот только в исключительных случаях. Если, конечно, прямо о чём-то не спросят.

— Я смотрю, вы и приоделись к случаю. Ты, что ли, Вадим, предупредил? — Тарханов одобрительно прошёлся глазами по предметам обмундирования. В отличие от адъютанта в приёмной, то, на что надеты «артикулом предусмотренные» кителя и юбки, его совсем не заинтересовало. Нет, внимание он обратил, но в своём обычном стиле.

— Никак нет, Валерий Павлович подобающим видом озаботился, — с мефистофельской улыбкой ответил Ляхов.

— Давно знаю, что он молодец. Соображает обстановку. Вас, *барышни*, предупреждаю — если Государь соблаговолит самолично ордена приказывать, знаете, куда — упаси бог вздрагивать, краснеть или иным способом неподходящие офицерскому званию эмоции проявлять. Вообразите себя на приёме у гинеколога. Нет-нет, я не шучу бес тактно, поручик, — заметил он возмущённо сверкнувшие глаза Вельяминовой, — я вам доступным

языком излагаю один из пунктов неопубликованных, но всеми *понимающими* людьми соблюдаемых «Правил безопасности при общении с Государственными особами». Если оные соблюдать — возможно и штабсами¹ из государственных покоев выйдете, и со всеми вытекающими...

Теперь уже Сильвия усмехнулась так, чтобы все девушки увидели подаваемый уже ею сигнал и осознали...

— Если всем всё понятно — начинаем движение, — распорядился Тарханов, уверенный, что дальнейшие пояснения будут избыточны.

Чекменёв, на взгляд Уварова, необычно нервничая, выслушал его рапорт словно бы без особого интереса. Явно другие заботы его сейчас обуревали. Не сказав ничего по сути, без всякого выражения скользнув глазами по валькириям, он снял трубку отдельно стоящего на специальном столике телефона с золотым двуглавым орлом на месте наборного диска. Выждал не меньше шести гудков, пока абонент *соизволил* ответить.

И говорил Игорь Викторович не совсем обычно, то, случилось, и на «ты» к Императору мог обращаться, а сейчас отчего-то не «Олег Константинович» даже, а — «Ваше Величество». Или порядки при дворе начали меняться, подумал граф Уваров,

¹ Тарханов намекает на пункт из Статута Ордена Святого Георгия: «Удостаивается же оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнил во всём по присяге, чести и долгу, но сверху сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием». Награждённый хотя бы четвёртой степенью, помимо приобретения потомственного дворянства, автоматически производился в следующий чин.

или снова какая-то игра на публику. Всего можно ждать.

Он вообще сильно напрягся. Слишком чётко понял, что подразумевал Тарханов, инструктируя девушек. Стилль Императора, а раньше просто «Великого князя без удела», в светских кругах был известен с давних времён. Любвеобильностью он отличался не меньшей, чем его державный прапрадед, Александр Второй. В отличие от Третьего, стопроцентно моногамного. Но, честно сказать, и деликатностью тоже: всегда давал понять очаровавшей его даме, что выбор за нею. Никогда не приставал и не мстил за невнимание, был намного выше этого. Но и дамы чётко знали, что *фаворитки* могут рассчитывать не только на сиюминутное удовольствие, но и на гарантированную карьеру, свою, а если есть муж, то и его тоже.

— Да, Ваше Величество. Немедленно идём. В том самом составе. Да, я так понимаю, что вопрос решён. И ещё новые обстоятельства. Есть, идём...

Хорошо, что Сильвия, великолепно поняв чувства Уварова, чуть придержала его за рукав.

— Не беспокойся. Не наделай глупостей. Веди себя нормально. Я гарантирую, обойдётся без эксцессов...

Олег Константинович ожидал «Посольство» (если считать Берестина и его жену представителями суверенного дружественного государства, то иначе и не скажешь) в гостиной для «малых приёмов», с примыкающей к ней буфетной. Задёрнутые белыми шёлковыми шторами окна выходили в Александровский сад, откуда доносились звуки развлекательного публику духового оркестра.

Император был настроен приподнято. Полученные с флота сообщения об очередной почти бескровной победе над британским флотом радовали и сулили увлекательную дипломатическую игру, ничуть не менее азартную, чем преферанс или покер.

Не вдаваясь в подробности, Император удовлетворился словами Чекменёва о том, что представляющиеся по этому случаю поручик Вельяминова и подпоручики Вирен и Варламова (на алфавитную монотонность их фамилий он внимания не обратил), а также подполковник Уваров сыграли в посрамлении «просвещённых мореплавателей» выдающуюся, если не сказать — решающую роль.

— Хорошо, потом в деталях расскажете, — демонстрируя «высочайшее благоволение», Олег Константинович рассматривал валькирий с поощряющей, можно сказать, что и радостной улыбкой. Девушки отвечали самым высоким стандартам, да вдобавок и форма на них сидела великолепно. А все Романовы очень любили форму и благоволили к умеющим её правильно носить.

Император тут же вспомнил, что уже слышал фамилию Вельяминова в связи с одесскими делами Чекменёва. Тогда ещё Чекменёв не захотел награждать Уварова, в воспитательных якобы целях, а он, Император, пообещал, что сам решит этот вопрос, да ежедневные и обязательно неотложные дела отвлекли. Теперь случай представился.

Сильвия изо всех сил концентрировала на самодержце свою ментальную силу, мизерную, конечно, в сравнении с тем же Удолиным, но на близком расстоянии, притом что ей уже доводилось входить с Олегом в психический резонанс, — вполне достаточную. И о тантрических практиках она тоже была осведомлена. Ещё в молодости, при жизни королевы Виктории, в бытность молодой вдовой,

★ миледи специально посещала Индию, храмы Каджурахо, беседовала со жрецами, а особенно жрицами этого непонятного и даже отвратительного простым европейцам культа (всё ж таки на дворе был ещё пуританский, ханжеский, лицемерный девятнадцатый век). Кое-чему научилась, и для личного пользования, и для служебного тоже.

Сейчас она использовала тантрические формулы «с обратным знаком», гася и нейтрализуя у Императора его неумёренную сексуальную энергию и почти детское любопытство почти к каждой симпатичной особе. Прошло не более трёх минут и — подействовало. На лицо Олега Константиновича набежала тень, потом отразилось недоумение. Он ещё раз пристально всмотрелся в прикрытые выше колен узкими синими юбками ноги девушек, перетянутые ремнями талии, и выше тоже, вплоть до направленных ему прямо в переносицу, согласно уставу, трёх пар глаз.

Рассеянно пожал плечами и как-то торопливо, скомканно завершил процедуру награждения. Уваров удостоился наконец «Георгия» третьей степени и, соответственно, полковничьих погон. Девушки получили по четвёртой, но и то это было очень и очень много. В отряде ещё никто не заслужил заветный беленький крест. Анастасия выросла до штабс-капитана, её подруги стали поручиками.

Процесс собственно награждения тоже прошёл спокойно, у Императора не дрогнула ни чёрточка на лице, и девушки ухитрились не покраснеть, хотя на идеально облегающих кителях застёгивание тугих булавок орденовских колодок заняло некоторое время.

«Вот что значит оказаться в нужное время в нужном месте», — к месту вспомнила Вельяминова довольно затёртое присловье. Надо же, не прошло

и двух лет, а агтрианская курсантка без реальных жизненных перспектив (которой вообще-то полагалось бы давно лежать в торопливо засыпанной и кое-как обозначенной могиле) честно дослужилась до четырёх звёздочек, высшего ордена Империи, а скоро вдобавок станет (в юридическом смысле) графиней и женой лучшего на свете человека и офицера...

Вот так Империя умеет превращать людей самых разных национальностей и «прав состояния» в своих «без лести преданных слуг».

По предложению Олега Константиновича выпили по бокалу голицынского шампанского за «свежих кавалеров», в большинстве своём — дам.

— Подожди, Игорь, я помню, ты говорил, что девушек в группе работало семь, — сказал самодержец, вертя в пальцах бокал. — Где остальные?

— С ними всё в порядке. Продолжают выполнение задания.

— Этого же?

— Так точно.

— Пиши указ о награждении. Аналогично. Когда закончат, пришлѐшь ко мне.

Секонд за спиной Императора сделал Анастасии жест, означающий: «Видишь, а ты боялась...»

Олег указал вестовому, чтобы снова наполнил бокалы.

В это время Чекменѐв уже начал докладывать, что формальное согласие российского Президента на использование дружественных войск для ликвидации мятежа и заговора получено. Теперь требуется высочайшее разрешение на использование отрядов «Печенег» и штурмгвардии за пределами государственных границ.

— Неточно выражаешься, — походя упрекнул своего верного паладина Олег. Государь Пётр

Алексеевич говорил: «Не держись Устава, яко слепой стенки». К формулировкам самого Императора это тоже относится. Мы ведь за границы не собираемся! Пиши — «на территории сопредельного дружественного государства». Так будет в полном соответствии... А когда с непосредственной задачей справимся, тогда я уже настоящий Манифест о воссоединении братских народов сам сочиню...

— Как бы новая Переяславская Рада, — понимающе кивнул Чекменёв.

— А то и посерьёзнее, — подтвердил Олег. — Только смотрите там, постарайтесь обойтись без жертв среди мирного населения...

— Все предусмотрено, Ваше Величество.

— Вот и хорошо. Слушай, вот ещё что...

Император скользил глазами по валькириям и прочим приглашённым, и видно было, что его беспокоит некая заноза, не то в душе, не то в сердце. Как бывает, когда говоришь с хорошо знакомым человеком и не можешь вспомнить, как его зовут. Вот и сейчас он точно знал, что, когда награждаемые офицеры ему представлялись, им владела какая-то весьма важная мысль. Ещё раз взгляделся в лица Уварова и его подчинённых, будто надеясь найти ответ у них. Нет, ничего, никакой зацепки. Разве, может быть, вот это?..

— Знаешь, Игорь, не совсем хорошо получается. Без меня меня женили называется. Это я о наших будущих «товарищах по оружию». Давай так — доставь сюда прямо сейчас этого Президента, я ему по-хорошему, по-братски скажу, что мы начинаем...

— Есть, Ваше Величество, немедленно доставлю...

— Вот и езжай, вези.

— Прошу прощения, пусть это сделает полковник Ляхов. У него лучше получится, не так официально. Зачем лишний раз человека нервировать?

— Тебе виднее. Тогда езжай ты, полковник. Одна нога здесь, другая там, — он посмотрел на часы. — Отнюдь не поздно, одиннадцатый час всего. Самое время для дипломатии. Вы, господа офицеры, свободны. Ах да, подождите. Вам ведь опять на задание отправляться? Их отряд участвует? — спросил он у Тарханова. Видно было по глазам и выражению лица, что забытая мысль продолжает его терзать.

— Так точно, Ваше Императорское Величество, в полном составе.

— Что ж. Будьте осторожны и разумно смелы. Надеюсь вскоре увидеть вас снова. Уверен, со следующим столь же приятным поводом для встречи вы не заставите себя ждать. Ляхов, проводи. Всем — три дня отпуска. Так, полковник? — это уже к Тарханову.

— Так точно, трое суток с выездом за пределы города, если потребуется. Но — после завершения операции. Сейчас никак невозможно.

— После завершения они, может, сразу по десять заработают, не считая дороги, — пошутил Олег.

Новопроизведённые офицеры вышли в сопровождении Ляхова, и Императору вдруг стало легче. Заноза исчезла. Он никак не связал это с тем, что из его поля зрения исчезли девушки со всеми своими *факторами*. Просто вздохнул, прогоняя наваждение, и отнюдь не заметил скользнувшей по губам Сильвии мгновенной усмешки.

Всё отлично получилось, подумала миледи, и с девчонок, и с самого Уварова очень даже причитается. И одновременно её осенила очередная гени-

альная идея. В конце-то концов хоть одну «валькирию» (она всегда произносила термин в отчётливо слышимых кавычках, то с юмором, то с иронией или сарказмом — зависимо от настроения) можно попробовать использовать «по назначению», то есть в той роли, которая для каждой из них подразумевалась. Остальных девочек, успевших завести себе женихов или хотя бы ощутивших желание реализовать свои романтические чувства (неизвестно, каким образом у всех семерых оказавшиеся преобладающими над разумным практицизмом), от внимания Олега Константиновича она избавила, пусть сами разбираются, как жить. А вот над тем, чтобы попробовать сделать фавориткой (причём постоянной, не говоря о большем) Ингу Вирен, стоит подумать.

Сама Сильвия, естественно, в обозримый период времени внимания Императору уделять не сможет. А вот из нордической красавицы, самой из всех спокойной и на вид даже флегматичной (но если *очень внимательно* присмотреться — можно обнаружить черты и ухватки, напоминающие пантеру Багиру из мультфильма «Маугли»), сотворить новую «принцессу Фике»¹ — задача очень увлекательная. Давненько леди Спенсер такими делами не занималась. Любопытно, не утратилась ли хватка, тут ведь интрига намечается — высший пилотаж!

— Ну что, остались только свои? — спросил Император, не подозревающий пока, какая судьба ему уготована. — Тогда пройдёмте, поговорим о

¹ Прозвище Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской до её превращения сначала в цесаревну, а потом императрицу Екатерину II.

деталях, — движением головы он указал на неприметную дверь за портьерой.

Да, все свои, хотя и немного по-разному: Чекменёв, Тарханов, Берестин, Сильвия. Двух последних можно воспринимать сразу в нескольких качествах, беря за главное то одно, то другое, по обстоятельствам и настроению.

Из доклада Чекменёва, прямо в буфетной наладившего заранее доставленный сюда проектор с микрофильмами карт, схем и таблиц, следовало, что обстановка и в той и в другой России за последние сутки кардинальным образом изменилась и все концы, получается, завязаны на «Мальтийский крест». Эта, поначалу довольно локальная по замыслу операция вдруг стала таким же геополитическим узлом планетарного значения, как Верден в Первую и Сталинград во Вторую мировую войны.

Тот не слишком частый случай, когда буквально несколько лишних дивизий или даже только нетривиальное полководческое решение могли создать ещё одну чёткую историческую развилку. Так, решишь Николай Второй в разгар наступления Юго-Западного фронта летом шестнадцатого года передать Брусилову командование остальными двумя Западными фронтами, исход всей войны мог бы решиться до нового, семнадцатого года, со всеми вытекающими последствиями. Царская подпись на таком приказе сыграла бы роль пресловутого минимально необходимого воздействия.

— В чём аналогия? — спросил Олег, любивший предельную чёткость и конкретность.

— В том, что от вашего решения сегодня зависит так же много, если не больше. Превращение победоносной операции в Галиции в общее наступ-

★ пление трёх фронтов, поддержанное даже только *сковывающими* действиями союзников по Антанте, могло бы привести к завершению войны ещё до конца шестнадцатого года. Это сопровождалось бы оккупацией большей части азиатской Турции, аннексией Царьграда и Проливов. В нашем случае успех даже первого этапа «Креста» будет означать кардинальную смену геополитической обстановки сразу в двух мирах. После завершения второго мы сможем перейти к проведению *совершенно независимой* внешней политики и у нас, и там, у них.

Чекменёв неопределённо махнул рукой, поскольку не знал, какое направление указать. Та Россия была вокруг и внутри *этой*, равно как и наоборот. Даже в этом самом помещении сейчас кто-то находился или мог находиться, и люди проходили друг сквозь друга, не создавая никаких неудобств, никаких позитивных или негативных ощущений. Впрочем, это как раз и неизвестно. Очень может быть, что взаимовлияние миров очень велико, только незаметно и непонятно.

— Сейчас вы поставите Президента в известность о том, что наши спецподразделения в сопровождении и при помощи *его* людей войдут в Москву и в течение суток, я полагаю, наведение порядка будет закончено...

— Чьего порядка? — с интересом спросил Олег.

— Я так полагаю — общепринятого, — вдруг вмешался Берестин. — Когда будут устранены и изъяты (по законам военного времени, прошу заметить, и неважно, будет на это согласие *ныне бездействующей* власти) все причастные к попытке переворота персонажи, мы можем вернуть Президенту, Правительству, Думе теоретически принадлежащие им прерогативы. Судебные процессы и реоргани-

зацию властных структур они смогут проводить по своему усмотрению, но под нашим контролем.

— Это, по-вашему, Алексей Михайлович, не называется именно оккупацией?

— Назвать можно как угодно, Олег Константинович. Когда в сорок пятом году союзники, после подписания немцами и японцами безоговорочных капитуляций, проводили там денацификацию и иные демократизирующие процедуры, это оккупацией называлось. Поскольку армии *воевавшего противника* капитулировали, а государственность распалась. Когда мы в семьдесят девятом году вводили войска в Афганистан по просьбе тамошнего законного правительства, это называлось «интернациональной помощью». Давайте назовём наше мероприятие «национальной» или просто «братской помощью», а оценивать справедливость такого термина и вообще правомерность наших действий предоставим историкам будущего.

— Очень хорошо сказано. Полностью с вами согласен, — хлопнул сильной и одновременно изящной ладонью по столу Олег. В смысле физической силы он не уступал предкам Александрам, Второму и Третьему.

— А ваша Югороссия не собирается к ним тоже свои овечьные славы дивизии вводить?

— Пока речи об этом не было. Едва ли целесообразно. Я не только введение войск, я и логически вытекающую *конвергенцию* имею в виду. Всё же почти столетняя разница в культуре и психологии. Хотя что-то вроде шенгенских виз и для наших граждан можно придумать. Но это вопрос не сегодняшнего дня. Лучше определиться, какие контингенты будут направлены от вас.

Перед тем как определяться, Император предложил перекусить, что означало всё то же «Белое хлебное вино» с чёрными сухариками и солёными огурчиками для мужчин и коньяк с шоколадом, за неимением в буфете джина, для Сильвии.

А тут вскоре и Секонд обернулся, доставив Президента в сопровождении Мятлева, поскольку вопрос касался непосредственно его сферы.

После нескольких протокольно-дежурных фраз, какими положено обмениваться главам союзных государств (хотя никаких договоров ещё не было заключено), Император и перешёл именно к этому вопросу. О необходимости составить, заключить и подписать хоть какую-то предварительную бумагу, которую можно будет предъявить общественности обеих стран, ну и мировым сообществам, если вдруг потребуется.

Президент после событий на даче и суток, проведённых в этой Москве, выглядел совсем не так самоуверенно, как при первой встрече. Зато гораздо спокойнее. Не только решил всё для себя и страны, но и смирился с этой перспективой.

— Что вы подразумеваете? — спросил он.

— Ну, что-то в этом роде: «Мы, высокие договаривающиеся стороны в лице «имярек»¹ заключили настоящее соглашение тогда-то и там-то. Движимые тем-то и тем-то Стороны обязываются оказывать друг другу немедленную и безвозмездную помощь в случае, если каждая из них явится жертвой внешней агрессии или внутренних беспорядков, справиться с которыми своими силами не в состоянии...» Пусть Ляхов, он у нас академик, и

¹ Имярек — в старом русском канцелярском делопроизводстве это слово обозначало, что на этом месте должно быть вставлено чьё-то имя, пока неизвестное или неназванное.

ваш представитель сядут и изложат, как положено. А мы посмотрим, да и подпишем. Времени очень мало. Мои бойцы готовы выступить к вам...

Олег вопросительно посмотрел на Тарханова.

— Шесть отрядов «Печенег» с полным снаряжением смогут выступить через два часа. Два батальона штурмгвардии — через три. Места переправы подготовлены. На месте их уже ждут. Что касается армейских частей — не моя компетенция.

— Кто будет командовать сводной бригадой?

— Предлагаю поручить полковнику Уварову. У него достаточный опыт, а теперь и чин. Труднее, чем в Варшаве и под Берендеевкой, в Москве не будет. Тем более — планируем придать ему несколько военных советников из местных, тоже вполне подготовленных.

— Отставить. Командовать будешь ты. Ляхов — начальник штаба. Уварова используйте по своему усмотрению. Он хорош в роли начальника «пожарной команды». Генерал Чекменёв считает, что самостоятельные роли такого уровня ему поручать рано...

— Ваше Величество, я... — попытался возразить Игорь Викторович.

Он как раз планировал противоположное — Уварова командиром, а Тарханова или Ляхова представить к нему в роли представителей Ставки Главного командования.

— Поздно спорить. Я твоё мнение о графе учёл и принял решение. Посмотрим, что получится.

Что подтолкнуло Олега к такому варианту, было никому не понятно. Совсем ведь недавно он спорил с Чекменёвым с противоположной позиции, защищая право графа на самостоятельность и инициативу. Кроме, может быть, Сильвии. Император — любитель импровизаций, возможно, имеет на Уварова

и его подразделение собственные, до поры не разглашаемые планы. Никак он не мог забыть Берендеевку и роль Валерия в её защите. Берестин со своей дивизией позже подошёл, а то ведь только рота отчаянного капитана держала фронт...

Президент и Мятлев сидели с растерянными и расстроенными лицами. Действительно, получается, что их здесь в грош не ставят, как в своё время американский посол диктаторов банановых республик, вроде Гватемалы или Гондураса. Хорошо же начинается «сотрудничество».

Но не таков был Олег, чтобы допускать подобные бестактные проколы. Он действительно собирался соблюдать в отношении «коллеги» принцип полного равноправия. Тот ведь ещё не догадывается, что имеет на руках весьма сильные козыри и самому Императору в скором времени предстоит идти к нему на поклон.

— Все эти силы и моих лучших солдат я передаю в ваше оперативное подчинение, дорогой Георгий. Своего генерала, — он указал на Мятлева, — можете назначить верховным координатором операции. Ему с удовольствием поможет как бы нейтральное лицо: генерал-лейтенант Берестин является начальником полевого штаба Верховного правителя суверенной республики Югороссия, он сейчас к нам прямо из тысяча девятьсот двадцать пятого года. Но, несмотря на возраст, — позволил себе элегантно пошутить Его Величество, — Алексей Михайлович выдающийся стратег и, насколько мне известно, ваш соотечественник и в какой-то мере современник. Прошу любить и жаловать.

У Президента голова окончательно пошла кругом, и Олег Константинович, сам переживший некогда определённое потрясение от знакомства с

новой картиной мироустройства, снова кивнул Чекменёву. Давай, мол, «гвардейский тычок»¹.

— В какой мере? — спросил Президент, прожевав почти силой предложенный Мятлевым огурчик, вообще-то удивительно вкусный. Секрет специально на то поставленного засолщика.

— Да родился я в Москве, ещё при жизни Сталина. И дожил там почти до Горбачёва. Потом — обстоятельства... Пришлось постранствовать. Но за обстановкой дома слежу. Ваших, как, впрочем, и горбачёвских ошибок точно не сделал бы, — абсолютно неполиткорректно ответил Берестин.

— Отчего вы так уверены? — заступился за друга и начальника Мятлев. — Всякий мнит себя стратегом...

— Алексей Михайлович, прошу заметить, всё ж таки выиграл в той ветке, что образовалась после гибели генерала Корнилова, Гражданскую войну, — как бы вскользь вставил Секонд.

— Всё, господа, некогда нам в историю углубляться, — пресёк Чекменёв готовую начаться очередную дискуссию об альтернативной истории. — Времени нет. Ляхов, вы проект договора что, ещё и писать не начали?

— Так точно, то есть никак нет, начал. И даже закончил...

Вадим вынул из планшета заранее отпечатанный и оформленный с соблюдением всех бюрократических и дипломатических тонкостей документ. В двух экземплярах, на гербовой бумаге и, как выражаются писаря, с «заделанными подписями».

¹ Вообще, по терминологии Александра Третьего, «гвардейский тычок» — это примерно стограммовая чарка без закуски. Олег Первый, как человек более прогрессивный, считал умеренную закуску возможной и допустимой, не меняя исторического названия процедуры.

— Извольте ознакомиться...

Сначала бумагу просмотрел Чекменёв, потом Мятлев, Император сделал отстраняющий жест, я, мол, и так всё знаю, мне читать незачем. Укажите, как нормальному генералу, пальцем, где подписывать — и достаточно.

Зато Президент читал внимательно, будто мелкий шрифт условий кредита без поручителей изучал.

В целом, кажется, возражений не имел, только, дойдя до пункта седьмого, приподнял бровь, потом задал вопрос:

— А вот это — как понимать?

Прочитал вслух:

— «Вооружённые силы осуществляющей помощь стороны должны быть выведены с территории союзника немедленно (в случае получения такого предложения) или по завершении заранее обусловленной задачи (или оговоренных сроков), с учётом реально складывающейся обстановки, технических условий и практических возможностей».

— То есть всё-таки оккупация на зависящий только от «оказывающей помощь стороны» срок? Всегда можно сослаться на «складывающуюся обстановку».

— Вы в армии служили? — спросил Император, положив на край пепельницы сигару, только что увлечённо раскуриваемую.

— Не пришлось, — развёл руками Президент.

— Жаль. Ну вот вам вводная. Наш, допустим, корпус ведёт войсковую операцию по защите ваших интересов на Кавказе, в Закавказье или на Памире. Предположим, зимой. Вдруг вы сепаратно, за нашей спиной договариваетесь с инсургентами или внешним агрессором и требуете, чтобы в недельный срок мои войска покинули район боевых

действий. А Сурамский перевал, Рокский тоннель, Военно-Грузинская дорога завалены снегом и непроходимы. Большая часть корпуса связана операциями батальонного и полкового масштаба на двухсоткилометровом фронте. Часть войск отрезана или блокирована в местах расквартирования, часть находится в постоянном огневом контакте. Я вам даю ознакомиться с рапортом комкора, что до мая вывести войска организовано и без потерь невозможно. Сейчас ноябрь. Солдаты просто вынуждены будут ещё полгода сражаться в полную силу, просто в целях собственного выживания. Ваши действия?

Президент опустил глаза. На таком уровне он разговаривать не привык со своих студенческих времён. После этого научился все вопросы решать политкорректно, нередко — «по понятиям», но ни местные, ни зарубежные партнёры, не говоря о подчинённых, не ставили его перед необходимостью отвечать быстро, прямо и однозначно, заведомо отменяя всякую амбивалентность¹. Нормальный кантовский принцип «исключённого третьего», как и слова Христа: «И пусть слова ваши будут да — да, нет — нет. А остальное от лукавого», — Президент давно забыл.

— Но...

— На войне «но» не бывает. Я спросил — согласны ли вы с тем, что реальные обстоятельства, технические возможности да и вопрос простого выживания личного состава могут войти в противоречия с вашим сиюминутным желанием или капризом?

— Конечно, спорить трудно. При такой постановке...

¹ Амбивалентность — возможность двух или более вариантов поведения субъекта (обычно — взаимоисключающих) под воздействием одного и того же раздражителя.

— Другой и не будет. Я мыслю конкретными категориями. И вам советую делать также. Жизнь стремительно меняется, и прежней никогда уже не будет. Большинство людей до августа четырнадцатого года этого не понимали, за что и поплатились. Продолжим. Я так понял, что вы пришли ко мне, морально готовые к тому, что до наведения порядка боевыми действиями руководить будут всё-таки мои люди, а ваши — им всемерно содействовать. Надеюсь, ненужных разногласий до тех пор, пока к вам вернётся вся полнота власти, мы постараемся избегать. Итак, Сергей Васильевич, доложите предварительные соображения по выдвижению и развёртыванию...

Секонд и Мятлев вдвоём вышли в небольшой коридорчик, откуда винтовая чугунная лестница вела вниз, к центральному вестибюлю, мимо него и ещё ниже, к тамбуру, выводящему на не приметное боковое крыльцо. Леонид Ефимович настоял на том, что он должен лично увидеть встречу «переходящих границу» передовых отрядов с теми, кого Фёст по спецсвязи, явно развлекаясь даже в таких обстоятельствах, назвал ядром своей личной Армии Крайовой¹. Мятлев понял, в чём соль, а Секонд — не совсем.

¹ Армия Крайова (АК) — можно перевести как Отечественная (или Внутренняя) армия. Вооружённые формирования на территории оккупированной немцами Польши в годы Второй мировой войны. Подчинялись эмигрантскому правительству в Лондоне. Сражались как с немцами, так и с бандеровцами. Отношения с освобождавшей Польшу Красной Армией колебались от прохладно-союзнических до прямо враждебных. Наиболее яркая, бессмысленная и кровопролитная акция АК — Варшавское восстание 1944 г.

Стали на ступеньках, в освещённом одиноким фонарём пространстве между дверью и высоким каменным парапетом. Опять, по инерции, одновременно достали сигареты, закурили, вдыхая дым по полам со свежим, пахнущим близким дождём и пальмами листьями воздухом.

— Ничему не удивляйся, интересного, равно как и непонятного, впереди много. Сейчас мы вместе с Тархановым едем на базу «печенегов». Президент пока остаётся в Кремле. Они с Чекменёвым будут отслеживать текущую обстановку. На базе переодеваемся, вооружаемся и вместе с войском переправляемся к Фёсту, Герте и Людмиле. На месте посмотрим, есть там хоть какой собственный резерв сопротивления. Мы-то в любом случае справимся, но лучше б вы сами... — сказал Секонд.

— Фёст это раньше тебя понял.

— В смысле?

— Когда про АК сказал. Надо бы тебе «Пепел и алмаз» посмотреть, для расширения кругозора. — Сам Мятлев начиная с детских лет смотрел этот фильм раз десять, наверное. И другие подобные тоже, так что польские расклады тех времён знал хорошо. — Суть в чём — когда эти самые аковцы поняли, что сами страну и даже Варшаву освободить от немцев не сумели, они начали мстить не оккупантам, а освободителям. Такой вот психологический парадокс, «стокгольмский синдром» наоборот. Поэтому очень я надеюсь достаточно собственных сил на борьбу мобилизовать. Лучше всего, если до победы о вашем существовании широкие массы вообще не узнают. Вот после...

По ступенькам почти бегом спустился Тарханов. И одновременно из темноты за углом выехал его персональный полуброневик-полулимузин вы-

сокой проходимости со сдвинутой к корме невысокой рубкой пулемётной спарки.

— Ого! Солидно. Вы что, на нашу сторону на этом ехать собираетесь? Впрочем, почему и нет? Сойдёт за какую-нибудь очередную экзотическую покупку нашего министра обороны.

— Садитесь, поехали, быстренько, — сразу заторопил их Тарханов. Ему в кои веки довелось лично возглавить военную операцию глобального, без шуток, масштаба (в перспективе, конечно), и он был по-хорошему возбуждён.

— Давай, гони по осевой и сирену включай. Уваров позвонил только что, через десять минут назначил построение. Скоро, наверное, и штурмгвардия доложится...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хворостов и его люди были окончательно сражены, не только утратили остатки скепсиса, но и преисполнились энтузиазма, когда на поляну и на ведущие к ней и от неё просеки начали повзводно выходить сначала «печенег», а за ними и выглядящие гораздо грознее штурмгвардейцы. Сразу, как писали Ильф с Петровым, «стало шумно и весело».

Девушки, при всех их способностях — *штучный товар*, что ни говори, и морпехи дело хорошее, но ведь взвод всего. С такими силами перехватить выпавшую из рук, но ещё не долетевшую до земли власть не слишком реально, даже учитывая две-три сотни своих надёжных людей, которых ещё нужно собрать и чем-то вооружить.

А тут весь лесопарк чрезвычайно быстро наполнился очень убедительными парнями в незнакомой форме и с напоминающим о годах Отечественной войны оружием.

В избе лесничего собралось много начальников самого разного рода и «хронологической принадлежности». Сразу пять полковников, считая Фёста и Хворостова, два подполковника, Закревский и Эргарт — комбаты штурмгвардии, шесть капитанов, возглавлявшие роты «печенегов». Прямо хоть ремейк картины «Военный совет в Филях» пиши.

Остальные офицеры двух России, ротные и взводные, которым полагалось бы здесь присутствовать, просто не поместились в небольшом помещении. Расположились на крыльце, на лавках у стены, под широким навесом у обращённого к лесу торца дома.

Некоторая путаница в головах у не слишком хорошо разбирающихся в исторических тонкостях офицеров и с той, и с другой стороны возникла лишь оттого, что одинаковые знаки различия в двух армиях обозначали несколько другие чины, в остальном же взаимопонимание и в избе, и на поляне наметилось полное.

Как водится, первым делом обменивались куревом, немедленно вынося оценки качеству табачных изделий. Добровольцы Хворостова, не побывавшие на заводе, с крайним вниманием отнеслись к присутствию в рядах «братьев по оружию» целой сотни хоть и суровых на первый взгляд, но весьма милых при ближайшем знакомстве девушек, которых тоже весьма заинтересовали коллеги-мужчины из чужого мира.

Фёст, отвыкший от армейского многолюдья, сразу почувствовал себя как дома, в родной семье. Если с тобой около тысячи хорошо вооружённых, надёжных ребят, совсем иначе себя ощущаешь, чем одинокий разведчик в Диком поле.

Попытка Уварова как-то уберечь девичью роту от излишнего, неуместного сейчас внимания закон-

чилась безуспешно, притом что формально он был прав: сто девушек в окружении тысячи мужиков, собравшихся на войну, — сильно дестабилизирующий фактор. Хотя бы в том смысле, что заболтаются на не имеющие отношения к службе темы так, что и команд не услышат. А то и военные тайны начнут выдавать.

На не менее важный момент обратила внимание всё та же вездесущая Темникова, здорово раздосадованная, что Вельяминову и двух её «сестричек» принимал Государь, «из собственных ручек» прицепил «Георгиев» и дал по очередной звёздочке. Она твёрдо решила, что в предстоящем деле непременно догонит Настьку, ставшую уже штабс-капитаншей, и хоть через влиятельных родственников, но добьётся, чтобы её, а не будущую «графинюшку» поставили ротной вместо Полусаблина, уже, по достоверной информации, подавшего рапорт.

— Прошу, господин *полковник* (новый, *настоящий* чин графа она произносила совсем с другой интонацией, чем вежливое титулование *обычного подполковника*), распорядиться выставить вокруг нашего расположения патрули в радиусе ста метров.

— Зачем? — не понял Уваров.

— Затем, что девушкам, прошу прощения, в кусты желательно отлучаться без ненужных свидетелей, — дерзко глядя командиру в глаза и несколько вызывающе улыбаясь, ответила Темникова.

«Ах ты, зараза, — подумал Валерий. — Но я тебе не бедняга Полусаблин, которого вы своими подъё... довели до импотенции». Эту печальную новость Уварову военврач Терёшин (по довольно категоричной просьбе Валерия всё же переведённый из ТуркВО и назначенный начмедом бригады) сообщил, и не было в этом никакого нарушения «вра-

чебной тайны», так как врач обязан докладывать по команде обо всех случаях заболеваний и ранений личного состава, даже самых деликатных, независимо от звания, должности и пола.

— Так точно — разрешаю. При этом возлагаю на вас личную ответственность на поддержание прилегающей территории в должном санитарном и эстетическом состоянии. Никаких «кустиков».

Проще говоря, теперь Арине в награду за инициативу предстояло приказать энному количеству девиц из своего взвода вооружиться саперными лопатками, отрыть, согласно уставу, положенное количество ровиков и следить, чтобы в их использовании соблюдался положенный порядок.

Получив уставной же ответ слегка разочарованной и прилично разозлённой дамы, Уваров поднёс ладонь к козырьку со словами:

— Не смею более задерживать, — и отправился по более важным делам.

На ступеньках временного штаба он столкнулся с бывшим поручиком, теперь штабс-капитаном Щитниковым: с ним они вместе воевали в Польше, участвовали в рейде на Радом, встречались с некробионтами из «бокового времени». Обрадовались встрече, приобнялись, отошли в сторону.

— Далеко ты меня обогнал, — сказал Щитников, подразумевая две золотистые полоски без звёздочек между ними на камуфляжных погонах Валерия.

— Только час назад Государь лично удостоил, — не стал скромничать Уваров, — ещё и приказа нету.

— А мне никак не доведётся с ним лично встретиться, парой слов перекинуться... — с театральным вздохом развёл руками товарищ.

Да, Уварову везло, тут не поспоришь. Дважды лично с Олегом встречался, и каждый раз тот ему «снял звёздочки», сначала штабс-капитанские,

теперь подполковничьи. И вручал очередной крест. Конечно, всем давно известно, что процентов восемьдесят фронтовиков заслуженных наград не получают: то свидетелей подвига не оказалось, то наградной лист в канцеляриях затерялся случайно, то вполне намеренно старший начальник его перечеркнул и в корзину выбросил. С самим графом так пять лет подряд было. Вдруг чёрная полоса на белую сменилась — раньше, чем убили или с горя запил по-чёрному.

— Ничего, Володя, в этот раз имеешь шанс не только от нашего императора что-то поиметь, но и от чужого тоже. Ты кем сейчас?

— Начштаба батальона.

— Значит, в списки точно попадёшь...

— А ну, давай, изложи поподробнее, мы ж ничего, кроме команд «В ружьё» и «По машинам», пока не слышали.

— Минут через пятнадцать-двадцать расскажут. Сейчас прости, тороплюсь. Обещаю — жив буду, лично прослежу, чтобы тебя на первой странице Наградного листа напечатали¹.

— Вот спасибо, ваше высокоблагородие. За мной тоже не заржавеет, в штурмгвардии проставляться умеют.

В комнате как раз шёл спор насчёт экипировки. Мятлев утверждал, что гораздо лучше переодеть всех участников операции в единообразную форму местного образца, во избежание ненужных эмоций и ассоциаций. Фёст, в свою очередь, доказывал, что

¹ Некоторые командиры имеют дурную привычку, получив на подпись списки на награждение, все листы, кроме первого, номерного, выкидывать в корзину, не читая. «Чтобы служба мёдом не казалась».

при том разное в обмундировании многочисленных российских силовых ведомств и организаций, когда даже ветеринарный надзор имеет собственные мундиры и знаки различия, обычным гражданам совершенно наплевать, в чём именно будут одеты бойцы, проводящие быстротечные точечные мероприятия в разных концах города.

— Погоны у нас одинаковые, трёхцветные шевроны тоже, говорим на одном языке. Другое дело — перевооружиться как раз стоит. «ППС» и «ППД» вызовут гораздо больше недоумения, и как раз у знающих людей. А у нас две трети населения — знающие. Это вам не цвет и рисунок пятен на камуфляже. Тем более нужно, на всякий случай, иметь при себе что-то посolidнее автоматов и ручных пулемётов. Хотя бы для психологического воздействия.

— Вот именно, психологического! Я помню, как Ненадо с фон Мекком из гранатомёта по танкам в упор стреляли. Чистая психология, — усмехнулся Секонд.

— Точно знаю, недалеко от Наро-Фоминска есть дивизионные базы хранения, — не ответив аналогу, продолжил Фёст. — Обслужи там от силы две-три роты технарей и интендантов. За десять минут разберёмся. Но лучше бы вообще по-хорошему договориться. У кого на окружное или какое-то ещё командование выходы есть?

При этом он посмотрел на Хворостова. Но ото-звался Мятлев:

— Я попробую. Есть у меня знакомый генерал в министерстве. Как раз артвооружением ведаёт. Вроде нормальный парень.

— Выйдем, — сказал Фёст.

Звонить при всех с помощью «портсигара» ему не хотелось, а по другой связи — едва ли получит-

ся найти нужного человека в полвторого ночи, тем более что сотовая связь постоянно то появляется, то исчезает, скорее всего, исходя из нужд и целей мятежников. А по проводам даже совсем дурак на такие темы говорить не станет.

Зато блок-универсал, как это уже вчера подтвердилось, пробивает и на выключенный мобильник, и на аппарат с обрезанными проводами. А несколько нужных номеров этого человека у контрразведчика были.

Они перешли через заполненную «печенегами» поляну, сели на заднее сиденье одного из «Самшитов», полускрытых кустами лесной опушки.

— Давай, диктуй, — предложил Ляхов, откидывая крышку блока.

По четвёртому из набранных номеров наконец удалось дозвониться. Так и есть — телефон был выключен, а сам генерал проводил время в баньке за преферансом. Можно было бы даже посмотреть, с девочками или нет, но Вадима это сейчас не интересовало. Главное, что человек был практически трезв, судя по голосу.

— Оставайтесь на линии, с вами будут говорить, — деревянным голосом сказал Фёст и передал прибор Мятлеву.

— Привет, Саша, это Леонид. Извини, если отвлёк.

— Какого чёрта? Как ты соединился? Я специально выключился, чтобы отдыхать не мешали. Тьфу, бля, совсем забыл, где ты работаешь. Что случилось?

— Как вокруг тебя обстановка?

— Хреново, можно сказать. На мизере две взятки схватил.

— Это ещё не хреново. Вот если бы штук семь. Но я в несколько другом смысле. О дневных событиях что-нибудь знаешь?

— Каких событиях? Мы с утра отдыхаем компанией. Не поверишь — лично замминистра три отгула разрешил. А у меня их, наверное, с полсотни...

— Только тебе разрешил?

— А в чём вопрос? Нет, не только мне. Вот из моего управления двое, а ещё двое — из внутренней контрразведки...

— Везёт же, — сказал Мятлев, а сам подумал, что замминистра неглуп, хотя и сволочь. Хороший способ придумал неудобных генералов из игры вывести. И сажать не надо, в предвидении будущего — мало ли, кто пригодится, и под ногами путаться не будут с ненужными эмоциями.

— И где ты сейчас?

— Есть тут хорошие заводы на Протве, не доезжая Обнинска. Рыбки половили, попарились, теперь «сотку» расписываем. Телик, радио и не включали, у нас на плеерах музыки навалом.

Мятлев вздохнул облегчённо. Ну, повезло, кажись! Куда больше повезло, чем он рассчитывал. От названного товарищем места до интересующей их базы примерно одинаковое расстояние, причём — по одной директрисе.

— Ты стоишь, Саша?

— Ну! И даже без штанов. А что?

— Сядь сначала...

После чего сообщил о попытке государственного переворота, так и сказал — «Форос-два». Генерал Теряев парень сообразительный, ему долго объяснять не надо. И август девяносто первого хо-

рошо помнит. А также знает, что Мятлев с Президентом на «ты», однокорытники¹, можно сказать.

— И что?

— Ну с Форосом не вышло, Президента мы эвакуировали в надёжное место, сейчас собираем верные нам силы, завтра думаем зайти «под длинную масть без хозяйки»...² Доходчиво?

— Вполне.

Слышно было, как на той стороне «провода» собеседник, прикрыв трубку рукой, что-то кому-то говорит.

— Потом советоваться будешь, — прибавил громкости и металла в голосе Мятлев. — Ты с нами или как?

К чести генерала, он ответил, не задумываясь:

— С вами, конечно. Других вариантов не вижу. Что нужно делать?

— Второй вопрос — база возле Бекасова тебе подчиняется?

— Само собой. Что надо?

— Десятка три «Уралов» или в этом роде, полторы тысячи «калашей» и сопутствующие товары. Бойцов у меня примерно столько же на данный момент. К утру будет больше.

— И все без оружия? — удивился Теряев. Станным ему это показалось.

¹ Однокорытник (*старорусск.*) — обычно, поросята или щенки одного помёта. Применительно к людям, шуточно — близкие друзья с раннего детства, молочные братья. Отличать от однокашников, т. е. людей, вместе служивших в армии, евших кашу из одного котелка.

² Ситуация в преферансе, когда игрок, объявивший мизер, имеет комбинацию с несколькими картами одной масти, но без семёрки (она же «хозяйка»). Тогда, при несчастливом для него раскладе, он рискует получить «паровоз», т. е. взять много взяток, проиграть очень сильно.

— С оружием у меня другие, а это я «действующий резерв» поднял. У нас, сам понимаешь, не Швейцария и не Абхазия, арсеналы под кроватью не держим.

— А, понял. Танки не нужны? — Это могло бы прозвучать и шуткой, но сейчас не тот момент.

— Не пойдёт, ездят медленно и громко, в городе неэффективны.

— Давай конкретику. Что, как, когда? Эй, тише вы там! Это не тебе...

— А вот прямо сейчас. Я еду до Нары, ты на машине туда же, возле платформы встречаемся — и вперёд.

— Ну, мать твою и так далее — жди. Эх, такую игру испортили!

Мятлев кивнул Фёсту:

— Отключайся.

Нет, всё-таки Теряев прилично выпивши (но, как на Руси говорят: «Кто пьян да умён, два угодя в нём»), и женские голоса поблизости от телефона пересмеиваются. Два или три. Интересная у них там рыбалка. В голове Фёста, например, не совсем укладывалось, как можно одновременно пить водку, играть в преферанс и развлекаться с дамами. Если только они и в преферанс тоже. А что, красиво — дамы неглиже, мастерски мечут карты, курят сигары и дружно выпивают, как положено протоколом, по рюмке за каждый сыгранный мизер!

Надо будет как-нибудь Людмилу и Секонда с Майей на такую пулюку подбить, мелькнула несвоевременная мысль.

— Что ж, одно дело вытанцовывается. Даст бог, и дальше так пойдёт, — сказал Мятлев.

— На чём ты нашу толпу собираешься за час к этой базе перекинуть? — осведомился Фёст. — Ма-

шин, считай, нет, марш-бросок на двадцать километров — дело долгое, а твой генерал, если подсуетится, через полчаса на месте будет.

— Эх, молодёжь, — покровительственно хохотнул Мятлев, явно довольный собой. — Понятное дело, ты — человек при всех достоинствах, не сильно военный, а уж теорию и практику партизанской войны только по фильму «Фронт без флангов» представляешь. А в такой войне транспортные вопросы для обеих сторон — как бы не главный фактор. Так что учись пока.

Контрразведчик явно брал реванш за те унижения и бестактности, что вольно или невольно все минувшие сутки допускали в его адрес и Фёст, и Секонд, не говоря о девчонках.

Пока они быстро шли к дому, Мятлев продолжал:

— Сейчас ваш Тарханов пусть командует — «К маршу и бою изготавиться» и «Общее построение». А я сразу до всех замысел доведу. Только всё быстро, очень быстро надо, есть один, почти природный фактор, что нас здорово поджимает...

На столе в большей из комнат «кордона» (назовём эту избу так) была расстелена содранная со стены крупномасштабная карта сектора Подмосковья от МКАД до границы с Калужской областью, между Рижской и Курской железными дорогами. Со множеством только лесникам и землеустроителям понятных пометок.

— ...Таким образом, господа, — докладывал Мятлев, — вопрос мною решён положительно. Всё, что нужно, нам дадут. Но предварительно нужно совершить ночной марш-бросок по лесной дороге вот сюда. Железнодорожная платформа «Мичури-

нец». Это чуть больше пяти километров. Времени у нас ровно час, — он постучал пальцем по стеклу самых обычных «Командирских». На «Бреге» и прочие модные «в узких кругах ограниченных людей» «бимберы», как некогда назывались дорогие золотые часы на «блатной музыке», не счёл нужным разоряться. Или — унижаться.

— Машин у нас сколько?

— Пять ваших, три моих, — ответил Хворостов. — И ещё не меньше полутора десятков, на каких ребята подъезжали. Я не считал.

— У нас один броневик, — добавил Тарханов.

— На броневике ты сам поедешь, изобразишь службу замыкания¹, — сказал опытный в таких делах Фёст.

Честно сказать, Воронцов с «аналогами» не рискнули проталкивать через терминал почти сотню многотонных грузовиков и бронетранспортёров. Подобная попытка с яхтой «Призрак» примерно такой же массы, как батальонная колонна, закинула её вместе с экипажем из тысяча девятьсот двадцать пятого аж в две тысячи пятьдесят шестой. При этом, стоит признать, тот «хроноклазм» имел в основном положительные для большинства участников последствия. Но сейчас экспериментировать не было времени. Проще рассчитывать на «подножный корм».

— Значит, сажаем на технику всех, кто поместится. Поровну, наших и ваших... — Мятлев после первых, может быть самых важных, успехов в ор-

¹ Во время марша больших воинских формирований выделяется специальное подразделение, следующее позади колонны, оснащённое ремлетучками и другим спецтранспортом, включая санитарную машину, для оказания помощи или эвакуации вышедшего из строя личного состава и техники.

ганизации «реконкисты»¹, снова ощутил себя генералом, на своей земле принимающим иностранные войска, поступившие к нему в оперативное подчинение. — Я с передовым отрядом до самой базы. Теряев только лично со мной будет дело иметь. Кто-нибудь, хоть ты, Фёст, бери свой броневик и ещё одну машину — и полным ходом до названной мною платформы. Занять её и ждать последнего поезда электрички, в час сорок семь. Следующая — только в пять двадцать. Пассажиров вежливо высаживать по причине проведения спецоперации. Прошу господ офицеров как следует запомнить — продержат состав сверх расписания мы можем максимум десять минут. Иначе, сами понимаете, — график движения на дистанции полетит к чёрту и мы легко можем встретиться с чем-нибудь большим и тяжёлым дальнего следования. Пояснения требуются?

Пропустим — «бегом по шпалам» выйдет далёконько. Разве что такси вызывать, — напоследок Мятлев пошутил, заодно ввернув *скрытую цитату* из давнишней, семидесятых годов романтической песенки «Последняя электричка».

— Всем всё ясно? — продублировал контрразведчика командирским голосом Тарханов. — Тогда вперёд. Уваров, сажай на технику всех своих девиц, нечего им ножки по лесным буеракам ломать. Вы, полковник, — это уже Хворостову, — выделите своих самых подходящих бойцов. На оставшиеся места. Вперёд, время пошло!

Незначительная ж/д платформа между Переделкино и Внуково, на которой далеко не каждая электричка останавливается, с военных (Великой Оте-

¹ Реконкиста (исп.) — отвоевание коренным населением Пиренейского полуострова своей территории, захваченной маврами. Суммарно заняла почти 800 лет (VIII—XV вв. н. э.).

чественной, естественно) времён не знала такого оживления и внезапного наплыва крайне пёстро одетых и вооружённых людей.

Первым к платформе побежал Уваров в камуфляже раскраски «Осенний лес», с «ППС» поперёк груди, двумя пистолетами «по-ковбойски» на бёдрах, нагруженный боеприпасами на час боя. При нём пять валькирий, одетые и вооружённые так же, но способные не только бегать и стрелять, но и вполне заменить полноценный штаб бригады, как один самый простенький компьютер — целый сонм бухгалтеров Государственного банка. И своим быстроедействием и сообразительностью.

За ним из второй машины, пикапа «Самшит», выгрузилось ещё человек двадцать бойцов. Каким образом столько влезло в полугрузовичок с довольно маленьким кузовом — можно представить, вспомнив кинохроники времён Кубинской революции, когда «барбудос» новогодним утром пятьдесят девятого года въезжают в освобождённую от «американской марионетки» Батисты¹ Гавану, набившись по 15—20 человек в обычные «виллисы» и «доджи».

Так они и двинулись — Уваров в окружении своих «паладинок» впереди, за ними «партизаны» Хворостова под командой опять же консьержа Бориса Ивановича, успевшего пристегнуть на свою полувоенную куртку охранника майорские, чёрные с красными просветами погоны.

Дежурная по платформе, даже на вид стервозная тётка лет под пятьдесят, буквальным образом остолбенела не пойми от чего — от давно невидан-

¹ Батиста-и-Сальдивар, Рубен Фульхенсио, диктатор Кубы с 1934 г. Свергнут в ходе Кубинской революции (1958 г.) под руководством Ф. Кастро.

ных здесь вооружённых мужиков, если б не славянская внешность, здорово напоминающих чеченских или дагестанских бандитов, или от взгляда на Анастасию с Гертой, один в один похожих на девочек из компьютерной стрелялки, от которой внука приходилось отгонять подзатыльниками. «Лара Крофт» их звали, что ли?

— Извините, сударыня, — обратился к дежурной Уваров со своей неизбывной по отношению к даже таким дамам вежливостью, — у нас спецоперация. Так что простите за беспокойство...

Тётка чуть не фыркнула от возмущения. Ещё и придуривается офицер не то ОМОНа, не то какого другого спецназа.

Вовремя отодвинул плечом деликатного графа Борис Иванович.

— Исламских террористов ловим, — пояснил он на более понятном языке. — Сейчас электричку займём и поедем. А ты стой спокойно, не дёргайся по пустякам. Делай, что тебе положено, и только. На вот, «за беспокойство», — передразнил он Уварова и протянул тётке пятитысячную бумажку. — И за билеты на всех тоже...

Тем более что майор *нутром* чуял — скоро настоящую цену будут представлять совсем другие деньги. Вроде как «баксы» в начале девяностых.

Дежурная деньги взяла и спрятала неуловимым жестом неизвестно куда. От этого *благодетения* её подозрения только усилились. Когда это родные «менты» деньги раздавали, а не вымогали? Но, с другой стороны, погоны у всех знакомые, девки без хиджабов, да и личностью никак на мусульманок не тянут. На обложку глянцевого журнала, каких полно в вокзальном ларьке, — да, а на другое — ни-

как. И все прочие тоже явно свои, пусть и непонятные. Только матерятся вполне разборчиво.

— Ну, делайте, что нужно, а я что? — пожала тётка плечами и намерилась шмыгнуть в свою загородку рядом с кассой.

— Нет, ты уж с нами побудь, — слегка изменил интонацию майор, а Вельяминова потянула Уварова за рукав.

— Давай в сторонку отойдём, тут без нас разберутся.

Осталось согласиться и разрешить желающим перекур, не отходя от края платформы.

В это же время целый, считай, полк (два полных батальона, пять рот и под две сотни добровольцев), на удивление тихо, но с понятным топотом, погромохиванием оружия и слитным шумным дыханием мчался по нескольким параллельным просекам и тропам к той же цели. В ночном лесу марш-бросок — совсем не простое дело даже для опытных бойцов, именно в плотной массе ротных колонн, когда отдельный солдат не может заранее видеть и выбирать свой путь, маневрировать по обстановке. Растянутых связок голеностопов и коленных тоже, не говоря о возможных травмах глаз торчащими ветками, могло быть совсем немало. Или — темп движения снизился бы до недопустимого. Но тут уж Фёст с Секондом сообразили (никому другому это просто в голову бы не пришло) поставить впереди каждой построенной в колонну по два роты морпехов-роботов. Никто ведь другой понятия не имел, что ночное зрение у каждого «Аскольда», «Артёма» и далее по алфавиту ничуть не хуже дневного, а реакция вдесятеро лучше, чем у пресловутых «ниндзя» и даже валькирий...

Поэтому, лидируя, наблюдая рельеф местности и предупреждая голосом о каждой кочке и торчащем выше колен препятствии, роботы вели свои команды безукоризненно. Без травм и потери темпа.

Очень интересным поворотом политического сюжета происходящего было появление на платформе господина Воловича во всей красе: полупьяного, что придавало ему ещё больше шарма и «интеллектуальной независимости». Он прибыл, по команде Фёста, в сопровождении Яланской, для которой Борис Иванович приказал одному из своих подчинённых по охране дома «подать к подъезду» очень не новый, но в приличном состоянии «Ниссан-Патруль» и доставить даму с кавалером туда-то. Со всей возможной скоростью и в полной сохранности. Пацан их и привёз, в рассуждении обернуться по ночным пустым дорогам за час «туда-сюда».

Галину Фёст счёл возможным ненадолго снять с поста, предполагая, что её интеллигентные подопечные и так никуда не денутся в чужой реальности. Тем более Яланская их со всей свойственной ей строгостью предупредила, что и звонить из квартиры им незачем и некуда, а входную дверь изнутри открыть невозможно.

По дороге Волович снова принялся объяснять очаровавшей его (по пьяному делу) «надзирательнице», как она восхитительно-сексуальна, «вся такая воздушная, к поцелуям зовущая» и как ей будет хорошо, если она поймёт своё счастье и согласится стать его «дамой сердца» со всеми вытекающими последствиями и предпочтениями.

То есть ума (который, по почти всеобщему мнению его тусовки, стоял на уровне минимум Шек-

спира, Лермонтова и Белинского одновременно) любимцу потасканных либеральных пифий¹ всё же не хватило, чтобы понять, с кем имеет дело. Он как-то не сообразил, по принципу импринтинга, что Яланская, которую он впервые увидел в довольно миленьком штатском наряде, — девушка из той же команды, что грозные воительницы Людмила и Герта.

А ведь массу премированных из известных источников и претендующих на тонкий психологизм книг написал господин Волович, и в сотни раз больше тоже вроде бы «умных» статей.

Когда машина тронулась, Михаил сделал ещё приличный глоток из небрежно прихваченной со стола в кухне и спрятанной в карман пиджака бутылки и принялся выяснять, куда и зачем они едут. Потрепался немного в своём обычном стиле, а когда решил, что впечатление произведено и девушка достаточно *уболтана*, он начал хватать её за коленки и выше. Не так, чтобы совсем грубо, но слегка за пределами допустимого там, откуда прибыла Яланская. Да, впрочем, и в редакции «Голоса совести» молодые сотрудницы не давали ему по морде за его «свободу рук» только потому, что боялись лишиться весьма и весьма выгодной работы. Хотя в их проамериканской газетке следовало бы придерживаться американских стандартов насчёт «харрасмента» и прочих достижений демократии.

Когда определённая Галиною граница *допустимого флирта* была перейдена, репортёр мгновенно схлопотал заслуженное. Открытой ладонью, но крайне болезненно. Пощёчина была тут же дополнена советом трогать за означенные места свою

¹ Пифия — древнегреческая жрица-прорицательница в храме Аполлона.

двоюродную бабушку (отчего-то весьма популярный в роте «печенежек» персонаж), причём на том самом языке, что она советовала младшим подругам использовать только в самом крайнем случае. Для самой Яланской, при её жизненном опыте, *вербальные и мануальные* заигрывания Воловича особого значения не имели, тут важен принцип.

Репортёр даже не возмущился, но немедленно впал в задумчивость, из которой не выходил до момента прибытия в место назначения.

Яланская без церемоний вытолкнула его из машины прямо в объятия Фёста, как могла, очаровательно улыбнулась обожаемому её полковнику (не сразу поняв, что Фёст — не Секонд), спросила, может ли она ещё чем-то помочь, получила ответ, что больше всего она поможет, контролируя порученный ей объект, не менее важный, чем даже и Кремль. И вознаграждена Галина будет в той же мере, как непосредственные участницы боевых действий.

Это поручицу не слишком вдохновило, она поджала губы и скомандовала водителю, будто извозчику-лихачу:

— Гони!

Осадок у неё в душе остался неприятный. Подруги, значит, себе в ярком деле кресты зарабатывают, а она со штатскими придурками в безопасном месте возиться должна. При всей её родственной причастности к «высшим кругам» Галина ещё не сообразила, что тёплое и почти интимное (не в том смысле!) общение с будущими соратниками будущего правителя России может принести намного больше «бонусов», чем беготня с автоматом по подмосковным лесам.

Фёст радостно сообщил Воловичу, что если мозги у него ещё чуток работают, то сегодня он может войти в анналы мировой журналистики наряду...

— Да неважно с кем, сам придумаешь. Самый цимес будет вот в чём. Я тебе сейчас правду скажу, чтобы заранее знал, как настраиваться. После того, что ты видел вчера, мы наносим ответный удар. Думаю, в течение ближайших суток власть будет возвращена законному Президенту. Всяческая незаконная оппозиция, хоть правая, хоть левая, хоть радужная, будет, как бы поиззящее выразиться, — искоренена. Наиболее радикальные её элементы — физически. А ты всё это дело опишешь в восторженных тонах. Материал немедленно пойдёт как в наши, так и западные издания. Фотографии тоже будут. Самые что ни на есть...

— Извини, Вадим, — осторожно начал Волович, потирая всё ещё зудящую щёку. Теперь пощёчина от Яланской (кстати, репортёр за последние три часа пребывания в Столешниковом, где она ему наливала «по потребности» и шутила, что называется, напропалую, «влюбился» в неё настолько, что теперь даже несравненные глаза и формы Людмилы подзабылись) казалась ему завуалированным поцелуем. Вот так, кстати, некоторые люди становятся мазохистами. Воловичу такое превращение, несомненно, пошло бы на пользу. Зато Ляхова (то ли американца-экстрасенса, то ли отечественного «альфовца» или «каскадовца») он опасался всё больше и больше. Этому рафинированно-интеллигентному парню пристрелить ближнего — как нечего делать. Видели, знаем.

— Извинить не могу, — твёрдо сказал Фёст, припомнив Булгакова, — поскольку не знаю, за что. Излагай.

— Ну как тебе сказать... Ты представь — такой мой текст просто не поймут. Скажут, что это под давлением или вообще не мной написано. Мы ведь давно внушили мировому сообществу...

— Ты знаешь, милый, мне ведь абсолютно по... все ваши обычаи, правила и эмоции. И твои лично. Дала тебе барышня по морде, и правильно сделала...

— Откуда, откуда ты знаешь? — оторопело спросил Волович. Свидетелей, кроме водителя, не было, а что почти неуловимого взгляда и жеста Яланской Ляхову оказалось достаточно, он не сообразил.

— Ты, блин, всё время забываешь мою официальную должность и звание. Я, может, не только видел «третьим глазом», что ты в машине с моей сотрудницей сделать пытался, но сам это дело инициировал. В смысле — по морде. Остальное — твоя личная инициатива. Продолжаем по сути: ты пишешь репортаж о сегодняшней ночи, как Джон Рид, Михаил Кольцов и Хемингуэй в одном лице, я его публикую, где найду нужным, то есть — везде. А ты попутно, для усиления эффекта, выступишь с кратким экспозе по телевизору. С радостной рожей и бьющим через край энтузиазмом. Заодно и уцелевшим к моменту передачи друзьям и «спонсорам» передашь привет и добрый совет. В смысле — увидел ты реальное воплощение возвышенных идей «борцов с кровавым режимом» и преисполнился... Как там у Радищева: «Душа моя их гнусным поведением уязвлена стала». Одновременно чисто практический вывод — из старого корыта, братва, кормить больше не будут, пора перестраиваться или подыхать. Насчёт подыхать — поубедительней, ибо этот термин употребляется в самом буквальном смысле. А тебе я заплачу по выс-

шей ставке Госдепа. Плюс все гонорары, что сумеешь выбить, — твои. Договорились?

Хотел ещё припугнуть *отважного борца*, но вовремя сообразил, что не только ведь кнутом следует действовать, и сказал с усмешкой, очень точно имитирующей ту, с которой Волович любил позировать на фотографиях и телеэкранах:

— Кроме того, получишь эксклюзивное право брать интервью у моих красавиц, — Вадим обвёл рукой девичье отделение, оживлённо болтающее, пока командир отвлёкся. — И даже перед Галиной за тебя слово замолвлю, чтобы не обижалась на дурака. А дальше как сумеешь. Да-алеко ведь пойти можешь, особенно если Президент оценит твой героизм. Вместе ведь с ним вы *стояли под вражеским огнём*. Министром печати и массовых коммуникаций пойдёшь, если позовут? Волович давно, ещё минуты три назад для себя всё решил. Не Джордано ведь Бруно он, не Галилей, не Муций Сцевола даже.

— А Яланская тебя не сильно ударила? — вдруг спросил Фёст.

— Да ну, пустяки, так, махнула ладонью перед носом...

— Тогда ты, брат, почти что на коне. Если б ей твоё поведение на самом деле не понравилось, плевался бы ты сейчас кровью и осколками зубов. Она девушка суровая...

Дежурная по станции, показывая на сигнал семафора и одновременно на висящие над перроном часы, сказала майору:

— Всё, электричка на наш блок-участок вошла. Через минуту прибывает.

Фёст услышал и выругался сквозь зубы. Пролетаем, похоже. Запаздывает войско. Да и ладно,

тех, что есть, хватит, чтобы начать склады потрошить. А эти как-нибудь доберутся, или — тоже вариант — если транспортом разжиться, можно на обратном пути подхватить...

В конце выводящего к платформе закругления дороги вспыхнул прожектор подходящего электровоза, и одновременно пространство перед станцией начало заполняться выбегающими из леса «печенегам» и штурмгвардейцами.

Успели всё-таки. И показали рекордное для ночного марш-броска время.

Немногочисленных пассажиров вежливо попросили пройти в последний вагон и извинить за беспокойство, машинисту с помощником тоже более-менее близко к истине объяснили суть происходящего. Набитый под пробку, под завязку или как бочка сельдями поезд тронулся почти по расписанию. За небольшой сбой графика машиниста, пожалуй, не станут наказывать завтра и в последующие, едва ли обещающие быть спокойными дни.

В условленном месте Мятлева уже ждал его товарищ. Не подвёл, чего Леонид Ефимович опасался до последнего момента.

Прямо в караульном помещении артиллерийский генерал написал распоряжение о вскрытии склада и даже приложил личную печать.

— У нас всё отработано, главное — никакой завязки на бюрократов, — хвастался Александр Кириллович, как он представился Фёсту, не назвав фамилии. — Помните, в девяносто третьем Гайдар ночью обратился к Шойгу за автоматами? — спросил он окружающих, ничуть не заботясь о том, что кроме него самого и Мятлева большинство просто в силу возраста едва ли могли помнить тот незна-

чительный по прошествии двадцати лет эпизод. — Мы тоже рассчитываем на любые непредвиденные случайности. Примерно десять человек могут самостоятельно принимать решение о выдаче мобзапасов. С последующим докладом, разумеется...

— Если ещё останется, кому докладывать, — мрачно добавил Мятлев.

— И это возможно. Фильмы про сорок первый смотрели? Ну, вот... Я распорядился, чтобы весь проживающий поблизости и отдыхающий в казармах личный состав подняли по тревоге. На случай чего, будут у меня свидетели. И ты, Леня, чуть не забыл, мне какую угодно бумагу напиши. Сам придумай.

— «По распоряжению Президента Российской Федерации, Верховного главнокомандующего...» — тебя устроит?

— Меня всё устроит. Пошли...

Своих специалистов по автобронетехнике в распоряжении ответственного дежурного оказалось всего три, вот-вот прибегут ещё с десяток прапорщиков и полсотни срочников, но это не особенно существенно. Практически все офицеры Хворостова кое-что и в «Уралах», и БТР с БРДМами понимали, да и понимать в них особенно нечего. Вот для штурмгвардейцев, большинства «печенегов» и даже Тарханова с Уваровым — все эти, по европейским понятиям, «примитивные» машины — если не китайская азбука Морзе, то китайская грамота — точно. Часа два-три теоретических занятий и не меньше практических потратить пришлось бы, чтобы даже умелых водителей на незнакомую технику пересадить и в самостоятельный рейс выпустить. В Отечественную войну у русских

солдат, умевших американские же по происхождению полуторки и «эмки» водить, при встрече с «виллисами», «доджами» и «студебеккерами», всего десятью годами «технического прогресса» от наших разделёнными, уже возникали проблемы, а здесь всё-таки почти девяносто лет «апартеида», то есть «раздельного развития».

Два десятка «учебно-транспортных» машин стояли заправленными, даже аккумуляторы были на месте и в порядке. Ключи — на доске в ружьё-мате. Редкая по нынешним временам организованность в поддержании боеготовности. Да и «боевые» нужно было только залить горючим и завести от внешних генераторов. Дальше сами начнут заряжаться.

— Пойдёмте, я вам кое-что интересное покажу, — предложил друг Мятлева стоящим вокруг него офицерам, то есть Фёсту, Секонду, неотвязно их сопровождавшей пятёрке валькирий и ещё несколькими ротным и взводным штурмгвардейцам, временно свободным.

— «НЗ» первой очереди у нас там, — махнул рукой генерал в сторону расположенного чуть в стороне от центральной линейки пакгауза из буттового камня. — Как раз на приписной полк полного штата.

Над шестью двустворчатыми воротами пакгауза и погрузочной аппарелью вспыхнули яркие фонари, донёсся стук и лязг торопливо отпираемых замков и отодвигаемых засовов.

Артвооруженец, от которого ощутило пахивало, подозвал спешащего от проходной высокого усатого прапорщика, которому бы Гришку Мелехова в кино играть, так он был похож на артиста Петра Глебова. Пока тот подходил и уставно рапор-

товал, генерал успел ещё приложиться к фляжке (нервы-то не у всех железные, и всё, что он сейчас делал, легко тянуло на расстрел по законам военного времени, если победит противоположная сторона). Потянул её, не глядя, вбок, мол, угощайтесь, кто желает. Солидный титановый сосуд, не меньше, чем на пол-литра, перехватил Мятлев. У него тоже непонятным образом усилился мандраж.

«Ну, понятно, — подумал Фёст, — пока всё в «сфере чистого разума» — одно дело, а сейчас сплошная практика пошла. Гудериан, кажется, писал, что у него на советской границе за пять минут до начала артподготовки тоже неудержимо зубы застучали, хотя сам расписывал план разгрома Красной Армии за две недели».

— Вот-с, прошу полюбоваться, старший прапорщик Мигель, Владимир, внук тех самых испанских детей, которые...¹ Давай, отпирай закрома. Тут у него целый музей, считай, оружейная палата. Возьми фляжку, Володя, приложись, разрешаю. Тут всё равно неслабая, по всему видать, заваруха начинается...

— Что, татары с мордвой восстали? — задал сержант по-своему логичный вопрос. Если бы на Кавказе что-то опять началось, так людей на складах СКВО вооружали бы, а не здесь. Да и зачем их вооружать, *этих людей*, кстати? Пробегая через КПП, он намётанным глазом оружейника видел рядом со своими знакомыми срочниками чужих «спецназов», увешанных чёрт знает какими «ство-

¹ Во время Гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. несколько десятков тысяч детей республиканцев (преимущественно сирот) было эвакуировано в СССР. Часть из них после смерти каудильо Франко репатриировалась, но многие обрусели и остались в России.

лами». В основном — «ППС», чуть переделанными. С «Мосфильма», что ли?

— Кто и что — нам завтра по телевизору расскажут. Или сразу военный прокурор, — успокоил генерал сержанта. — Веди...

Действительно, полюбоваться здесь было на что, особенно Секонду с девочками и штурмгвардии. Фёст-то подобные склады видел ещё на своей службе. Советские руководители, помнившие проблемы с оружием в Первую мировую и в начале Отечественной, да озабоченные вдобавок поддержкой «мирового революционного процесса» и его «передовых отрядов», стаскивали, откуда можно, и закладывали на «ответственное хранение» всё, что более-менее стреляло имеющимися в ассортименте отечественных заводов патронами.

Первый пакгауз, в добрую сотню метров длинной, был заполнен винтовками. И в ящиках, и стоящими в пирамидах, с открытыми затворами и густо смазанными стволами. Были здесь не только «мосинки», ещё «СВТ» и «АВС»¹ всех модификаций, благо под один и тот же патрон образца 1908 года 7,62×54.

— Пятьдесят тысяч. И патронов достаточно. Войю — не хочу... — гордо сообщил Мигель.

— Упаси бог! — даже перекрестился Мятлев. — В Афгане у моджахедов «Ли Энфильдов» вдесятеро меньше было, а доставалось нам от них.

— Ну вот, а в России на консервации, по моим данным, четыре с половиной миллиона трёхлинеек хранится... На всю американскую армию по пуле хватит и на китайцев останется, — гордо сообщил Александр Кириллович. — Пошли дальше, — и ор-

¹ «СВТ» — самозарядная винтовка Токарева 1938 и 1940 гг. «АВС» — автоматическая винтовка Симонова.

линым взором посмотрел на жадно внимавших ему валькирий. Девушек масштабы (и психологическая подоплёка) российской военной мощи начали впечатлять. Действительно, если раздать всё это оружие населению да снабдить патронами — что толку от сверхсложных и очень современных конструкций возможного агрессора, включая компьютеризированные? Из такой архаичной винтовки умелый стрелок может попасть в цель с километра. А если этих стрелков хотя бы два-три миллиона, не так давно прошедших срочную — один процент от населения? Пусть из них в цель только по разу попадёт каждый десятый? Вот и двадцать пехотных дивизий, накрытых каким угодно флагом, вернутся домой в гробах. Китайцам — тем такие потери без разницы (впрочем — как сказать, у них тоже хоть кое-как обученных войск даже на Вьетнам не хватило), но китайцы как раз воевать никогда не умели, не умеют и едва ли научатся, всем же остальным никакие беспилотники и «Томагавки» не помогут.

В соседних пакгаузах были продемонстрированы очередные «копи царя Соломона»: автоматы и пистолет-пулемёты «всех веков и стран», но в основном, конечно, «ППШ», вызвавшие весёлое оживление у офицеров из батальона штабс-капитана Щитникова. Тот же «ППД», по сути, а насколько проще и одновременно внушительней. Странное дело, в том мире Шпагину не пришлось в голову учителю¹ дорогу перебегать...

¹ Имеется в виду конструктор В.А. Дегтярёв (1879—1949 гг.), создатель ряда образцов пулемётов, пистолет-пулемётов, противотанкового ружья ПТРД. Совместно со Шпагиным сконструировали до сих пор используемый во многих странах мира крупнокалиберный пулемёт ДШК (ДШКМ).

— Вот эта штука нам в самый раз, закупить бы все да перевооружиться...

— Обождите ребята, вы другого не видели, — охладил их пыл Фёст, подразумевая «АК» всех модификаций.

Ещё у Мигеля имелись ручные пулемёты, начиная с отечественных «ДП-27»¹ и РПД, а также «МГ-34», «МГ-42»² и другая экзотика.

Пистолеты и револьверы смотреть уже не пошли. Утомило, как долгое хождение по любым музеям.

— Если всю Московскую область в партизаны записать, одного этого склада хватит, — продолжал хвастаться генерал. — А у нас он далеко не один!

— Извините, — прервала его Вельяминова. — Можно вопрос?

— Ну?

— Как же вы такое опасное богатство держите практически без охраны? Роты хватит, чтобы...

— Милая девочка... — начал Александр Кириллович.

— Капитан Вельяминова, — перебила его адаптировавшаяся к местным званиям Анастасия, впервые вслух произнеся свой новый чин. С немалой гордостью.

— Простите, простите, товарищ капитан, — генерал прижал руку к сердцу и поклонился. — Чтобы ты не переживала за сохранность вверенного нам оружия, поделюсь страшной государственной тайной. Всё это добро можно превратить в метал-

¹ «ДП-27» — «Дегтярёва пехотный», образца 1927 г. Тот, что с плоским круглым диском сверху.

² Основные (универсальные, «единые») пулемёты, стоявшие на вооружении германской армии в 1939—1945 гг.

лолом и пепел одним нажатием кнопки. И никто не знает, где эта кнопка и кто к ней приставлен... А можно уничтожить только нападающих, оставив матценности в полной сохранности. И довольно об этом. Нас, кажется, уже ждут. Хотите что-нибудь в подарок? — изъясил галантность генерал.

«Что ж, лови момент, Настя, — сказала она сама себе. — Только что бы такое попросить, чего ни у кого нет?» И придумала.

— «Маузер», девяносто шестой — можно?

Генерал расплылся в улыбке, как фокусник на детском утреннике.

— Володя — изобрази!

И тут вмешалась Инга, снова показав, что скромность её и как бы застенчивость — напускные.

— Каждой! — шагнула она вперёд, очевидно вспомнив недавно виденный фильм «Операция «Ы».

Генерал уже в голос захохотал. Девушки ему понравились.

— Неси, Володя, неси, чего жалеть-то? Только смотри, новые, и «семь шестьдесят три»¹. Патронов не нужно, у девушек этого добра...

Намётанным взглядом генерал сразу сообразил, что в магазинах девчачьих «ППС» те же самые, только на одну сотую миллиметра меньше калибром патроны «ТТ». Вполне взаимозаменяемые.

Вдоль ограды складов Тарханов, вспомнив свои навыки простого строевого комбата, уже выстроил колонну. Пять БТР-80 впереди, пять БРДМ-2 с пу-

¹ Калибр «Маузера К-96» — 7,63 мм. Существуют модификации 1907 и 1912 гг. под патрон 9-пар.

лемётами КПВТ¹ замыкающими, между ними «Уралы» и «ЗИЛы-131», вперемешку гружённые людьми, ящиками с патронами и гранатами, выстрелами к РПГ. На сутки самых напряжённых уличных боёв хватит, хотя Тарханов с Фёстом рассчитывали обойтись вообще без серьёзных боестолкновений.

— Ты, Саша, лучше всего езжай не домой, а туда, откуда приехал. Я отчего-то догадываюсь, что там тебя не только жена, весь горотдел МГБ не найдёт.

— Правильно догадываешься, точка сверхсекретная. Там и буду постоянно на связи. Сейчас солдатиков с собой прихвачу, на роль дальнего прикрытия. Как в каком-то старом фильме басмач говорил: «С нами аллах и десять пулемётов...» А может, мне с тобой поехать?

— Вот чего не надо! Ты, может быть, наша последняя надежда. Если вдруг что, на твои склады отступим и здесь формирование Добровольческой армии начнём.

— А ты — за генерала Алексеева?²

— У нас уже есть, покруче меня и с аналогичным опытом.

Генерал явно не понял смысла слова «аналогичный» в данном контексте. А Мятлев имел в виду Берестина и его крымские подвиги.

¹ КПВТ — крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый, самое мощное в мире автоматическое оружие такого класса, калибр 14,5х114 мм. Уже в конце Отечественной войны его называли «противотанковым пулемётом». Бронепробиваемость при угле встречи 90 град. — до 40 мм темп стрельбы 550 выст./мин.

² Вопреки распространённому мнению, организатором и первым командующим Добровольческой армией был не Л. Г. Корнилов, а М. В. Алексеев, генерал от инфантерии, в марте — мае 1917 г. Верховный главнокомандующий российской армии. Умер в 1918 г.

В разговор друзей бесцеремонно вмешался Фёст:

— Мы вот что сделаем, Александр Кириллович! Я оставляю здесь лично мне подчинённый взвод тихоокеанских морпехов. На него возлагаем охрану и оборону складов. Прошу любить и жаловать — старший лейтенант Леонов. Он запомнил в лицо вас. Вы его. Скажите персоналу базы — морпехи не подчиняются даже вам, только своему командиру, мне и Верховному, по предъявлении документов и в присутствии разводящего, то есть этого же старлея...

Артиллерист вдруг захохотал.

— Ты чего, Саша?

— Ох, да я вспомнил, как по телевизору Президенту вручали удостоверение и корреспондент с подъё... спрашивал, где же оно ему может пригодиться? Вот тебе и случай, кто бы мог представить — старший лейтенант Леонов проверит! Захочет — пустит, захочет — нет. Только не маловато ли взвода?

— А сюда, думаешь, полком приедут базу брать? Поставят ребята в ключевых точках за бетонными блоками легендарные «Максимы», по сто лент и пожарной бочке воды для каждого — будет кинофильм «Тринадцать» и Дом сержанта Павлова в одном лице...

— И всё же не понимаю я, как на выключенный телефон дозвониться можно, — сказал генерал генералу, когда прощались у машины.

— А ты в нём что именно выключаешь, когда кнопку нажал?

— Не знаю, — удивлённо сказал артиллерист.

— И я не знаю, но точно не рубильником ток. А что там внутри этой херовинки, кроме сим-карты и батарейки — у китайцев в Шанхае нужно спросить. Или вот у этой мадам поручика, — он указал

на Гертю, с гордостью повесившую через плечо деревянную колодку «маузера». Ну, бывай, друг, спасибо. Родина тебя точно не забудет! Новые звёзды на погоны прямо сейчас цеплять можешь, это я тебе от имени Верховного говорю...

Колонна начала выдвижение. Нормальной езды, на скорости «артикулом предусмотренной», тут два часа до МКАД, даже с перекурком.

Комбаты, командиры рот «печенегов» и Хворостов со своим штабом получали от Тарханова и Фёста последний общий инструктаж, разместившись в большом, как международный автобус, кунге ПКП¹ на базе шестиосного ракетного тягача. На нём в сопровождении БТРов Тарханов с Секондом, Мятлевым и Хворостовым собирались до конца операции крутиться по кольцевой, контролируя обстановку. Уваров ехал в машине с передовым отрядом штурмгвардейцев, Фёст в авангарде, тоже на БТР, с Глазуновой, Темниковой и теми «печенежками», что ходили на завод.

Секонду да и Уварову очень не хотелось этого делать, но — «надо, Федя, надо» — Фёст убедил Тарханова распределить валькирий поодиночке, по подразделениям, выполняющим главные, ударные задачи. Только они, с помощью блоков, смогут поддерживать постоянную связь друг с другом, Фёстом и Секондом, в случае чего обеспечивая экстренный маневр силами и средствами по ТВД.

Перед Секондом лежала разрисованная чёрными, красными, зелёными и синими стрелками, кругами и квадратами схема на листе формата А-3, перед Тархановым — какая-то своя, тоже непонятная

¹ ПКП — передвижной командный пункт.

посторонним. На большой, почти во всю торцовую стенку кунга, экран выведена схема Москвы, масштаба 1:5000, то есть пятьдесят метров в сантиметре. Все дома обозначены, с номерами, все проезды и проходные дворы. Где нужно — можно укрупнять до 1:100, жаль только, не в прямой трансляции с персонального спутника.

— Теперь, товарищи офицеры, я могу наконец перейти к постановке непосредственных задач, раньше нельзя было, уж извиняйте, — сказал Секонд. Тарханов доверил ему инструктаж, понимая, что сам не столь компетентен, чтобы в этой Москве принимать экстренные, скорее всего — нестандартные решения.

Эти слова относились как раз к Хворостову и его людям, от своих скрывать было нечего и незачем.

— Мы с вами имеем дело с очень интересной идеей государственного переворота и весьма изящным исполнением всех подготовительных работ. Прямо даже хочется увидеть главного разработчика и, глядя в глаза, крепко пожать ему руку...

— После чего повесить с соблюдением всех воинских почестей, — мечтательно поддержал его Мятлев.

Тарханов вмешался:

— Прошу не отвлекаться!

— Конечно, конечно, извините...

Когда Тарханов включался по-настоящему, противоречить, а тем более противодействовать ему было неблагодарно. Это чувствовалось на расстоянии, как сильное электромагнитное поле.

— В реконструированной нами схеме использованы все самые передовые достижения сетевой мысли.

Секонд произнёс подхваченный у Фёста термин, не сильно понимая, что это значит на самом деле.

— Так что с имеющимся в их распоряжении *аппаратом* ни Президент, ни уважаемый генерал Мятлев никакого противодействия заговору оказать бы не смогли. Тут нужно было начинать готовиться лет пять назад и опираясь совсем на другой тип людей, чем у них сейчас служат...

— А вы, значит, можете? Отчего же вдруг? — вновь перебил Вадима теперь уже Хворостов. Обидно ему стало, что ли, или слишком много непосильных для одномоментного усвоения уроков сегодня получил? Ощутил, возможно, что слова на счёт «другого типа» и к нему относятся.

— Оттого, что **мы** начали готовиться не пять лет назад, а намного раньше, — удивительно спокойно ответил Секонд. — Вот вы полковник, как и я. Позволяли вы за время службы хоть лейтенанту, хоть сержанту подсказывать вам решения, до которых сами не додумались, соглашались, поразмыслив, благодарить перед строем за смекалку и инициативу, а потом впереди себя в наградные листы вписывать? Только честно!

— Что ж это за армия была бы? — искренне возмутился Хворостов.

— Садитесь, неуд. Не была бы, а есть, та самая, в какой мы с полковником Тархановым и присутствующими здесь господами, — он указал на комбатов штурмгвардии, — имеем честь служить. Полковник Уваров, который вчера только в этот чин произведён, три года назад был поручиком в захолустном гарнизоне недалеко от Мерва, с начальством собачился бессчётно, но всё же теперь полковник и кавалер Георгиев четвёртой и третьей степени. Дважды Герой минимум, по-вашему.

В этом же возрасте Алексей Петрович Ермолов от достаточно разумного императора уже генерала получил¹. Итак, продолжим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На учебно-тренировочной базе Главного управления исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ МВД РФ), удобно и скрытно разместившейся в лесу юго-восточнее Зеленограда, обстановка этой ночью царила достаточно нервная. Из опыта известно, что даже в самых налаженных и боеготовых частях, если что-то у командования начинает идти наперекосяк, импульс раздражения, неуверенности и инстинктивная потребность делать хоть что-нибудь, когда неизвестно, что именно, передаются сверху вниз, вплоть до командиров отделений.

Очень похожая картинка бывает, если на муравейник бросить окурок или сунуть в него палку. В подобных случаях раздолье только самым умным и нерадивым солдатам. Пользуясь всеобщим замешательством и раздраем, можно забиться в «заранее подготовленное место» и сделать что-то полезное лично для себя или просто *покемарить*, из опыта зная, что сейчас всем не до тебя.

По документам на базе «Щепкино» должны были проходить регулярные сборы бойцы-контрактники, занимающиеся охраной мест лишения

¹ А. П. Ермолов произведён Александром Первым в чин генерал-майора 16.03.1806, т. е. в возрасте 30 лет и девять месяцев. До этого восемь лет проходил в подполковниках, Павлом первым был уволен со службы и заточён в Петропавловскую крепость «за вольнодумство». Александром восстановлен и возвышен. «Полным генералом» стал через 10 лет. В 1827 г. Николаем Первым окончательно отставлен от службы за якобы сочувствие декабристам и «бонапартизм».

свободы, сопровождением этапов осужденных, а также действовали постоянные курсы младшего комсостава УИТУ.

На самом же деле здесь в глубокой тайне расквартировался местный аналог «Печенег» — спецподразделение «Зубр». Кому-то, знакомому с опытом сталинских времён, в своё время пришла в голову такая идея — создать собственную «гвардию», «эскадроны смерти», если воспользоваться латиноамериканской терминологией. Эта часть должна была стать подготовленной и натренированной не хуже спецназа ГРУ и даже израильской группы «Кесария», в которую якобы принимают после особого отбора лишь одного из 10 тысяч претендентов¹. Это, конечно, вряд ли. По такой схеме из всего населения Израиля, включая стариков и младенцев, удалось бы набрать чуть больше взвода суперменов. Но в том, что служат в таких частях профессионалы высшего класса, сомнений нет. Всякого рода конфликты последних сорока лет неоднократно это подтверждали.

«Зубры», по замыслу инициаторов, должны были оставаться как бы невидимками не только для руководителей государства, но даже и для часто сменяемых, не всегда профессиональных «первых лиц» всех силовых министерств и ведомств. Как в Британии, например, постоянные и несменяемые заместители министров не посвящают в «серьёзные» тайны своих шефов, партийных выдвиженцев, демократически тасуемых, как карты в колоде. Власть поменяется, а этакий своеобразный «Бог из машины» был и будет. Сможет в любой момент появиться ниоткуда и исчезнуть туда же, сделав

¹ См. «Энциклопедию сил специального назначения». С. 117., М. 2004 г.

своё дело. А чтобы замечать следы и *перекидывать стрелки*, имелись другие, тоже специально подготовленные специалисты.

Создавать отряд начинали такие же романтики «государевой службы», какими, по замысла Фёста, могли бы быть сотрудники придуманной им «Чёрной метки». Какое-то время они такими и оставались, организуя «окончательное решение вопросов» там, где начальство не давало «добро» или прокуроры с судьями за хорошие «отпускные» ограничивались «десятью годами условно» или «отсрочкой исполнения на пятнадцать лет».

Потом цели и идеалы мало-помалу менялись и вырождались, а *инструмент* остался. Вроде медицинского скальпеля, которым и людей от смерти можно спасать, и в подворотне глотки резать.

УИТУ было хорошей крышей: мало кому в голову могло прийти, что под маской туповатых и *огномерных* вертухаев скрываются не подчинённые властям и ими не контролируемые профессионалы высшего класса. Вполне способные, при возникновении «ненужных вопросов», «зачистить местность» так, что их просто некому будет задавать. В смысле — не станет тех, кто способен и имеет право спрашивать, а не тех, кому положено отвечать.

Случилось так, что за три дня до начала операции командир этого *спецполка*, человек опытный, проверенный, с молодости руководствовавшийся девизом Троцкого: «На всякую принципиальность нужно отвечать полной беспринципностью», попал в ДТП. Банальное, без всякой бытовой и политической подоплёки, и теперь боролся за жизнь в реанимации. Это для руководителей заговора было

почти катастрофой, слишком много на том полковнике было завязано, а поставленный исполнять его обязанности подполковник Батарчук не только звёзд с неба не хватал, но и *мышей не ловил*. Естественное свойство любой вырождающейся системы — *негативный отбор* в ней крепчает не по дням, а по часам.

И вот, в момент «Ч+12» означенный «вице-зубр» и прибывшие на базу целых два члена Центрального штаба, один генерал-лейтенант в полевой форме внутренних войск и даже в «краповом берете»¹, другой — штатский, закончив эмоциональное выяснение отношений, пребывали в тягостном раздумье.

Очень не так всё пошло. Никто не мог предположить, что найдётся некая, не «третья» даже, а пятая или шестая сила, официально не подконтрольная никому, способная два раза за сутки ткнуть мордой в дерьмо хвалёных спецназовцев, как «деды» из ВДВ — срочников-«духов» бывших строибатов. Да если б только в дерьмо! При захвате дачи Президента, оказавшейся вдобавок пустой, безвозвратные потери «зубров» составили восемнадцать человек плюс почти полсотни раненых разной степени тяжести. Кое-кто из отборных офицеров если в будущем и сможет ходить, то, как в медицинском анекдоте, «только под себя».

Вторая операция закончилась несколько лучше, если можно так выразиться. То есть убитых меньше, всего шестеро, зато около трёх десятков полностью парализованных бойцов и «гражданских специалистов». Единственный «посвящённый» врач, хорошо разбирающийся только в травматологии и

¹ «Краповый берет» — высшее отличие бойцов спецназа МВД, типа «Каскад» и т. п.

чуть-чуть в патанатомии, не смог сказать ничего. Вообще ничего — ни о причинах, ни о прогнозах. Не его профиль. Рекомендовал везти пострадавших в Центральный госпиталь, а если это нежелательно — предоставить пациентов собственной участи. Страдания облегчать не нужно, они их не испытывают.

Впрочем, судьба этой «пехоты» участников совещания не волновала. Гораздо поганее было то, что неприятель снова ушёл, не оставив ни одного трупа и прихватив с собой пятерых пленных и машину со спецаппаратурой. Если добавить, что бесследно исчез генерал Стацюк, лично отвечавший за арест Президента, получается совсем плохо.

— И что же мы теперь будем делать? — спросил седоголовый штатский, бывший здесь как бы самым главным, представлявшим тот самый «международный финансовый капитал», ради и в интересах которого происходят почти все перевороты в мире.

Подполковник, уже вовсю раздумывавший, как бы из этого незадавшегося дела выскочить с наименьшими потерями, предпочёл промолчать, когда «серьёзные дядьки» совещаются.

— Да я теперь как-то и не знаю, Фёдор Давыдович, — уклончиво ответил седоголовому генерал-лейтенант Гнедин, вопреки берету носивший эмблемы пограничной службы. После пропажи Стацюка руководство военной частью операции перешло к нему. Впрочем, зачем этот эвфемизм — «пропажа»? В плен он попал, стопроцентно, когда Фёдор Давыдович, сообразив, что пахнет жареным, элегантно сбежал, показав, что не зря до пятидесяти с лишним лет занимается не только гольфом, но и более подвижными видами спорта.

★

Труп убитого генерала никто увозить или прикапывать на обочине не стал бы. Незачем это неизвестно откуда взявшимся защитникам дачи Президента, «в списках не значившимся». Всего один «зубр» из отделения, сумевшего выследить и почти захватить главу государства в его запасном убежище, уцелел и смог дать показания. Доложил, что они скрытно подошли к «охотничьему домику», в бинокль сосчитали и рассмотрели всех, там находившихся, но при последнем броске были расстреляны оказавшимся там снайпером. Даже не снайпером в полном смысле (у тех своя методика и свой стиль работы), просто невероятно метким стрелком. Используемая «зубрами» тактика в принципе исключала возможность поймать хоть одну пулю, причём шальную, при шквальном заградогне. А тут четыре дуплета, не из снайперской винтовки, из пистолет-пулемёта, и за десять секунд группы больше нет. А они ведь умели на бегу «качать маятник» так, что никакому смершевцу из «Моменты истины» не снилось. Причём какая подлость — стрелок явно не хотел никого убивать, мастерски целил только ниже пояса — все попадания экспансивными пулями в тазобедренные или коленные суставы с полным их разрушением. Так и по неподвижной мишени не всякий навскидку попадёт.

Этот эпизод крепко деморализовал ребят — они вдруг поняли, что против них работают спецы куда выше классом, а это считалось в принципе невозможным. Даже выезжая на стажировку за рубеж, «зубры» приводили в восхищение самых строгих инструкторов весьма знаменитых подразделений. Единственный плюс — кто сумеет, в случае поражения, перебраться через какую-нибудь границу, без высокооплачиваемой работы не останется. Так думал Батарчук, а «господа организаторы» всё ещё

искали блестящий, «гроссмейстерский» ход, что приведёт к победе.

— Я вот что думаю, — продолжил Гнедин, не замечая, что нервно грызёт дорогой янтарный мундштук (давняя привычка курить сигареты без фильтра) так, что крошки приходится сплёвывать. — Нужно послать на хер все наши построения и немедленно, в семь, допустим, утра объявить по всем каналам радио и ТВ, что в результате межклановой разборки или покушения террористов, сами думайте, Президент или убит, или, ещё лучше, — сбежал в неизвестном направлении. Хоть под дулом автомата заставить спикера Думы заявить, что «народные избранники», не доверяя насквозь коррумпированному правительству, принимают на себя бремя власти и формируют хоть новый ГКЧП, хоть «антикризисный штаб»... У вас наверняка есть кому написать что-то убедительное. После этого блокировать все СМИ, отключить Интернет и сформировать нормальную военную хунту...

Генерал распалился, с бухты-барахты, прямо вот только что придуманный план казался ему действительно выходом из довольно дурацкого (и одновременно — страшного) положения, в котором все они оказались. Ведь если объявится настоящий Президент с верными войсками...

А что? В Латинской Америке и на Ближнем Востоке такие лихие авантюры нередко удавались.

— И сразу же напрямую обратиться в Вашингтон, в Брюссель! Пусть немедленно признают, на любых условиях, а там посмотрим...

— Хорош! Прямо молодец, ничего не могу сказать. Стецюк, конечно, поумнее был, но за неимением гербовой пишем на клозетной... Может и такая бредятина сработать. Именно по причине крайней глупости и полной неожиданности для

всех. Только ведь не я один решаю. Поэтому договоримся так. У тебя здесь сколько войска? — спросил Фёдор Давыдович Батарчука.

— Четыреста человек.

— А ты сколько можешь прямо сейчас вывести на улицы? — это уже к генерал-лейтенанту.

— Тысячу курсантов погранучилища и Академии, МВД обещали тысяч пять вполне надёжных омоновцев, ментов ППС и ГАИ, солдат и курсантов ВВ, две-три тысячи вооружённых боевым оружием чоповцев. Единиц сто бронетехники. Это те, с которыми можно работать в открытую. И массовку штатских тысяч в двадцать поднимем. Ещё сто тысяч сами выйдут. Дураков хватит.

— Дело даже не в том, сколько выведем мы. Главное, сколько смогут они!

— Я думаю — нисколько, — ответил Гнедин. — Сами посудите — в Москве верных Президенту, боеготовых частей нет. Всякие «друзья-приятели», вроде Мятлева и некоторых замов министров, курируют «интеллигентные» структуры. А десятки, даже сотни отдельных сторонников, пусть и с пистолетами, ничего не решают...

— Армия? Он же — Верховный!

— Армия не успеет. У меня есть чем блокировать несколько гарнизонов в радиусе сотни километров, если шевелиться начнут. Остальным разобратся в обстановке, принять решение, поднять войска и двинуть на Москву очень непросто, скорее даже невозможно. Что, Псковская дивизия по собственной инициативе вздумает десант на Красной площади высаживать? Кадрированные части воевать не могут в принципе. В самом худшем случае «непримиримые» в леса уйдут. До первых морозов...

— Да, что-то в этом есть, что-то есть...

— Я бы на вашем месте на гражданских сосредоточился, — решил внести свою лепту в мозговой штурм подполковник. — Нужно много, очень много людей на улицы вывести — студентов, шелупонь офисную, да хоть и пенсионеров. Демонстрации, митинги, броские лозунги, раздача денег и товаров прямо с машин — такой бардак получится, что самой смены власти никто и не заметит. Кое-кому и оружие раздать, опять же для усиления хаоса. Ну, как в Петрограде в семнадцатом... Или в Югославии.

— Но ведь есть у Президента какая-то сила, что его спасла и нам палки в колёса ставит, — задумчиво сказал Фёдор Давыдович. Как-то не по себе ему делалось, когда он вспоминал вчерашнее «личное участие»... Самому захотелось кремлёвского выскочку на колени поставить. Да и «фишек» на следующую игру заработать. Вот и рискнул. Чудом ведь спасся.

— Сотни две, как минимум, у него есть парней очень подготовленных, — согласился Батарчук, — и это не есть кто-то, нам известный. Какая-то совсем «левая» контора. Что, если вроде нашей? Мог Мятлев припасти на подобный случай?

— Я бы знал, — ответил Гнедин, но не совсем уверенно.

— Ну и эти, «хайратонцы», — продолжил Батарчук. Старпёров там половина, дробовиками вооружённых, одна слава, что «афганцы»... А вот и они нам не по зубам оказались... Я бы поостерёгся. Да ещё и парализаторы какие-то...

При слове «парализаторы» он непроизвольно передёрнулся. Страшное, между прочим, зрелище — ребята, попавшие под удар!

— А я вот что соображаю, — сказал генерал-пограничник, кое-что знающий об оперативной

работе на сопредельной территории. — Вдруг это действительно «левые ребята»? Не президентские, сами по себе. Может быть, даже иностранцы. Это ведь многое объясняет...

— Всё, стоп! Мы зачем собрались? — вдруг спохватился Фёдор Давыдович. — Расфилософствовались! Дело делать надо!

Совсем ведь не для праздной болтовни с ничего не решающими людьми он сюда приехал вместе с Гнединым. Хотел получить у Батарчука из первых рук информацию о случившемся на «ЗИЛе», мнение профессионалов о перспективах узнать и забрать с собой половину батальона, чтобы надёжно прикрыть район расположения истинного Центра всей акции. Есть там своя охрана, но в том и беда, что у каждого из членов «Совета директоров», на привычном языке выражаясь, — своя. А общей нет, и единого командира тоже нет. До сих пор. Вот Фёдор Давыдович и прикинул, что, имея под рукой сколоченное и только ему (ну, и Гнедину тоже) подчиняющееся подразделение, на любой поворот событий можно будет реагировать с «правильной» точки зрения. То есть — его собственной.

Только он собрался отдать Батарчуку соответствующий приказ, как сначала в отдалении коротко треснули несколько одиночных выстрелов и автоматных очередей, а потом сразу загремело по всему периметру. Будто началась та самая войсковая операция, о невозможности которой они только что говорили. Частые и многочисленные выстрелы «РПГ-7», «Громов», «Вампиров» и прочего создавали у не слишком компетентного человека впечатление нормальной артиллерийской подготовки.

— ...мать! — только и успел выдохнуть Батарчук, хватая прислонённый к тумбе стола «иконов»

с подствольником. Одновременно пронзительно зазвонил полевой телефон на тумбочке.

Подполковник схватил трубку, послушал, бурея лицом. Потом швырнул её мимо аппарата, сам так ничего и не сказав. А что говорить? Что надо стоять насмерть, все и так знают, а руководить боем, не представляя его общей картины, — он не ясно-видец!

— Вот и пипец нам, — сказал, как выплюнул, кривя рот. — База атакована по всему периметру, огневое и численное превосходство противника подавляющее...

— И что?

— Уё... надо, вот что! Получится, нет — увидим. У меня здесь три БТРа за углом, пятнадцать человек охраны. Запрыгиваем — и на прорыв полным ходом. Если в огневой мешок не влетим, вырвемся. Нет — туда нам и дорога...

— А оборону наладить? — дёрнулся было генерал, последние пятнадцать лет просидевший по кабинетам с коврами, плазменными панелями и как надо отдрессированными секретаршами. Воровать и интриговать наловчился виртуозно (одни погранзаставы в Москве и Питере — золотое дно, на три жизни султану Брунея хватит), а как воевать в чистом поле — забыл напрочь. В Чечню и вообще на Кавказ ни разу не выезжал, даже за орденами и «боевыми». И так всё, что хотелось, в кабинет приносили — два ордена Мужества, к примеру, пять наградных пистолетов, вагон и маленькую тележку кубачинского, грузинского, турецкого, персидского холодного оружия...

А сейчас вспоминать надо, экстренно, как под огнём бегают и ползают...

На базе было не меньше десятка трёхэтажных казарм, складских и иных хозяйственных помещений, боксы для автобронетехники, две капитальные каменные будки, узел связи, столовая и культурно-развлекательный центр. Если в них грамотно занять оборону, да ещё ходы сообщения между корпусами проложить — обороняться можно, как в Бресте: месяц не месяц, но неделю точно.

Но на такую оборону, во-первых, железная мотивация нужна — «Погибаю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!», а во-вторых — полная отмотобилизованность, внутренняя и внешняя. Четыре сотни «контртеррористов», не полевых солдат, и мысли не допускали, что воевать придётся здесь, в своих казармах и на своих аллеях и лужайках. Их несколько лет подряд учили атаковать, выбивать противника из жилых домов и специально укрепленных пунктов, добивать пленных контрольным выстрелом или, нацепив наручники, тащить в автозаки. Для полноты образования и соответствия «бренду» — спецназ УИТУ всё-таки — подавлять бунты в местах лишения свободы тоже учили.

Но вышло несколько иначе, чем ещё вчерашним утром планировалось, отчего и настроение царило в лагере достаточно нервное. За две скоротечные операции — взвод «двухсотых». Такое никакая теория не предусматривала. И какая теперь, к чёрту, дисциплина? Все тут офицеры, все злые, каждый на себя прикидывает судьбу тех, кто в чёрных пластиковых мешках ночь коротает. Кто-то к слову вспомнил злую и меткую максиму: «За деньги легко убивать, но мало кто согласен за деньги умирать» — и немедленно схлопотал по морде. Еле растащили *оппонентов*, и не гарантия, что «инцидент исчерпан», как Маяковский острил.

Под такие настроения особо не раскомандуешься. Командиры и не пытались. С самого вечера тут и там возникали торопливые поминки по «предательски убитым» товарищам, спиртного хватало, не в клубном буфете, так по окрестным магазинам, пять минут езды на «бэхе». И личный транспорт имелся, вся парковка иномарками заставлена.

На пьянки сегодня категорический запрет был явочным порядком снят. Невелика беда, рассудил Батарчук и прочий «профессорско-преподавательский состав», утром на улицах с похмелья злее будут. Среди героев «штурма Зимнего», как известно, вообще ни одного трезвого не было, да ещё кокаином сверху заполировывали. И всё нормально — семьдесят три года «власть рабочих и крестьян» после того простояла. Если бы гэкачеписты двадцать первого августа распорядились солдат, выведенных на улицы Москвы, тем же самым снабдить, ещё неизвестно, как бы оно повернулось!

Поэтому немногочисленные караулы «печенегами» были сняты легко, почти без шума. Сбой вышел, как обычно, из-за пустяка. Возвращавшаяся из похода за «добавкой» через лес «особой тропой» четвёрка «зубров» заметила на подъездных путях, в стопроцентно запретной зоне чужую технику и сразу, как учили, открыла огонь. Конечно, и по магазину не успели расстрелять, как с ними разобрались снайперы-ночники. Но внезапность была утеряна, и Тарханов приказал не стесняться. В конце концов, это акция не только на подавление, но и на устрашение.

База была заблаговременно окружена плотным кольцом на безопасном удалении, все дороги и тропы перехвачены секретами и вдобавок заминированы. Когда поднялась стрельба, блокирующие группы двинулись вперёд, сжимая и уплотняя фронт.

Тарханов с Фёстом и Секондом приняли верное решение — первый удар, по самому опасному противнику, нанести всеми имеющимися силами, даже избыточными. Разгромить врага и уничтожить в скоротечном беспощадном бою, и только после этого переходить ко второму этапу, не опасаясь более внезапного удара в спину, в самый неподходящий момент.

В их распоряжении было около тысячи бойцов, из них больше сотни досконально знали и местность, и тактику противника — двукратное превосходство в живой силе и подавляющее в вооружении и технике. «Броня», выдвинувшаяся на четырёхсотметровый рубеж, открыла шквальный огонь из «КПВТ» и «ПКТ» с шести направлений, не особенно целясь, зато едва успевая менять ленты и стволы. Бронбойно-зажигательные и разрывные пули калибра 14,5 крестили своими трассерами всю территорию базы вдоль и поперёк, большинство сборно-щитовых и даже кирпичных зданий пробивали свободно, некоторые даже навывлет. Через несколько минут в ход пошли гранатомёты всех типов — по окнам, по стенам, по машинам под навесами и в боксах.

Ну и обычные, «трёхлинейные» и девятимиллиметровые калибры создавали смертельную плотность поражения на открытых пространствах плюс бесчисленные рикошеты от каких угодно «твёрдых тупых предметов», имевшихся на базе в изобилии. Стены домов, например, бетонные дорожки, стальные опоры линий электропередач и фонарей освещения, чугунные крышки канализационных люков.

Команда и «печенегам», и штурмгвардейцам была категорическая — ближе ста метров к периметру не приближаться, с земли и из-за укрытий не вставать и не высовываться, патронов не жалеть.

Прицельно работают только снайперы с толстых, не пробиваемых обычной пулей деревьев.

— А ведь страшное дело, — сказал Секонд, нервно затягиваясь у открытой дверцы броневика Тарханова. — Что там сейчас творится! Не хотел бы я поменяться...

— Тебе и не предлагают, — хладнокровно ответил Сергей, покусывая веточку.

Он мог бы напомнить чересчур чувствительному аналогу, каково каждому из них троих было на Перевале (они так его и произносили, если вдруг разговор заходил — как бы с большой буквы). А что — стоило того. Всё ж таки историю сразу двух, а то и четырёх реальностей тот бой изменил! В основном, конечно, благодаря как раз Сергею.

Сам Тарханов вспомнил засыпанные гильзами и залитые кровью вестибюли и коридоры отеля «Бристоль»¹. Тоже не слабое МНВ.

«Нас никто не жалел, так и мы никого не жалели, мы пред нашим комбатом, как пред Господом Богом, чисты!» — пришли на память строчки кого-то из советских поэтов-фронтовиков.

Фёст поднёс к губам свой блок-универсал, связывавший его с пятерыми валькириями, работавшими сейчас его офицерами связи в ротах «печенегов».

— Через пять минут всем прекратить огонь, по мегафонам предложить сдаться, с обещанием отпустить рядовой состав по домам без всяких условий.

— Но в одних трусах и без оружия, — подсказал Сергей.

То же самое Секонд продублировал по обычной полевой рации комбатам штурмгвардейцев.

¹ См. роман «Билет на ладью Харона».

— Заодно стволы остынут, — усмехнулся Тарханов и потянул из портсигара Фёста сигарету, чуть не задев, по небрежности, краем ладони открытую клавиатуру.

— Аккуратнее, — отдёргнул тот блок-универсал. — Атомного взрыва нам тут только не хватало.

...По дороге от Наро-Фоминска до Москвы Тарханов с Фёстом успели познакомить старший состав с основной схемой заговора. На самом деле, сконструирован он был весьма остроумно и нестандартно, явно людьми, занимающими «возвышенное» и отстранённое от любых государственных структур и, главное, государственных интересов положение. Будем по-прежнему именовать эту группу «центром». Центром филигранно сплетённой и смертельно опасной паутины, из которой «обычная» жертва, как и муха, вырваться шансов не имеет.

Очень краткий, но ёмкий доклад, «озвученный», как, демонстрируя свою малограмотность, выражаются даже люди с научными степенями, Фёстом, имел целью сориентировать всех присутствующих командиров, и российских, и имперских, в основной сути происходящего, чтобы люди знали, с кем воюют, каковы, так сказать, «движущие силы» мятежа и какова «ближайшая задача». Над «последующей» другие сейчас думают.

Замысел организаторов, по какую бы сторону глобуса они сейчас ни находились, в самом доступном изложении сводится к тому, о чём писал Теодор Герцль в книге «Еврейское государство» сто двадцать лет назад: «В своей стране они наконец смогут открыто радоваться жизни, а не пировать втайне, прячась за опущенными шторами». Пиро-

вать не только за шторами, но и в Куршевелях, и на Елисейских Полях означенной публике, впрочем, никто не мешал и сейчас, как и постепенно приближать свои яхты к габаритами авианосцев типа «Нимиц» или хотя бы, на бедность, «Энтерпрайз»¹.

Но этого ведь уважающему себя человеку мало. Один было попробовал испытать себя в большой политике, но закончилось это не слишком обнадеживающе. А хочется ведь править открыто, входить в состав «членов Политбюро» (или совета директоров) Евросоюза, НАТО, Бильдербергского, Римского, Хантер и тому подобных клубов, открывать ногой двери Кремля, Букингемского дворца, Белого дома. Вот это — настоящая власть и слава. И, главное, есть к этому все основания в смысле капиталов и предпосылки в виде предельной слабости нынешней российской власти.

Вообще, затеваясь идти в главы государства, крайне неувредно начать с чтения Макиавелли «Государь». Там очень понятно сказано, что властитель должен быть беспощаден к врагам и в то же время иметь абсолютно надёжную опору, политическую и военную.

Сталин, не сильно образованный по нынешним меркам человек, прекрасно эту истину понимал. Гораздо лучше Ленина и прочих. Возможно — сам додумался, творчески осмысливая опыт врагов и друзей. А вот люди с учёными степенями и богатым интеллектуальным ресурсом вроде как не *врубаются*.

¹ Авианосец «Нимиц» имеет длину 331 метр, водоизмещение 93 тыс. тонн. «Энтерпрайз» — 341 метр и 76 тыс. тонн. Яхта Абрамовича «Эклипс» — 160 метров и водоизмещение на вид около 6 тыс. тонн. Так что перспективы есть.

— Господа-товарищи, о которых здесь идёт речь, великолепно учли все просчёты, ошибки, недомыслие и беспечность Президента и его окружения. Те словно бы специально трудились, чтобы их возненавидели или, по крайней мере, отказали в поддержке почти все страны и классы населения.

Начнём по порядку.

МВД. Те, кто хотел всерьёз, как Жеглов в вашем фильме, бороться с преступностью, задавлены не Шараповым, а взяточниками и беспредельщиками. Ходу им нет, и выгоняют при каждом удобном случае.

Армия — унижена не мизерным жалованьем: в царской и нашей тоже, бывало, платили меньше, чем швейцару в кабаке, — унижена демонстративным отрицанием даже права на честь и порядочность.

В МГБ аналогичная картина. Бороться велено не с тем, кто враг державы, а враг непосредственного начальника именно сегодня... Зато кое-кому позволено делать всё, что заблагорассудится, лишь бы не давали воли своим «аномально честным» подчинённым...

— Господин полковник, а может, хватит лекций? Мне замполиты и в советское время надоели, — вдруг перебил Вадима Хворостов. — Мы ведь делом заниматься едем, а не...

— Сергей Саввич, — удивительно мягким, как бархатная перчатка, голосом ответил Фёст, — вы в каком звании последнего замполита видели?

— Да вам-то... — напрягся Хворостов, все же разница в возрасте почти двойная.

— Я спросил! — прибавил Фёст металла. — Можете отвечать, можете...

— Ну, старшим лейтенантом был...

— И с тех пор предоставлены исключительно себе. — В голосе Фёста прозвучала отчётливая иро-

ния. — Некому было смысл происходящего в стране разъяснять, вот и подрастерялись донести до вас не голую информацию и приказ типа всё тех же «Ди эрсте марширт, ди цвайте марширт...», а хоть самое приблизительное представление, с каким врагом воевать предстоит и для чего. Может, проще оставить как есть? Велика ли вам лично разница, как звать будут того, кто в Кремль сядет? Грубо говоря, я надеюсь за полчаса, что у нас пока имеются, сформировать у товарищей командиров какую-никакую мотивацию. Так вы позволите? — И продолжил с прерванного места, будто и не было этой перепалки: — Точно так же за последние два-три года оказались разочарованы в своих надеждах, ожиданиях, планах и проектах абсолютно все — от «уличных протестантов» до «Союза православных хоругвеносцев». Роковая ошибка Президента или — его окружения. Надо было бы предложить хоть кому-то что-то конкретное, основательное, пусть в ущерб остальным. Хоть национальную идею и имперскую мощь, хоть незыблемость частной собственности и право защищать её с оружием в руках, как в Средневековье. А здесь — помазали по губам всем и облизнуть не дали. В итоге — имеете то, что имеете. Вот, посмотрите, здесь всё нарисовано.

Действительно, на схеме Секонда было изображено всё. Разноцветные стрелки довольно причудливо соединялись, пересекались и переплетались вокруг и между кружков и квадратиков. На самом верху был зловеще-фиолетовый «Центр». Ниже него «Власть исполнительная», «Власть законодательная», «Судебная» — и тоже ряд ответвлений. Справа — все «институты» и организации «силовиков». Слева — «Креативный класс» в радужной рамочке, и по сторонам все структуры, им органи-

зубы и организующие его. Совсем внизу, соединённый несколькими стрелками с «ведущими узлами» — подчёркнутый красным, коричневым и зелёным фломастерами «Абстрактно-протестный электорат».

Вадим дал всем присутствующим минуту-другую полюбоваться плодами трудов своих друзей-аналитиков, потом свернул лист и спрятал в карман.

Вместо него «слово взял» Тарханов.

— Это к тому вам показано, господин полковник, — теперь он обращался лично к Хворостову, поскольку прочие присутствующие уже успели *проникнуться*, — что каждый солдат должен знать свой маневр, а до тех пор пока я руковожу нашей операцией, обожаемое у вас право на «свободу совести, печати и собраний» сводится к абсолютно-му минимуму. И ещё прошу учесть, пусть вас это не обижает, ваш возраст и чин в армии, к которой я не принадлежу, а вы из неё уволены, сейчас для меня имеет чисто этическое значение... Но в перспективе — всё зависит от вас. Знаете поговорку: «За Богом молитва, за царём служба не пропадёт»?

«Молодец, Сергей, круто завернул, — подумал Фёст, — не зря я ему книжки давал читать и фильмы показывал».

— Приходилось, — буркнул Хворостов. С одной стороны, чужой полковник на генеральской должности ему попросту нагрубил, а с другой — привыкать ли? И в армии начальники хоть на ступеньку выше хамили без стеснения, а сейчас любая сволочь с деньгами, нанимая, считает себя вправе на «ты» и матерно разговаривать, годясь в сыновья по возрасту. А куда деваться? На полковничью пенсию не сильно разгуляешься. Отчего так странно

всё складывается? В Афгане не боялся, просыпаясь, в каждый из начинающихся дней помереть, со славой или как придётся, а потом...

Уж правда, лучше вторую жизнь начать по принципам тридцатипятилетнего «царского полковника». У них там, по слухам, даже дуэли разрешены и платят офицеру больше, чем адвокату!

— Таким образом, довожу до вас своё решение, — Тарханов выглянул в окно кунга. Впереди, слева и справа сияли цепочки огней МКАДа. Как шутил Фёст — «фронтир», граница цивилизованного мира. Время ещё было. Минут десять. — Воевать со «всей Москвой» (тут Тарханов слегка усмехнулся, и в его мире, и в этом данная формулировка воспринималась не иначе, как с иронией) и *руководящими органами* государства мы, естественно, не можем. Бессмысленно и опасно устраивать силовой разгон стотысячной демонстрации или шествия. Многие пробовали, до сих пор выходило только хуже. Примерно с дня Кровавого воскресенья.

Но тут у нас присутствуют два доктора медицины, они подтвердят — не нужно убивать всего моншта или бронтозавра, достаточно пульей или ядом поразить его мозжечок. Поэтому мы сегодня оставшиеся до рассвета... — он посмотрел на часы, — двести пять минут, а до начала общего рабочего дня — целых четыреста пятьдесят, посвятим именно рассечению только что увиденных вами «нервных связей». Сначала пополам, потом под корень.

— Простите, господин полковник, — произнёс Фёст, один из тех «двух докторов», на которых ссылался Сергей, — кое-кто даже с поражённым мозжечком умеет очень сильно хлестать лишённым центрального управления хвостом...

— К этому я и подвожу, — ответил Тарханов. — Поэтому мы вначале всей своей ударной силой атакуем единственно известный нам вражеский «тет-де-пон». Уничтожаем его в дым, как клопиное гнездо паяльной лампой, а потом начнём по Москве до утра гулять повзводно. Эти самые *нервные связи* резать в прямом и переносном смысле. Обезвреживать связанных, координаторов, *интернет-провайдеров* и всяких там *блогеров*...

Эти слова он произнёс, как заученные на чужом языке без перевода.

— Задержанных свозить или отводить в ближайшие полицейские участки и оставлять там, без объяснения, под личную ответственность дежурных. Буйных на словах, но безвредных на вид штатских можно вообще не арестовывать. Просто изымать средства связи и под честное слово обязать не выходить на улицу в течение суток...

При словах про «честное слово» Фёст тихонько хмыкнул. Рассказ Леонида Пантелеева под таким названием уже три поколения нынешних «свободных граждан» не читало.

— ...Это всё — на усмотрение местных товарищей, — слегка поправился Тарханов. — А вот с выявленными руководящими и направляющими центрами, «ответственными связниками» между правительственными учреждениями, воинскими частями, банками, предприятиями транспорта и связи — не церемониться. Сегодня к вечеру вся эта хитроумная конструкция (он имел в виду аппарат и механизм заговора) должна представлять собой грудку не подлежащих восстановлению развалин. Грубо говоря, мы должны за полсуток сделать то, на что в норме уходят годы. Господ командиров батальонов, советников и консультантов прошу открыть свои планшеты и взять в руки карандаши.

То, что я скажу — это окончательно. Изменять диспозицию или командовать «по обстоятельствам» у меня возможности не будет. Каждый сам себе обеспечивает нужную обстановку...

Головной БТР начал притормаживать. Фёст показал Тарханову жестом: «Всё, приехали». Сергей кивнул.

— ...Записали, господа офицеры? Тогда — до следующей встречи в этом же составе. Надеюсь — полном. Господин Хворостов, задержитесь на минутку, имею личный вопрос...

Генерал Гнедин с Фёдором Давыдовичем лежали носом в пол, радуясь, что пули кладку в три кирпича не пробивают. Окна давно вылетели, засыпав всё вокруг осколками, и теперь одно из двух — либо появятся на пороге неизвестные солдаты с автоматами, либо в проём влетит термобарическая граната, а то и артиллерийский снаряд. Тогда, как в жалостной песне: «и никто не узнает, где могила моя». Разве по остаткам обгоревшего погона Гнедина опознают, если найдётся тот, кого это интересует.

Батарчук, единственный здесь боевой офицер, пытался сориентироваться в происходящем, время от времени выглядывая из-за оконного откоса. По звукам выстрелов, своих и чужих, направлениям трасс, вспышкам разрывов кое о чём можно было судить. Что бой проигран вчистую, сомнений не оставалось. После внезапного огневого налёта такой силы собрать воедино рассредоточенную на десятке гектаров, в изолированных помещениях часть, восстановить единое, тем более осмысленное

★ командование даже теоретически невозможно. Для этого нужно было специально разработать многоуровневую схему переподчинения и до автоматизма отрабатывать поведение каждого бойца и командира в каждом из предполагаемых вариантов. И особая система сигналов нужна, ракетами, сиренами, по защищённой связи. Одними свистками при таком звуковом фоне не обойтись.

На флотах подобная практика применяется повсеместно, особенно у подводников, но в военно-полицейских частях даже при намёке на необходимость подобных тренировок на любого, предложившего такое, посмотрят, как на опасного идиота.

Сейчас для каждого бойца и младшего командира возможна только спонтанная очаговая оборона с надеждой на прорыв из окружения, причём тоже «на бога» или — «на шару», как говорят блатные. Боеприпасов много, в развалинах старых, в два шлакоблока или три кирпича сложенных зданий, с глубокими подвалами, держаться можно не одни сутки. Вот только вспомнился подполковнику старый еврейский анекдот: «Кому это надо и главное — кто это видит?»

Впрочем, пусть отстреливаются до последнего. Сам Батарчук давно (уже минут двадцать назад) поставил крест и на своей уникальной, лучшей в России части (не зря придумана присказка насчёт «хрена с винтом»), и на собственной военной карьере.

Вопрос только в одном — сдаться сейчас, предъявив в качестве «выкупного платежа» этих двух идиотов, и до конца косить под честного служаку, выполнявшего приказы людей, облечённых доверием «верхней власти», или всё же попробовать бежать вместе с ними? То, что его поставили на

должность три дня назад, фактически снимало все вопросы будущих следователей.

«Ничего не знал, ничего не видел, приехавших «эmissаров» сначала пытался вразумить, а потом «перешёл на сторону законной власти».

Приличная отмазка, а на что дальше жить? Вот поэтому (пока) лучше играть второй вариант — вывести господ начальников в безопасное место за очень приличный куш, а уж потом...

И за тот и за другой варианты доводов имелось примерно поровну. Да, при прорыве выше шанс погибнуть, но зато можно прямо сейчас, никуда не заезжая, гнать и гнать, не останавливаясь, хотя бы до Адлера. А там Гнедин через Псоу переведёт, под стволом у затылка назовёт номера счетов или карточки банковские отдаст. Не все и не всё, зачем наживать врагов? Батарчук на самом деле был скромным, незлым человеком, почти лишённым «фантазии». Миллион, нет — два миллиона «евриков» наличкой, и всё, и исчез навсегда неудачливый полководец и политик Батарчук с его мечтой о генеральских погонах. Зато хоть проживёт следующие двадцать-тридцать лет как белый человек. Тем более в командирском сейфе штаба хранился ещё миллион, для расплаты с личным составом. Это уж точно законный куш подполковника.

Над головой грохнула, воткнувшись в бетонный блок междуэтажного перекрытия, кумулятивная граната. Посыпалась штукатурка с потолка, свистнули над головой осколки. Чуть бы ниже — и «нет ни слёз, ни вздыханий, но жизнь вечная».

Подполковник ощутил тычок в бок. Повернулся. Фёдор Давыдович держал в руке нормальный такой пистолет, крупнокалиберный и многозарядный, не дамскую хлопушку.

— Смотри, если мысли дурацкие появились — быстренько забудь. Я сдаваться не собираюсь и тебе потроха вышибу. Меня совсем близко охрана ждёт, я её с собой не потащил, и правильно сделал. Думай, как выбираться будем. Тогда заплачу...

Организатор с самого начала правильно решил — что толку от четырёх личных «бодигардов» в расположении хорошо вооружённого батальона? Помочь не помогут, а если что — без толку пропадут, лишив хозяина последнего шанса. Он и оставил их в маленькой частной придорожной гостинице, в полукилометре от съезда с межрайонной асфальтовой двухполоски на ведущую к базе, перекрытую шлагбаумом бетонку.

Телохранителей он подобрал с умом — двое мужчин и две женщины, изображающие пары, но едва ли семейные. Просто выбрали люди для любовных утех захолустный тихий уголок, где даже случайно невозможно попасть на глаза знакомым, и радуются жизни. Вот они, в случае если удастся до них добраться, вывезут *грамотно*, защитят от дорожных патрулей и примитивных инстинктов соратников.

— Думать тут нечего, — ответил подполковник, пальцем отодвигая ствол от своего «солнечного сплетения». — Я же сказал — броском до бэтээров, и по газам напрямик. Есть у меня подобие тропы. Кто не знает — не найдёт и днём. Единственный шанс. Ну а напоремся — тут...

Уточнять Батарчук не стал, чтоб не накликивать.

— Ну так и пошли, раз без вариантов.

Нужно сказать, что Фёдор Давыдович отнюдь не походил на мягкотелого, мгновенно *расклеивающегося* при серьёзной угрозе бухгалтера, пусть и крайне высокопоставленного. Его поведение и

днём, и сейчас, говорило о противоположном. На ниве финансов и конспирологии он подвизался от того, что *так карта легла* в далёкие уже девяностые годы. Но с тем же успехом этот человек мог и *смотрящим* за всем столичным регионом стать, а веков пять-шесть назад экспедицию на поиски Эльдорадо возглавить вместо Кортеса. Ещё вчера утром он видел себя не ниже чем премьером или председателем Госдумы, в зависимости, какой тип правления в России покажется предпочтительнее. И на каком посту интереснее и выгоднее будет потрудиться.

А вот теперь придётся бежать, рискуя головой, почти что как персонажу какого-то старого фильма — по неограждённым крышам восьмизэтажных домов, отстреливаясь из «маузера». Ах да, «Тарантул» тот фильм назывался...

Все трое, выждав паузу в сплошном огне, выбрались из дома, залегли за крыльцом.

Стрельба несколько стихла, велась теперь нападающими не на сплошное подавление, а на выборочное уничтожение — по опорным пунктам, пулёмётным гнёздам, по перебегающим людям. Но, судя по всему, до рассекающих очаг обороны и блокирующих отдельные узлы сопротивления ударов дело пока не дошло. Командующий операцией явно не хотел жертвовать своими людьми, а подхода к «зубрам» подкреплений он справедливо не опасался. Неоткуда было этому подкреплению взяться. Не Зеленоградская же милиция кинется на звуки серьёзного, минимум полкового масштаба боя и не МЧС.

Сотрудники во взводе управления штаба «зубров» подобрались дисциплинированные и с выдержкой. Вся эта «историческая реконструкция

штурма Рейхстага» не заставила их поддаться эмоциям, вмешаться в бой, кинуться, в конце концов, на выручку своего командира в накрытом зверским огнём здании. Был приказ сидеть и ждать приказа — вот и сидели, правда сняв оружие с предохранителей и заведя моторы. Когда станет понятно, что командира нет и другого приказа не будет, — тогда своей судьбой и озаботятся.

На четвереньках, вслед за подполковником, «кандидаты в Наполеоны», уподобившись «живым псам», несравненно лучшим, чем «мёртвые львы», добежали до первой машины. Батарчук рукояткой пистолета постучал в нижнюю бортовую дверцу. Та с лязгом откинулась.

— В какую садиться будем? — вдруг спросил Фёдор Давыдович, пришедший в себя и вновь начавший мыслить стремительно и остро. Существенный, кстати, задал он вопрос. Потом очень обидно будет, если сейчас не угадаешь. Правда, если «танDEMная» граната хорошо попадёт, и узнать не успеешь, что проиграл в «русскую рулетку».

— В эту и сядем, — ответил Батарчук. — Вторая и третья дадут огоньку по курсу и флангам, а мы на полном ходу, тишком, и фар включать не будем, джиписэс проведёт...

— Есть смысл, — согласился Гнедин. Этим маневром экипажи машин прикрытия вроде как выставлялись на убой, а на самом деле — кто его знает? Если противник логически мыслит — может и по первой машине ударить. Но всё же нормальные солдаты, скорее всего, мысля правильно, но стандартно, откроют огонь по средней машине ордера.

— Ну, вперёд, с Богом! — со всей истовостью перекрестился Фёдор Давыдович.

Правильно сказано: «На войне атеистов нет».

— Смотри, смотри, — толкнула локтем Фёста Вяземская. — Триста метров на одиннадцать часов. Бронетехника...

Они с этой именно целью устроились в развилке ветвей старого корявого дуба. Весь лесной массив состоял из елей и сосен, а на самом его краю ещё во времена Венецианова и Шишкина образовался этот лиственный островок, возможно, кем-то специально посаженный «ещё до исторического материализма». С пятнадцатиметровой высоты и видно всё было хорошо, а заметить их ночью, в густой кроне, с освещённых позиций невозможно, даже если про бой забыть и кого-то специально искать.

Вадим наблюдал за местностью в сильный ноктовизор, а Людмила со спортивной модификацией австрийской снайперки «ССГ-69», оснащённой восьмикратным ночным прицелом, ждала его целеуказаний, контролируя центральную часть городка и главный КПП. Она же отвечала за связь со всеми владельцами и владельцами блок-универсалов.

Зрение у неё оказалось лучше или интуиция, но она заметила выдвигающийся из-за штабного корпуса скошенный лобовик БТРа раньше, чем Фёст.

— Есть, вижу. Интересный вариант. Раз до сих пор тихо сидели — явно не огневой резерв. Штаб опять же... Докладывай Секонду.

Через десять секунд пришёл ответ. Они там с Тархановым рядом, быстро обменялись мнениями. Первый бронетранспортёр успел вылезти полностью, за ним показался второй. Аккуратно движутся, можно сказать — на цыпочках.

— Будем пропускать, — сказал Секонд. — Они нас могут в интересное место привести...

— Все три? — удивился Фёст. — Одного хватит...

— А как угадаешь?

В это время первая машина резко увеличила скорость, по пологой дуге сворачивая в зазор между краем спортплощадки и чем-то вроде бани или крематория, с дымящей высокой кирпичной трубой. Две другие под острыми углами пошли вправо и влево, одновременно открыв огонь и из башенных «КПВТ», и из бортовых амбразур.

— Уже угадал. По всем каналам связи — группе «Север». Прямо на центр вашей позиции — попытка прорыва на броне. Категорически — по первому бэтэру стрелять только из автоматов! Остальные — жечь!

«Девичья рота» находилась в резерве, но при её командире в качестве «радистки» и офицера наведения состояла Инга Вирен с включённым на приём блок-универсалом. От неё команду продублировали обычные офицерские «переговорники». Уже через полминуты фланговые гранатомётчики начали разворачиваться к центру боевого порядка.

Вовремя. Через три минуты головной «БТР-98» проломился через кусты между двумя отделениями «печенегов», сквозь шквальный огонь в упор. Трасеры и высекаемые утяжелёнными пулями искры окутали машину сплошной разноцветной паутиной. Проломился и пошёл, всё набирая скорость, вдоль действительно не замеченной разведкой тайной тропы. Ночь всё-таки, и спутниковые карты подробно изучать некогда. А тропа, замаскированная кустарником и тщательно спрофилированная, позволяла, не опасаясь неожиданного препятствия в

виде поваленной сосны или глубокой водомоины, разгоняться до шестидесяти километров и больше.

Зато бронемашины прикрытия, поражённые добрым десятком кумулятивных гранат, запылали до неба.

— Вот и пробились, — вытер лоб дрожащей рукой Гнедин, когда БТР вырвался из огневого мешка. У всех троих и у водителя с пулемётчиком щёки были искровянены мелкой дробью отлетавшей изнутри бортов окаины. — Остальным — вечная память!

— Если бы ребята не стреляли, и они бы проскочили, — вдруг подал голос сидевший у «КПВТ» лейтенант.

— Скорее, мы бы все вместе сгорели, — не одёрнул подчинённого, а вступил в объяснения Батарчук. — Всегда стремятся выбивать тех, кто высовывается.

— Это по-вашему так, а я считаю — нас нарочно пропустили, сейчас начнут скрытое преследование, — покусывая губы, сообщил Фёдор Давыдович. — Поэтому — стоп. Машину зажечь, и разбегаемся кто куда...

Сказал это совершенно спокойно и очень убедительно, после чего выстрелил снизу вверх и сразу наповал сначала в пулемётчика, а потом и в водителя.

— Гранаты есть? — повернулся он к раскрывшему рот подполковнику.

Тот слотнул и молча кивнул.

— Брось две в десантное отделение, и за нами... Да не мандражь, в тебя стрелять не стану, ты мне нужен...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

До нижней горизонтальной ветви дуба, толщиной с телеграфный столб, Фёст с Людмилой спустились почти мгновенно, потом просто прыгнули с четырёхметровой высоты.

Вяземская вызвала к себе тех, кто был ближе — Ингу и Марию. И не только потому, что ближе. По молчаливому соглашению между Секондом, Фёстом и валькириями, если не поступало прямого приказа от вышестоящего начальства, то есть Тарханова или самого Чекменёва, или не было какой-то специальной необходимости, определяемой одним из Ляховых, девушки сами договаривались, кому где находиться и какую ответственность на себя брать. Для службы в целом это не имело никакого значения, все они были равно талантливы и взаимозаменяемы, поэтому ротный командир поручик Полушаблин был только рад, что одной головной болью «от этих баб» меньше. Фактически командовавший бригадой, в которую наконец официально были сведены уже семь отрядов «Печенег», Уваров тоже не вмешивался в сложные родственные отношения между «старшими братьями», их жёнами (Майей, Натальей Андреевной и Татьяной) и самими валькириями, если только это не касалось его Настасьи. Или, разумеется, интересов службы.

Сейчас только Вирен и Варламова были свободны от конкретных заданий. Анастасии и Герте следовало находиться вблизи своих «подопечных», да Вельяминова вдобавок командовала взводом, и ей никак нельзя было его оставлять.

Фёст сообщил Секонду, что начинает преследование сбежавшего бэтээра и забирает с собой троих девиц.

— Так что остальное берите на себя.

С Тархановым он это не счёл нужным обсуждать. Тот ему не начальник, пусть старые приятели сами договариваются.

— Постараемся всё время быть на связи, но если что — ты за нас не слишком переживай. Я здесь дома, выкручусь по-любому и тебя найду.

— Зачем? — только и спросил Секонд, искренне не понимая, для чего преследовать ушедший в прорыв броневик. Подумаешь, какой-то начальник базы, комбат попросту, шкуру свою спасти решил. У них на всю верхушку заговора подробные ориентировки есть, полученные через «Шары», и завтра большинство организаторов будет так и так арестовано или уничтожено «при попытке к бегству». Кстати, эта формулировка давно приобрела нехороший оттенок, синоним бессудной расправы, а ведь на самом деле попытки происходят сплошь и рядом, и все, кому положено, имеют однозначные инструкции. Даже по нарушителю правил дорожного движения можно стрелять на поражение, если он не желает остановиться по требованию инспектора. Другое дело, само понятие «попытка» можно трактовать очень широко, что открывает простор для воображения людям, не очень склонным верить в надёжность и беспристрастность следственно-судебного аппарата.

— Как раз и за тем, — Фёст легко понял смысл вопроса, рождённого аналогичным мозгом, но с совсем разным жизненным опытом. — «В уставе только *примеры* описаны, а не *случаи*»¹. Мы с тобой *вчерашнюю статистику* имеем, а мне интерес-

¹ Цитата из подлинного приказа, собственноручного написанного Петром Первым: «Не держись Устава, яко слепой стенки, ибо...» и т. д.

нее *сегодняшняя динамика*. Кто сбежал, почему, к кому поедет, что за новые решения будут приняты... Вот так, примерно. Всё, девчата подошли, мы двинулись. Передай команду — по нашему сектору огонь прекратить. Терпеть не могу шальных пуль, как и ты, впрочем...

Фёст подразумевал больше, чем сейчас сказал Секонду. То, что они не обнаружили на стоянке перед КПП или штабом ни одной *приличной* автомашины, ещё ничего не значило. Вполне мог находиться здесь кто-то из высшего руководства мятежа.

Командир такого подразделения, как «Зубр», не мог быть банальным шкурником и трусом, чтобы бежать в разгар боя, бросив своих бойцов, которых учил и воспитывал не один год. Не был этот рывок трёх бэтээров и панической инициативой перепуганного сержанта или лейтенанта. Другие здесь люди умирали сейчас под беспощадным огнём. Вадим не видел ничего аморального в том, чтобы уничтожать тех, кого он признаёт хорошими солдатами и, возможно, весьма приличными в частной жизни людьми. Главное — они позиционируют себя его врагами. Вдобавок — они «первыми начали». На даче и вокруг «зубры» убивали охранников Президента, сожгли машину с ничего не подозревавшими сотрудниками Мятлева, стреляли в спину обычных солдат-срочников. Даже репортёра Воловича, своего фактического союзника, уважили гранатой. Ну, тот-то со своим обидчиком рассчитался сполна — четыре пули из «АПС» в грудь.

Всё как положено, без лишнего морализаторства:

Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.

....
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!¹

Интуиция и вчерашний допрос Стацюка подтверждали — вполне мог навестить эту базу один из самых главных организаторов мятежа, тот, кто приезжал вместе с генералом арестовывать Президента и очень профессионально сбежал, почувствовав, что «запахло жареным». Притом что боевой генерал и три десятка подчинённых ему офицеров не успели, не сумели...

Потом сообразил, что напарник его наверняка сдал и остаётся последний шанс — подчинить себе основную силу боевиков и действовать по собственному, ни с кем не согласованному, а потому и стопроцентно неуязвимому плану. Говорят ведь на Востоке, что у бегущего — тысяча дорог, а у преследователя — только одна. На то и расчёт...

То, что рассказал об этом Фёдоре Давыдовиче генерал Стацюк, вполне подтверждало предположение Фёста. Агрессивен, крайне жесток, при этом умен, смел, обожает всё экстремальное, имеет связи практически на всех уровнях нарисованной им с Секондом схемы. И в вооружённый мятеж решил поиграть, когда горные лыжи и пейнтбол надоели. А почему бы и нет, в конце концов? У людей тако-

¹ К. С и м о н о в. «Если дорог тебе твой дом». В сб. «Война».

го типа позитивных намерений и чего-то вроде вести не может быть по определению. Иначе всем бы им давно пора уподобиться легендарному старцу Фёдору Кузьмичу¹.

До брошенного бронетранспортёра по колее добрались быстро, он едва километр успел проехать, вырвавшись за кольцо окружения. Трасса проходила километра на три южнее, но большого смысла в текущих обстоятельствах у беглецов выезжать на неё не было. Машина приметная.

Сначала Фёст подумал, что транспортёр подожгли и бросили просто так, свистом приказал валькириям залечь — вполне могли «зубры» оставить поблизости засаду на такой именно случай. Но тут же, как только ветерком накинуло с той стороны, сообразил, что ошибся.

Солярка из разорванных взрывом баков догорала медленно и дымно, но пахло не только её жирной копотью и порохом. Дыхание перехватило совсем от другого. Экипаж явно остался внутри. Братская могила десятерых.

— Кто же их так? — скорее риторически, чем обращаясь к кому-то из девушек, спросил Вадим. — Дырок в броне не видно, наши здесь точно не стреляли, в самовозгорание я вообще не верю...

Варламова в это время возилась со своим блок-универсалом.

— Вадим Петрович, люди отсюда ушли, — сообщила она. — Есть след. Не знаю, сколько, явно

¹ По народной молве — император Александр Первый, инсценировавший свою смерть в 1825 г. и переквалифицировавшийся в «странника». Умер в 1864 г. Канонизирован под именем Фёдор Томский.

больше одного, но один в памяти числится. «Шар» его данные зафиксировал...

— Кто? — спросил Фёст, почти гарантированно зная ответ. Слишком всё сходилось, а через «Шар» девушки «прокачивали» вчера как раз показания пленного генерала. Тот много о ком говорил, но Вадим был уверен, что здесь отметился именно тот...

— Значится как Фёдор Давыдович Ашинбергас, под этой фамилией — лицо без определённых занятий, по словам «источника» — очень крупный бизнесмен международного уровня, владелец сотен офшорных фирм, не исключено, что одновременно и весьма авторитетный «вор в законе».

— Ну, прямо тебе полный набор на любой случай жизни, — не сдержал сарказма Фёст. — Как раз для крутого боевика в стиле Жапризо. Он заодно не начальник нашего Генерального штаба и Митрополит Калифорнийский и обеих Америк?

— Таких данных не имеется, — ответила Мария. С юмором у неё моментами было не очень. Или, что точнее, не позволяла себе Варламова в боевой обстановке трактовать вопросы командира *расширительно*. — Фотографий тоже нет, только словесный портрет...

Ещё по «курсу молодого бойца», что он проходил в Форте Росс под руководством Шульгина, Фёст знал, что в комплекте с «Шаром» блок-универсал может надёжно работать как «селектор стабильной информации», но вот «коллектор рассеянной» из него слабенький. Сейчас он сработал как хорошая служебно-розыскная собака, уловил «запах» известного ему объекта, но и только.

— Отследить направление движения можешь?

— Пока след держится, — осторожно ответила Варламова. — Тут ведь как — чем больше инфор-

мации, тем конкретнее. На вас бы я и видеообзор имела, и звуковой канал...

— И зачем я с вами связался? — тоскливо спросил Фёст. — Не хватало мне видеообзоров...

А про себя подумал, что, когда женится на Людмиле, поломает ей портсигар, к чёртовой матери! Или в Торгсин¹ сдаст, на вес. Золото отдельно, сапфиры отдельно, остальное в мусоропровод.

— Тогда, пока хоть чего-то видно — ты и Инга за ними. Преследовать, сколько возможно, на глаза не попадаться, никаких действий не предпринимать. Вирен — держишь постоянную связь с Людмилой. Буквально комментируешь каждый свой шаг. Мы вдвоём — бегом за нашими машинами. Насчёт randevu уточним по ходу дела. Всё. Вперёд.

На предельно возможной в ночном лесу скорости обогнули по широкой дуге продолжающую сопротивляться базу. Она явно агонизировала — перестрелка носила отчётливо очаговый характер.

В полчаса уложились, хотя Фёст выложился до предела. А валькирии хоть бы что. Истинная пантера. Хотя пантеры, кажется, не особенные бегуны, на дальних дистанциях волки им сто очков форы дадут. Но на волчицу Вяземская ну совершенно не походила.

¹ Торгсин (торговля с иностранцами) — система магазинов в СССР, в 20-е — 30-е годы XX века предназначенная для получения валюты с иностранцев и изъятия драгоценностей у местного населения. За золотые монеты и тому подобное продавали дефицитные (или распределяемые только по карточкам) продуктовые и промышленные товары. ГПУ — НКВД использовали эту торговую сеть для оперативной разработки «подозрительных» граждан и безвозмездного изъятия ценностей у «засветившихся». (См. например, «Мастера и Маргариту» М. Булгакова.)

«Самшиты» стояли там, где их оставили, целые и невредимые. Вадим отдышался, доложил ситуацию Секонду.

— Ты, главное, остальные не забудь в порядке на место доставить, за них деньги плочены...

— Глазунова не забудет, она уже железно решила свою не возвращать. Считает, с таким приданным её замуж со свистом возьмут.

— У тебя не девки, а сплошь Соньки — Золотые Ручки. Сначала живые вернитесь, потом поторгуюсь.

Инга сообщила, что они вышли к дороге, дала координаты.

— Здесь метров через триста стоянка и вроде как мотель с кабаком. Музыка слышна. Объект где-то там, след держится...

— Ну, ждите, мы сейчас...

Фёст осмотрел себя — вроде нормально, ну, в камуфляже мужик — сейчас больше половины грибников, рыбаков и охотников так ходят. И машина к *прикиду* подходящая.

— А тебе, дорогая, опять переодеваться, — сказал он Людмиле.

— Ерунда, минутное дело.

У неё в машине на заднем сиденье были брошены вещмешки со штатскими костюмами всей команды валькирий. Группа Темниковой свою амуницию сложила в двух остальных «Самшитах».

Вяземская, как по боевой тревоге, но в обратном порядке, сбросила ботинки и камуфляж, снова пристегнула свои пистолеты, повернулась к Вадиму спиной, чтобы он помог втугую зафиксировать бронекурсет. Мало ли что предстоит, а от плеч до низа живота это изделие выстрел в упор держит,

нож — само собой. И под платьем-сафари совсем не видно. Ну а танцевать в обнимку с посторонними Люда пока не собиралась. Всё равно неудобно, конечно, но Фёст настаивал, а она его расстраивать лишний раз не хотела.

Просунула руки в рукава платья, переложила в нагрудный карман документы, в боковой — блок-универсал. Застёгиваться не стала, на ходу успеет, а то всё же шесть тугих пуговиц, лишнее время.

— Погнали...

Ехать было не так уж далеко, если по линейке и компасу, но, несмотря на близость Москвы и Зеленограда, внутрирайонные дороги между федеральными М-9 и М-10 были немногим лучше, чем где-нибудь за Уралом. И вели они отчего-то совсем не в тех направлениях, что им сейчас были нужны.

Однако где по грунтовкам, где по просекам добрались до выезда на вполне приличную трассу, не автобан, но всё же, раз на ней и мотели с ресторанами не разоряются. Заодно Фёст и поговорить успел с девушками и с Секондом, уточняя «последние штрихи», и покурил не спеша, с удовольствием, а то за войной и прочими заботами редко получалось.

— ...Мотель, вон стоянка, девять машин, в зале одиннадцать человек, из них, думаю, шестеро наши, — доложила Инга, когда Фёст с Людмилой поставили машины на удобном съезде с дороги, прикрытом несколькими буйно разросшимися кустами можжевельника. Даже днём с двадцати метров не заметишь. Кстати, за всей боевой и сопутствующей суматохой и не заметили, как небо на востоке понемногу начало светлеть.

— Что за люди? — искренне удивился Фёст. — Пятый час утра, а они пьянствовать продолжают. И официантам с мэтром спать не хочется?

Он на самом деле этого не понимал, хотя и знал, зачем да отчего. Просто сам привык просиживать ночи напролёт только на Новый год да за преферансом. Если не по работе, конечно.

— А в той России это вполне норма, — ответила Людмила. — Офицеры, аристократы, просто богатые люди часов в десять-одиннадцать только ужинать собираются, раньше шести не расходятся...

— Если кому не на службу, — уточнила Варламова.

— Как определила, кто наши? — спросил Фёст Ингу. — В окно заглядывала?

— Заглянула. Блок показал, что объект в пределах здания, а всего здания — восемь двухместных номеров, зал и кухня. Машины, я так поняла, три персоналу принадлежат. Давно не отъезжали, со вчерашнего дня минимум. И марки так себе — один «Лансер», два «Хёндая» (готовясь к работе в параллели, девушки марки машин не хуже дилеров изучили. С их памятью — полдня проспекты и справочники полистать). Остальные — гостей. Две — «Ниссан» и «Ауди» — с петербургскими номерами. Думаю, на них одна компания приехала, три женщины в пределах тридцати лет, двое мужчин чуть постарше. Все за одним столиком сидят, выпивают прилично...

— Опять неясность, — теперь уже напрямую проверяя аналитические способности девушки в новом мире, сказал Фёст. — Зачем устраивать плотную пьянку, час до города не доехав?

— Чего же неясного? Едут из Питера, спешить им, очевидно, некуда, а может, и вообще в Москве встречаться им нельзя... Есть между ними какие-

то непростые отношения, мне показалось. А здесь посидят как следует, день проспять можно, а там уж не знаю. Зато остальные... Один чётко под словесный портрет Ашинбергаса попадает, и блок из всех сил мигает. Второй в полевой форме с генеральскими погонами на базе «зубров» был и в бэтээре ехал. При них два парня, у нас не зафиксированные — явно охрана. Две женщины с ними, хоть и под посторонних шлях маскируются. Не дешёвых, понятно, но всем видом для «опытного глаза» прямо подчёркивают, что не жёны, не постоянные любовницы, не коллеги по работе...

— Зачем?

— Ну вот для нас с вами, — удивляясь, что надо растолковывать такие вещи, пожала плечами валькирия. — Телохранители выполняют свою работу. Им не нужно, чтобы об этом кто-то догадывался. Чем лучше всего отвлечь внимание? Именно такой маскировкой. Если у меня, простите, отстегнётся чулок, вы будете не столько смотреть мне на лицо, сколько ждать, когда я спохвачусь и стану его пристёгивать. Так и тут, сообразив, что перед вами проститутки «высокого разбора», ловящие клиентов, вы станете заинтересованно наблюдать, как этот процесс у них происходит. Почти любой мужчина будет ставить себя на место «заманиваемых», поскольку в обычной жизни такое далеко не всем выпадает.

— Молодец, поручик, — впервые назвал Фёст девушку её недавно полученным чином, — только не нужно всё время меня в пример приводить. Я — типаж нестандартный. И наблюдать за ними может человек, которого *твои* чулки и *чужие* шляхи интересуют меньше, чем непосредственная работа.

— Ой, простите, Вадим Петрович. Это я... Ну, просто фигура речи... Я вас правда в виду не имела.

— Ещё бы, — хмыкнул Фёст. Между делом провёл с девчонками ещё один урок. — А в целом молодец. Четыре с плюсом. Предложения есть?

— Какие тут особые предложения? Подождать, когда к машинам пойдут, и брать. Основных клиентов, конечно. Охрану просто обездвижить...

— Вот здесь — тройка с минусом. Нам ждать некогда — это раз. С кем и о чём они успеют наговориться и договориться — два. Где гарантии, что через час, например, за ними не приедут сразу пять БТРов и рота охраны? Какие, кстати, эмблемы у генерала?

— Пограничные.

— Вот именно. А тут два аэропорта рядом, значит...

— В ресторан пойдём мы вдвоём, прямо сейчас, — сказала, как о деле решённом, до того молчавшая Вяземская. Она уже научилась, у Анастасии, кстати: — Если твой мужчина разговаривает с кем-то из подчинённых, ни в коем случае не вмешивайся, ни советами, ни замечаниями. Лучше всего делай вид, что ты вообще предмет неодушевлённый.

Но сейчас вопрос был задан чисто служебный, всем троим адресованный, кто первый сообразил, тот и отвечает. Тем более вид у Марии и Инги был не для ресторана, не только одежду имея в виду, но и выражения лиц. Только Людмила, что проверено на практике, могла без специальных усилий выглядеть натуральной Барби, увеличенной до человеческих размеров. И платье у неё было чистое и вполне элегантное (для путешествий), и пока ехала, одной рукой руль держала, другой причёску привела в относительный порядок.

— Верно, поручик Вяземская (Фёст при каждом удобном случае обращался к Людмиле как можно

официальнее, но это вызывало только понимающие улыбки у него за спиной, а девушку, от которой улыбок не скрывали, сильно раздражало), пойдём мы с вами. Вы, Вирен и Варламова, скрытно прикрываете подходы к мотелю со всех направлений, не только трассу контролируете. Силу применяете в случае непосредственной угрозы или, мало как бывает, прорвётся кто-то, нас с Людой нейтрализовав... Стрелять в крайнем случае, если парализаторы не достанут.

Фёст подъехал прямо к ступенькам мотеля с гроыхающей в салоне музыкой, посигналил, спросил у выскочившего охранника, работает ли ресторан, где поставить машину и охраняется ли стоянка. Получив удовлетворяющие ответы, почти бросил ключи парню, полностью подходящему под определение: «Не так умён, как широкоплеч».

— Поставь там...

И в зал вошёл, как хозяин, привыкший, что метрдотель встречает у дверей с поклоном и официанты бегут скопом, кто меню подаёт, кто стулья отодвигает...

Здесь этого не было, и Вадим недовольно поморщился.

— Столовая «Военторга», — брюзгливо сообщил он следующей на полшага позади, как и положено секретарше, Людмиле. Разница в возрасте и манерах не позволяла принять её за жену.

Он играл, заведомо *перешгрывая*, исходя из того, что зрители у него — не искушённая мхатовская публика. Ему сейчас хотелось просто немного повалять дурака, снимая нервное напряжение и физическую усталость. Именно такого персонажа избразить, заведомого дурака и хама, естественного

в своей карикатурности. Вообще, везёт ему на театральщину: жизнь сама, словно Иван Васильевич у Булгакова в «Театральном романе», заставляет абсолютно бессмысленные на первый взгляд этюды разыгрывать. На второй, впрочем, тоже. Тем интереснее будет переход от фарса с буффонадой к суровой прозе жизни.

Они прошли к зеркальной (прямо как в старой «Праге») стене, к двухместному столику, прямо напротив тех, где сидел Ашинбергас с компанией. Два мужика и одна вульгарная баба за столиком почти у двери контролируют и вход и окно, сам «объект», генерал и вторая девица, попримичнее — под окном, отслеживают дверь, барную стойку и вторую дверь, в глубине подсобки. Все сильно напряжены, не глазами только, всей психикой сразу Вадим почувствовал, как только вошёл.

Впрочем, дислокация «клиентов» не имела никакого значения. Что его узнают, Фёст не боялся. До вчерашнего дня их пути с персоной *такого* уровня никак не пересекались. Да и вчера Вадим его в бинокль видел, а тот — нет. То есть риска в дерзкой, по меркам спецслужб, выходке Ляхова не было почти никакого. Зато со своего места он мог наблюдать за объектом, не поворачивая головы, точнее — при любых её поворотах.

Кроме того, он сейчас использовал тот же самый приём, что и телохранители Фёдора Давыдовича. Несмотря на бессонную ночь и походный наряд, его спутница была ослепительно хороша. Остальные пять не самых страшных на этом свете женщин, присутствующие в зале, сразу превратились в невыразительных статисток из чёрно-белого фильма, снятого любительской восьмимиллиметровой кинокамерой.

Глаза абсолютно всех присутствующих в зале мужчин, включая бармена и официанта, зафиксировались на прекрасной незнакомке. Да и не только мужчинам — женщинам было на что посмотреть и чему поучиться. Как носить платье, как двигаться, как смотреть по сторонам — на посторонних и своего кавалера. Ногу за ногу Людмила только что закинула отработанным движением — обязательно его надо перенять. Такие вот «штрихи» и позволяют классному разведчику отвлекать внимание наблюдателей от одних вещей и привлекать к другим, второстепенным. Например, к мысли — ну что в этой девке такого особенного, что глаз не оторвать? Было б на ней написано, что она очередная «Мисс Вселенная» или новая фаворитка Прохорова — понятно. А без такого лейбла? По отдельности — всё то же самое, что у любой здесь присутствующей.

Только Ашинбергаса «предутренняя дива» не отвлекла. Странный каприз генетики — он не выносил красивых женщин. Абсолютно. Всеми своими частями тела и манерами они оскорбляли его изысканный вкус. Не только живьём, даже на картинках. Но и геем при этом Фёдор Давыдович не был. Так, нечто среднее...

Зато спутник светловолосой девицы, чересчур вызывающе, как Мэрилин Монро, вихлявшей на ходу даже под широкой юбкой заметным задом, его сразу напряг.

Память у седоголового была под стать прочим личным качествам, и он сразу почувствовал, что знает спутника красоты. Ещё через несколько секунд сообразил, откуда именно. Ну, конечно, его портрет имелся в материалах, относящихся к позапрошлогодней акции «Хлопок одной ладонью». Нашёл же дурак, придумавший подобную коди-

ровку. Буддист трахнутый. Тем самым она и закончилась. Нет, чтобы назвать по-человечески: «Несокрушимая свобода» или «Ловите конский топот». Может, и закончилось бы всё совсем иначе.

А этот тип значился как один из командиров спецподразделений, прибывших для ликвидации опорных пунктов предыдущего заговора, направленного против *параллельной реальности*.

Да, Фёдор Давыдович был вполне осведомлён о существовании *другой России*, даже входил в ближний круг тех, кто планировал захватить власть там и использовать неизвестный, недоступный, неуязвимый и неисчерпаемо богатый мир в собственных интересах. Что ж, в тот раз *не срослось*, более того — помешали люди именно оттуда. И этот (фамилию установить не удалось), но на нескольких фотографиях и видеозаписях его внешность компьютерно выявлена, идентифицирована и внесена в реестр. Командир не очень высокого ранга, но в кадр ухитрился попасть неоднократно, всё время — с оружием.

О том поражении не забыли, просто на некоторое время переключились на другие цели. Поразительно — всё опять сразу пошло *кривовато*. Возможно, оттого, что и тут появилась эта вот личность.

Если мыслить строго аналитически, игнорируя так называемый обыденный здравый смысл, — можно предположить, что он сотрудник некоей организации, работающей и *там*, и *там*. Нечто вроде межвременной полиции? Тогда и девица становится понятнее. Сам Ашинбергас не удосужился посетить *тот мир*, сначала думал, что успеет, а потом уже ничего не думал по причине отвращения к праздным мыслям и напрасным сожалениям. Но те, кто там побывал, в один голос утверждали, что в

наличии реконструкция всех сразу вариантов рая. На любой вкус. И словно в мусульманском — на каждом шагу гурии. В смысле — весьма красивые, генетически намного более совершенные (ибо не было там ни войн, не революций и наличествует почти полмиллиарда здорового и всем довольного русского населения) женщины. Впрочем, как уже было сказано — Фёдору Давыдовичу это было бы интересно, имей он возможность любую не спеша, с оттяжкой, отхлестать солдатским ремнём по обнажённым частям. Но предположить, что девица именно *оттуда*, такая акцентуация воображения не помешала.

Зато в остальном крышу у него всё-таки сорвало. Два крупнейших политических и военных провала за сутки, и оба — с непосредственным, почти запредельным риском для его не то чтобы драгоценной, но крайне важной для судеб мира жизни. Третий раз — уже многовато. Хотя он, в крайней нервности, успел за полчаса выхлестать четыре больших рюмки водки, оттого началась некоторая неадекватность восприятия.

Вообразить, забыв о теории вероятности и просто азах оперативной работы, что этот человек, позпрошлым летом захвативший важнейший пункт управления возле Красных Ворот, сейчас явился именно за ним, в его состоянии было проще простого.

А вот допустить, что он пришёл сюда один, без прикрытия и сопровождения, кроме своей девицы, — это можно было только в начальной фазе острого реактивного психоза, подкравшегося совсем незаметно.

Однако у Ашинбергаса сработал именно такой рефлекс — стрелять немедленно, пока этот человек ещё не осмотрелся, причём не в него, а в деви-

цу. Людмилу он, тоже ассоциативно, счёл обычной «бодигардшей», как и самого. Полетят клочья из её спины — на какую-то секунду это «пришельца» ошеломит, свой пистолет достать не успеет. Расстояние тут плёвое, секунда дела — и четверо специалистов одного не слишком могучего парня скрутят. Вязать его, в машину — и ходу! Есть где спрятаться, а завтра по всей Москве такая буча начнётся — не до отдельных людей будет.

Дурацкий, откровенно говоря, план, — любой бы ему сказал, тот же и Гнедин, если б Ашинбергас с ним поделился.

Самым умным человеком среди заговорщиков оказался подполковник Батарчук. Тот, стоило им отойти на сотню метров от горящего и встряхиваемого взрывами боекомплекта БТРа, решил, что с него по-любому хватит. Мгновенное и бессмысленное убийство Ашинбергасом двенадцати верных солдат сильно на него подействовало. Командир «зубров» внезапно молча шагнул в сторону — и всё на этом. В лесу вокруг базы он хозяин и вообще специалист по партизанским и контрпартизанским действиям, такого даже в Парке имени Горького днём с собаками не сыщешь.

Хорошо (а теперь хорошо ли?), что Ашинбергас с генералом не заплутались, верно к дороге вышли. Ну и решили, на свою беду, перевести дух, закусить-выпить час-другой, а уже потом ехать. Известно, что рядом с фонарём всего темнее — если кто и заметил прорыв одинокой бронемашины, так едва ли вздумает её искать, и уж никак не в двух шагах от места боя. По любой логике беглецам полагалось бы с полсотни километров отмахать, а всего вернее — укрыться в одной из сотен наверняка имеющихся в центре и на окраинах Москвы кон-

спиративных квартир. Самое логичное, если завтра (то есть уже сегодня) власть брать предстоит.

Фёст, в свою очередь, не ожидал столь бурной реакции со стороны «пациента». Он тоже думал, что игра пойдёт «в одни ворота». Посидят они с Людмилой, осмотрятся, выберут подходящий момент и сделают, что задумали.

Вместо этого вальяжный седоголовый мужчина, которому бы пристойнее было заседание совета каких-нибудь директоров открывать или бюро обкома партии, вдруг вскочил, заорал своим охранникам: «Взять его! Живьём!», указывая левой рукой на Ляхова, а правой довольно сноровисто выхватил из-за отворота синей, на вид шерстяной, а может быть, и кевларовой, куртки пистолет, марку которого опознавать было некогда.

Ресторанный зальчик был очень небольшой, метров десять на двенадцать от силы, и размещалось в нём, кроме барной стойки, всего дюжина столиков с соответствующим количеством стульев. Так что пространства для маневра у противоборствующих сторон было совсем мало.

Реакция у Людмилы была, безусловно, значительно быстрее, чем у кого бы то ни было, но ей в первую же секунду пришлось рассредоточить внимание — между самим Ашинбергасом, его бодигардами и якобы посторонней, а там кто их знает, компанией. Как лёгчику-истребителю в круговерти воздушного боя с численно превосходящим противником.

Главной целью она выбрала седоголового и его сотрапезников. С трёх сторон численность врагов одинаковая, гендерный состав тоже — по два мужика и одной бабе. Но охранники ломанули впереёд, опрокидывая стулья, мешая друг другу и пока не обнажая стволов, а у Ашинбергаса пистолет уже

был на виду. Опытному стрелку довернуть его на тридцать-сорок градусов полсекунды хватит. И одновременно спуском самовзвод можно вытянуть.

Тем более до его столика было почти вдвое дальше, чем до других. Если начнёт стрелять — его уже не остановишь, кроме как огнём на поражение, что было ей категорически запрещено Фёстом.

Заодно Люда понадеялась, что первый натиск агрессивной, но пока безоружной тройки Ляхов как-нибудь выдержит. Его ведь тоже намереваются «взять тёпленьким», «просто так» убивать не станут. Вяземская рассчитывала, что успеет *обернуться в оба конца*.

К сожалению, на то, чтобы достать и включить блок-универсал, девушке требовалось втрое больше времени, чем выдернуть из-под вздёгнувшегося до самого края кобуры подола платья пистолет. Пришлось действовать в стиле и духе текущего времени. Что бы ей, садясь за столик, сразу достать портсигар, намереваясь закурить?

Фёст стрелять умел и вообще был неплохим фронтовым офицером, но и не более того. Даже на Юла Бриннера не тянул, не говоря о прочих киногероях следующих пятидесяти лет. Как Остапа можно было напугать простым финским ножом, так и его вырубить одним ударом лома или кардана от «ГАЗ-51». Пока Вадим *входил в ситуацию*, Люда приняла единственно верное, но почти самоубийственное решение. Гомеостат гомеостатом, но совсем не факт, что, получив экспансивную пулю сорок пятого калибра в лоб, удастся выжить и с его помощью.

Она из положения «сидя» метнулась в сторону Ашинбергаса, одновременно сильным рывком сдёгнула Вадима со стула на пол, выхватила из-под платья «беретту» и, летя во флешь-атаке, откры-

ла беглый огонь под прямым углом к направлению своего броска. Это уже просто на испуг, сбить нападающим кураж. Попадёт — не попадет — уже не суть важно.

Всё это заняло от силы две секунды, но всё же таки валькирия не успела, совсем чуть-чуть. Главный противник каким-то чудом выиграл четверть секунды времени и метр расстояния. Он нажал на спуск, одновременно зажмутив глаза — слишком страшна была летящая прямо в него живая торпеда или та же пресловутая пантера. Пистолет у Ашинбергаса успел на пределе возможностей автоматики выплюнуть три пули. Первая с метрового расстояния ударила валькирию в грудь, наискось вдоль тела ушла в подмышку, где брони не было, ещё две — прямо в живот, когда дульный срез уже упёрся в тело, а потом Людмила своей массой, помноженной на квадрат скорости, опрокинула Ашинбергаса на генерала. Уже теряя сознание, сама выстрелила в лицо вскинувшей двумя руками «глок» телохранительницы, и все четверо с грохотом обрушились на пол.

За это время Фёст успел включиться в процесс. Заранее снятый с предохранителя «Хай пауэр», выдернутый из плечевой кобуры, плотно лег в руку, и Вадим открыл беглый огонь, как учили инструкторы-рейнджеры на «Валгалле» — прямо от груди, не пытаясь выпрямить руку и тем более целиться. Бой шёл на оптимальной пистолетной дистанции — до десяти метров. Стрелял Вадим лёжа, снизу вверх, во всё, что мелькало в доступном ему секторе. Направленных в него выстрелов и грохота сыплющейся зеркальной стены, похоже, и не слышал. Жал и жал на спуск, думая о том, что не видит Людмилу, не слышит её голоса и это очень плохо...

Он ещё успел перекатиться вбок, лежа на спине дважды выстрелил во вторую бодигардшу, поднявшуюся на колени и тянущую руку с пистолетом в сторону вцепившейся в горло Ашинбергаса валькирии. Увидел, как из сквозных пулевых пробоин в груди лошадеобразной бабы брызнула кровь на светлое дерево стены. Тут патроны кончились, и браунинг стал на затворную задержку. Сразу стало тихо. Оказывается, последние секунды, кроме него, уже никто не стрелял. Некому было.

Что совершенно удивительно — «гостей из Питера» не задела ни одна из пуль, пронзавших стены, окна, двери и воздух между ними. Сейчас они, хоть и *профилактированные* от чрезмерного нервного перенапряжения выпитым алкоголем и вообще настроенностью на всякого рода дорожные приключения, в ступоре прижались к стене и спинкам стульев. Даже на то, чтобы упасть на пол, тем самым «сжав мишень», ни у кого из них не хватило времени и реакции. Да и почти весь огонь, на их счастье, велся в противоположном направлении. Бодигарды, получив команду «взять живым», кинулись исполнять её буквально. А если втроём бросаешься на противника, сидящего прямо напротив в расслабленной позе, оружие ни к чему. И так всё заранее ясно.

Фёст мельком удивился, как это у него ловко получилось — считай, палил в белый свет, а ни разу не промазал. Квалификации хватало, чтобы просто по позам разбросанных по полу тел понять, что в «контрольном выстреле» никто не нуждается. Кого и сколько успела положить Людмила, пока он не начал стрелять, Ляхов не представлял.

Как будто кто-то успел включить режим растянутого времени, так медленно, словно проталкиваясь сквозь вязкую преграду, ползли секунды. Вот,

кажется, совсем остановились. Взгляд упёрся в лежащую на спине, раскинув руки и ноги, телохранительницу с двумя едва кровоточащими ранками, симметрично над каждой грудью в глубоком вырезе платья.

«Чётко попал!» — подумал Фёст отстранённо.

И только потом кинулся к Людмиле, навалившейся на врага, сжавшей руки у него на горле, и — неподвижной. Из всех четверых, лежащих на полу, признаки жизни подавал только пограничный генерал, пытающийся освободить придавленные столом и Ашинбергасом ноги. У женщины с чёрным пистолетом между чёлкой и густо накрашенными губами смотреть было не на что.

Вадим, не задумываясь и не раздумывая, пнул пограничного генерала в бок рубчатой подошвой ботинка, не соразмеряя силы удара. Лишь бы не помешал...

Упал на колени, одним движением повернул невесту лицом к себе.

В этот же момент по ушам ударил пронзительный визг одной из пришедших в себя «туристок». Кто-то из спутников громко цыкнул, и женщина замолчала.

Корсет Людмилы удержал только первую пулю (что не очень помогло, срикошетившая пуля ушла куда-то к лопатке, хорошо, не задев лёгочных сосудов). Две другие, снабжённые стальными сердечниками, пробили кевлар с карбоном по центру живота и остались внутри, потому что на спине выходных отверстий не было.

— Ничего, это ничего, — бормотал Вадим. — Даже на фронте не смертельно, лишь бы в первые три часа на стол...

Потом до него с задержкой, как до гранаты с выдернутой чекой, дошло, что никакого стола, ни-

какого ПМП или медсанбата поблизости нет, есть большой город Москва, институт Склифосовского... Потом, наконец, мозги прояснились. Да гомеостат же! Наверняка уже начал действовать...

Людмила открыла глаза. Попыталась улыбнуться.

— Ты в порядке? — прошептала с усилием. О нём, значит, всё время думала, даже на пули бросаюсь...

— Да господи, я-то при чём? Как ты себя чувствуешь?

— Болит, там, под горлом, не сильно... дышать трудно... Не беспокоит... ся...

Но видно было, что болит очень сильно, а кровь она теряет стремительно. Губы синеют, и глаза закатываются... Сколько же минут нужно, чтобы эта чёртова машинка, гомеостат, начала действовать?!

Капитан медслужбы Ляхов прекрасно понимал, что там у девушки сейчас внутри творится. Две тяжёлые пули, при ударе о титаново-кевларовое препятствие деформированные, пробили брюшной пресс и начали совершенно произвольно метаться между петлями кишечника, желудком, печенью. А там ведь и аорта рядом. Начни автор сейчас в подробности топографической анатомии и оперативной хирургии входить — не всем читателям понравится.

Но раз жива — обязательно выкарабкается. Фёст прижался губами к щеке любимой.

— Ты держись, держись, сейчас всё пройдёт... Сейчас, сейчас...

Никогда до этого момента Вадим не испытывал такой смеси щемящей жалости, стремления помочь и собственного бессилия. Даже будь они сейчас в

его армейских времён «автоперевязочной»¹, что бы он смог сделать? У Люды внутренняя кровопотеря под два литра...

Но, слава богу, гомеостат наконец начал действовать. На самом ведь деле прошло не больше пяти минут. Нужно же было «машинке» хоть как-то разобраться, что случилось с вверенным организмом.

Похоже, разобрался. Блокировал все разбитые и разорванные сосуды, в несколько раз повысил выброс тромбоцитов в кровь и эндорфинов в нужные области мозга. Глюкозы, сколько есть — в сердечную мышцу... Это для начала. Дальше пойдёт кропотливый и тонкий, на уровне почти каждой молекулы, процесс.

С лица девушки на глазах начала уходить предсмертная землистость, губы чуть порозовели.

— Я тебя люблю, — прошептала Людмила, взмахнув своими несравненными ресницами. Догадалась, что всего шаг отделял её от окончательного расставания с первым и единственным мужчиной. — Люблю. Не ругай меня. Я всё правильно сделала?

— Да правильно, правильно, родная. Сейчас вернёмся домой, я тебе объясню, как на самом деле надо было... — это он опять говорил, чтобы у неё стимулов прибавилось. Как перед командиром отчитываться, если выжить не сумеешь? Не поймёт командир. А любимый как же без неё?

¹ «Автоперевязочная» — один из элементов первой врачебной помощи на переднем крае. Довольно хорошо оборудованный и оснащённый аналог гражданского травмпункта в кунге автомобилей «ГАЗ-66», «ЗИЛ-131», «Урал». Лучше всего — на шасси тундроболотохода «Тайга» («ГТТ» в армейском варианте). Для проведения полостных операций не приспособлен.

Ох и возбудилась Инга Вирен, пока не зная, от чего конкретно, но услышав дробь двух десятков перекрывающих друг друга pistolетных выстрелов. Куда быстрее, чем Мария (ещё одно подтверждение, что валькирии были не тупыми клонами, а вполне самостоятельными личностями с индивидуальными умом, силами, темпераментом), она метнулась через дорожное полотно, из глубокого кювета возле автостоянки, взлетела по ступенькам крыльца, почти не заметив, что её кинетическая энергия снесла на жёсткий бетон зазевавшегося охранника.

Вышибла ногой дверь против её обычного запаха (кто не знает — двери общественных помещений всегда открываются наружу), а тут створки с хрустом вывернулись внутрь. «ППС» у бедра, ещё чуть-чуть, и начала бы крестить зал вдоль и поперёк, сверху вниз. Дошёл до неё «некробиотический эмоциональный взрыв» от подруги, почувствовавшей, что умирает.

Остановилась, наткнувшись не на стену, сначала на ментальный посыл Фёста, чуть позже — на безмолвный призыв увидевшей её «двести девяностой», почти что самой младшей из всех сестрёнки.

— Инга, сюда...

Искажённый горловым спазмом голос полковника Ляхова сразу привёл валькирию с тевтонской фамилией в безукоризненно спокойное состояние. Как майора Мак-Набса из «Детей капитана Гранта», никогда не терявшего абсолютного хладнокровия на протяжении романа.

— Слушаюсь, Вадим Петрович. Что с Людмилой?

— Нормально, — дёрнул он окровавленной щекой. — Мария где?

— На улице, держит окрестности.

— Слушай меня. Настрой блок и перекинь нас на Столешников в *этой* Москве. Напрямик. Сама знаешь как... И вот этого с нами, — он ещё раз сильно пнул Ашинбергаса. — Генерала забирайте с собой и на машинах гоните туда же. Здесь — оставьте как есть. Поняла?

— Поняла, Вадим Петрович!

— Включай своим, у меня видишь, руки заняты...

Инга, совсем немного помешкав, нашла нужную комбинацию на клавиатуре, потянула Фёста за рукав.

— Давайте наружу и два шага за угол. Зачем это им видеть? — Она указала на пятерых зелёных от страха и густого запаха крови «туристов» и высунувшихся, когда смолкли выстрелы, официанта с барменом, судя по возрасту, ещё помнящих бандитские «стрелки» начала девяностых.

— Давай!

Инга с не девичьей силой выволокла Ашинбергаса на крыльцо, ухватив за дорогой, возможно и крокодиловый, поясной ремень, и дальше, по ступенькам, не заботясь о целости его лица и прочих выступающих частей тела.

Она совсем не интересовалась, почему Фёст принял именно такое решение. С точки зрения логики войны не самое очевидное. Нужно — значит нужно.

Проход открылся, Вадим с Людмилой на руках перешагнул в прихожую *здесьней* квартиры, чтобы не тревожить межвременную ткань. Принято считать, что чисто пространственные переходы почти безопасны. Следом Вирен перекинула до сих пор бесчувственное тело живого «*лидера народного восстания*».

— Так мы поехали, Вадим Петрович?

— Езжайте, только оч-чень аккуратно. — Фёст только сейчас подумал, что две девчонки в чужом мире, с безжалостно скованным жёсткими наручниками генералом погранслужбы в машине прилично рискуют.

Валькирия его поняла.

— Проскочим, господин полковник. Если в вашем мире городovým не хватит располагающих улыбок красивых девушек, могут нарваться на кое-что другое... Вы же нас за это не накажете?

И глядя в красивое, но с недобро сощуренными глазами лицо Инги, не могущей оторвать взгляда от еле-еле улыбнувшейся и ей тоже Вяземской, он подумал, что совсем не завидует менту, вздумавшему валькирий остановить.

Размеры квартиры были достаточны для того, чтобы десять, а то и больше человек могли находиться в ней не пересекаясь, а иногда и не подозревая о присутствии друг друга. Особенно если знать особенности её планировки. Построенная в архитектурной стилистике конца девятнадцатого века, она так и задумывалась — хозяева и обслуживающий персонал должны существовать в пространствах, взаимодействующих достаточно условно. Апартеид¹ своего рода. Этому способствовала система коридоров, по-особому связывающих господские комнаты и прихожую с парадным входом, а кухню, помещения горничной, кухарки, приходя-

¹ Апартеид (апартхейд на африкаанс) — раздельное проживание. Форма расовой дискриминации, существовавшая в ЮАР и подразумевавшая для разных групп населения (белые, цветные, негры и т.д.) различные наборы политических, экономических и гражданских прав вплоть до территориальной изоляции (бантустаны).

щей прислуги — с чёрным. Вдобавок жилые комнаты имели по две, а то и по три двери, позволяющие использовать их как изолированные или смежно-проходные. А если учесть, что несколькими дополнительными переходами три зеркально-подобных, но существующих в двух пространствах и неизвестно скольких временах квартиры были связаны воедино... Получалась очень интересная не только в инженерном, но и философском плане конструкция. Хайнлайна бы сюда пригласить...¹

Поэтому Фёст, не попавшись никому на глаза, прошёл в комнату Людмилы, уложил девушку на кровать, раздел, теперь уже спокойно и тщательно осмотрел раны и повреждения. Входные отверстия на самом деле выглядели совсем нехорошо. Трудно сказать, помогли бы Вяземской самые квалифицированные хирурги с наилучшим оборудованием. Скорее всего, его ненаглядная была бы уже в той самой Валгалле, куда «по должности» ей полагалось доставлять павших в бою воинов.

Но сейчас-то всё будет нормально. Уже становится... Пока валькирия чувствовала себя так, будто получила три сквозных ранения из обычной трёхлинейной винтовки. Необходимая помощь уже оказана, сделана перевязка и укол промедола. Не слишком приятно, конечно, но прогноз благоприятный.

— Эх ты, героиня... — Вадим присел на край постели, положил ладонь девушке на щёку. — Кто ж тебя учил Матросова из себя изображать? Спокойно бы, прямо из-под платья, из двух стволов... И порядок.

¹ Имеется в виду рассказ «Дом, который построил Тим», об особенностях четырёхмерной архитектуры.

— Он же пистолет поднимал, а ты сказал — живьём брать... — Людмила виновато улыбнулась.

— Ну и влепила бы ему в коленку или просто промеж ног. Лучше б его сейчас лечили, а не тебя. А потом бы мы остальных в три ствола покروшили...

— Ну, прости. Я просто очень за тебя испугалась, и вот первое, что в голову пришло...

— Дурочка ты у меня. «Испугалась»! Это я за тебя пугаться должен, когда ты вечером домой вовремя не приходишь или как сейчас вот... Я теперь вообще в долгах, как в шелках... Герта меня своим телом сзади прикрыла, ты — спереди. Чем рассчитываться буду?

— Не надо рассчитываться. Поцелуй меня...

Вадим коснулся губами её сухих и, слава богу, горячих губ. И с только что накатившимся ужасом подумал: «А ведь могло случиться, что не в губы, а в лоб целовать бы пришлось. Последний раз...»

— Пить хочешь? — спросил он. По всем канонам, она бы сейчас должна испытывать мучительную жажду. Разрывы кишечника, желудка, огромная потеря крови...

— Нет. Да не бойся ты за меня. Все же в порядке, гомеостат работает, а он сам всё регулирует. Вот смотри... — она говорила тихим, но ровным, не внушающим опасений голосом. Фёст всё время ловил себя на том, что реагирует на всё, как обычный неграмотный мужик у постели жены в реанимации. Нервничает, дёргается. Забыл и о том, что сам врач, и о свойствах гомеостата. Тут ведь совсем по-другому. Если даже после обычной операции по поводу аппендицита больной имеет точно определённый статистикой, так сказать, законный шанс умереть (до трёх процентов, между прочим!),

то здесь исключается даже миллионная доля. Если только гомеостат вдруг сломается, что лежит уже в зоне отрицательных реальностей... Так есть ещё девять запасных...

Людмила протянула Ляхову руку. Он только сейчас удосужился посмотреть на экранчик прибора. До этого всё своим умом соображать пытался.

Зелёная засветка, обозначающая остаток жизненного ресурса пациента, занимала сейчас процентов двадцать окружности. Но, как ему было известно из инструкции, с самым узким зелёным лучиком потерпевший приходил в норму за сутки-двое. Можно было бы сейчас же получить точный список имеющихся нарушений «постоянства внутренней среды организма» и прогноз по каждому, но Вадиму этого совершенно не хотелось. Сейчас он не врач, просто встревоженный муж. А кому приятно прочитать в «анамнезе морби» своей любимой: «Многочисленные рвано-ушибленные раны внутренних органов. Огнестрельное разрушение печени. Массированная кровопотеря...» и в этом же роде.

— Ты давай, поспи, — сказал он вставая. — Я сейчас Яланскую пришлю, она с тобой посидит...

— А ты куда? — Глаза Людмилы широко раскрылись, девушка даже попыталась привстать с постели.

— Я совсем никуда. Выскочу на полчаса, нужно девчонок встретить, мало ли... По городу сейчас едут, с оружием и пленным. Милиция остановить может или патруль. Встречу, доведу и сразу обратно сюда. Не бойся ты, ради бога, что ещё может случиться? Со мной две такие же самоотверженные защитницы будут...

Разбуженной Яланской, придремнувшей на диване, согласно Уставу, не раздеваясь, он не стал говорить всего. Хотя и почти своя она, но с гомеостатом и блок-универсалом пока не сталкивалась. Хватит и того, что увидела, как через обычную квартиру в другой мир попасть можно.

Отчего и не удивилась поручик, увидев, что Ляхов вошёл беззвучно, да ещё и раненую Вяземскую привёл. Что он её мог пронести на руках, по хоть и предутренней, но всё же никогда не бывающей пустой Москве — в голове не укладывалось.

— Вышла у нас там небольшая перестрелочка. Корсет помог, но не совсем. Под кожей две пули застряли, мышцы не пробили. Я всё, что нужно, сделал, но сама понимаешь — шок. Побудь с ней. Вставать ей пока не надо, есть, пить, курить — тоже. И разговаривать не позволяй. Пусть поспит, сколько получится. А я ещё кое-куда сбегая... ночь сегодня беспокойная вышла, ты уж извини.

— Да о чём вы, Вадим Петрович? Тут у вас в сто раз лучше, чем в гарнизонном карауле...

— Что да, то да, Галя. Не столько, пожалуй, лучше, сколько веселей...

Но глаза у него, наверное, были слишком выразительные, так что Яланская не сдержалась. Погладила ладонью по рукаву.

— Не переживайте вы так. Жива ведь, и в сознании. С каждым может случиться. Если б плохо было, вы её в госпиталь бы отвезли. А раз домой...

— Да всё так, Галя, всё так, но сама ж понимаешь. Спасибо за сочувствие. Побежал я...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

С утра, часов около семи, пока в Москве не началось интенсивное уличное движение, по всем привлечённым к акции подразделениям прошла команда о начале широкомасштабной, но предельно «деликатной» зачистке города. Было приказано не церемониться в случае попыток вооружённого сопротивления и вести себя «словно на пасхальной неделе» во всех остальных случаях. С гражданами в споры и конфликты не ввязываться, в случае необходимости давать тактичные разъяснения. Местные органы правопорядка, не вовлечённые в заговор, использовать по назначению, для чего у всех советников и консультантов имелись распечатанные копии собственноручно подписанного Президентом «Указа № 1»: о создании «Объединённого МВД», назначении министром генерал-лейтенанта Мятлева Л. Е. и о прямом подчинении ему всех организаций и ведомств, ранее входивших в такие-то и такие-то министерства, службы, федеральные агентства и т. п. Указом оговаривалась также «временная» замена для всех сотрудников нового министерства гражданского судопроизводства исключительно «законами военного времени». Проще говоря, каждый из назначенных министром начальников, от командира взвода и выше, получал право единоличного разрешения всех возникающих в зоне его ответственности проблем, вплоть до применения в ряде случаев «высшей меры», в том числе и собственноручно.

Дом на Столешниковом превратился в аналог Смольного в семнадцатом году. Теперь маскироваться больше не было смысла. В «реальности-2» или, для простоты, «у Секонда» никаких специальных мер предосторожности или сохранения се-

кретности не требовалось, там, как в любом «устоявшемся государстве», девяносто лет не знавшем войн и революций, люди не особенно интересовались вещами, их непосредственно не касавшимися. Что из того, что чуть ли не каждый час в переулок въезжают и выезжают автомобили, гражданские и принадлежащие к военному ведомству, на крыльцо взбегают и с него спускаются необычно одетые мужчины и женщины. Постоянных жителей в переулке мало, большая часть первых и вторых этажей занята магазинами, кондитерскими заведениями, кафе, ювелирными салонами, портновскими ателье, и, за исключением какого-то количества скучающих приказчиков или модисток, просто некому считать и запоминать эти перемещения. Городовые, специально проинструктированные, в случае необходимости предлагали чересчур любопытным, праздношатающимся обывателям «проходить и не скапливаться».

Не то в Москве-первой. Здесь, по обычной манере, каждое мероприятие, значимое и не очень, сопровождалось «усилением», введением планов «Фильтр», «Перехват», «Паутина», «Кольцо» и им подобных. Важные магистрали непременно блокировались, станции метро закрывались для входа или выхода, на перекрёстках появлялись автозаки, патрули милиции, ОМОНа, а то и армии, тяжёлая дорожная техника.

Так и сейчас. Подходы и подъезды к нужному кварталу были перекрыты со стороны Тверской, Большой Дмитровки, Петровки и примыкающих переулков военными «Уралами» и патрулями автоматчиков, словно при проведении «контртеррористической операции» в большом городе. Здесь импровизированным «укрепрайоном» командовал

бывший консьерж, Борис Иванович, снова надевший форму с уже подполковничьими погонами, так ему велел сделать Фёст со ссылкой на пресловутый «Указ», и отставной морпех не стал возражать, что «права полного единоначальника» распространяются и на подобный случай. Он теперь с помощью нескольких десятков своих людей, тоже обозначивших свои прежние воинские звания, обеспечивал приём и дальнейшее сопровождение по маршрутам прибывающих группами от отделения до взвода *потусторонних* штурмгвардейцев.

К каждой группе приставлялся проводник. Боевые приказы и обычные туристические карты-схемы Москвы масштаба 1:10 000 *межвременные гесантники* получали от Секонда, развернувшего в прихожей и кухне работающей на «вход» квартиры свой «полевой штаб».

Люди подвозились машинами или подходили пешком порядком к самому обычному дому, поднимались на третий этаж по широкой чугунной лестнице, входили в дверь с приставленным часовым. Командир представлялся полковнику с флигель-адъютантскими погонами, окружённому несколькими офицерами чинами пониже, получал пакет с приказом, инструкцией о правилах поведения и устную информацию о том, что работать придётся хотя и в Москве, но не совсем той, что пока ещё видна за окном.

«Мальтийский крест» вступил в открытую фазу, тайна больше не нуждалась в сохранении, через несколько суток, максимум через неделю полмиллиарда жителей той и другой России узнают о существовании друг друга и уже состоявшемся «воссоединении разделённого народа». Как это воспримут, что станут думать и делать за пределами

российских границ, пока никого из «причастных» не интересовало. За исключением небольшой группы аналитиков-«конструкторов будущего».

Затем проводник вёл бойцов по длинному коридору с навоощенным паркетным полом и наглухо закрытыми многочисленными дверьми по сторонам. Через минуту они оказывались в точно такой же прихожей, как с той стороны, где тоже работали офицеры в похожей, но всё же другой форме. И погоны вроде одинаковые, но что бросается в глаза — у этих звёздочки у штаб-офицеров крупнее, после штабс-капитана располагаются по-другому и обозначают другие чины. К примеру, вместо одного капитанского просвета — два, с большой звёздочкой между ними. Называется такой чин — «майор», как до турецкой войны тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. И дальше тоже — подполковник носит две звезды, полковник — три. Всё остальное — почти неотличимо, включая манеру держаться и внелитературный лексикон.

Открывается выходная дверь, и словно внутрь зеркала шагнул: та же самая лестница с мозаичными витражами, вымощенный синей и белой метлахской плиткой вестибюль, за ним улица. Вот она — совсем другая, только отдалённо похожая, и запахи в воздухе совсем не те, и вывески над входами в магазины, и ползущие в немыслимых количествах незнакомые автомобили.

Потом взвод или отделение опять грузится в кузов автомобиля — и поехали. Присягу исполнять. А её уже приходилось исполнять и в Маньчжурии, и на Турецком фронте, и в Польше. Так какая разница? Тут даже лучше — почти дома, считай.

Очень удачно подобрался руководящий состав этой, по своему грандиозной операции — если учитывать её пространственно-временную протяжённость, а главное, исторические и геополитические результаты. Уж ничуть не меньшие, чем, скажем, у Босфоро-Царьградской, Каховско-Екатеринославской или Висло-Одерской¹. Разница только в количестве используемых сил и средств, человеческих жертвах и расходе боеприпасов. Что касается отдалённых последствий, так ещё и неизвестно.

Берестин имел опыт руководства, а главное — победоносного завершения первых двух из выше-названных кампаний, плюс сыграл роль «общего резерва»² в обороне Берендеевки, то есть фактически в спасении самого возрождающегося самодержавия.

Фёст с юных лет вообще интересовался историей всевозможных переворотов и заговоров, «от Ромула до наших дней», в том числе (или — в особенности) московских событий 1991, 1993 и 2005 годов, и имел в голове задолго до наступления нынешнего момента собственные теории действия обеих противостоящих сторон. Сейчас их оставалось только разыграть на местности, а не на картах.

Тарханов, Секонд, Уваров, фон Ферзен и большая группа офицеров Генштаба и строевиков из бывших «Пересветов» знали и умели всё, что нужно, исходя из реалий своего мира и только что завершившегося «Пятого польского восстания».

И, что самое главное, — все они обладали той убеждётельностью и силой характера, что не позво-

¹ См. соответственно романы «Вихри Валгаллы», «Разведку боем», «Историю Великой Отечественной войны».

² Согласно военной теории XIX века, «общий резерв» предназначался для нанесения удара, решающего судьбу сражения.

лили бы им бросить дело, не доведя его до полной, абсолютной, с любой точки зрения безусловной победы.

...Двумя часами раньше, оставив взвод штурм-гвардии и полсотни ребят помоложе из волонтеров Хворостова для завершения ликвидации базы «зубров», изъятия и подготовки к использованию трофейного оружия и техники, Тарханов, Секонд и сам Хворостов со своим войском совершили стремительный марш-маневр к центру столицы. Самое удивительное, что мятежники повторили двадцатилетней давности ошибку ГКЧП.

«Зубров» следовало бы не держать на своей базе в состоянии «полуготовности», ожидая специальной команды, а одновременно с нападением на дачу Президента, придав им все имеющиеся в наличии силы, вплоть до милицейских нарядов ППС, бросить на захват Кремля, Останкинского телеузла, типографий и редакций влиятельных газет, мест расквартирования потенциально верных Президенту войск.

В таких авантюрах не столько реальная боевая мощь мятежников важна, а быстрота и решительность, переходящая в наглость. К примеру, ставший впоследствии диктатором Сирии капитан Хафез Асад взял власть, имея в распоряжении всего лишь одну артиллерийскую зенитную батарею против всей президентской гвардии, при настороженном нейтралитете армии. Да и Красная гвардия большевиков по сравнению с десятком дивизий, близких к Петрограду и готовых выполнять приказы Керенского (будь они, правда, согласованы с Корниловым и другими генералами), выглядела смешно.

После взятия Кремля заговорщикам следовало бы немедленно начать по всем каналам информационную атаку, совершенно не заботясь даже о правдоподобии своих заявлений. Поднять и вывести на улицы все вооружённые формирования, хоть в какой-то мере готовые выполнять команды того, кто изображает решительность. Точно, как большевики в ночь с двадцать четвёртого на двадцать пятое октября. Нет, мол, больше Временного правительства, а есть теперь мы! И Керенский куда-то сбежал в платье сестры милосердия. А в Зимнем, между прочим, ребята посообразительнее уже до винных погребов добрались... Ну и так далее.

Всё это, кстати, при подготовке переворота подразумевалось. Как и его вторая фаза, скопированная с цеэрушной операции «Фокус» пятьдесят шестого года, сиречь «венгерского мятежа», переименованного с момента сошествия «демократии» в Восточную Европу в «национально-освободительную революцию венгерского народа»¹. Главари за-

¹ Правда, все до единого апологеты теории «народного восстания» странным образом обходят интересный факт. «Мирная студенческая демонстрация» 23 октября как-то удивительно быстро переросла в массовый антикоммунистический террор, одобренный и поддержанный «всем цивилизованным миром». А у «мирных студентов, рабочих и интеллигенции» на руках вдруг обнаружилось количество оружия, достаточное для ведения двухнедельных уличных боёв против частей Венгерской народной армии, Госбезопасности и десятка советских дивизий, поддержанных танками и артиллерией. В Австрии также неожиданно обнаружились, задолго до начала «восстания» подготовленные и оснащённые всем необходимым «лагеря перемещённых лиц», рассчитанные на одновременный приём до двухсот тысяч «беженцев», т. е. на случай возможного поражения мятежа. Армия Врангеля, к сожалению, после эвакуации из Крыма таких «мест расквартирования» от союзников не получила. Русские, чего о них заботиться.

говора имели твёрдое обещание «определённых сил» обеспечить немедленное признание нового правительства всеми «демократическими» странами, НАТО, ЕС и даже Грузией (после возврата Абхазии, Южной, а заодно и Северной Осетии, а заодно и Карачаевска (Клухори), естественно). Введение «международных сил поддержания порядка» тоже предусматривалось, поэтапно: для усиления охраны западных посольств, для обеспечения безопасности в зонах всех существующих и предполагаемых «межнациональных конфликтов», а уже потом просто для защиты «жизненных интересов», «восстановления исторической справедливости» и «защиты свободы бизнеса» в любой географической точке, от Карелии до Астрахани и от Курил до Калининграда.

Были уже распределены посты в «правительстве народного доверия и единства», разными способами нейтрализованы руководители и старший комсостав расквартированных в Москве и области подразделений «силовых ведомств». Как, например, был обезоружен и заблокирован в своём расположении друг Мятлева, начальник областного ОМОНа. А очень многим достаточно было устных указаний вышестоящих лиц делать «то-то и то-то» или же просто «не лезть не в свои дела». Очень действенная, между прочим, в наших условиях методика саботажа деятельности государственной власти. В некоторых случаях указания подкреплялись какими-то реальными материальными стимулами, но гораздо чаще достаточно было обещания не изымать «в пользу народа и государства» уже добытое «непосильным трудом».

Но как-то вдруг в последние, самые решающие, «судьбоносные» часы всё забуксовало. Разладилось. Будто из руководителей операции выдернули

стержень. Неизвестно почему Ашинбергас, вместо того чтобы вызвать по тревоге весь батальон «зубров» в своё распоряжение, поехал туда сам. Как будто подсознательно выбрал из нескольких вроде бы равноценных тропинок ту, что вела в болотную трясику или на минное поле.

Номинальный глава, «организатор и вдохновитель» заговора, известный под кличкой Директор, а самым близким соратникам — как Владислав Борисович, после бегства Фёдора Давыдовича из окрестностей президентской дачи перестал отвечать на телефонные звонки. Даже по самым конфиденциальным, для ближайших соратников, номерам. Без всяких там компьютерных штампов: «Абонент временно недоступен. перезвоните позже». Просто никто не брал трубки.

Многие другие руководители «отраслей», «тем» и «направлений» просто сидели и тупо ждали, когда наконец «всерьёз начнётся». Готовые «активно поддержать», но вот высовываться первыми — увольте. Точно как на фронте, когда готовая к атаке цепь лежит и ждёт, чтобы или командир первым рванулся через бруствер, или заградотрядники начали сзади стрелять.

Как раз в секретную резиденцию Директора на Мясницкой и поехал Фёст, встретив «Самшиты» с валькириями и пленными на Волоколамском шоссе, не доезжая Тушино. Опасался он за девчонок, у них, в отличие от Людмилы и Герты, здешний московский опыт — никакой. Теория теорией, а даже ему сейчас было бы очень не по себе (как когда-то Тарханову)¹, окажись он на улицах Нью-Йорка с двумя явно похищенными людьми в машине, с незарегистрированным и совсем недавно стреляв-

¹ См. роман «Дырка для ордена».

шим оружием. Зато в Москве он ничего не боялся, тем более рядом сидела Инга с готовым к действию блок-универсалом. Следом, в двадцати метрах позади, едет Варламова. Её и его блоки — в режиме прямой голосовой связи.

Но обошлось, доехали спокойно, не встретив по пути ни одного патруля. Вообще. Это было странно и наводило на некоторые мысли. Сейчас бы, наоборот, должна царить суматоха, непонятное непосвящённым перемещение людей и машин, свет должен гореть в окнах, за которыми «начинала твориться новая история». Снова тот же, изображённый в сотнях фильмов и тысячах книг, октябрь семнадцатого. Да хоть Маяковского почитать!

А здесь всё неправильно, здесь будто заснули все. И те, кому положено воплощать в жизнь «планов громадьё», затаились, словно прячась от самих себя.

За полквартила от вычисленного Гертой дома на Мясницкой остановились, свернув в переулок.

— Ну, вылезай, покатались, — предложил Фёст Ашинбергасу, вытаскивая его за цепочку наручников на тротуар. Тот уже достаточно пришёл в себя, чтобы держаться вертикально и самостоятельно переставлять ноги.

— Заглянем к вашему Директору, если он ещё не сбежал. Впрочем, сравнительно легально ему теперь сбежать вряд ли удастся, разве что в «известном месте» его ждёт подводная лодка капитана фон Цвишена...¹ И чтоб без шуток, сволоочь. Я с тобой ещё за свою жену не рассчитался...

¹ Фёст имеет в виду роман Платова «Секретный фарватер». Герхард фон Цвишен, капитан цур зее, командир лодки «Летучий голландец», на которой нацистская верхушка планировала бежать в Аргентину.

Фёсту и валькириям не составляло никакого труда держать главаря мятежников под прицелом блок-универсалов и при необходимости парализовать его или испепелить. Но Вадим хотел, чтобы седоголового *проняло* по-настоящему. Он взял из ранца Инги самую обыкновенную, древнюю, как «трёхлинейка», и такую же надёжную «РГД-5». Предохранительным рычагом прицепил гранату к поясу Ашинбергаса, в кольцо продел тонкий нейлоновый шнур. Всё это неторопливо, сопровождая каждое действие пояснением.

— Вот теперь пойдём, — сказал Фёст, расстёгивая наручники. — Нам четырёх секунд хватит, чтобы спрятаться, а тебе деваться некуда. Не убежишь и штаны сбросить не успеешь. Хорошо, если сразу убьёт, а то просто ноги оторвёт по самые яйца. Успеешь со вкусом подохнуть. Так что без дураков. Спокойствие, любезность, выдержка. Марш!

Мимо четырёх охранников в вестибюле изысканно-старого дома прошли спокойно. «Старшего» они знали в лицо, по Ляхову просто скользнули полусонными глазами, слегка оживились, только рассмотрев лица и стати валькирий.

— Директор на месте? — спросил Ашинбергас.

— Нам не докладывали. При нас не уезжал.

— А кто ещё на месте?

— Да человек десять сидят по кабинетам. Я фамилий не спрашивал... — старший охраны не стал даже отклеивать задницу от стула. Для него седоголовый не был ни генералом, ни «вождём». Так, топ-менеджер, и «на чай» никогда не дававший.

Коридор второго этажа производил впечатление солидности и устойчивости фирмы. Весьма недешёвое ковровое покрытие на полу, резные двери, стенные ореховые панели, изящные бра и люстры.

Никакого якобы долженствующего символизировать *продвинутость* хай-тека.

Вторая слева от лестницы двустворчатая дверь, без какой-либо таблички. Фёст отодвинул в сторону Ашинбергаса, толкнул её ногой.

Нормальная приёмная. Два полудреmlющих парня, один за столом секретарши, другой на диване в углу.

— Встать! — команда прозвучала негромко (чтобы хозяина не потревожить), но, подкреплённая движением автоматного ствола, весьма убедительно. — Оружие на стол.

Парни, так и не придя в себя, выложили самые банальные «ПМ». Несерьёзно.

— Директор у себя?

— С вечера не выходил, — пожал плечами тот, что замещал секретаршу.

— И с такими мудаками госперевоороты устраивать! — искренне возмутился Фёст. — Маша, посмотри за этими. Ты, — ткнул стволом между лопаток Фёдора Давыдовича, — открывай.

Разумеется, в кабинете никого не было.

— Ну?! — повелительно сказал Вадим. У него в части одно время среди солдат была мода — заменять этим междометием большую часть русского лексикона, за исключением матерного, естественно.

Ашинбергас, хоть и не служил, понял смысл вопроса-команды. Открыл дверь в правом заднем углу кабинета. Всё верно. Комната отдыха, из неё ещё одна дверь, на чёрную лестницу и во двор.

— Здорово, видать, Герта его напугала, — сказал он Инге, садясь в директорское кресло и закуривая сигару из палисандрового «хьюмидора».

— Напугаешься, если тебя неизвестно кто по имени называет, с указанием точного адреса, —

пожала плечами девушка. — Что дальше делать будем?

— А ничего особенного. Этот хрен пусть так и сидит, гранату греет. Удивительно иные простейшие вещи иногда способствуют улучшению нравов. Мы с ним беседовать будем... О королях, капусте и многих других интересных вещах. Вы с Машей пройдите по зданию, всех разоружите, пусть они друг друга свяжут, чем есть, ремнями, колготками и прочими подручными... Найдите, где запереть, соорудите растяжку и возвращайтесь. Работать надо.

Сам, не стесняясь присутствия пленника, вызвал Секонда, доложил ему о предпринятых мерах и согласовал дальнейшие. С явным удовольствием, зная, как её использовать, вытребовал в своё полное распоряжение девичью роту целиком, милостию разрешив близнецу оставить при себе Вельяминову, Герту и ещё кого-нибудь, на усмотрение.

Слушая его весёлый голос, Ашинбергас сообразил, что девушка, которую Вадим Петрович назвал своей женой, жива и, очевидно, в удовлетворительном состоянии. И, значит, есть шанс как-то договориться. В конце концов, если подходить строго формально, он ведь только оборонялся. Мало ли, что он достал пистолет. Может быть, перед товарищем похвастаться, а она и стрелять начала, и задушить хотела...

Но разговор на эту тему он решил оставить на потом, а пока выполнять, что прикажут. Добросовестно, с готовностью, но без подобоострастия.

За следующие полчаса Фёдор Давыдович, вернувшись к исполнению своих прямых обязанностей по руководству мятежом, связался с полутора десятком человек, отвечающих за многие ключевые моменты. Зная практически *все концы*, Ашинбергас раздавал взаимоисключающие распоряжения, на-

правлял эмиссаров и какие-то вооружённые группы туда, где их готовились встретить «печенег», штурмгвардейцы и волонтёры Хворостова.

Пожилой полковник, увидев, что дело делается квалифицированно и всерьёз, принялся обзывать всех известных ему людей, как одиночек, так и подобных ему руководителей всякого рода охранных и прочих, хотя бы слегка военизированных предприятий, а также действующих строевых и штабных офицеров Московского и «Арбатского» военных округов, с кем сохранились сколь-нибудь приличные отношения. Сообщал вроде бы всё, как оно есть, но от себя добавлял столько живописных подробностей и рисовал такие радужные служебные и личные перспективы, что число желающих выступить «на защиту Конституции и законной власти» росло в геометрической прогрессии. У каждого «приглашённого в долю» тоже ведь были свои знакомые, друзья, сыновья, зятья и племянники. А умные люди понимают, что в такие, раз в жизни выпадающие моменты можно *подняться* очень серьёзно. В любом смысле.

Полевой штаб Тарханова — Секонда незаметно, но в полном соответствии с законами Паркинсона разросся уже до трёх десятков человек, всего за несколько часов! А что вы хотите — непрерывно возникали новые, ранее не предусмотренные проблемы, вопросы и затруднения, вот и приходилось назначать для их скорейшего разрешения всё новых и новых людей.

Были намечены места сбора личного состава вновь формируемых подразделений, пункты выдачи оружия и боепитания.

Мятлев отдал команду собрать по тревоге всех сотрудников курируемых им управлений, не задумываясь, кто каких придерживается политических

или эмоциональных взглядов. Главное, чтобы люди явились по месту службы или в указанные места, а там уже всё становится просто и понятно. Если не дезертировал, прибыл по команде и очутился в «общей шеренге», дальше никуда не денешься, будешь служить, как миленький. Такое вот интересное свойство этого философского понятия — «строй».

Не было больше необходимости ехать за оружием на дальние базы хранения. В самом городе нашлось достаточно арсеналов на любой вкус. Например, прекрасно можно было снабжать добровольцев, да и кадровых сотрудников, со складов оружейных магазинов «Кольчуга» и им подобных. Импортные нарезные винтовки с шикарной оптикой, к примеру, ничем были не хуже штатных «СВД». А для *правильных* стрелков — намного лучше. То же касается крупнокалиберных гладкостволов. Выглядит солидно, и в ближнем бою незаменимо. Особенно учитывая, что широкомасштабные боевые действия с применением чего-то мощнее ручных пулемётов в городе вести не планировалось.

Это стало ясно после разгрома «Зубра» — единственной высокопрофессиональной силы, с помощью которой можно было бы ещё вчера к концу дня «вопрос о власти» считать решённым. Не то время на дворе, не семнадцатый год. Москва с Московской областью — не Ливия, не Сирия, не Ливан. И темперамент у народа не тот, и боевого оружия на руках практически ноль. Хорошо, если найдётся один дробовик на сотню взрослых мужиков. Приличной гражданской войны в таком варианте не развернуть. Если б вчера нашёлся кто-то решительный и авторитетный, заявивший, что власть уже взял, а честные и открытые выборы нового главы государства проведёт где-нибудь следующей весной или вообще после Всенародного

Земского собора пополам с Учредительным собранием — так бы оно и вышло. Особенно если всем одномоментно вдвое-втрое зарплату и пенсии поднять, а все нераспроданные квартиры в новостройках бесплатно раздать очередникам. В обмен на все золотовалютные резервы государства плюс печатные станки Гознака — весьма выгодная и политически безупречная сделка.

Но отваги, воли и решимости не хватило ни у кого. Их не было и у Президента тоже. То есть образовалась классическая, хрестоматийная историческая развилка. Вроде как сама собой, в чистом поле, что называется. И чтобы миновать её, рвануть напрямик, сминая гусеницами камень с пресловутым предложением-предупреждением: «Направо пойдёшь, налево пойдёшь...», достаточно оказалось просто немного выйти из плоскости стереотипов и предрассудков. С силами ненамного больше тех, что уже были введены в бой мятежниками, и неизмеримо меньшими, чем те могли мобилизовать в течение бездарно потерянной ночи. Но — иначе ориентированными и мотивированными.

Пока не прибыли и не разместились в отведённых им кремлёвских помещениях Тарханов, Секонд, ещё несколько императорских генштабистов во главе с фон Ферзенем, Фёст самостоятельно направлял своих девушек в сопровождении «проводников» по указанным Ашинбергасом адресам для изъятия ключевых фигур того или иного «веса» и значения.

До сих пор не только обыватели, но и очень серьёзные, «деловые» люди считают, что система всяких там «пятёрок», «десяток» или «отраслевых референтур» способствует конспирации и оберегает от одномоментного тотального разгрома организации. Во времена народовольцев или подпольной

★

борьбы с фашистскими оккупантами такая схема, случалось, срабатывала. Но только в случае, если враг случайно, именно случайно, выдёргивал одну из средних или низовых фигур. Те действительно могли не знать никого, кроме ближайших соратников, и на них цепочка обрывалась. Но если удавалось прихватить кого-то из руководства, система срабатывала против себя. Если спокойный, рассудительный контрразведчик имел возможность изымать ключевые фигуры, не озабочиваясь «пехотой» и не стараясь, чтобы угодить начальству «дать немедленный результат» — машина переставала работать сама собой, как радиоприёмник без батареек.

А ещё Вадим послал группы, составленные поровну из людей Хворостова и «печенегов» или штурмгвардейцев к зданиям посольств более-менее значимых государств, имевших неосторожность в *предыдущую историческую эпоху* выражать сочувствие, моральную или материальную поддержку «борцам с кровавым авторитарным режимом». С простой инструкцией — «всех выпускать, никого из посторонних не подпускать». На всякий случай.

Вновь, только теперь уже «нашей стороной» были заблокированы операторы сотовой связи. По обычной проводной и по радио Мятлев уже вполне официально, от имени Верховного главнокомандующего и себя лично, как министра «сразу всего», подтвердил и значительно устрожил ранее объявленный им запрет на пересечение воздушных, сухопутных и морских границ «нижеперечисленным лицам»... Теперь для скорости и упрощения процедуры «от ворот поворот до особого распоряжения» получали вообще все обладатели дипломатических и служебных паспортов. А общегражданских — выборочно.

Нигде ничего не горит, кому положено, и через два-три дня выедут, прочим придётся или задержаться на неопределённый срок, или пешком и вплавь, контрабандистскими тропами пробираться через украинские, прибалтийские, грузинские границы. Дело муторное и крайне опасное, что известно хотя бы по судьбе О.И. Бендера.

В чём заключается разница между классическими революциями, происходящими по законам исторического материализма, ведущими к сменам экономических формаций, и вершущими переворотами? Именно в том, что вовлечён в них крайне узкий круг людей, каждый из которых является не «миллионных масс частицей», как писал пролетарский поэт, а непосредственно и активно действующим субъектом, «вершителем истории», неважно, с каким знаком, и с реально занимаемой должностью. Поэтому обычно перевороты, мятежи и тому подобные эксцессы либо удаются сразу, либо так же сразу терпят поражение. Не может быть и речи о каких-то «этапах», «фазах», «приливах и откатах», какими характеризовалась, например, классическая Великая Французская революция.

К десяти часам утра основная часть работы была сделана. Что толку от наличия тысяч людей, готовых и способных демонтировать прежнюю систему власти и начинать создавать новую, сотен имеющих право и возможность вывести на улицы целые подразделения «людей с ружьём» — райотделы милиции, отряды ОМОНа и СОБРа, роты охраны зон и следственных изоляторов? Они не получали никаких команд, не имели связи и запасных каналов управления, вообще не представляли общей картины происходящего. Многие даже не име-

ли понятия, что проходят по секретным планам как структурные боевые единицы антиправительственного заговора.

Кремль был занят за несколько минут. К Боровицким воротам подъехали три БТРа, БМП-3 и незнакомой модели броневедомоцикл с пулемётной спаркой, за ними несколько грузовиков с солдатами в чёрно-зелёно-жёлтых камуфляжах и голубых беретах (на складах их нашлось достаточно, чтобы заменить не совсем здесь уместные своим видом каски штурмгвардейцев). Из броневида вышел Президент в военной форме с нашивкой «Верховный главнокомандующий», в нескольких словах объяснил построенному гарнизону смысл текущего момента и ближайшие перспективы, после чего проследовал в свои апартаменты. Дальше распоряжаться Президентским полком и отдавать приказы от имени Главноверха командирам дислоцированных в Москве частей, училищ и академий начал Мятлев, назначенный, в добавление к министерскому посту, ещё и секретарём Совета безопасности.

Рядом с ним постоянно находился Берестин с собственным, выделенным Тархановым комендантским взводом, и Герта, видимо, в роли личной телохранительницы. Узнав о назначении Мятлева на высокие посты, Инга ей хитро подмигнула. «Высоко, мол, залетела, мать! Теперь главное — не сдавать захваченных высот!» При этом девушка ощутила лёгкий укол зависти. Так отчего-то вышло, что теперь только она одна осталась обделённой. И сама ни в кого не влюбилась, и на неё никто внимания не обратил. Что делать — все достойные мужчины увлеклись другими, а ей как быть? Штатские за пределами гарнизонной ограды для неё не существовали, других серьёзных кандидатур просто

не было в поле зрения. Не с поручиками же из соседних рот любовь крутить?

Самая спокойная и неамбициозная из всех, валькирия ещё не подозревала об уготованной для неё Сильвией судьбе.

Леонид Ефимович направил несколько десятков офицеров нужных специальностей, лично вызванных им с Лубянской площади, по адресам лидеров думских фракций и вожаков «несистемной оппозиции». Первых — пригласить и сопроводить в Кремль на экстренную встречу с Президентом, прочих — в деликатной форме предупредить о крайней нежелательности в ближайшие сутки любых массовых мероприятий и уж, тем более, беспорядков. Отныне и до их гласной отмены в Москве явочным порядком действуют законы военного времени.

Тезисы «профилактических бесед» выглядели примерно следующим образом:

«Домашнему аресту, господа, вас никто не подвергает. Можете мирно, без оружия собираться хоть на квартирах, хоть в ресторанах, внимательно смотреть телевизор и обсуждать увиденное и услышанное в своём кругу. Причём такое обсуждение не должно проводиться в общественных местах с какого-либо подобия трибун. В ближайшее время Президент собирается выступить с обращением к народу. Рассчитываем, что вы примете посильное участие в претворении в жизнь его предложений. Оппонировать разрешено в письменной форме, когда будет возобновлён выпуск газет. Однако по улицам передвигайтесь с крайней осторожностью, не исключаются всякого рода эксцессы. А нам не нужны ни невинные жертвы, ни «герои сопротивления».

★ Указанные мысли сотрудники могли оформлять какими угодно словесными кружевами, но без угроз и личных оскорблений.

Стрельбы на улицах и на некоторых «объектах» случилось поразительно мало. Не больше, чем в Петрограде в феврале семнадцатого. Как правило, инциденты случались там, где вооружённые сторонники мятежников уже начали выдвигаться «на исходные», по приказу чересчур самостоятельных или, наоборот, догматически мыслящих командиров.

Решено, допустим, что сегодня в восемь ноль-ноль должны быть захвачены Монетный двор и Гознак, ну и двинулись к цели полторы сотни вооружённых энтузиастов, уверенных, что и все остальные по всей огромной Москве и даже необъятной Родине сработают так же дружно и слаженно. А на подходах наткнулись на мобильный патруль «печенегов» с «хворостовцами». На подтверждённое ссылкой на Указ Президента предложение сложить оружие и всем, кроме руководителей, мирно разойтись по домам кто-то ответил огнём. Такое бывает, если люди подогреты не спиртным даже, а собственным адреналином, энтузиазмом пополам со страхом. Какие-то футбольные фанаты бесстрашно в вооружённых омоновцев камни, бутылки и файеры швыряют, абсолютно о последствиях не задумываясь. А если здесь такие же безбашенные парни, но с автоматами и пулемётами, и «верные люди» сказали, что нет уже ни Президента, ни власти и менты на нашей стороне, а за забором, рукой подать, склады, набитые штабелями денег, а в цехах прямо с печатных машин разматываются бесконечными лентами миллионы пятитысячных

бумажек... Только хватай! А тут десяток козлов дорогу перегораживают. Ну и получайте!

В подобных случаях военнослужащие «крайне ограниченного контингента миротворцев» действовали без злобы и жестокости, просто очень чётко и профессионально. Не то что здешние «контртеррористы», ухитряющиеся терять «двухсотыми» по несколько человек при «обезвреживании» одного «шахида» или «моджахеда».

Вообще, москвичи, что из законопослушных граждан, что из активистов «протестного движения», вышедших пошуметь, ещё не совсем представляя, по какому поводу, дружно отметили интересный факт: в центре города поддержанием порядка вместо привычных омовцев или пацанов-срочников внутренних войск занялись какие-то непонятные службы. Одеты почти так же (мало кто способен был разобраться в тонкостях цветовых и конструктивных различия камуфляжей), их сотрудники вместо привычных щитов и резиновых палок сплошь были вооружены автоматическим оружием, увешаны магазинами, ножами, гранатными сумками и прочим снаряжением. Будто американские солдаты в телевизионных репортажах из Ирака и Афганистана. И сразу в них ощущалось что-то необычное. Трудно сразу сказать, что именно, но — незнакомое и непонятное. Выражения лиц, может быть, манера говорить, непременное обращение «господин» вместо нормального «гражданин», «граждане». И ещё — отчётливо ощущаемая готовность после (спокойным голосом) сделанного предупреждения немедленно перейти к решительным действиям в случае неповиновения. Будто бы эти люди искренне убеждены в том, что с ними спорить просто не принято, а собеседники настолько разумны, что понимают каждое негромко сказан-

ное слово так же хорошо, как предупредительный выстрел в воздух.

Говорят, подобный парадокс наблюдался в Чехословакии в шестьдесят восьмом году. Туда, как известно, оказывать «братскую помощь» прибыли войска пяти стран Варшавского договора. Но если со всеми остальными, включая и советских солдат, чехи вели себя весьма вольно — ругались, оскорбляли, плевались, швыряли бутылки с краской, а то и бензином в боевую технику, — с немцами из ГДР никто себе подобных вольностей не позволял. Генетическая память срабатывала, наверное. Да и язык — не то что славянское амбивалентное многословие. Там «цурюк», «хенде хох», «врид гешоссен» — и всем всё понятно, без переводчика даже. По-русски так не выходит, даже если матерным гарниром значащие слова обложить.

А вот у «этих» — получалось. В смешанных патрулях каждый легко отличал «своих» от «не своих», пусть шутили, смеялись, матерились те и другие совершенно одинаково. Не оккупанты какие-нибудь, не «латышские стрелки» или чехи с мадьярами, как в Гражданскую войну.

Сразу пошли разговоры, догадки, гипотезы и версии — делать-то всё равно нечего, а людей на улицы вышло достаточно много, и с целью лично поучаствовать в истории, и просто так. Совершенно так же, как в девяносто третьем люди целыми семьями, с детскими колясками и с детьми, уже умеющими ходить, валом валили на набережную и мост, полюбоваться, как танки по Белому дому стреляют.

Самой убедительной показалась идея, что вот это и есть тот самый «российский иностранный легион». Было ведь давно уже опубликовано постановление, чтобы набирать в российскую армию бывших

соотечественников с автоматическим предоставлением гражданства и всяких прочих благ. Так вот это и есть те ребята, из внуков и правнуков русских белоэмигрантов, решивших вернуться на Родину через такую службу.

Другая версия была ещё интереснее — это, мол, прибыл на помощь Президенту по тайному договору о дружбе и взаимной помощи израильский спецназ, тоже сплошь из русских парней, детей тех, кто уехал, выправив себе фальшивые родословные.

«Да нет, ну ты погляди! Видишь — на бронике девахи с автоматами едут? Где ты такие автоматы видел? В кино? В кино я тоже видел. Вот это самые еврейки и есть. Ты где у нас таких красоток-срочниц видел? На срочную баб только у них призывают. Евреи ведь, всё у них рассчитано — чтобы пацаны в казармах не тосковали — каждому по бабе в любое время дня и ночи, хоть в карауле, хоть где! И никакой дедовщины! Наши тётки-контрактницы против них — тьфу! Ну, они им покажут!» Довод признавался вполне убедительным, и с тем, что «покажут», никто не спорил, возможно, вкладывая в эту сентенцию весьма противоречивые и даже взаимоисключающие смыслы. Кому «им», тоже особенно не уточнялось. Чтобы потом лишних проблем не возникло.

Кто и зачем распространял такие слухи — не так уж важно, но эффект от них был тот, что и требовался — заморочить обывателям мозги, кого развеселить, а кого и напугать. Было однажды, ещё в первую чеченскую, прибыл, допустим, в Ачхой-Мартан по замене вместо ставропольского ОМОНа элистинский СОБР, и отъезжающие ребята для смеху запустили «дезу» — это, типа, китайцы приехали, наведут порядок и получают здесь в награду лучшие земли в «бандитских» районах. Кто рядом

был — сразу разобрался, но подобная информация распространяется ведь быстрее света. Возникла даже некоторая паника среди местного населения.

Вскоре после того, как Президент вновь обосновался в Кремле, Волович, Журналист Анатолий и Писатель Генрих вместе с Уваровым и Анастасией выехали на бронетранспортёре в город.

«На командирскую рекогносцировку», как выразился Валерий. Прямо на броне, для пущего эффекта, и чтобы всё вокруг рассмотреть наконец при свете дня, разместилось второе отделение первого взвода под командой Полины Глазуновой. И она сама, и её девушки пребывали в полном восторге от выпавшего на их долю приключения. Кому ещё доводилось очутиться в роли освободительниц в столице *другой* России.

Причём ехать по ней на мощном восьмиколёсном броневике несуществующей в их мире модели, свесив ножки наружу вдоль покатым бортов, жадно рассматривая улицы, дома, людей на тротуарах, широко улыбаясь в ответ на заинтересованные взгляды, приветственные взмахи рук и выкрики, подчас двусмысленные. Проходим, прежде всего молодым парням, тоже ведь было интересно такое, достаточно непривычное, зрелище.

Очень многие из «печенежек» уже прикидывали, как бы устроиться здесь в составе «постоянных оккупационных войск», очень рассчитывая при этом на Вяземскую, Вельяминову и Виттефт — особ, весьма приближённых к верховным властям и в том, и в этом мире. Уж очень здесь всё необычно, интересно и «современно», как выражались у нас в далёкие шестидесятые годы. А сколько всяких в жизни невиданных вещей в здешних магазинах!

Даже через витрины с улицы видно. Так примерно могла бы чувствовать себя молодая девушка-москвичка, чудом оказавшаяся году этак в шестидесятом на Елисейских Полях Парижа или, упаси бог, в Нью-Йорке. Дóма-то, само собой, всё равно всё лучше, но как глянешь на прилавки, на машины, да на то, как парни с девушками одеты!

Погода с утра начала несколько портиться, опустился туман, моментами срывался мелкий, как пыль, дождик. Но от этого осенняя Москва становилась даже краше и как бы загадочнее, перспективы проспектов и улиц потеряли чёткость, как на картинах импрессионистов, громадные высотные здания, каких не было у них дома, теперь походили на замки великанов сказочной страны.

БТР сделал полный круг по Садовому кольцу, удивительно свободному в этот час от машин.

— Вот так бы всегда, — мечтательно сказал Анатолий, уже не один год безуспешно требовавший от Президента решительных мер по приведению дорожной обстановки в Москве в разумное состояние.

— Теперь есть образец, — ответил Генрих, — та Москва. После сегодняшнего политического катания можно вводить любые правила, всё проскочит.

— А чего же, — включился в тему Уваров, — мы вам в обмен на современное оружие сколько угодно автобусов и трамваев завезём. У нас заводы давно в четверть силы работают.

— Вполне, — кивнул Анатолий. — А представьте, как можно людей занять на прокладке новых трамвайных линий, вагоновожатыми, кондукторами. И никаких гастарбайтеров! У вас сколько километров путей сейчас? — спросил он Валерия.

— Откуда мне знать? Много. Наверное, раз в сто больше, чем здесь, — ответил Уваров, который за время поездки увидел всего одну движущуюся трамвайную сцепку. — По обоим кольцам, по всем радиусам и бог знает, сколько по хордам, в смысле переулкам...

— Не с той стороны рассуждаете, господа, — вмешался Волович, до сего момента удивительно молчаливый и задумчивый. Наверное, наскоро перепланировывал и конструировал в уме свою будущую биографию. — Если сейчас начать ещё и с автовладельцами бороться, ничего, кроме нового очага возмущения, не получите...

— Это ты не соображаешь, — резко возразил Генрих. — Сколько у нас в Москве автомобилей? Миллиона три, наверное. А жителей — почти пятнадцать. Значит, считая тех, кто выезжает только по выходным, весной на дачу, а осенью с дачи, восемьдесят процентов населения имеют большие претензии к пробкам, загазованности, парковкам на тротуарах, невозможность за двадцать минут на троллейбусе от Рижской до Манежа, как мы в детстве, доехать. Вдобавок — фактор классовой ненависти! Ты ж, Миша, хоть и оппозиционер непримиримый...

— Был, — значительно поднял палец Журналист.

— Это ещё доказать надо, что — был. Так вот, оппозиционер ты прозападный и буржуазный, певец гламура и ананасов в шампанском для своей тусовки, преимущественно. А простой народ — он с огромным, генетическим почтением к идее всяческого раскулачивания относится. Конфискуй сейчас все несправедливо нажитые «мерседесы», «порше» и «бентли», преврати их в такси, а прочим разреши ездить только по большим праздникам и, условно

говоря, — «по карточкам», не более ста километров в неделю, скажем...

— Плюс льготы для каких-то политически важных групп населения — и всё! Народная любовь Президенту на этом фланге обеспечена, — подвёл итог Журналист.

— Ну, господа, вы прямо какие-то сингапурские порядки ввести собираетесь, — сделал кислую мину, но на дальнейший спор не решился Волович.

— Весь юмор в том, Миша, что именно тебе и мне, вообще журналистам придётся все эти «сингапурские порядки» оправдывать и разъяснять широким массам в нашей самой свободной в мире прессе, — откровенно усмехнулся Анатолий, испытывая прямо-таки физическое удовольствие от мыслей о предстоящей «пламенному борцу с режимом» творческой судьбе.

— Кстати, смотри, Миша, а то мы как-то на совсем постороннюю тему заболтались — всю Москву, считай, объехали, окраины не в счёт, и — что? Тишь да гладь, по большому счёту. Постреливают, конечно, кое-где, не без этого, но ведь не сравнить с Грозным, например? Лично мне это напоминает как раз первый день ГКЧП...

— Он же и последний, — добавил Писатель. — Третьего октября девяносто третьего куда хреновее обстановка выглядела...

— Да, господа, прошу прощения, я ведь вам ещё не сказал, — вступил в разговор пока что с интересом прислушивавшийся к не совсем понятным разговорам Уваров, — полковник Тарханов распорядился, чтобы я вас не больше часа по городу катал. Вам ещё «Обращение к народу» написать надо и «Бюллетень номер один».

...На самом деле это была идея Берестина, которую он и изложил утром Президенту — послать «пишущих людей» лично изучить положение в Москве, после чего подготовить материал для выступления по радио и всем каналам телевидения. В одиннадцать часов утра, предположим, к этому времени всё уже определится.

— А вот господин Ляхов под псевдонимом Фёст пусть пока сделает справочку по сути коварных планов заговорщиков, — продолжил Алексей, — с фактами, цифрами, именами и фамилиями... и фотографии с мест событий непременно. Ваша дача, база «зубров» и тому подобное. Так, чтобы никто ничего опровергнуть не смог.

— Кому же теперь опровергать? На скамье подсудимых разве? — удивился Мятлев.

— Найдётся кому, — успокоил его присутствовавший здесь же Фёст. — Я имею весьма показательные факты участия в этом деле целого ряда ваших зарубежных друзей и коллег. Вот и вставляю в текст цитаты со ссылками на распоряжения, директивы, «закрытые» решения всяких там конгрессов, сенатов, парламентов, советов европ и прочих учреждений, которых наши внутренние дела интересуют куда больше собственных...

— Стоит ли так сразу? — осторожно спросил Президент. — Может быть, изложить всё крайне обтекаемо и посмотреть на реакцию...

— Простите, ваше высокопревосходительство, — с не совсем приятной улыбкой ответил Берестин. — Времена манной каши и чистого стола, надеюсь, прошли. Никаких компромиссов и двойных стандартов — «с одной стороны, с другой стороны»... Вы должны сказать всё сразу и максимально прямо. Так, чтобы весь мир услышал и задумался...

— Но ведь это — почти объявление войны, — кусая губы, тихо сказал Президент. В Кремле он чувствовал себя куда безопаснее, чем на даче, и верх снова начала брать оппортунистская составляющая его личности.

— Не знаю, Георгий Адрианович, — вздохнул Берестин. — Мне всю жизнь кажется, что назвать вора — вором, шулера — шулером, открыто и в лицо — единственно достойный приличного человека поступок. Там, откуда я к вам сейчас пришёл, так и делают, а потом смотрят — рискнёт ли данный субъект вызвать вас на дуэль или утрётся.

— А если рискнёт? — спросил с любопытством Мятлев. Берестин ему нравился.

— Вызванный выбирает оружие, — пожал плечами Алексей.

...Работа вчетвером над «Обращением» пошла быстро и весело. Самое главное, троим из «спичрайтеров» показалась очень привлекательной сама возможность говорить, что хочется и что думаешь, не на кухне и не на страницах оппозиционного листка, а от имени главы государства — на весь мир. Правда, резоны у всех троих были разные. Воловичу доставляло непривычное и как бы не совсем приличное (вроде как подглядывание в двенадцать лет за старшеклассницами в раздевалке спортзала) удовольствие то, что он сейчас писал вещи, ниспровергающие то, что он много лет демонстративно и за хорошую плату пропагандировал. И самое интересное — ему нравилось то, что у него выходило! Ведь наибольшее наслаждение доставляют занятия, способствующие выживанию и процветанию индивида, а через него и рода — пища, секс, уважение соплеменников...

То, что этот документ станет историческим, не хуже, чем речь Сталина по поводу начала Отечественной войны или доклад Хрущёва на XX съезде КПСС, не сомневался никто из пишущих и проговаривающих вслух самые изящные его обороты и периоды.

Шокировать население и дистанционно включать неработающие телевизоры Фёст не стал. И так несколько сделанных в лучших советских традициях предупреждений: «Внимание! В одиннадцать часов по московскому времени по первым трём каналам телевидения и радио «Маяк» будет передано важное сообщение!» заставили почти всё население России от Владивостока до Калининграда как следует напрячься. Последний час никто уже ничем не занимался, кроме как обменивался самыми невероятными и дикими гипотезами, от объявления войны Америке до официального подтверждения приближения к Земле астероида Апофис или как его там. Кое-кто из губернаторов и прочих высокопоставленных лиц за пределами Дальнего Подмосковья имели основания приблизительно догадываться, о чём может пойти речь, но, как правило, с обратным знаком, то есть — наоборот.

Слухи о том, что пора избавляться от «нынешнего Первого», ходили довольно давно, как и соответствующие настроения перед снятием Хрущёва в шестьдесят четвёртом. Но точной информации получить было почти невозможно (хотя кое-кто её всё-таки получил и сделал немалый гешефт), поэтому гадали, нервничали или веселились почти все.

Само выступление, предварённое исполненным на фанфарах кавалерийским сигналом «Слушайте все», явным и очевидным образом Президенту

удалось. Скорее всего, ему тоже надоело последние десять лет (ещё на дальних подступах к Кремлю) думать одно, говорить другое, а делать третье, и сейчас он испытывал своеобразный катарсис. Не Цицерон в Римском сенате, но около этого.

Ясно и доходчиво Георгий Адрианович перечислил имевшие место в течение последних суток и своевременно пресечённые эпизоды вооружённой попытки захвата государственной власти. Без обычной для эпохи его правления уклончивости и фигур умолчания пофамильно назвал более десятка хорошо известных стране лиц, непосредственно входивших в верхушку заговора. А также те структуры и ведомства, благодаря попустительству или преступной бездеятельности которых всё это безобразие стало возможно. Тут же и сообщил, что отныне такого не будет и все «слишком о себе возомнившие» ведомства отныне будут только более или менее крупными подразделениями единого МВД. Поскольку, кроме иностранных, у нас все дела — «внутренние». Не обошёл он вниманием роль целого ряда иностранных государств и международных организаций и сделал это с неприличной в дипломатии прямоотой. Значительную часть выступления посвятил собственным недостаткам, ошибкам и недоработкам, причём в таком объёме и с такой откровенностью, что оппозиции, если бы она вздумала это сделать, добавить было нечего.

Иные фразы чуть ли не напрямую были заимствованы из всем образованным людям известных источников: «За совершённые нами ошибки мы вполне достойны того, чтобы народ указал нам на дверь!», «Отныне каждая авария, каждое невыполнение заданий и поручений правительства, каждое нецелевое использование средств будут иметь

фамилию, имя и отчество!», и так далее в этом же духе.

Завершалась речь заверениями в том, что никакого «нового тридцать седьмого года» не будет, законность и правоприменительная практика поднимутся на недостижимую ранее высоту. Что будет обеспечено, в том числе, и самым широким участием граждан и их объединений в отправлении правосудия. И как бы между прочим было сказано, что по примеру некогда братской Польши¹ все в той или иной мере причастные к попытке мятежа лица будут подвергнуты вполне гуманному интернированию на сроки, необходимые для тщательной проверки имеющихся компрометирующих материалов.

— А очень неплохо получилось, — первым заявил Волович, когда передача закончилась. Ещё немного времени пройдёт, и он начнёт всюду распространяться, что именно ему, как талантливейшему журналисту и писателю нашего времени, тем более — уже пролившему кровь при обороне президентской резиденции, было доверено написание этой речи. Тут же Михаил подумал, что любым об-

¹ В 1982 г. по мере нарастания в Польше хаоса и анархии, вызванных противостоянием властей и «непримиримой оппозиции», оформленной как профсоюз «Солидарность», тогдашний Президент и Первый секретарь ЦК ПОРП генерал В. Ярузельский ввёл в стране военное положение и произвёл интернирование на срок от двух до четырёх месяцев наиболее активных борцов с государственной властью. Интернирование не являлось арестом или тюремным заключением, всего лишь временной изоляцией в специально отведённых местах, и не несло никаких последующих «поражений в правах». Многие считают, что эта мера позволила Ярузельскому избежать ввода в страну союзных войск по примеру Чехословакии или, хуже того, Венгрии.

разом надо выбить себе за эту «пролитую кровь» какую-нибудь специальную награду. «За отвагу» — как минимум!

— Да уж! — развёл руками Фёст, сразу просчитавший ход мыслей старого знакомого. — Ты себя нормально чувствуешь?

— А? В смысле?.. Ах да, вспомнил! Совершенно нормально. Живает, как на собаке...

— Вот интересно, — задумчиво сказал Писатель, — отчего у нас так: собака лучший друг человека, но и сравнение с этим милым животным — грубое оскорбление? Особенно если лицо противоположного пола назовёт собеседника или собеседницу по аналогичной им гендерной характеристике...

Волович дёрнулся, но сделал вид, что не понял намёка.

— Ну, раз здоровье в порядке, сейчас бери машину, охрану, собирай группу коллег и давайте срочно серию репортажей с улиц Москвы. Первый эфир часа через три, так? — повернулся Ляхов к Анатолию.

— Постараюсь обеспечить...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мировая пресса и «демократическая общественность», которая умеет очень избирательно относиться к происходящим в разных регионах планеты событиям, в этот раз странным образом зазевались, что ли.

Случился достаточно редкий в наше время сбой — люди, ответственные за получение, осмысление, передачу и правильное использование политически значимой информации, значительно отстали от естественного хода событий. Да что там

пресса и Интернет — смысл и даже внешний рисунок ситуации в России со свистом пролетел мимо тех, кто с юных лет в поте лица трудился на ниве «плаща и кинжала».

Президент и его «команда», которой ещё вчера не существовало в представлении самых изощрённых «русоведов» и «кремленологов», блестяще сыграли на опережение. Заговор был раскрыт, и при этом ни бита информации не просочилось наружу, молниеносно разгромлен, тоже в полной политической тишине, и, наконец, абсолютной неожиданностью стало выступление Президента, до боли откровенное, вроде знаменитого сталинского приказа № 227 «Ни шагу назад», и столь же бескомпромиссное.

Второй секретарь посольства США в Москве Лерой Лютенс, кроме своей непосредственной должности исполнявший обязанности спецпредставителя ЦРУ, не то чтобы ворвался, но вошёл в кабинет посла очень быстро, едва не сбив с ног пытавшуюся что-то возразить секретаршу. И дверь за ним закрылась так, будто он специально, почти демонстративно постарался преодолеть тормозящее усилие пневматического демпфера.

Посол Алисон Крейг, аристократического вида мужчина, был, как и Карлсон, живший на крыше, «в самом расцвете сил», что означало нечто среднее между пятьюдесятью и шестьюдесятью пятью, удивлённо вскинул голову. Он не любил, когда его отвлекали, да ещё так бесцеремонно. Посол играл в новомодную компьютерную игру и был целиком поглощён отбором на невольничьем рынке рабынь для султанского гарема. Если не угадаешь сегодняшних вкусов «повелителя» — сразу провалишься на несколько уровней вниз — из визирей в младшие евнухи.

— Что у вас, Лерой? Вы не забыли, как называется ваша нынешняя должность?

Мистер Крейг имел очень хорошие связи, и не только в Госдепе, навязанного ему сотрудника не стеснялся ставить на место при каждом удобном случае. Послу было совершенно наплевать, на каком тот счету у собственного руководства. Главное — он с первого взгляда не понравился лично ему, и точка. Да и кому может понравиться рыжий веснушчатый немец (пусть и натурализованный в третьем поколении), в двести пятьдесят фунтов весом и с манерами розничного торговца колбасами, какими были и дед его, и прадед. Генеральский чин отца и университетский диплом самого Лероя ничего не меняли. Посол свободно владел русским, знал литературу и поэзию «страны аккредитации», поэтому при виде разведчика каждый раз вспоминал бессмертные строки Державина: «Осёл останется ослом, хоть ты осыпь его звездами...»

— Не забыл, сэр. Но боюсь, что очень скоро это не будет иметь никакого значения ни для вас, ни для меня. Вы включали сегодня телевизор?

— А надо? — Посол с сожалением «сохранился» и вышел из игры.

— А вы попробуйте. Хоть первый канал, хоть другой. Везде одно и то же.

Крейг потянулся за пультом, а Лютенс подошёл к выходящему в небольшой внутренний дворик окну, приоткрыл створку и закурил, не спросив разрешения. Какая теперь, к чёрту, субординация? У него ещё раз смотреть то, что сейчас появится на экране, не было ни желания, ни необходимости. И так всё запомнил почти дословно. Русский язык Лерой знал наверняка лучше напыщенного бостонца, легко управлялся со всеми его современными нюансами и неологизмами и говорил без малейше-

го намёка на акцент. Не зря говорят, что из всех европейцев по-настоящему овладеть русским могут только немцы. И в дикторах центрального ТВ Лютенс был бы на месте, и где-нибудь на лесоповале. А то, что безбожно коверкал язык «на людях», так не зря в его родном Техасе говорят: «Умеешь считать до десяти — остановись на семи».

Пока посол смотрел и слушал непрерывно повторяемое на всех каналах «Обращение» российского Президента, сопровождаемое теперь ещё и хроникальными съёмками на улицах Москвы, Лютенс докурил одну сигарету и тут же сунул в рот следующую. Карьера, будем считать, кончена. Нормальная, плавно восходящая, без сверхусилий и нервотрёпки карьера. Чем придётся заниматься теперь — не скажет и китайский гадалщик по рисункам на панцире черепахи. Скучно не будет, здесь можно поручиться, но *в трангу*, как говорят эти проклятые русские, такое веселье!

— Если я правильно понял, вы проиграли по крупному, — выключив полутораметровый плазменный экран и откинувшись в кресле, почти без интонаций сказал посол.

— Не я — мы! Мы все проиграли! И Америка, и весь «свободный мир»! И вы не представляете, насколько крупно на самом деле!

— Ну отчего же? Воображением меня Бог не обделил. Да вы присаживайтесь, Лерой. Кофе, чай?

— А водка у вас есть?

— Водка? Ах да. Всё правильно, мы же пока в России. Здесь по такому поводу — только водка...

Посол достал из симметрично сейфу встроенного в шкаф-купе холодильника бутылку обычной кристалловской за триста рублей (нё к чему шиковать без реального смысла).

— Вам гранёный стакан или всё же рюмки?

— Гранёного у вас всё равно нет...

— Отчего же? — С видом фокусника посол извлёк вслед за бутылкой два самых натуральных, нигде в мире больше не встречающихся стакана. — Форма должна соответствовать содержанию, здесь с диалектическим материализмом не поспоришь. По сто? Увы, огурца или сала с чёрным хлебом нет. Вы явились слишком внезапно. Вот крекеры, плавленый сыр...

Лютенс махнул рукой. Мол, не имеет никакого значения.

Дипломаты выпили.

— А теперь скажите, Лерой, что, собственно, произошло? Меня, как посла, ваши игры формально не касаются, внутренние коллизии в стране пребывания — тоже. Я, разумеется, должен их отслеживать, выявлять тенденции... Как гражданин и патриот США, я, не извольте сомневаться, озабочен: происшедшее никаким образом не улучшает нашего международного геостратегического положения. Америка может жить спокойно только в случае, если она сильнее трёх следующих за ней держав в любой их коалиции. Так вы считаете, что вследствие случившегося Россия получит... Что? Силы и право оспаривать наше место и нашу роль в мире? Очень в этом сомневаюсь. Или вас волнует проигрыш всего лишь очередного, вашего личного гейма?

Вопреки обычаям своего круга, Крейг почти вызывающе предпочитал теннис гольфу.

— Придётся вам кое-что объяснить, Алисон...

Окончательно отринув субординацию, разведчик стал обращаться к послу по имени. Звучало это почти так же, как если бы здесь, в России, майор самовольно перешёл на «ты» с генералом.

— Я знаю, что вы полностью в курсе готовившейся при нашем самом активном участии смены правящего режима в этой стране. Вы работали по своим каналам, я по своим. Вам выделялись средства по линии Госдепартамента на «продвижение демократии» в России. Вы их успешно *осваивали*, как здесь говорят. Вы регулярно встречались с представителями «несистемной оппозиции», платили наличными, когда считали это нужным, делали соответствующие представления российскому МИДу по всем значимым фактам нарушений «прав человека», вообще действий, идущих вразрез с нашими желаниями и предпочтениями... «Жизненными интересами США».

— Допустим, и что из того?

— Вы при этом категорически не хотели сотрудничать со мной и с моим предшественником, заявляя, что не во всём разделяете наши методы и подходы...

— Я их и сейчас не разделяю. И в какой-то мере даже рад столь наглядному подтверждению моей правоты. Думаете, я не знаю, какие доносы вы слали за моей спиной в Госдеп и своему директору? Что, почти не стесняясь, говорили тем, кого считали своими единомышленниками. Поэтому на сочувствие не рассчитывайте, Лерой.

Я, видите ли, на самом деле признаю принцип невмешательства, по крайней мере — если *вмешательство* осуществляется в грубой форме. Я помню о том, что Россия, нравится нам это или нет, принадлежит к *нашей команде*, к иудеохристианской цивилизации, если угодно. И, за исключением периода «холодной войны» (в которой мы тоже старались *играть корректно*), эта страна всегда была нашим союзником. Лично я никогда не имел ничего против, если бы она после крушения коммунизма

полностью вошла в число наших ближайших друзей. Я все двадцать лет отстаивал свою позицию — организовать для России новый «план Маршалла», помочь ей «подняться с колен», как здесь любят говорить, с учётом наших интересов, конечно, и руководить миром совместно с ней. Не особенно считаясь, кто старший партнёр, кто младший.

Неужели вы не знаете, что есть вещи, которые чертовски здорово получаются у русских и которых совершенно не умеем делать мы? Вот я бы и хотел, чтобы мы дружили с Россией, отнюдь не делая ставку на никчёмные, подчас весьма сомнительные «новые демократии» на постсоветском пространстве и во всём остальном мире. Вы ведь разведчик, вы должны бы знать, что Россия, как бы нелепо это ни выглядело со стороны, скрупулёзно, моментами почти мазохистски исполняет свои обязательства и до сих пор руководствуется почти бессмысленным для нас правилом: «Сам погибай, а товарища выручай». Представьте, сколь выгодно иметь такого союзника...

Поэтому я никак не мог сочувствовать идее организации в России новой революции. Не знаю, как вы, а я хорошо знаю историю двадцатого века. Подобные действия ничего, кроме десятка локальных войн и Второй мировой, не принесли в прошлом, и не думаю, что принесут что-то хорошее в будущем...

— Вы, случайно, не на содержании у вон того парня? — Лютенс указал пальцем на экран выключенного телевизора. — Ему бы понравились ваши слова...

— Не сомневаюсь. А вы всё-таки скверно знаете историю. Не понимаю, как можно, свободно владея языком и кое-что, наверное, на нём читая, кроме сегодняшних газет, настолько не понимать феномена, с которым имеете дело.

— Это опять о России?

— Не только. Единственный великий наш президент, ФДР¹, придерживался аналогичных с моими взглядов. Он тоже считал, что для Америки союз с Россией гораздо важнее, чем даже с Великобританией, и делал всё, чтобы послевоенный мир был русско-американским, и всячески «nagibal» Черчилля, очень многое решая «bash па bash» со Сталиным. Нынче его взгляды непопулярны, что крайне печально. Я поддерживал в пределах служебной дисциплины и корпоративной этики теперешний курс своего правительства, но я всегда был против вооружённого свержения действующей здесь власти, что неминуемо означало неизбежность гражданской войны. Здесь не Киргизия и не Грузия. У нас достаточно проблем с куда более одиозными режимами. Как вы думаете, почему мы (и вы, и вы, Лерой) не боремся с нарушениями прав человека в Китае, не требуем введения светского режима и полной толерантности в Саудовской Аравии, денацификации Прибалтики, почему нам наплевать на десятки настоящих геноцидов в Африке, зачем мы платим сотни миллиардов одновременно Израилю и арабам? А если бы мы тратили деньги только на поддержку каких-то русских проектов, наплевав на всех остальных? Клянусь вам, Лерой, мы имели бы гешефт в тысячу процентов...

Увидев, что собеседник несколько растерялся, Крейг довольно рассмеялся.

— Паранойя, обыкновенная паранойя, Лерой, доставшаяся нам по наследству от Черчилля и Трумэна. Мы бьёмся в истерике, предварительно вну-

¹ ФДР — принятое в США именование Франклина Делано Рузвельта, 32-го президента (1933—1945 гг.), вопреки столь почитаемой американцами Конституции, избиравшегося на свой пост четыре (!) раза подряд.

шив себе, что Россия только и мечтает о мировом господстве, не понимая, что хочет она только одного — чтобы её оставили в покое. Желательно — навсегда. Очень серьёзное заболевание, как видите. С регулярными осложнениями, нервными припадками и нарастающей деменцией...¹

— Послушайте, вы сейчас рассуждаете, как самый отпетый русский националист. Вам «otkazali bi ot doma»² в любой приличной московской «tusovke», которые вы так любите посещать, — не то съязвил, не то искренне *раскрылся* Лютенс.

— Вот эту тему мы обсуждать не будем. Я и так не знаю, отчего вдруг заговорил с вами, будто с членом своего клуба. Оставили и забыли! Пока вас не отозвали в Лэнгли и вы остаётесь моим подчинённым, извольте понятно изложить, что вас на самом деле беспокоит? Где вы «promasali»? Русский Президент явно «на коне» и ведёт себя как римский триумфатор, но почему? Он ведь всегда был крайне осторожным, моментами просто «miagkotelim» господином. А сейчас он говорит почти как Хрущёв в ООН перед Карибским кризисом. Что упустили мы, где «proleteli» вы и ваши друзья?

Лютенс, явно нервничая, попросил налить «esche sto gramm», опять закурил.

— Я сам почти ничего не понимаю. Ту часть плана, которую вы знаете, опускаем. Все те интеллигентские игры с «правозащитниками», оппозицией, дискуссии уровня ПАСЕ, ОБСЕ и т.д. — только прикрытие. Никаких «майданов» никто организовывать не собирался. Историю не вы один знаете.

¹ Деменция — приобретённое слабоумие, в противоположность врождённому — олигофрении.

² В данном случае всё, написанное латинским шрифтом, означает сказанное по-русски.

В России такие вещи не проходят. Здесь, если хочешь результата, нужно действовать очень быстро и крайне решительно. «Острую фазу» операции должен был обеспечить я. Вы в любом случае оставались в белых одеждах и могли без насилия над собой утверждать хоть с трибуны Совбеза ООН, что американское правительство и посольство не имеют к самопроизвольным эксцессам никакого отношения. Даже детектор лжи это подтвердил бы...

Крейг слушал, кивал, мелкими глотками смакуя водку, будто лучшее ирландское виски.

— Два дня назад я имел встречу с настоящими инициаторами, спонсорами и топ-менеджерами проекта. Всё было стопроцентно «na mazi». Изъятие и изоляция Президента не составляли никаких проблем. Вооружённых сил у нас хватало, а у Президента — никого!

После этого события, абсолютно секретного, естественно, на следующий день должны были начаться стихийные демонстрации и митинги в поддержку отстранения нынешней власти и с ярко выраженными требованиями к новой. Выступления интеллигенции, студенчества, «креативного класса менеджеров», несколько позже и рабочих московских государственных и частных предприятий. Мы намеревались вывести на улицы действительно миллионы, как это было в конце горбачёвской эпохи. У всех самые обычные в любом демократическом обществе требования, согласно стратам митингующих: «Автономия университетов!», «Справедливая оплата труда!», «Нет реформе ЖКХ!», «Немедленный пересмотр итогов приватизации!», «Коррупционеров — к стенке!». Конечно — «За немедленные честные перевыборы!», «Свободу политзаключённым!», «Долой гомофобию и антисемитизм!»...

— Вот это хорошо придумано, — засмеялся посол. — В одном флаконе. Особенно если поддерживать цитатой из Ветхого Завета про иудеев, Содом и Гоморру...

Лютенс предпочёл не отреагировать. Или — не понял юмора.

— Вся митинговая активность, сопровождаемая хорошо организованными нападениями на милицию и ОМОН в самых людных местах, непременно привела бы к массовым беспорядкам в центре Москвы. Специально подготовленные сотрудники тюремного ведомства и милиции должны были открыть ворота всех московских СИЗО и ИВС. Вы представляете, что это значит? Вдобавок — несколько десятков снайперов на крышах и полсотни метателей не петард, а гранат «Ф-1» в непосредственной близости от Кремля довели бы ситуацию до требуемого накала... Вы хотите что-то спросить?

Лютенс прервался, увидев непроизвольное движение посла и его дёрнувшиеся губы.

— Нет, продолжайте. Что вы человек, лишённый человеческих качеств и даже намёков на совесть, я понял при первой же встрече. Сейчас вы это подтвердили. Продолжайте...

— Алисон, вы не боитесь, что я найду способ в дальнейшем сделать вашу жизнь достаточно неприятной?

— Ни в коем случае, мой милый Лерой. Вся проблема в том, что сейчас речь не идёт о степени приятности или неприятности *моей* жизни. Она идёт о практической возможности *продолжения* вашей.

— То есть как?

— Неужели вы не обратили внимания на заключительные фразы русского Президента? Неужели вас так увлекла предшествующая словесная шелуха? А ведь там было сказано довольно простыми рус-

скими словами — настолько-то вы язык понимаете: «С этого момента Россия считает себя связанной только теми обязательствами, которые неукоснительно и *ре льно* исполняются всеми остальными законно представленными в ООН членами мирового сообщества. Любое действие или бездействие, совершённое любым государством и немедленно не осуждённое (тем более — одобренное) Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей, мы считаем априори приемлемым. При этом мы идём навстречу наиболее влиятельным державам Атлантической цивилизации и, применительно к международным вопросам, вводим у себя *для внешней политики* понятие приоритета прецедентного права над кодифицированным». Вам понятно, что это означает, мой дорогой друг?

— ?

— Всего лишь то, что если хоть раз американский или вообще евроатлантический судебный, законодательный, исполнительный орган допускал привлечение к ответственности каких-либо лиц, *обладающих иммунитетом*, за совершённые на его территории уголовные или политические преступления, враждебные действия или умысел, или приготовления к таковым, или подстрекательство, или пособничество и укрывательство... А хотя бы один такой прецедент я вам приведу. Тогда мы официально заявили, что интересы и принципы США выше «дипломатических предрассудков»...¹

¹ Имеется в виду случай, когда правительство США в начале девяностых годов добилось от только что ставшей независимой Грузии согласия на арест и суд с последующим тюремным заключением секретаря её посольства, совершившего в нетрезвом виде ДТП со смертельным исходом. Мотивация — «на человека, совершившего преступление против гражданина США, понятие экстерриториальности не распространяется».

— Я понял, сэр. Вы меня сдадите русским.

— Не то чтобы сдам своими руками. Я не стану *слишком громко протестовать*, когда вас арестуют. И не только вас, мой друг Лерой. Объясню, *где надо*, что вы и ещё несколько *огузных* фигур — не повод для срыва «Большой игры». Вам знаком этот термин? Причём прошу учесть, что в «Обращении» упоминается возможность применения в *особый период* «законов военного времени». То есть на основании того же тезиса русские могут вновь ввести у себя смертную казнь. У нас и в Китае она ведь существует и активно применяется.

Но, повторяю, подобная неприятность может случиться, если вы станете вести себя *неправильно*. Я достаточно ясно выразился? Поэтому налейте себе ещё этой «аквавиты» и начинайте говорить со мной, как с неприятным, но богатым дядюшкой, от которого вы можете кое-что унаследовать, а можете и «*ostatsia s nosom*»...

— Видите ли, сэр, в этом деле очень много непонятного. Не буду скрывать — я в какой-то мере способствовал тому, чтобы ряд лиц, особенно недовольных политикой Президента, приняли радикальное решение. Но именно способствовал — эта готовность у них существовала изначально. Я обещал им поддержку, и не только финансовую...

— Неужели прямую военную интервенцию?

— Я имел такие инструкции. Если бы события начали развиваться в неблагоприятном направлении, не исключался ввод миротворческих контингентов. Для охраны нашего посольства, сэр, атомных электростанций, газа и нефтепроводов...

— Очень, очень смело. Видимо, у вас в Лэнгли

никто не вспомнил, что в двадцатом веке мы уже вводили «миротворческие силы» в Россию...¹

— Тут совсем другой случай, сэр. Сейчас в России нет условий для организации дееспособного сопротивления. Возьмём бывшую Югославию или Грузию... Население должно было согласиться с решениями нового правительства и международной помощью.

— А также возьмите Ирак и Афганистан. Кое в чём у России с ними больше общего, чем даже с православными Сербией и Грузией...

— В чём же, сэр?

— Хотя бы в том, что три названные страны никогда не были *полностью* оккупированы и не жили сотни лет в качестве чужой колонии. Если вам не трудно, Лерой, выгляните в окно...

Разведчик, недоумённо пожав плечами, выполнил просьбу посла.

— Ну и как? Вы видите толпы русских, радостно приветствующих «новое правительство» и «миротворческие силы»?

— Но простите, сэр, это окно выходит во двор... Ах да! Я понял вашу аллерию. И тем не менее. Наш план не допускал поражения. Всё было просчитано. Высшие офицеры госбезопасности, батальон готовых на всё солдат русского спецназа — и Президент на своей даче, окружённый группкой

¹ В 1918—1920 гг. САСШ, наряду с другими членами Антанты, высадили свои войска численностью до 20 тыс. человек на Севере (Мурманск) и Дальнем Востоке (Владивосток, Иман). Истинной целью интервенции было недопущение восстановления «Единой и неделимой России» Белыми армиями, совместное с «союзниками» раздробление страны на множество экономически и политически несамостоятельных псевдогосударств и делёжка их ресурсов.

почти безоружной охраны. Через час-другой он уже делал бы «Заявление». Совсем другое заявление. Или — случайно застрелился бы из собственного ружья, готовясь к охоте...

— В России сезон охоты ещё не открыт, — сухо заметил посол.

— Да господи! Это такая мелочь! Кто в этой стране соблюдает хоть какие-то законы?

— Очевидно, именно поэтому вы совершили ту же ошибку, что Наполеон, Гитлер и так далее. Вы решили, что противник станет играть по вашему сценарию и произносить реплики в предписанном порядке. Так где ваш спецназ и застрелившийся Президент?

— Об этом я и хотел сказать, сэр. Произошло что-то глубоко неправильное. И дело совсем не в моей самонадеянности или наполеоновских ошибках. Машина завертелась вопреки законам механики и физики...

Посол это понял с самого начала. Несмотря на свою якобы пророссийскую риторику, он делал всё, что было в его силах, чтобы переворот удался. Руки не пачкал прямыми контактами с будущими Пиночетами, но его вклад в подготовку акции, обещавшей стать крупнейшим успехом США в XXI веке, был не меньшим, чем у Лютенса. Пожалуй, гораздо большим. А его теперешняя поза была всего лишь репетицией-экспромтом. Крейг чувствовал, что предназначенная для цэрэушника позиция пригодится и в контактах со старой/новой российской властью, и для отчёта перед своим президентом и Конгрессом. Поэтому весь разговор записывался на видео. Кроме Лютенса, у посла имелась и собственная служба безопасности.

При этом так же, как разведчик, Крейг недоумевал, вводя фактор «загадочной русской души» уже задним числом.

Это, кстати, один из плохо воспринимаемых даже достаточно умными людьми закон психологии (в ней тоже есть законы, не менее точные, чем в физике. Только не все об этом догадываются): «Почти невозможно учитывать в своей практической деятельности свойства (убеждения, способности) объекта, которыми ты сам не располагаешь или их не разделяешь».

Как случилось, что своевременно даже до Лютенса (и ни до одного разведпредставительства *групп жественных держав*) не дошла информация о принятой попытке (а главное — о результате этой попытки) ареста Президента на его даче. И о нескольких достаточно масштабных боестолкновениях в течение минувшей ночи. Это особенно интересно в свете того, что в принципе вся схема заговора с последующим переворотом, технология его подготовки, достоверные данные о численном и персональном составе антипрезидентских сил были известны всем, кому положено. И существовала чёткая, выверенная схема непрерывного *перекрёстного информирования* в режиме реального времени.

Были выплачены сотни миллионов долларов и евро в виде перечислений на личные счета ключевых фигур и выдачи огромных по российским меркам наличных сумм на оперативные и непредвиденные расходы, уже сделанные и ещё только предстоящие. Кураторы «мероприятия» на этот раз решили не жадничать, всё равно ведь любые вложения многократно окупятся уже в ближайший год, а благодаря своевременным поправкам к законодательству США появилась возможность

целевым назначением отпечатать «дополнительный тираж» зелёного всеобщего эквивалента, превышающий бюджет не самого маленького европейского государства. Отдельный вопрос — какой процент от этих «с неба упавших» миллиардов дошёл по назначению, а какой был использован «более рационально», с точки зрения распорядителей и получателей этого кредита? Казённые средства в любой стране мира, даже такой «просвещённой», как США, пилят с не меньшим азартом, чем в Зимбабве. И попадают не слишком часто, рука руку в силу обычной анатомии моет.

Масса специалистов с богатым опытом организации мятежей, революций и «конституционных» смен власти в десятках стран мира с самыми разными историями, культурами и формами правления сделали всё, что умели, и в своих отчётах и докладных гарантировали безусловный успех самого масштабного за последние десятилетия проекта.

Возможно, и сам Лютенс был в курсе лишь небольшой части проделанной работы. Тут (и отнюдь не только в Москве) потрудились очень и очень многие, зачастую не пересекающиеся организации и ведомства десятка с лишним государств.

И вдруг такой катастрофический облом!

— Вы только представьте, сэр, — Лютенс настолько резко сменил алгоритм общения с посланцем, что это выглядело даже несколько смешно. Крейг подумал, что вот на глазах разоблачён ещё один миф о рабской сущности русских и непередаваемо высоком уровне свободолюбия и самоуважения у американцев. Может быть, так оно и есть на уровне общения фермера из Айовы или техасского рейнджера с губернатором штата. Но степень низ-

★ копоклонства офисного клерка перед начальником отдела или такого вот Лютенса перед ним, послом, намного превосходит то, что приходилось наблюдать в среде русских чиновников. Те, по крайней мере, способны вдруг «vzbriknut» так, что мало не покажется, «poslat vse i vseh», не думая о последствиях. А Лютенс сломался сразу, как и любой бы карьерный дипломат на его месте. Прошло время отважных и отчаянных «героев пустынных горизонтов».

— У меня сложилось такое впечатление, будто этих людей мгновенно подменили на кукол-марионеток. Они перестали думать даже о самосохранении. Упали там, где стояли, не желая делать хоть что-то. Информаторы перестали информировать, солдаты и «чекисты» — стрелять и арестовывать, отчаянные «уличные бойцы» раздумали лезть на баррикады, правозащитники «возвышать голос» именно тогда, когда успех от краха и смерти отделяют минуты и дюймы...

— И когда, по вашему мнению, это случилось? — кривая усмешка испортила дотоле благородный лик посла.

— Да вот как раз около вчерашнего полудня. Произошёл довольно странный инцидент. Один из личных друзей Президента, его консультант по средствам массовой информации и связям с общественностью, назначил встречу какой-то непонятной женщине. По некоторым сведениям — представительнице чуть ли не анархистского подполья, связанного со своими западными единомышленниками. Подполья, откровенно враждебного и правым, и левым, сотрудничающим с нами.

К нынешнему Президенту и действующей системе власти они тоже относятся крайне негативно. Поэтому непонятно — о чём бы им говорить

с таким «спецпредставителем». Этот контакт был отслежен участвующими в «проекте» сотрудниками МГБ. При попытке задержать эту парочку произошёл «огневой контакт». Женщина и помощник Президента, очевидно, с помощью единомышленников, дали отпор нескольким «чекистам», подкреплённым взводом ОМОНа, и скрылись. Вот с этого момента начали сыпаться все последующие акции. У меня нет точных данных, как именно всё происходило, но Президента захватить не удалось, спецбатальон «Зубр» не выполнил ни одной возложенной на него задачи, многие «лидеры уличного протеста», получив гигантские по здешним меркам деньги, не вывели на улицы не то что сотни тысяч, просто сотни человек...

— А ведь за эти суммы тоже придётся отчитываться, — вздохнул посол. — В случае победы о них никто бы и не вспомнил, а так...

Лютенс вздохнул гораздо громче и выразительнее. У него ведь не было на руках даже расписок.

— Что ж, Лерой, у вас есть ещё возможность без фатальных имиджевых потерь выбраться из той задницы, где вы оказались. Мне почти очевидно — вмешалась никак не учтённая «третья сила». Вопрос — что это за сила. Анархисты или нечто совсем другое. Исходите из отмеченного мною факта — со вчерашнего дня Президент начал вести себя как совершенно другой человек...

Крейг внезапно замолчал, и лицо его странно изменилось.

— Как другой человек... А, может быть, это теперь действительно *другой человек*? Мне говорили, но я не верил, что в Москве действует какой-то институт «Паранормальных явлений». Ясновидение, телекинез, левитация... Бред, сами понимаете. А если — не бред?

— Таким вот образом, Георгий Адрианович, — Берестин сидел в кресле напротив журнального столика, по другую сторону сам Президент и Мятлев, — свою задачу я считаю выполненной. При поддержке частей полковника Тарханова, — он слегка поклонился в сторону расположившегося рядом Сергея, — Москва взята под полный контроль. Среди войск московского гарнизона и органов внутренних дел отмечены лишь единичные случаи открытого неповиновения. Общие потери с нашей стороны, считая с момента ввода «ограниченного контингента» (Берестин произнёс этот термин с особой интонацией, Тарханову непонятной), — сорок семь человек убитыми, сто семьдесят с чем-то раненых разной степени тяжести. Данные уточняются. Со стороны противника — триста пятнадцать убитых военнослужащих, то есть — подобранных трупов, около семисот раненых, три с половиной тысячи пленных. Случайные потери среди мирного населения пока не подсчитывались. Массовых протестных выступлений не отмечено. Стихийным сборищам граждан для обсуждения вашего «Обращения» мы не препятствуем. Вверенные мне временные формирования и части союзников переходят к несению гарнизонной службы. Я готов передать общее руководство дальнейшими операциями генералу Мятлеву, как специалисту именно в этой области.

— Мы бы попросили вас не слагать с себя слишком поспешно функций, которые вы так успешно выполняете, — сказал Президент. — Хотя бы ещё несколько суток. У нас сейчас в некотором роде управленческий хаос. Как мне стало известно, вам приходилось совмещать и военные, и административные обязанности в гораздо более сложных обстоятельствах...

«Да уж, — подумал Алексей, — подготовить за месяц страну и армию к Отечественной войне или выиграть Гражданскую и с нуля создавать Югослосию посложнее было».

— Я не возражаю. Но при соблюдении ряда условий. Вы уж простите, они могут вам показаться несколько... обременительными. Но тут просто по-другому не получится...

— Я слушаю.

— Нам придётся немедленно, прямо вот сейчас, создать нечто аналогичное Ставке Верховного главнокомандования, как в сорок первом. В неё войдёте вы как Председатель, я и Леонид Ефимович, — он указал на Мятлева, — заместители. Членами Ставки назначаются господин Тарханов, оба полковника Ляхова, моя жена...

Президент приподнял бровь.

— Не как жена, конечно, как вполне самостоятельная фигура. У неё и собственная фамилия есть — Спенсер, Сильвия Спенсер. В некотором смысле — британская герцогиня на русской службе. Профессиональный дипломат. Посильнее Кондолизы Райс и Хилари Клинтон, вместе взятых. Им с нею будет интересно разговаривать. Тем более — на родном языке.

— Вот удивительно. Я и не знал таких подробностей. Конечно, пусть будет по-вашему, если это необходимо.

— Благодарю за понимание. Ещё нескольких членов мы введём «по ходу». Рабочий аппарат уже имеется, все службы обеспечения — тоже. Потребуется отдельное здание, для удобства — здесь же, на территории Кремля.

— Этаж в Арсенальном корпусе нас устроит? — спросил Мятлев.

— Вполне, — Берестин вспомнил вдруг, как он приезжал с фронта сюда, в Кремль, к Новикову/Сталину. И вот теперь снова. Сколько же это лет прошло? По биологическим часам — где-то около восьми всего лишь, по психологическим — почти вечность, по календарю — минус семьдесят. Забавно, одним словом.

— Распорядитесь. Само собой, работать мы пока будем в «закрытом режиме». Юридически, и от прессы в особенности. Дума там пусть заседает хоть круглосуточно, парламентское расследование проводит, дискуссии всякие — не препятствовать. С правительством поручите администрации разобратся, всё равно это дело временное. Сейчас нам нужно решить вопрос с министрами обороны, внутренних дел, госбезопасности, чрезвычайных ситуаций, транспорта, финансов. Пока достаточно. Распорядитесь, часа через два чтоб явились. Они или исполняющие обязанности. Там я поставлю задачу. Тем, кого Леонид Ефимович не сочтёт нужным, немедленно изолировать. В ближайшие двое суток нужно будет обеспечить переброску в Московскую область и окрестности минимум трёх дивизий, причём не нашего штата, *тамошнего*, по пятнадцать тысяч штыков. Чёрт, как неудобно, — поморщился Берестин. — Надо придумать, как другую Россию называть...

— Ну давайте попросту — это Россия, та — Империя, — предложил Мятлев.

— Ладно, хотя бы так. Конфуций говорил, правильное именование — это самое главное. Значит, договорились: первое заседание Ставки в пятнадцать ноль-ноль. И ещё, это, наверное, к вам, Леонид Ефимович. Прикрепите ко мне, то есть к нам, — он опять движением головы указал на Тарханова, — человек пять именно что флигель-адъютан-

тов. Людей, способных немедленно и без лишних *согласований*, — он произнёс это слово с явным пренебрежением, — решать все возникающие текущие вопросы, передавать наши указания исполнителям, принимать на себя положенную долю ответственности. Ну, вы понимаете. Не могу же я по каждому вопросу вас разыскивать или лично среди клерков порядок наводить...

— Хорошо, Алексей Михайлович, к началу заседания такие люди будут.

— Тогда сейчас мы вас покинем, съездим к себе, в четырнадцать тридцать вернёмся.

В приёмной Берестина с Тархановым ждали Вирен и Варламова — и охранницы, и адъютантши. Там же и Герта с ними, но уже как бы и «отдельная». Ей при Мятлеве неотлучно теперь поручено находиться и команды только от Фёста получать.

— Вперёд, барышни, на Столешников едем, — бодро сообщил Берестин вскочившим и вытянувшимся при их появлении девушкам. — Фёста с Секондом вызовите, пусть туда же подтягиваются. Уварову собрать до кучи всю «девичью роту» и перебазироваться сюда, в Кремль. В Арсенале его будут ждать и разместят. Пусть приводит подразделение в порядок и отдыхают до пятнадцати. Девушкам переодеться в парадно-выходную. Но при оружии. Воевать сегодня едва ли придётся, а вот имидж! Чтоб Президентский полк плакал от зависти, на них глядя! Не возражаете, Сергей Васильевич? — спросил Алексей Тарханова. — А то раскомандовался я вашими людьми.

— Никак нет, господин генерал-лейтенант, здесь я только «оперативно приданный», а вы — главноначальствующий.

— Не нужно скромничать. Вы — начальник своего Управления и член Ставки. Вроде как в Риме военный трибун¹. Просто в *России* я пока лучше вашего ориентируюсь...

— Ну и как тебе? — спросил Президент Мятлева, когда имперский полковник и непонятной принадлежности генерал вышли из кабинета.

— Энергичный мужчина. Если бы у нас процентов двадцать хотя бы так чётко мыслили и действовали. Сталинский стиль. Или грудь в крестах, или голова в кустах. У исполнителей...

— Слава богу, что он согласился взять на себя непосильные, как выяснилось, для нас проблемы. Но тут же и вопрос — не подомнёт он нас окончательно, ещё и с тремя дивизиями (это пять-шесть по-нашему) под рукой?

— Опять ты за старое, — укоризненно, как ребёнку, со вздохом ответил Мятлев. — Всё время представляй, что нас с тобой ещё вчера после обеда могли прикопать в лесочке, там бы и остались, даже без пирамидки со звёздочкой. Легальных путей перехвата у тебя *формальной власти* милейший Алексей Михайлович не имеет, а что касается нелегальных... Давай не забивать себе голову ерундой, а начинать работать в предложенном режиме и темпе. Я, значит, силовым блоком займусь. На МВД ты меня подтверждаешь?

— Договорились же...

¹ Трибуны военные — высшие командные должности в др. рим. армии. Одно время существовали также «Т.в. с полномочиями консулов (т.е. получавшие на 1 год права, примерно соответствующие правам российских «наместников царя», совмещая высшую административную и военную власть на какой-то территории)».

— Договорились... Тогда МВД я тоже себе забираю, МЧС не трогаем, кандидатуру министра обороны я ещё *провентилирую*. Ты садись за телефон, устрой губернаторам видеоконференцию. И пожестче, в стиле *товарища Берестина*. Доведи до сведения наших *региональных баронов*, что теперь они, как в Империи, — по МВД числиться будут, со всеми вытекающими последствиями. То есть их личные дела в моём *секторе по учёту кадров* храниться будут. Чтоб своё место знали. Ну, хоп, разбежались.

В отличном настроении, даже насвистывая, Мятлев появился в приёмной, где теперь оставалась только баронесса, отпустившая штатную секретаршу чаю в буфете попить.

— Что-то весёлый ты, Лёня, — отметила Герта. — Тарханов с генералом куда озабоченнее выглядели. Я думала, наоборот быть должно...

— Ничего ты не понимаешь, — генерал флигельным жестом попытался обнять валькирию за талию. Та отстранилась матадорской «полувероникой» и ткнула его в бок стволом автомата.

— Холоднокровнее, Лёня, вы на работе. На вопрос ответь.

— Чего ж тут странного. Мужики подрядились выполнить тяжёлую и непростую работу, вот и сосредоточились. А я, наоборот, ощутил, как камень с сердца и с плеч свалился, потому как есть на кого и на что надеяться. И ты рядышком...

— Ты, господин генерал, странный всё-таки. Здесь у тебя жена всё же, дети, а ты... Неужели и домой не зайдёшь? Объяснишься как-то...

— А вот это пусть тебя совсем не беспокоит. Мои дела, мне и решать. Дети, считай, взрослые,

я их обижать и обделять не собираюсь. С женой у меня уже лет десять договорённость — я её *амуров* не касаюсь, она моих. А живём в одной квартире, да и то не слишком часто, обычно она в городе — я на даче, или наоборот, просто в рассуждении приличий. Нельзя было в наше время генералам Центрального аппарата разводиться, да и незачем. А сейчас я в длительной командировке. И всё на этом...

— Как знаешь, друг мой, как знаешь. Распоряжения по службе будут?

— Распоряжение одно — я занимаюсь делами, ты при мне неотлучно.

— Так точно. Насчёт личной жизни, прошу иметь в виду — забыли. Как ничего и не было. Впредь до...

— До чего?

— Пока коммунизм не одержит победу во всемирном масштабе. Если проще — пока я не сочту этот вариант приемлемым. Или ты как-то определишься.

— Да что за ерунда. Мне что, всё-таки развестись? Штамп в паспорте показать? Я готов. Даже в церкви венчаться готов. Чего тебе ещё нужно?

— Не знаю, милый. Когда соображу — тебе первому скажу. Так куда едем?

— Никуда не едем. Идём пешком в мои новые служебные апартаменты. Я теперь трижды министр и ещё зам. председателя Ставки Верховного главнокомандования.

— Здорово! А комната отдыха там есть?

— У меня теперь есть сразу четыре служебные дачи. Тебе хватит?

— Мне и одной много, если ты имеешь в виду то, о чём я уже сказала. Идите вперёд, охраняемое лицо, и не оглядывайтесь.

Сквозь квартиру, как по подземному переходу, на другую сторону улицы Берестин с Тархановым, Фёст, Секонд и неотступно следующие за ними Мария с Ингой перешли в Империю.

Фёст, конечно же, прибыв по вызову первым, сидел в комнате Людмилы. Девушка уже почти совершенно поправилась, жёлтый сектор на экране гомеостата сократился до каких-то пятнадцати-двадцати процентов. У любой «нормальной» местной девушки этот прибор нашёл бы в организме больше нарушений и повреждений, чем у Вяземской. И живут же, не обращая внимания. Но Вадим, пусть и врач, и вообще беспечный человек, полюбив всерьёз впервые в жизни только в год своего тридцатилетия, переживал за невесту не меньше, чем молодая мамаша за своего первенца.

— Нет, милая, ты уж долежи хотя бы до завтра. Ничего вокруг не случится, мир не рухнет, и я Галину в соседней комнате соблазнять не собираюсь. Кстати, сейчас я её позову и предупрежу, чтоб следила строго. Советую запомнить, что по науке ты едва бы выжила, и вместо этой роскошной постели, где я тебя в ближайшие дни навещу, могла сейчас лежать на цинковом прозекторском столе. При том, что тебе эта сволочь своими пулями натворил, сплошь и рядом...

— Но не случилось ведь, — улыбнулась Людмила, тающая от его слов, для кого-то, возможно, звучавших бы весьма неприятно и даже цинично. — А почему ты его всё же не убил? Я бы за тебя кого хочешь убила...

— Всё ещё впереди. А вообще, я человек отходчивый. Раз сразу не грохнул... Теперь ему пожизненное организую, да не в санаторной камере, а на натурально сибирской каторге. Мне Секонд обещал

поспособствовать. И велю твою фотографию в бараке повесить, чтоб до самой смерти не забывал...

— Ну ты у меня и садист, — обняла его Людмила. — Поцеловать тяжелораненую медицина не запрещает?

— Думаю, если немножко, то ничего...

Немножко затянулось до тех пор, пока Фёста не позвали.

— Ну, я побежал. Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит... Поэтому можешь спокойно валяться до завтра и развлекаться эротическими фантазиями. Чтобы ты поверила, как успешно выздоравливаешь, мы с тобой сейчас за счастливое спасение и вообще успех по рюмочке дёрнем. И — увы! Дела набегают, как волны цунами, и рушатся вниз стремительным домкратом...

В коридоре он придержал за руку Галину Яланскую, спешащую на кухню, чтобы приготовить какое-нибудь угощение обещавшему вот-вот прибыть высокому начальству. Она ещё вчера и представить не могла, что будет запросто общаться с настолько стремительно и до таких высот поднявшимися людьми, хоть и сама была «не из простых». Если уж «Валера», как они между собой называли Уварова, которого помнила простым капитаном, стал в одночасье полковником, а зараза Вельяминова «штабса» отхватила...

Яланская до сих пор не могла себе простить, что вовремя не сориентировалась, не перехватила парня под носом этой красотки. Настька тогда, словно из Смольного только что выпущенная, смотрела на мир наивными глазами и ничегошеньки не понимала. Особенно — в мужиках. На первое свидание в её шубке к Уварову бегала, от подаренного флакончика духов млела...

А Ляховы и Тарханов такую карьеру сейчас делали! С Государем Императором и *sosедским* Президентом едва только не на «ты» разговаривают, водку вместе пьют и закуривают в царском присутствии без специального разрешения! В таких вещах Яланская толк понимала.

— Ты, Галя, посмотри за ней ещё, пожалуйста. Чтобы никаких фокусов. А то ведь и сбежать может...

Галина улыбнулась несколько надменно.

— У меня не сбежит, Вадим Петрович, не извольте беспокоиться. Другое дело — обо мне побеспокоиться некому. Остальные девки бегают, стреляют, кресты зарабатывают, а из меня сиделку и хозяйку постоялого двора сделали. Когда история в очередной раз переписывается. Как там у Пастернака? «Впервые за сто лет и на глазах моих меняется твоя таинственная карта...»

— А ты начитанная девушка. — Фёст посмотрел на поручика с истинным интересом. До этого он всё больше общался со своими валькириями, а тут и другие барышни не только весьма симпатичны, но и настолько умны! Кто бы мог подумать, что девица из другого времени и реальности наизусть Пастернака шпарить способна.

— Откуда ты — знаешь? — довольно глупо спросил Вадим.

— Господин полковник, — сощурила глаза девушка, — означенный поэт родился в тысяча восемьсот девяностом году и данный стих написал по поводу начала Первой мировой войны, общей для наших историй. А поэзию как таковую я с шести лет люблю и знаю наизусть очень и очень много. Примерно как средний акын...

Она улыбалась вроде бы простодушно, но и с тонким-тонким намеком, неизвестно только, на что. И ножку этак отставила, и в талии чуть изогнулась.

«Увы, красавица, на меня такие вещи именно в этом смысле не действуют, — тоже усмехнувшись, чтобы Яланская поняла, что её игра для взрослого мужчины чересчур прозрачна, — подумал Фёст. — А вот в другом...»

— Молодец, — совершенно искренне сказал Вадим. — Таких девушек я всегда ценил. Красивых, умных и эрудированных. Только обычно эти качества встречаются по отдельности. Тебе повезло. Можешь не горевать. Умом и обаянием имеешь шанс добиться гораздо большего, чем беготнёй с автоматом под пулями. Пойдешь работать в мой личный штаб? Я теперь тоже надолго стану кабинетной крысой...

— По вам не скажешь, — снова улыбнулась Галина.

— И тем не менее. Так что работа тебе найдётся. Капитанский чин у вас, майорский у нас — это сразу¹. И должность что-то типа столоначальника, разведка, контрразведка, аналитика и всё такое. Пойдешь?

— Я-то хоть сейчас, Вадим Петрович. А глаза никто никому не выцарапает?

— Пору-учик... — укоризненно протянул Фёст. — Это не мой стиль. Я вас именно на штаб-офицерскую должность приглашаю, а не в ППЖ...

— Что такое ППЖ? — Яланская такой аббревиатуры никогда не слышала.

¹ Капитан в Империи и майор в нашей России — соразмерный чин уже старшего комсостава (капитан, в отличие от штабс-капитана — уже «ваше высокоблагородие»), только там на погоне один просвет, здесь — два.

— Походно-полевая жена. Был у нас в *ту* войну такой термин. Насчёт этого не беспокойтесь. Или — не надейтесь. Зато в новом чине и при власти вы себе жениха поинтереснее меня найдёте...

— Вот не приbedняйтесь, пожалуйста, Вадим Петрович, не кокетничайте. Это я в последний раз с вами в таком тоне говорю, на должности — не буду. Так что я согласна, вы поняли?

— Слава богу, *пока поручик* Яланская. Думаю, завтра-послезавтра мы с вами решим этот вопрос. Жить и работать придётся то там, то здесь. Но там — по преимуществу. В таком, как говорится, *аксепте*.

— У нас почти все девушки хотят *там* поработать...

— Обстоятельства покажут...

Теперь центр событий переместился на «имперскую сторону». Вскоре поданные к крыльцу автомобиля везли Фёста с Берестиным и «местных товарищей» по удивительно похожей на свою иномирную копию Петровке в другой, в чём-то ощути-мо другой, но в основном по стилю и духу тот же самый Кремль. В совершенно иначе отреставрированном корпусе, по другим лестницам, охраняемым не солдатами Президентского полка, а дворцовыми гренадёрами в форме времён Николая Первого, они поднялись в парадные апартаменты Чекменёва, где через огромные окна был великолепно виден Тайницкий сад. Здесь уже собрались, кроме хозяина необъятного и почти необозримого кабинета, Сильвия, фон Ферзен, еще несколько генштабистов и министр путей сообщения действительный тайный советник граф Клейнмихель с начальником

службы военных перевозок генерал-лейтенантом Маклаковым.

— Хочу вам сообщить, господа, — здесь докладывал уже Секонд, как по-прежнему непосредственно ответственный за «Мальтийский крест», — согласие на переброску через Уральский тоннель трёх первоочередных дивизий от российских властей получено. То есть основную задачу мы выполнили. Теперь вопрос к вам, Пётр Андреевич, какую пропускную способность вы готовы обеспечить? В первые сутки, во вторые и так далее.

— Через входной портал мы можем непрерывно подавать эшелоны с интервалом в полкилометра, — доложил министр. — Другое дело — сколько времени займёт разгрузка людей и техники. Грубо считая, один эшелон — один батальон. По нормам выгрузка и освобождение путей для следующего — два часа. То есть на дивизию минимум сутки.

— Долго, граф, есть способ ускорить? — поморщился Чекменёв.

— Мне кажется, господин министр упустил один немаловажный момент, — крутя в пальцах незажжённую папиросу, с места сказал Ферзен. — Я не помню, чтобы перед входным и за выходным порталом были оборудованы разъезды. Как вы думаете организовать освобождение путей для следующего эшелона?

Министр посмотрел на Маклакова, тот, растерянно, на Секонда.

— Да, господа, — встал с места Вадим. — Спасибо Фёдору Фёдоровичу. Тут у нас получается... Да чёрт знает что получается. Это прежде всего мой просчёт. Я не железнодорожник и вообще всё время держал в уме, что первоначальный план предлагает сквозное движение через тоннель до стыковки

с тем Транссибом. О том, чтобы подъехать и вернуться, по-моему, и речи не было. Ход событий нас опередил. Сейчас я понял проблему. И как у нас с вариантами, господин генерал-лейтенант? — задал он вопрос начальнику службы перевозок. — Вы в таких делах куда поопытнее нас...

— Вариант всего один, господин полковник, — ответил Маклаков. — За выходным порталом у нас готово всего три километра путей. Но есть приличная шоссированная автодорога. От последней нашей станции, оснащённой достаточным количеством маневровых путей, до входного портала пятнадцать километров. Значит, пехоту нужно выгружать там и — переменным аллюром к тоннелю и на ту сторону. Освобождённый подвижной состав переформировывать, загружать до предела технических возможностей боеприпасами и тяжёлым вооружением, полным ходом гнать вперёд, выгружать на той стороне вручную и снова назад, под погрузку. А на освободившийся «Главный ход» — следующий состав. Так мы сумеем примерно сбалансировать темпы переброски людей и техники. А что вы решите делать на той стороне — уже не моя епархия.

— Спасибо, Николай Валерьевич. С той стороной мы как-нибудь решим, а вы начинайте работу по этой схеме. Может быть, попутно ещё какую рационализацию придумаете.

— Придумывать ничего не надо, — сказал Клейнмихель. — На сооружение приличного разъезда прямо перед порталом потребуются примерно сутки, если, конечно, шпалы и рельсы прямо в грязь не класть. Сделаем — и тоннель заработает в плановом режиме.

Дивизии, предназначенные к переброске, уже неделю ждали приказа в полевых лагерях вдоль железной дороги. Пока что личный состав постигал основы теории параллельных миров, политическое и экономическое устройство сопредельной России, организацию её армии, технику, вооружение, особенности повседневной жизни и многие другие, обычные перед вступлением в иное государство предметы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Совещание у Чекменёва продолжалось уже второй час, и повестка неотложных вопросов подходила к концу. Неожиданно для всех, но едва ли для Чекменёва, двери раскрылись и вошёл Император в сопровождении военного министра Воробьёва, морского — Гостева, начальника Генштаба Хлебникова и почему-то министра финансов Сушкевича.

Жестом велел садиться вскочившим по команде Чекменёва «Господа офицеры!» должностным лицам обеих Росий и экспертам (одна только Сильвия осталась на своём месте, просто кивнула Государю с милейшей из своих улыбок), Олег Константинович прошёл во главу длинного стола для заседаний, а Игорь Викторович быстренько устроился у его дальнего конца, рядом с вновь прибывшими генералами и адмиралом.

Император, вертя между пальцами толстый двухцветный карандаш, которым Чекменёв делал пометки в своём бюваре, довольно рассеянно, как всем показалось, выслушал доклад своего «серого кардинала».

— Удовлетворён. Как обещали, так и сделали. Представьте всех причастных к наградам. Без раз-

личия подданства. В нынешних условиях не вижу необходимости испрашивать у вашего Президента особого индивидуального разрешения. Он тоже может наградить наших людей по своему усмотрению.

— Уже, — вставил Берестин. — Президент распорядился наградить всех участников операции с вашей стороны медалями «За отвагу» — рядовой состав, орденом Мужества — офицерский. По старшему комсоставу он примет решение в ближайшее время, после консультаций с вами.

— А что со мной консультироваться? Кого сам считает достойным, пусть тех и награждает, хоть собственным бюстом в натуральную величину¹.

По лицу его скользнула тень, означающая сильное желание поймать ускользающую мысль. Тут же он удовлетворённо хмыкнул, значит — вспомнил.

— А тех барышень, ну, «печенегов» ваших — тоже орденом?

— Так точно, — не вставая, ответил Тарханов, Император строго запретил на совещаниях и за парадными обедами поминутно вскакивать, отвечая на вопросы. Если только для пространного доклада у карты. — Всех, непосредственно принимавших участие в боях. Остальных — медалями.

— И моих крестниц — тоже?

Сильвия прикусила губу. Похоже, натура Олега оказалась сильнее поставленного ею блока.

— Так точно.

— Это очень правильно — таких очаровательных барышень — орденом Мужества, хотя больше подошёл бы — «Женственности».

¹ Олег Первый иронически намекает на существовавшую в XVIII—XIX вв. традицию награждать отличившихся драгоценными миниатюрами с портретами царствующих особ.

— Если прикажете — представим всех к нашему ордену Екатерины¹, — тут же сориентировался Чекменёв. Тарханову отвечать на подобные императорские идеи было не по чину.

— Так и сделайте. Прямо завтра. Вручим заодно с другими.

Олегу предложение верного паладина понравилось. Он почти забыл о существовании этой награды, не вручавшейся уже почти сто лет. А вот он, получается, её возрождает. Очень недурно. И перспективно, тем более сейчас, когда женщины уже и на передовой воюют.

— Кого конкретно, Ваше Величество?

Сильвия ещё раз сделала ментальный посыл, пристально глядя в глаза Императора, заставляя его снова забыть фамилии и внешность всех валькирий, кроме Инги.

— Да ты это, сам там... Всех, кого я наградил и обещал наградить. Ту немочку-красавицу, конечно, Вирён её зовут, кажется, и остальных, кто с оружием в руках...

Император помотал головой, словно пытаясь вспомнить, зачем он вообще здесь присутствует. Перед внутренним взором отчётливо стояла, вытянувшись в струнку, эта самая Инга. Хороша, чертовка, очень хороша! Главное, высокая! (Женщин небольшого роста Олег недолюбливал. Помнил, только по книгам и фотографиям, конечно, свою прапрабабку, императрицу Марию Фёдоровну, ро-

¹ Орден святой великомученицы Екатерины — единственный в России специально дамский орден. Был учреждён Петром Первым в 1714 г. Имел две степени. Награждённые первой степенью именовались Дамами Большого креста, второй — кавалерственными дамами. Девиз ордена — «За любовь и Отечество». Награждённые получали потомственное дворянство, но, как правило, заведомо его имели и раньше.

стом едва метр шестьдесят. Её муж, Александр Третий, постоянно сетовал, глядя на наследника, будущего Николая Второго: «Вот же датчанка! Всю породу испортила». И оказался прав.) А Инга — не верста коломенская, но очень соразмерная. И взгляд прямой, честный, и в то же время какой-то... Ласковый, что ли? Новый орден рядом с офицерским «Георгием» к бальному платью кавалерши ей очень пойдёт. Не забыть бы послать приглашение на субботу...

— Всё, господа, — словно очнулся он. — О наградах после полной победы разговаривать будем. У нас тут весьма важный вопрос, исключительно важный. Сейчас адмирал Гостев вам доложит...

Сильвия незаметно приложила к вспотевшему от нервного напряжения лбу надушенный кружевной платочек. Почувствовав тонкий волнующий аромат, окружающие мужчины автоматически повернули головы в её сторону. Она улыбнулась всем сразу и глазами показала, куда на самом деле нужно смотреть.

А мимо Секонда снова пролетели генерал-адъютантские погоны, ибо, затеяв разговор о наградах, Олег как раз и собирался поздравить его с долгожданным чином. И напрочь забыл. Слишком пристальное внимание леди Спенсер, или же госпожи Берестиной, как кому нравится, имело для мужчин контузящие последствия. За очень редкими исключениями.

Морской министр, машинально разгладив полуседую шкиперскую бороду, начал говорить голосом, мало приспособленным к закрытым помещениям. Если выработался ещё в гардемаринскую пору «командный», позволяющий в шторм на палубе учебного парусника доносить свои мысли и эмоции до

работающих на реях матросов, то к салонным интонациям вернуться почти невозможно. Изю всех сил стараешься, и не можешь добиться, чтобы дамы в другом конце актового зала не слышали, как ты в доверительном разговоре с партнёрами по ломберному столу митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского поминаешь, с динамитом его срифмывав и обер-церемониймейстером переложив.

— Должен вам сообщить, господа, что все наши старания по умиротворению бывшего нашего британского союзника и партнёра успехом не увенчались. Мы очень надеялись, как и говорилось на прошлом заседании Главного военного совета, что англичане одумаются, поймут, что война на истощение им ничего хорошего не принесёт. Но кабинет Уоллеса и Виндзорский двор решили иначе. Намеченная ими крупномасштабная провокация с нашим якобы десантом на Мальту нами сорвана...

— И здесь Мальта! Вы что, провидец, что ли? — спросил Чекменёва сидящий рядом министр финансов, уже посвящённый в тайну операции полковника Ляхова.

— Обычное совпадение. Гораздо более частое, чем принято думать, — шёпотом ответил генерал, чтобы не навлечь недовольный взгляд и зловещее покашливание Императора.

— Как выяснено, операция, названная британцами «Дискрешен», предусматривала немедленные «ответные» удары по всем нашим военно-морским базам одновременно и вторжение на нашу территорию крупных масс сухопутных войск с единственно доступных направлений, вы все их знаете — через Турцию, Индию, Афганистан. Захватив крейсер «Тренвилл», оснащённый специальной, сверхсекретной аппаратурой, вместе с несколькими пред-

ставителями разведки и Адмиралтейства, отвечавшими за операцию, мы рассчитывали подвинуть англичан к переговорам на разумной, ничьих интересов не ущемляющей основе. Очевидно, мы в чём-то очень существенном ошиблись. Они словно с цепи сорвались, стали вообще на себя не похожи. Не «просвещённые мореплаватели», а какие-то шииты на празднике «Шахсей-вахсей». Короче, три часа назад нам предъявлен ультиматум. С условиями, ничуть не лучше тех, что некогда Австро-Венгрия предъявила Сербии. Мы должны возвратить им трофейный крейсер со всем оборудованием, экипажем и даже находившимися на нём так называемыми русскими добровольцами, которые и должны были изображать полк морской пехоты Черноморского флота. Кроме этого, принести публичные, с трибуны ООН извинения, признав клеветой нашу версию случившегося, а подлинные показания пленных объявить сфальсифицированными. Кроме того — выплатить компенсацию за понесённый флотом Его Величества ущерб, назначить единовременные пособия и пожизненные пенсии членам семей погибших и раненым в ходе инцидента британским военнослужащим. И, представьте себе, господа, они ещё требуют возвращения к положениям Парижского конгресса 1856 года о запрете русским военным кораблям прохода через Проливы. Срок — трое суток. Отсчёт, как говорится, пошёл.

Сказанное адмиралом могло бы вызвать, как принято писать, «взрыв возмущения» у присутствующих, но здесь люди собрались неглупые и с выдержкой. Тем более что большинство знало о возможности пресловутого «несимметричного ответа». Поэтому к сообщению адмирала отнеслись спокой-

но, только Фёст, как человек формально посторонний, осведомился, располагают ли господин адмирал, господин Чекменёв и разведорганы России в целом информацией, какая именно вожжа попала под хвост «альбионцам» и на что они, собственно, рассчитывают, так сказать, «в реале»? На самом деле надеются выиграть войну, или...?

— Или, — ответил вместо Гостева сам Император. — Сумасшедшие они там все или через одного, я ещё не выяснил, но явно просматривается намерение повторить сценарий Крымской, она же «Восточная», войны. Россия, не выдерживая тягот войны и нарастающего общественного возмущения чередой хотя и локальных, но неудач и поражений, соглашается на невыгодный мир. Особенно если большинство «нейтралов» постоянно оказывают давление, шантажируя готовностью присоединиться к «цивилизационно-близкой» Великобритании.

— И это очень хорошо и правильно, — сказал Берестин. — После учинённого нами разгрома британского флота в двадцать первом году и «возвращения» Югороссии Царьграда и проливов, наши «туманные» коллеги весьма поджали хвост. Последние пять лет ведут себя тише даже, чем поверженная Германия.

— Это — до поры, — ответил на его реплику Олег.

— Безусловно. Поэтому «торжественную порку», как это называется в романе о бравом солдате Швейке, нужно повторять с тщательно просчитанной регулярностью.

— Об этом и речь. То есть первый этап намеченного плана нами выполнен. Уоллес и лично мой «венценосный брат» Георг доведены до нужной степени каления. Теперь нужно дотянуть до истечения срока ультиматума, с негодованием его от-

клонить — но именно в самый последний момент, громко оповестив об этом всё мировое сообщество, дожидаться реакции «кабинета Его Величества», в идеале — первого удара, и нанести ответный. Как видите, господа, — эти слова были обращены, исходя из направления императорского взгляда, конкретно к Берестину и Сильвии, — обратной дороги у нас нет. И без вашей помощи альтернатива у нас невесёлая — затяжная война или позорная уступка наглым требованиям.

— Вопрос понятен, — что-то рисуя в блокноте, ответил Алексей. — Вам нужны наши специалисты, ракеты и РЛС. Не вопрос. Но всю территорию страны мы прикрыть не сумеем, и одновременно все военно-морские базы и прочие объекты возможной агрессии. Вернее, смогли бы, только потребуются не трое суток, а хотя бы две недели. Значит, необходимо точно определить направление и время главного удара.

— Это я беру на себя, — усмехнувшись, сказала Сильвия. — Значит, Алексею Михайловичу, — она указала на Берестина, — и Вадиму Петровичу, — взгляд в сторону Фёста, — следует немедленно вернуться «домой» и принципиально решить вопрос о немедленной, в течение максимум двух суток, передаче вам, по типу ленд-лиза, необходимой техники. Так, чтобы уже завтра начать транспортировку и отгрузку. Двух часов, я думаю, хватит, чтобы согласовать с господами министрами и Генштабом параметры и количество вооружений. А я за это же время постараюсь раздобыть для вас конкретную информацию — направление и сила первого удара, дальнейшие планы кампании, если они вообще существуют.

Представители императорской стороны (кроме самого Олега) были в буквальном смысле пораже-

ны энергией и напором, исходящими от этой красивой дамы, отнюдь не производящей впечатления Бисмарка или Жукова в юбке. Равнодушным она не оставила никого — от прямого и грубого вояки, закоренелого холостяка адмирала до виртуоза интриг и комбинаций Чекменёва, уже имевшего удовольствие познакомиться с некоторыми чертами личности леди Спенсер. При первой встрече он оценил её красоту, остроумие и абсолютную в этом мире и в любом другом независимость от всего на свете. Олег Константинович тоже характеризовал её достаточно высоко, отрекомендовал «чрезвычайным и полномочным послом дружественной державы», не уточнив деталей, а также «своим личным другом». Это уже было что-то новенькое. В том, что Император мог с этой дамой переспать (или — она с ним!), Игорь Викторович несколько не сомневался, но столь естественная для Олега процедура ни в коем случае не превращала его наложниц и даже фавориток в «личных друзей». Это — из другой колоды карта.

Что ж, остаётся, приняв слова Государя к сведению и исполнению, повнимательнее присмотреться к мадам Берестиной. Как-то она уж очень замахнулась, пообещав через два часа представить секретнейший на данный момент документ Британской империи. Мобилизационные планы, а тем более директивы на начальный, самый ответственный период затеваемой войны всегда хранились за семью печатями, и те, до которых удавалось добраться (считаное число раз за всю военную историю), как правило, оказывались тщательно проработанной дезинформацией. Вроде как планы развёртывания австрийской армии к Галицийскому сражению,

подсунутые русскому Генштабу через полковника Редля в четырнадцатом году прошлого века.

«Если только...»

Чекменёв пришёл в изумление и одновременно профессиональный восторг от собственной догадки.

«Если только госпожа Берестина Сильвия Артуровна, она же леди Сильвия Спенсер, не является такой же «личной подругой» короля Георга и уже располагает этими документами! Остальное — кружева, эмоциональные и психологические. Ну-ну, посмотрим, что дальше будет».

— Пойдёмте, Ваше Величество, — сказала Сильвия Олегу, когда совещание закончилось. Напоследок был рассмотрен вопрос финансовых взаимоотношений с новыми союзниками, вплоть до немедленной дополнительной эмиссии и выпуска в обращение на территории РФ имперских казначейских и банковских билетов по курсу золотого червонца, для чего и потребовался министр Сушкевич.

— Я должна вам сказать нечто совершенно конфиденциальное. Пока наши военные специалисты обсудят свои вопросы, мы хотя бы сформулируем некоторые другие.

— В мой рабочий кабинет?

— Мне совершенно всё равно. Подождите, я на две минуты вас оставлю, нужно мужа проинструктировать...

Берестину Сильвия сказала, что ей немедленно нужно вернуться в Замок, буквально на полчаса. После этого разговор и со здешними генералами будет предметным, и с Президентом тоже.

— А ты, Вадим, — это уже Фёсту, — свяжись через Воронцова с Кристиной и Басмановым, передай, чтобы миссию Катранджи сворачивали и

немедленно возвращались. Изображать сложные финансово-дипломатические па-де-де больше не нужно, пусть подпишут меморандум о сотрудничестве в первоначальной редакции, и достаточно. Своё оружие он получит помимо Югославии. Сам видишь, куда повернулось — теперь ему без всяких заморочек можно половину здешних арсеналов передать, раз мы Олега всерьёз перевооружать станем. Всё ж затевалось, чтобы Ибрагиму мозги запудрить, так это уже и без нас, само собой случилось. Для нас турок больше не фигура...

— Что, опять прыгать через «три границы»? Доиграемся мы, я с самого первого дня, когда в *развилке* завис, при этих переходах себя хуже чувствую, чем при ночных парашютных прыжках в тыл врага, — вмешался Берестин.

— Не беспокойся. Когда они будут готовы, дадут мне короткий звоночек, и всё. Я их через Замок заберу и сюда доставлю.

— Ты там сама тоже... Поосторожнее.

— Ещё б ты за меня боялся! Сто лет сама управлялась, и жива, как видишь. Всё будет, как всегда.

Сильвия сейчас была сама мягкость и где-то даже покорность. Истинно любящая жена при суровом муже. Коснулась пальцами его щеки, улыбнулась, кивнула — и достаточно. Целоваться и иным способом выражать свои чувства при встречах и прощаниях у них было не принято.

Не той психологической конституции люди.

— Можно вас на два слова, Сильвия? — вдруг спросил Фёст с удивившей агтрианку интонацией. Да и то, что он впервые назвал её только по имени, было неожиданно. Два года только «Сильвия Артуровна» или «Леди Си», иногда полушутливо — «миледи», но это только в тех случаях, когда хотел поддеть, намекая на её сходство с героиней Дюма.

— Конечно, *Вагик*... — не удержалась и она от *ответной любезности*. — Давай к окошку отойдём. Извини, Алексей. — Это Берестину, мельком.

— Я, может, не вовремя, *миледи*, — сказал Фёст, разминая сигарету. Сопровождение затянулось и на этот раз, ввиду его официального статуса, присутствующим курить не полагалось. Не испытывая биохимической тяги к никотину, Ляхов раздражался от невозможности использовать табачные изделия разных типов и видов (по обстановке), как элемент *психологический*. Для стимуляции собственных мыслей и отвлечения внимания собеседников.

— Дай и мне, — попросила Сильвия. — Итак? Я сказала что-нибудь не то? Нарушила твои планы или *конструкции*? Твой взгляд был очень выразителен...

— Разве от вас что укроешь? Нет, с планами всё в порядке, я только хотел кое-что уточнить и выразить, если позволите, в очередной раз своё восхищение...

— Вадим, Вадим, оставь, льстец из тебя никакой. И я к комплиментам равнодушна. В чём дело?

Фёст в душе порадовался — значит, он уже так усовершенствовался, что легко *просекает* мысли миледи, а она — *тормозит*.

— Эта ваша работа — навести Олега на Ингу?

Сильвия хотела изобразить изумление и возразить, а потом подумала, что это ни к чему.

— Моя, — кивнула она, медленно выпуская верх и вбок прямую и длинную струйку дыма. — Как ты догадался?

— Элементарно, как любил говорить ваш соотечественник Шерлок Холмс. Я внимательно наблюдал за ним и за вами. И знаю, так сказать, предысторию вопроса... Идея отличная. Император-нимфоман, красивая девушка, страдающая от

того, что у всех подруг — любовь, а на неё никто не смотрит. И добрая тётушка, взявшаяся устроить судьбу сиротки. Да не за принца её отдать, а сразу за готового императора. Чтоб уж наверняка...

Сильвия несколько раз сблизила ладони, избразив бесшумные аплодисменты.

— Прими мои поздравления, Вадим. Делаешь прямо грандиозные успехи. Шульгин в тебе не ошибся. И к чему ты завёл со мной этот разговор именно сейчас?

— Хочу, чтобы вы взяли меня в долю. Идея ведь и вправду роскошная. Жаль её целиком вам отдавать. Вы ведь знаете, что я пользуюсь некоторым авторитетом у «валькирий»?

Сильвия кивнула:

— Особенно у Вяземской и Витгефт...

— Эта да. Но и не только у них. Короче говоря — я могу очень облегчить вам игру...

— И испортить — тоже, — согласилась Сильвия.

— Зачем так сразу? Я разве похож на человека, способного шантажировать такую даму?

— Ты способен ей отказать в любви, это гораздо труднее...

— Сильвия Артуровна, это уж совсем ни в какие ворота! Не рвите мне сердце. Я и так до конца дней буду горевать о своём опрометчивом шаге...

— Прекрати паясничать. Я совсем другое имела в виду. Так что с Ингой?

— Предлагаю паритет — пятьдесят на пятьдесят. Девушка, выйдя замуж, будет до конца дней ценить мнение не только «тётушки», но и «кузена», так скажем. И прислушиваться к нему, в случае чего, больше даже, чем к мнению мужа...

Сильвия посмотрела на Фёста очень внимательно.

— Вот так, значит? И ты думаешь — это возможно?

— Для вас нет ничего невозможного! Ну и я помогу, и шесть влюблённых в меня девушек...

— Ты не слишком самоуверен?

— Вы же знаете, что это правда. Юные, невинные существа. Имеют свойство влюбляться всей компанией в одного и того же парня. Как-то вышло, что мой психотип и фенотип оказались им ближе, чем у других товарищей. Не моя заслуга. Я их тоже всех люблю, но, увы, по-братски... Мы, к сожалению, не в Эмиратах...

— Ох и тип же ты, *Vagik*... Хочешь сказать, что и Анастасия? Она ведь без ума от своего графа.

— Так оно и есть. Но моментами что-то её *покалывает*... Вы ведь в курсе — первым мужчиной, хотя и платонически, был у неё Новиков... А мы с ним тоже похожи кое в чём. Девушка это чувствует. Когда психополя пересекаются...

— Ты явно перенял не самые лучшие черты своего наставника, — намеренно резко сказала Сильвия. Ей стало неприятно, что Фёст не только разгадал её интригу, но и переиграл в два хода. Он ведь совершенно прав — если Ляхов и все валькирии воспротивятся, Инга послушается их, а не её. Она ведь сама ещё не возжелала всем сердцем стать императрицей. Ей объяснят, что это блажь пожилого похотливого мужика-венценосца, а отнюдь не взаимное всепоглощающее чувство. — Хорошо, я согласна. Так, наверное, будет даже лучше. Молодой царице иногда нужны будут советы «любящего брата»...

— Да, вы правы. Кроме того, рассредоточенное воздействие всегда мягче и незаметнее однонаправленного...

— ...И о чём же у нас пойдёт речь? — спросил Олег, закрыв за собой дверь кабинета. Указал на два кресла напротив мраморного камина с причудливой бронзовой решёткой и сдвигающимся при необходимости вниз начищенным, бронзовым же колпаком с вензелями и геральдическими знаками. Дрова в топке были уже уложены, и береста для растопки подготовлена.

— Зажжём? Что прикажешь подать? Опять твой джин, а то — шампанского?

— Не нужно, — ответила Сильвия, не подходя к креслам. — Ты мне по-прежнему доверяешь, как союзнику и личному другу?

— О чём ты спрашиваешь? И к чему эта преамбула? Случилось что-то экстраординарное?

— Отнюдь нет. Просто, раз ты уже достаточно втянулся в наши дела и тайны, хочу предложить небольшую прогулку...

— Опять в другую Россию?

— Нет, на этот раз несколько дальше. Но ничего опасного, и разочарован ты не будешь...

— Когда это Романовы опасностей боялись. Пойдём, если так надо. Но тем не менее — куда и как? Нужно переодеться, собраться?

Император был в повседневном мундире и сапогах, очень тонких и лёгких, для хождения по дворцовым коврам и паркетам. Даже пистолета при нём не было.

— Ничего не нужно. Мы совсем ненадолго, даже из помещения выходить не будем.

— Ну, води меня, Вергилий...

— Не так всё драматично, ни в «сумрачный лес», ни рай, ни в ад мы не пойдём. Кстати, о рае у разных народов и людей очень разные представления. Эта дверь куда ведёт? — спросила агтрианка, указывая на нишу между двумя книжными шкафами.

— На лестницу, а та — вниз, в вестибюль, или вверх, в другое крыло.

— Впрочем, это не имеет никакого значения. Главное — ничему не удивляйся...

Олег Константинович решил так и поступить, но незаметно для Сильвии взял из ящичка под стойкой мини-бара и сунул в карман сделанный на тульском заводе по спецзаказу не пошедший в серию по причине конструктивной сложности и избыточной мощности пистолет Токарева, сам по себе очень красивый и удобный¹. На всякий случай. Если предлагают ничему не удивляться, значит, ожидается нечто экстравагантное.

Сильвия подошла к двери, повернула ключ, толкнула. Император с удивлением увидел за ней широкий и очень высокий, под шесть метров, сводчатый коридор, уходящий почти в бесконечность. Нечто в этом роде Олег видел в Австрии, в аббатстве Мельк. Через стрельчатые готические окна, прорезанные в левой стене, виден был внутренний двор, тоже очень похожий на монастырский или крепостной. Вдоль правой — несколько дубовых, окованных железными полосами дверей, больше похожих на калитки в крепостной стене.

— Входи, входи, Олег. Ничего страшного. Это одна из моих резиденций, — сделала приглашающий жест Сильвия.

— Ни хрена себе, — матерно и с загибом удивился Император, который позволял себе крепкие выражения и при дамах, будто крупный партийный

¹ Токарев Ф. В. (1871—1968 гг.) — русский конструктор-оружейник, генерал от артиллерии, в этой реальности с 1920 г. начальник Главного артиллерийского управления, основатель собственной школы конструкторов, автор нескольких десятков систем пистолетов, автоматических винтовок и карабинов, пулемётов. Упомянутый «ТТ» ничего общего, кроме автора, с нашим «ТТ — 30/33» не имеет.

начальник советских времён среди функционеров ниже рангом. А Сильвия вообще «друг» и женщина, с которой у него «серьёзные отношения», так чего там...

На лице агтрианки даже бровь не дрогнула, хотя внешне она и «такие слова» казались абсолютно несовместимы.

— Не тебе же одному Кремлями и Эрмитажами владеть. Заходи, будь как дома.

«Как дома» у Олега не получалось. Многовато чудес на единицу пространства-времени. Но решительности и внешней невозмутимости хватало. Он оглянулся — позади была глухая стена, без всякого намёка на то, что в ней может таиться какой-то замаскированный проход.

«Чудны дела твои, Господи», — только и произнёс про себя Император.

Агтрианка открыла первую же, расположенную напротив и чуть левее дверь. Вместо того банально-го двухкомнатного номера отеля средней руки, где ей пришлось жить при первом посещении Замка, фактически на правах привилегированной военнопленной, вроде фельдмаршала Паулюса, на этот раз она заказала Арчибальду кое-что получше. В стиле тех кают, что оборудовали себе члены Братства на «Валгалле».

Огромная гостиная, выходящая тремя окнами на мглистый, беспокойный осенний океан. И множество, не менее шести, дверей по обеим боковым стенам, между кадками с тропическими растениями, оригиналами древнегреческих статуй, нефритовыми полуколоннами и большими картинами в резных золотых рамах. На всех — поясных и ростовых портретах и жанровых сценах — только Сильвия. В самых разных одеждах, от парадных платьев конца XIX века до римских туник и negligé, а также и полные, весьма изысканные «ню».

Была у неё непреодолимая склонность созерцать самой и демонстрировать другим имеющиеся прелести анатомии и своего художественного вкуса.

Олег обвёл глазами эту выставку, одобрительно хмыкнул, деликатно не задерживая взгляда на тех частях тела, которые большинство женщин инстинктивно предпочитает скрывать. Хотя, казалось бы...

— Художники выдающиеся. Не хуже Рубенса или там Рафаэля Санти...

— Только художники?

— Я думал, ты сама по себе в комплиментах не нуждаешься. Всё равно выйдет банально и плоско...

— Согласна.

В следующей комнате, не очень большой гостиной, обставленной так же, как подлинная гостиная в фамильном лондонском особняке хозяйки, был накрыт стол на две персоны. Накрыт обильно и разнообразно.

— Прошу, Ваше Величество, мы ведь сегодня так и не собрались пообедать. Только извини, горячего не будет, я прислугу отпустила...

— Да тут и без горячего... — Большой любитель застолий, Император архетипичным¹ русским жестом потёр руки.

— Ты пока можешь начинать, а я отлучусь ненадолго...

Вернулась она действительно быстро, минут через двадцать, Олег успел только принять грамм полтора и закусить валованом с икрой и несколькими ломтиками солёного огурца.

¹ Архетип — изначальные, врожденные психические структуры, образы, мотивы, составляющие содержание т.н. «коллективного бессознательного» и лежащие в основе «культурного кода» нации.

За смешное по обычным женским меркам время она успела изменить макияж и причёску на более подходящие к случаю и переодеться. Теперь вместо строгого, пристойного для делового совещания светло-серого приталенного костюма с юбкой ниже колен на Сильвии было длинное, до пола, вишнёвое платье, переливающееся, будто муаровое, с глубоким, до середины ложбинки между грудями, треугольным вырезом и разрезами, доходящими до верхней трети бёдер по бокам.

Император в восхищении вскочил, едва успев проглотить цельную маслину, хорошо, хоть не очень большую.

— Ну, мадам, ты не устаёшь удивлять. Решила не уступать собственным изображениям?

— А что, изображения интереснее? — надменно вскинула голову Сильвия.

— Моментами...

В следующие полчаса, перекусив и выпив, по потребности, но в меру, они вели вполне светский разговор, не касающийся текущих проблем оставшегося неизвестно за какими перевалами мира. Сильвия изложила Олегу начала хронофизики, теории Гиперсети и сакрально-функциональную суть Замка, в котором они сейчас находились, вызвав у Императора сначала некоторое недоверие. Как у члена французской Академии, не желающего признавать наличие на небе камней, могущих оттуда падать. Но, как настоящий учёный, Олег быстро адаптировал свои стереотипы к новой реальности и стал задавать вполне осмысленные и даже проницательные вопросы.

— Но так что же с обещанными планами британского генштаба? — наконец спросил Император. — Это мы за ними сюда пришли?

— Совершенно верно. Но нужно немного подождать. Когда всё будет готово, мне сообщат. Иди сюда...

За следующей дверью оказалась самая обычная спальня. В том смысле обычная, что предназначалась именно для сна, конкретно. Ничего, кроме роскошной по всем меркам кровати и необходимых сопутствующих предметов мебелировки здесь не было. А в остальном интерьер, конечно, соответствовал вкусам и привычкам хозяйки.

Олег посмотрел на Сильвию с определённым интересом. Он помнил их последний разговор и её слова о том, что «случайно произошедшее» между ними не будет иметь продолжения, поскольку было именно эксцессом, не совместимым с её нравственными принципами. Император признал, что действительно оказался в тот момент несколько несдержан и впредь такого себе не позволит.

Сильвия тогда говорила без всякого лицемерия. Она действительно не собиралась затевать с Олегом длительную связь, тем более что планировала возвращение Берестина, а бегать тайком от живого мужа к любовнику было ниже её достоинства. Но сейчас обстоятельства несколько изменились.

Во-первых, в Лондоне 1899 года она узнала, что Алексей имел несколько, пусть и одномоментных, вызванных интересами дела, контактов с дамами из окружения тогдашнего кандидата на престол третьей очереди, которого они решили сделать наследником номер один. Следовательно, теперь, как весьма эмансипированная женщина, она имела право «сравнять счёт».

Во-вторых... Во-вторых начиналась уже политика за гранью общепринятых методов и принципов.

— Не удивляйся, милый. В тот раз я просто немного погорячилась. Сам знаешь, как это бывает. Приличной женщине очень трудно изменить мужу, особенно — первый раз. Это оставляет такой след... Вот и я, полная раскаяния, решила впредь не допускать ничего подобного. Но с течением времени острота вины как-то стирается, а воспоминания о сладостных минутах, наоборот, всплывают из памяти в самые неподходящие моменты...

Говоря это и глядя Императору прямо в глаза, она медленно расстёгивала потайные кнопки спереди платья, пока оно не распахнулось, как обычный халат.

Олег сглотнул слюну.

Женщина стояла от него в пяти шагах. Он видел её с ног до головы. Причудливо-изысканное, цвета надкрылий майского жука бельё, той формы и покроя, до которых не додумались ещё модельеры его мира. И без того прелестная грудь вдобавок особым образом приподнята вставками прозрачного кружевного полукорсета. Длинные, чудных пропорций ноги выглядели ещё изящнее и соблазнительнее из-за пятнадцатисантиметровых тонких каблучков открытых туфель. Да ещё и обтянуты тоже бронзового оттенка чулками с широкими, в ладонь, ажурными полосками поверху. Но самое главное, никогда ещё Императором не виданное эротическое изобретение — бельё было изготовлено из странного материала. По нему сверху вниз словно пробегали косые волны, чередующие почти полную прозрачность с оптической плотностью и видимой фактурой полированного металла.

Невозможное, никак не позволяющее сохранить благоразумие, выдержку и холодную голову зрелище. Олег Константинович издал горлом сдавленный вздох или даже всхлип. А ведь он уже видел её совершенно обнажённой, охваченной страстью, принимавшей самые неожиданные и причудливые позы... И всё равно!

Женщина, враз ставшая далёкой и почти незнакомой, смотрела на Олега прищурившись поведьмовски, обольстительно и одновременно пугающе улыбаясь.

— Что смотришь, мой милый самодержец? Помоги даме раздеться, — сказала она низким, слегка вибрирующим голосом, — но только не как прошлый раз. Я больше не хочу быть изнасилованной, даже из самых добрых побуждений... Даже самодержцем всея Руси. Я хочу, чтобы всё случилось ласково и нежно, как это делает любящий мужчина с невестой-девственницей в первую ночь. Ну! — И повелительно протянула ему, упавшему на одно колено, ещё более длинную в таком ракурсе ногу. Кажется, правую.

Самое удивительное, у Императора получилось так, как она просила и даже лучше. Сильвия испытала довольно необычные, при всём её опыте, ощущения. Та же самая по интенсивности и конечному эффекту страсть, но сильно растянутая по времени, в виде плавной синусоиды, вроде набегающих на пологий морской берег волн.

— Гениально, сир, просто гениально, — прошептала она, успокоив дыхание, вытянувшись во весь рост и заложив руки за голову. — Наверное, я и впредь буду прибегать к твоим услугам. Постараюсь пореже, чтобы не возникало кривотолков и

не пропал эффект *запретного плода*. Пожалуйста, принеси сигарету и бокал шампанского. Себе, конечно, тоже...

Дело в том, что Сильвия не только в очередной раз удовлетворила свою любовь к такого рода приключениям, нисколько не угасшую с дней её первых опытов, ещё в немыслимо далёкие и необыкновенно благополучные восьмидесятые годы позапрошлого века. Тогда как раз она хорошо это помнила, в газете «Сан» печатались с продолжениями «Трое в лодке...» Джерома К. Джерома. Сейчас она провела ещё один сеанс психозротического внушения, которым владела не хуже Удолина, пусть и базировалась её методика не на земной «Тантре», а на совсем других источниках. За полчаса любовной игры она убедила Олега, что, кроме мадам Берестиной и, может быть, Татьяны Тархановой, если вдруг доведётся им снова встретиться, ни одна другая женщина, кроме тех, кто специально настроен на одноразовую платную (в любой форме) любовь, не вызовет у него никаких чувственных эмоций. Особенно это касалось шестерых валькирий, тех он будет воспринимать как родных дочек, по отношению к которым никакие мысли и чувства, кроме отцовской гордости и искренней любви, абсолютно невозможны.

«Вот подарочек *красоткам*, действительно *царский!*» — с внутренней усмешкой подумала Сильвия. — Не заслужили, но да уж ладно, пусть пользуются...»

А взрыв настоящих чувств, *вторая молодость* придут к этому закоренелому холостяку и страстному женолюбу только при следующей, уже, кстати, назначенной им для себя встрече с Ингой Вирён.

По классической схеме — бурно нарастающий интерес, желание видаться как можно чаще, бессонные ночи, наполненные юношеского типа фантазиями и глубокими, практическими и династическими рассуждениями государственного мужа и, наконец, непреодолимое желание сделать этой девушке серьёзное, по всем правилам, предложение.

Слава богу, принятый ещё в двадцатые годы прошлого века закон, определяющий матримониальные правила ещё для тогдашнего первого Местоблюстителя, предусматривал всего несколько непреложных правил: невеста должна быть российскоподданной, предпочтительно славянского происхождения и православного вероисповедания, потомственной дворянкой, ранее незамужней, более того — девственницей, не имеющей за границей крупной собственности и родственников, занимающих там сколь-нибудь значимые посты на государственной службе или в частном бизнесе. Зато медицинские требования были предельно строгими, как в недавно появившихся военных училищах для лётчиков реактивной авиации.

Инга всем этим условиям удовлетворяла вполне, и её немецкая фамилия препятствием не являлась, поскольку немцы из входящих в состав Империи с времён Петра Великого губерний по умолчанию считались русскими. Тем более что в той России понятие «национальность» в правовом смысле отсутствовало, а у Инги в её, увы, пресёкшемся на ней роду значилось два генерала, три действительных и один тайный советник и один адмирал, тот самый известный из истории русско-японской войны Р.Н. Вирен, в параллельной истории зверски убитый пьяными матросами в семнадцатом году во время Гельсингфорсской резни.

Более чем достойная кандидатура.

Для того чтобы обеспечить ей будущее, Сильвии и пришлось в очередной раз изобразить гетеру, этакую Таис Афинскую¹.

Остаётся только сразу после первой брачной ночи, а то и после коронации, подробно объяснить Инге (во крещении ей дадут более подходящее русской царице имя), кому она обязана этим счастьем. Вот и хорошо, что Фёст вовремя и подсуетился, ему и придётся со своей валькирией объясняться. Ничего, вдвоём с Вяземской успокоят, если даже поначалу истерику вздумает закатить «Государыня Императрица Всероссийская, царица польская, великая княгиня Финляндская и прочая, и прочая, и прочая...»

Сильвия, в позе гойевской «обнажённой махи» раскинувшаяся на постели, приняла из рук Олега бокал. Выпили шампанского, покурили, поговорили на отвлечённые темы.

— Может быть, повторим? — вдруг предложил Олег.

— Не сейчас, — мягко ответила Сильвия. Колеблющейся походкой прошла в соседнее помещение и прямо в проёме двери, не прячась, начала неторопливо одеваться в свой деловой костюм, как бы намекая любовнику, что больше не видит в нём мужчины, перед которым нужно «строить из себя».

— Мы ведь здесь совсем по другому делу, ты не забыл? И, когда вернёмся, избегай смотреть на меня маслеными глазами в присутствии мужа. Он не твой подданный и вообще человек горячий. Дерётся, фехтует и стреляет — дай бог каждому. Кад-

¹ См. одноимённый роман И. Ефремова.

ровый офицер ВДВ, до сих пор ежедневно тренируется...

— Вот об этом я и хотел поговорить, — согласился Император, в котором внушённые агтрианской идеи начали собственную эволюцию. — Насчёт подданства и прочего. Раз всё так складывается, вопреки Тынянову — «Всё уже решено»¹.

— Поясни, о чём ты. — Сильвия застегнула последнюю пуговицу, крутнулась перед зеркалом, проверяя, ровны ли швы на чулках, начала приводить в порядок причёску.

— Хотим мы или нет, очень скоро всем станет известно о существовании вашей России и нашем с ней союзе. Вот я и думаю, что нам нужно спешно озаботиться созданием, так сказать, общих, взаимопроникающих элит. Не тех, что в твоей стране таковыми называют. Тебя, например, я решил наградить Большим крестом ордена Екатерины со звездой и лентой, что введёт тебя в круг двенадцати самых влиятельных женщин моей Империи², даст придворный чин камер-дамы, что равно генерал-адъютанту. Ну и должность мы тебе приищем, необременительную, но влиятельную. Алексея Михайловича я сделаю «генералом Свиты при особе Императора», ну и, если захочет, Шефом Гвардии или Наказным атаманом всех казачьих войск. Не-

¹ Имеется в виду ключевая фраза из романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» — «Ещё ничего не решено», неоднократно использованная впоследствии В. Пикулем и, с некоторыми вариациями, автором этой книги.

² Согласно Статуту ордена, утверждённому Петром Первым, Большой крест могли иметь одновременно только 12 дам из ближайшего окружения императрицы. За неимением таковой награждений 90 лет и не производилось. Так что Сильвии предстоит стать Дамой № 1 возрождённой Российской империи.

плохая, кстати, идея, если придётся у вас там заново создавать казачество в его настоящем виде и качестве...

— Посмотрим. Принципиальных возражений нет, — а сама подумала, как одна к одной карты па-сьянса ложатся. Только что об Императрице Инге подумала, а тут и ей должность первой камер-дамы предложена. «Имеет право находиться при Особе Императрицы в любом месте и в любое время суток», как в «Уложении о чинах придворных» сказано. Судьба, значит.

— Сейчас должен человек подойти, с исчерпывающими планами наших британских друзей. — Сильвия сказала это так, будто сама больше ста лет не числилась английской аристократкой. Впрочем, очень многие иностранцы на службе Империи обрусевали легко и естественно, как князь Багратион, например, искренне жаловавшийся, что немцы при дворе русскому человеку (то есть ему) хода не дают. Или как Светлана Сталина говорила брату Василию: «А ты знаешь, что наш папа раньше был грузином?»

— Откуда подойти?

— Из Лондона, откуда ещё? Пока мы тут *вопросы решали*, он делом занимался.

Император пожал плечами, как бы заявляя, что он за весь этот бред ответственности нести не желает.

Однако никакого бреда не случилось. Едва они только вернулись в гостиную, снова сели к столу, чтобы слегка восстановить растроченные силы и «потерю жидкости», как выражался барон Пампа, в дверь деликатно постучали.

— Кто это вдруг? — удивился Олег. Сколь бы привычными ни становились всякого рода парадоксы на грани обычной гоголевской чертовщины, он так и не поверил Сильвии. Не поверил в обычном, общечеловеческом смысле, то есть не воспринял её слова в качестве истины, усваиваемой так же легко и просто, как сообщение метеобюро о том, что сейчас на улице дождь, или утверждение учителя математики о равенстве квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов. Впрочем, последний пример не совсем корректный, ещё в пятом классе Пажеского корпуса юный Олег Романов никак не мог понять, как такое может быть, если сама по себе гипотенуза короче суммы этих самых катетов.

Сейчас случилось то же самое — в том, что Сильвия не обманывает, он убеждался неоднократно, и тем не менее её правота выглядела абсурдно. То есть каким-то образом она вызвала сюда человека из Лондона, и он явился, не прошло и часа. Да ещё и с сверхсекретными документами? Скорее всего, он уже ждал их здесь и сейчас получил незаметный сигнал...

— Тот, кого мы и ждём, — спокойно ответила агтрианка и, чуть повысив голос, сказала: — Входите, Арчибальд...

Вошёл крайне представительный джентльмен, годами несколько старше Олега, но похожий ростом и статью. Поклонился без подобострастия, поздоровался по-русски, прошёл к столу, сел без приглашения на свободный стул. Положил перед собой бордовую кожаную папку с неразборчивым вензелем в верхнем углу.

— Прошу, Ваше Величество, мистер Арчибальд Боулнойз, один из старейших членов и вице-председатель наверняка известного вам «Хантер-клуба».

Боулнойз снова наклонил голову с безупречным, в стиле девятнадцатого века, пробором.

— Клуб известен, само собой, но вот насчёт старейшего... Извините, уважаемый, сколько же вам лет?

Арчибальд мельком взглянул на Сильвию, будто ожидая от неё разрешения отвечать. Та коротко кивнула.

— Можно сказать, около ста сорока, применительно к той реальности, где существуете вы, Лондон, «Хантер-клуб» и прочие признаки цивилизации. Но с той же степенью достоверности я могу ответить — «не знаю», и тоже буду совершенно прав, поскольку там, где нет времени, нет и понятия возраста, не так ли?

Император, несколько ошарашенный этим силогизмом, тем не менее сохранил понятия о приличии и, вместо того чтобы немедленно залпом опрокинуть столь необходимый ему «гвардейский тычок», предложил Сильвии и гостю сделать то же самое. Возражений он не встретил, а Арчибальд, понимая свой статус, сам разлил по бокалам и стопкам напитки. Не ошибившись, кому что следует. Себе налил «на три пальца» виски из доброго старомодного штофа.

— Арчибальд, Олег Константинович не расположен сейчас обсуждать проблемы хронофизики и иных логик. Ты принёс то, что я заказывала?

— Да, миледи. Вот все документы... — Он протянул папку над серединой стола. Берите, мол, кому нужнее. Взял Император. Раскрыл, начал бегло просматривать документы. Всё верно, насколько он понимает. Фирменная бумага, необходимые грифы и визы, стиль оформления, подписи.

— Так это что, подлинники? — с удивлением спросил Олег, ожидавший увидеть в лучшем слу-

чае фотокопии, распечатанные со шпионских микроплёнок.

Арчибальд посмотрел на Сильвию и недоумённо пожал плечами. В том смысле: «Неужели этот господин не понимает, что фирма веников не вяжет?»

— Разумеется, Ваше Величество, разумеется. Точнее сказать — молекулярные копии, что совершенно одно и то же, что оригиналы. Вы на содержание смотрите, не на форму...

Олег начал вчитываться, а Сильвия завела с Арчибальдом свой разговор. Робот подтвердил, что предыдущее распоряжение миледи он выполнил и «известным способом» снял мотивацию, заставлявшую основную часть заговорщиков *в той реальности* разрабатывать планы, в любом нормальном обществе свободно тянущие на репрессии вплоть до высшей меры без суда и следствия. Тысячи людей (за исключением буквально десятка совсем иным способом простимулированных лидеров) под волновым воздействием вдруг уверовали в то, что свержение существующей власти дело лёгкое и весёлое. Вроде событий февраля семнадцатого. Что эта власть глупа, бессильна и безвольна, капитулирует при первых же намёках на ясно выраженную волю «креативного меньшинства», которое одновременно является «моральным большинством». И, самое главное, как только Президент, правительство и Дума разбегутся, откуда-то, по мановению волшебной палочки, появятся тысячи мудрых, проницательных, демократических и либеральных вождей, десятки и сотни тысяч честнейших и бескорыстнейших чиновников, судей, губернаторов и вместе с ними сержантов ГАИ и ППС, сравнимых своими доблестями с античными героями.

★ Люди в это на самом деле поверили, в их душах и сердцах клокотали возвышенные (и одновременно до крайности примитивные) идеи, примерно как у довоенных детдомовских детей, свято веривших, что после победы Мировой Революции взрослые дяди первым делом начнут бесплатно раздавать конфеты.

Потом Арчибальд, как фельдшер у Высоцкого, «вырвал провода». За несколько часов до всеобщего «часа Ч», означавшего всего лишь Армагеддон, поначалу — локальный. И все эти энтузиасты мгновенно оказались либо в прострации, либо в состоянии жестокой *агренилиновой тоски*, как после весёлой пьяной ночи, когда поверх поначалу приличных напитков начинают добирать чем придётся, от дешёвого портвейна до тройного одеколона.

Потому и обошлось в Москве без большой крови, сплошных пожаров и стрельбы вдоль городских кварталов из самоходок «ИСУ-152» прямой наводкой, как в неоднократно уже упоминавшемся Будапеште.

— Может быть, мы в вашем варианте аналогично поступим? — спросила Сильвия у Олега, читавшего документы и одновременно прислушивавшегося к их разговору. — Арчибальд имеет возможность вызвать острый и мгновенный приступ одновременно диареи и импотенции у вашего державного Виндзорского брата и его камарильи. Они завтра же, внезапно осознав глубину пропасти, в которую их ведут завербованные «сионскими мудрецами» советники, отзовут свой ультиматум и предложат «Их Величеству» вернуться к проверенным столетием идеалам Антанты и ТАОС. Кого-то уволят для наглядности, кого-то отдадут под суд в наизидание потомкам...

— Вот здесь, милейшая кавалерственная дама, я прошу прощения. «Мне отмщение и аз воздам!» Если этот документ подлинный, — он постучал по папке длинными сильными пальцами, — мы раскатаем британцев в тонкий блин. И лет пятьдесят никто не вздумает на Россию хвост задирать... А нам этого хватит для полной интеграции с РФ, и тогда посмотрим, найдутся ли охотники ссориться с державой в одну треть обитаемой суши площадью и населением в миллиард самого отважного и талантливого на Земле населения...

— Вас не заносит, Ваше Величество? — с демонстративной тревогой спросила Сильвия.

— Ни в коем случае. Я ведь не «гляжу в наполеоны» и не мечтаю о мировом господстве. Я всего лишь хочу, чтобы впервые за тысячу лет Россию оставили в покое и позволили ей жить «по правилам, ей самой для себя установленным». Поэтому пусть составители этого плана, — он уже, войдя в азарт, потряс над столом папкой, — собственным языком испробуют вкус плодов злонравия. Возвращаемся домой, мадам, и распорядимся о подготовке действительно адекватного ответа. Если я правильно понял вашего мужа, есть шанс обойтись вообще без потерь с нашей стороны?

— За исключением обычных и естественных случайностей. У нас *там* недавно случилась небольшая абхазо-грузинская война. Так подготовленная лучшими американскими инструкторами грузинская армия бежала сотню километров, из горного укрепрайона, прошу заметить, бросая знамёна, снаряжение и раненых. Абхазы в этой «трёхдневной кампании» потеряли одного раненым и одного убитым. Причём убит был боец, из куража надевший трофейный китель грузинского полковника и под-

стреленный собственным снайпером, тоже весьма эмоциональным!

— Молодцы абхазы. Потом дадите мне поподробнее прочесть об этой войне. Так что, всё решили? Можем возвращаться. Нет, на прощание ещё по одной. Надеюсь, мы скоро ещё встретимся, сэр Арчибальд? За эти документы я должен вам вручить не меньше, чем «Владимира» третьей степени. А ежели наша кампания завершится полной победой, то и на «Георгия» можете рассчитывать...

В это же примерно время Президента, работавшего с Мятлевым и другими, старыми и вновь приближёнными сотрудниками над организацией грандиозного, почти беспримерного в новейшей истории воздушного моста между Москвой, несколькими крупными гарнизонами с базами хранения военной техники и Екатеринбургом (а также и в обратном направлении), пригласили к телефону.

По «горячей линии», впервые установленной после Кубинского кризиса, звонил коллега — президент Соединённых Штатов. Разговор, само собой, вёлся через переводчиков, говорить на языке хоть противника, хоть друга никому из них было «невместно». Это руководитель любой другой страны легко болтал с «Большим братом» на встречах, даже официальных, по-английски (но — никогда наоборот), а здесь — «совсем другие понты».

Зато переводчики-синхронисты были столь высокого уровня, что их как бы и не слышали собеседники, будто действительно тет-а-тет общались.

— Здравствуй, Георгий. Рад тебя слышать. Хотел бы и видеть, но мне мои охранители «Скайп» не разрешают устанавливать.

— Здравствуй, друг. А я бы не возражал, мне скрывать нечего. Ведь мы с тобой всегда говорим только истинную правду, на благо наших народов и всего демократического человечества... Но если ты хочешь конфиденциальности, то пожалуйста...

Рядом с Президентом стоял Фёст, слушал разговор через наушники и в случае необходимости стремительно набирал подсказки на клавиатуре, соединённой с большим экраном напротив.

— Конечно, Георгий, ты совершенно прав. Но сейчас у меня к тебе несколько вопросов. Пока — не для разглашения. Ты же знаешь этих журналистов...

— Я-то знаю, Мишель. Я не знаю, самостоятелен ли ты сейчас от своих лоббистов, конгрессменов, сенаторов и тому подобной...

Слово «сволочь» не относилось к разряду проходимых сквозь «демократически-политкорректные» фильтры, а другого Президент, вернее, Фёст, подбирать не стал. Вадим ухитрился придумывать ответы и письменно их излагать быстрее, чем оба собеседника находили подходящие выражения.

— Я всегда самостоятелен, за исключением предусмотренных нашей Конституцией случаев. И хочу спросить — твоё сегодняшнее заявление что означает?

— А в чём вопрос, Мишель? Моё заявление адресовано только моему народу и только по случаю некоторых, не имеющих глобального значения событий в моей столице. Я бы не стал звонить тебе по поводу бунта негров в Гарлеме или Нью-Орлеане...

— Афроамериканцев, Георгий, не забывайся...

— В учебнике антропологии названы три расы — европеоидная, монголоидная, негроидная. Мы станем оспаривать эту классификацию?

— Георгий, наверное, моя госсекретарь права — ты специально провоцируешь новую конфронтацию. Но зачем? Ты же меня знаешь, я только за добрые отношения и взаимопонимание на основе общечеловеческих ценностей...

— Ты — возможно. Но сам лично разве что-нибудь решаешь? Если даже сейчас ссылаешься на не слишком умную женщину?

Прочитав это на экране, Президент поднял на Фёста почти умоляющие глаза. Ну зачем, мол, это?

Почувствовав, что уже устал и думать, и писать, и держать мыслеформу, в которой Президент разумен и послушен, Вадим решительно взял у него из рук трубку и жестом Юлия Цезаря велел Мятлеву переместить своего друга и начальника в соседнее кресло.

Имитировать голос «предыдущего оратора» ему не составило никакого труда, с детства умел пародировать или воспроизводить кого и что угодно. Тем более переводчику-синхронисту не до того, чтобы улавливать тонкости фонетики. Тут успеть бы мысли адекватно реформатировать.

— Георгий, мне не очень нравится то, что ты говоришь. Я глава сильнейшей в мире экономической, политической и военной державы. А ты сегодня заявил, что наше мнение не имеет для тебя никакого значения. Как это понимать? Наши прежние договоренности...

Вадим удобно устроился в президентском кресле, потянулся, закурил. Сейчас куда проще дело пойдёт — напрямую говорить, а не шпаргалки торопливо писать.

— Понимай в самом прямом и безусловном смысле, вот с такой примерно позиции. Ты ведь тоже юрист? Значит, поймёшь. Вы вольно или не-

вольно, но непрерывно, с самого сорок пятого года внушаете нам, что готовы сотрудничать только в пределах самой крайней необходимости. А вообще предпочли бы уничтожить и «снять проблему». Помнишь — план «Дропшот», стратегия «отбрасывания коммунизма», «Империя зла», «Звёздные войны»... Теперь — «Продвижение демократии». Ты хорошо меня слышишь, Мишель?

Фёст говорил, испытывая агрессивную радость, как тогда, когда, подготовившись, перед несколькими дворовыми компаниями демонстративно оскорблял признанного лидера «блатарей» с «того квартала», заведомо зная, что побьёт его хоть в одиночку, хоть со всей кодлой.

— Георгий, сейчас речь не об этом. Я хочу дружить с тобой и с твоей страной. Но ты пойми — моё фактическое положение и Конституция не позволяют пойти на мировую на твоих условиях. Это сочтут предательством, и всё закончится моим импичментом. Кому это надо? Для тебя я лучший партнёр, чем кто-то другой. Давай поговорим о взаимных уступках. Сначала ты берёшь свои слова обратно...

Фёст откровенно расхохотался в трубку и приказал своему переводчику *аутентично* донести эту реакцию до партнёра.

— Потом ты диктуешь мне ещё несколько условий... Извини, Мишель, мне глубоко безразличны *твои* проблемы с *твоим* конгрессом и *вашей* конституцией. Будет только так, как я уже сказал. Стопроцентно равное партнёрство. Мы не ущемляем ваших прав, но ни на один дюйм не поступимся своими. Вроде бы, как мне известно, первопроходцы Америки не прощали выпадов в свой адрес. Я был совсем молодым парнем, когда видел вашу

«Великолепную семёрку». «Хлопай, парень, хлопай!»¹ Помнишь?

— Я не узнаю тебя, Георгий! Я хотел поговорить миром, а ты?

Казалось, даже через двух переводчиков передался надрыв в словах американского президента.

— Так узнай. Вы там очень любите в дело и не в дело цитировать Библию. Это оттуда: «Не мир я принёс, но меч!» Выбор за тобой. Либо вы впредь вмешиваетесь в наши дела, только когда попросят, остальное время сидите тихо-мирно и занимаетесь своей «Доктриной Монро». Любые спорные вопросы будем решать в Совете Безопасности ООН, на Генеральной Ассамблее или при личных конфиденциальных встречах. Идёт?

— Ты мне грозишь, Георгий? Не рано ли?

— Разве предложение выбросить краплёные карты и играть честно — это угроза? Посмотри на досуге ваш фильм «Маверик». А если всё же угроза — тогда в своём «Ситуационном кабинете» всё тщательно просчитайте. И с товарищами по НАТО посоветуйтесь. Кстати, термин «неприемлемый ущерб» придумали не мы. Вот и сообразите, что проще — не лезть не в свои дела или получить «по полной». Давай уж без лишней дипломатии, Мишель. Спроси там у своих, стоит ли внаглую навязанный миру принцип «USA uber alles!», присвоенное право бомбить, оккупировать, подвергать санкциям любую навскидку выбранную цель того,

¹ Имеется в виду кадр, где Юл Бриннер (Крис) преподаёт урок молодому мексиканцу (Чико). «Хлопай, парень!», и между хлопками ладоней вставляет между ними выхваченный из кобуры «Кольт-писмейкер».

что наш Хрущёв называл «KUZKINA MAT»? ¹ Спроси у своих консультантов. Эйзенхауэр и Кеннеди сделали правильный выбор. Третьим будешь?

Может, проще «каждому возделывать свой садик», как советовал Вольтер?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На следующее утро «всё свободолюбивое человечество» (то есть та часть населения «цивилизованных стран», которую каким-то образом интересовали перипетии борьбы Запада с нарушениями «прав человека» именно в России и ни в какой другой точке земного шара) проснулось, просмотрело утренние телепередачи, прочитало газеты и немедленно впало в шок. Особенно те граждане, которых не поразили ещё старческие деменции, болезни Паркинсона и Альцгеймера, что застали времена Фултона², Корейской войны, Карибского кризиса и рейгановских «Звёздных войн».

Основная масса политиков и «экспертов» сравнительно крупных и совсем уже ничтожных европейских стран очевидным образом наслаждалась тем, что Россия наконец без всяких дипломатических ухищрений продемонстрировала свою импер-

¹ «Мы вам покажем кузькину мать!» — слова, адресованные Н.С. Хрущёвым американскому президенту в момент очередного обострения отношений. Имелась в виду недавно испытанная на Новой Земле бомба в 100 мп. По тогдашним расчётам, в густонаселённой местности зона сплошных поражений и разрушений могла составить более 300 км радиусом.

² Фултон, город в США, где Черчилль, отставленный от «большой политики», произнёс в 1946 г. знаменитую речь, где объявил о «железном занавесе» между «свободным миром» и коммунизмом, а также объявил очередной «Крестовый поход» против России.

ски агрессивную сущность. Причём радовались по разным причинам. Одним понравилось, что США получили обидный щелчок по носу, другим — наоборот.

Новая «холодная война» на глазах превращалась в реальность, и это не могло не радовать сотни тысяч специалистов, почти двадцать лет остающихся не у дел и безнадёжно теряющих квалификацию в довольно жалких попытках активизировать былой накал международной жизни. И тут вдруг такой подарок со стороны российского Президента, за которым никто раньше не замечал страсти к экстремальным видам внешнеполитического спорта.

Только небольшое число серьёзных, неангажированных аналитиков и экспертов, голоса которых совершенно затерялись в общем дружном хоре, осторожно предложили задуматься — а в чём, собственно, суть вопроса? Что именно подвигло всегда осторожного, мягкого почти до бесхарактерности человека выступить с откровенно провокативным «Обращением», формально к гражданам России, но безусловно адресованным Западу. Именно Западу, поскольку ни одно из более-менее серьёзных азиатских (кроме Японии, разумеется) и латиноамериканских государств демарш России не задевал. Они его в первый день словно бы вообще не заметили. Скорее всего — до прояснения обстановки, но вполне возможно — с тайной радостью, поскольку сказано ведь было то, что очень и очень многие сами хотели бы заявить, но при наличии амбиций у них явно не хватало амуниции, как выражались в XIX веке.

Неужели дело лишь в том, что российский Президент был выведен из себя попыткой его свержения (понятно, кем инспирированной) до такой сте-

пени, что потерял представление о реальности? Не похоже. Скорее, неудавшийся путч, в котором так грубо подставились спецслужбы и дипломатические ведомства ведущих держав, послужил лишь поводом для давно задуманной «смены курса».

«Но тогда напрашивается вопрос — в чём смысл и источник столь безрассудной отваги? — писал в «Файнэншл Ньюс» политобозреватель с пятидесятилетним стажем, ветеран бесчисленных пропагандистских схваток, скрещивавший шпаги со столь достойными бойцами канувших в Лету идеологических войн, как Валентин Зорин, Мэлор Стуруа, Станислав Кондрашов etc.

— Имперский синдром в словах Президента никоим образом не просматривается. Скорее, он намекает совсем на другое — на восстановление «железного занавеса» и переход к автаркии сталинского типа. Но Президент — не Сталин, и стать им не сможет ни при каких обстоятельствах. Сегодняшняя постиндустриальная Россия критически завязана на импорт всего на свете, от китайских джинсов до аргентинского мяса и американских процессоров, и расплачиваться за него может только нефтедолларами. Карточная система и сталинский уровень потребления в нынешней России немыслимы. Это не Северная Корея, здесь слишком образованное и привыкшее к благополучию и свободам население, а главное — слишком протяжённые границы, которые невозможно перекрыть и контролировать. Так зачем этот странный демарш? Вот каким вопросом следовало бы озаботиться нашему правительству и аналитикам из НАТО прежде, чем поднимать очередную волну антикоммунистической, простите за оговорку — антироссийской истерии...»

Ветеран «холодной войны» был не совсем прав. Его вопросы могли направить в нужное русло мысли только умных и хорошо образованных людей (иные «Финансовые новости» и не читали), но люди в Комитете начальников штабов, ЦРУ, АНБ и тому подобных заведениях в подсказках не нуждались. Ещё до выступления Президента и его разговора с американским коллегой, как только просочились первые сообщения об оглушительном московском провале, специалисты, отвечавшие за «российское направление», трудились без сна и отдыха.

К утру на стол президента США лёг наскоро составленный доклад, в котором с цифрами, фактам и историческими аналогиями утверждалось, что всё случившееся — не более чем грандиозный блеф, с причинами которого ещё предстоит разбираться.

Не изменилось и не могло измениться финансовое и тем более промышленное положение России, в автономном режиме она могла бы существовать, только снизив жизненный уровень населения минимум в десять раз и вернувшись к системе тотального принудительного труда. Как Северная Корея.

В военном отношении не могло быть и речи о реальном противостоянии даже армии одних только США, не говоря об объединённых силах США и НАТО. В современной войне российская армия продержалась бы ненамного дольше иракской из-за подавляющего технического перевеса противника, особенно — в высокоточном оружии. Угрозу применения «кузькиных матерей» не следовало принимать всерьёз, ибо не просматривалось никаких осмысленных целей, ради которых стоило рисковать существованием самой Земли. «Неприемлемый ущерб» русскими стратегическими ракетами, конечно, может быть нанесён, но ведь обязательно последует адекватный ответ, и остатки челове-

чества будут вынуждены кое-как выживать в радиоактивных развалинах. Ради чего? Нет ни одной достойного такого развития событий причины. Ни у России, ни у Америки.

Если бы всё зависело от военных и разведчиков, они, наверное, так бы и поступили. Но тут имели решающее значение неподконтрольные сухому рационализму факторы. Прежде всего — национальный престиж, но и геополитический расчёт тоже. Пусть нерациональный, но расчёт.

Та страна, о победе над которой было громко заявлено как и о «конце истории» и установлении «Рах Америгана» на веки веков, вдруг демонстративно заявила, что всё это не больше, чем пустая болтовня. Она настолько суверенна, что может себе позволить полностью игнорировать существование «мирового гегемона» и «Сияющего города на холме». Может не признавать законов, призванных держать в узде всех, кроме «законотворца». Вообще отрицать право «Великой Демократии» устанавливать какие-то законы, кроме внутренних, в том числе и таких, что служат посмешищем для всего грамотного населения остальной части планеты: «Запрещается бить жену по субботам палкой толще полутора дюймов», «Запрещается взрывать ядерные устройства на территории штата Иллинойс. Штраф 500 долларов...»

Если это сойдёт России и её Президенту с рук... Россия ведь действительно не Северная Корея, её пример может оказаться чересчур заразительным. Но что делать реально? Ни «оранжевой», ни «тюльпановой», ни «розовой» революции в России устроить не удалось. Попытка прямого и грубого, по чилийскому образцу, переворота только что сорвалась, причём самым жалким образом. Никто в мире вообще ничего не заметил, потому что запад-

ные корреспонденты не успели снять на фото и видео совсем ничего, а с русскими коллаборационистами произошла уже полная ерунда.

Буквально три часа назад по центральным московским телеканалам выступил вернейший друг Америки, писатель, блогер и журналист, лидер сразу всех направлений и толков «несистемной оппозиции» Михаил Волович. Он не только заявил о собственном патриотизме и полной поддержке Президента, вчера ещё называемого им «кровавым тираном», но и призвал всех своих сторонников и вообще честных людей сплотиться в этот нелёгкий час вокруг единственного человека, способного без потрясений провести государственный корабль по бушующим волнам и достичь тихой гавани. И вот тогда народы многонациональной России смогут мирно, без принуждения и со всей полнотой гражданских прав избрать хоть Конституционное собрание, хоть Земский собор, где и определить дальнейший курс нации и подходящие «национальным традициям» и «имперскому статусу» способы его реализации.

«Тем более что Москва была и остаётся Третьим Римом, а четвёртому не бывать! Любые другие высказывания на эту тему следует считать дешёвыми спекуляциями!» — несколько пафосно закончил своё выступление «властитель дум», и, судя по уже поступившим откликам в Интернете, эта формула встретила одобрение и понимание у подавляющего большинства умеющего нажимать кнопки компьютерной клавиатуры населения.

Причём если и выглядел Волович слегка выпившим, то в самую меру, а в целом его облик излучал здоровье, оптимизм и довольство. Избитым, замученным в подвалах или напичканным наркотиками

его не признал бы самый оголтелый враг ВЧК — ГПУ — НКВД — МГБ. Скорее наоборот...

А ведь сколько сил и денег налогоплательщиков было потрачено на этого человека, действительно талантливого, что было особенно ценно!

Все заключения, выводы и рекомендации были положены на стол президента США.

Президент и назначенный «кем надо» присматривать за ним «вице» пролистали бумаги и брезгливо их отбросили. Не было *мотивированного* ответа на ключевой вопрос — как без войны заставить русских раскаяться и приползти на глазах у всего мира в свою Каноссу¹.

Впрочем, один из членов Комитета начальников штабов, адмирал Доунтлесс, написал своё особое мнение: не предпринимать абсолютно никаких действий, даже сделать вид, что и телефонного разговора не было. Вести себя, как с каким-нибудь Китаем. Хорошо бы ещё и прессу, и конгрессменов склонить к такой же реакции. Но это уже из области фантастики. А если уж президенту не терпится что-то предпринять, так пусть организует конфиденциальную встречу своих и русских спецпредставителей на нейтральной территории, в одном из горных отелей Швейцарии или вообще на Цейлоне. Там и поторговаться можно, и договориться.

К такому же точно решению пришёл и российский Президент со своими советниками и непременным участником всех совещаний, Фёстом. Мол, мы сказали и сделали, что сочли нужным, теперь

¹ Каносса — замок в Италии, где в январе 1077 г. отлучённый от церкви император Священной Римской империи Генрих IV, стоя по колено в снегу босиком, униженно вымаливал прощение у Папы Римского Григория VII.

очередь за вами, господа. По расчётам Берестина и его временного штаба требовалось около десяти дней, чтобы переправить сквозь тоннель из Империи в Россию минимум пятнадцать дивизий, каждая из которых втрое превосходила по численности нынешнюю штатную «бригаду постоянной готовности», при гораздо лучшей подготовке бойцов. Там ведь по-прежнему действует трёхлетний срок действительной службы при призывном возрасте двадцать. И почти все солдаты дивизий «первой линии» уже имеют боевой опыт. Кто с поляками повоевал, кто с хунхузами, текинцами, турками, курдами...

Усилить их современной артиллерией и танками, которых имелось на базах хранения в избытке, тоже не составляло особого труда. И каждому по «АКМ» выдать. Как с изумлением узнал Президент, номинальный Главковерх, изначально военными делами не интересовавшийся, на складах России имелось семнадцать миллионов (!) автоматов всех модификаций. И больше двадцати миллиардов патронов. Срок хранения у некоторых почти истёк.

К исходу второй недели на теоретически угрожаемых направлениях европейского приграничья можно было развернуть до тридцати оперативно-тактических групп смешанного состава: один-два батальона российских войск и полк или бригада имперцев¹ с десятком советников и дублёров командиров.

При такой группировке сухопутное вторжение полностью исключалось, у американцев вместе с

¹ В Российской императорской армии в пехоте бригадой называлась половина дивизии, обычно — два полка, командиром бригады считался старший по чину или производству комполка. При этом все тыловые подразделения и службы были дивизионного подчинения. Бригады в нашем понимании существовали в артиллерии, гвардии и Особых корпусах.

натовцами просто не было сопоставимого количества боееспособной пехоты. Те контингенты, что вводились в Ирак и Афганистан — сборные отряды румын, латышей, грузин, молдаван и прочих «лимитрофов»¹, — даже при психологической поддержке французов или немцев сколько-нибудь осмысленных и успешных боевых действий вести не могли. Что великолепно продемонстрировала «героическая грузинская армия» в августе восьмого года. Через двести лет снова подтвердились слова великого русского поэта: «Бежали робкие грузины». Да и солдаты «старых членов НАТО» в боях против закалённых и спаянных железной дисциплиной кадровых дивизий Империи не имели ни малейших шансов. Даже Бундесвер теперь никаким образом не походил на Вермахт образца тысяча девятьсот сорок первого года.

— Что же касается пресловутого «высокоточного оружия» и прочих компьютерных игрушек, — объяснял Президенту Берестин, — с помощью которых они вдребезги разгромили армию Хусейна и распутали талибов, так они в нашем варианте не сработают. Мы просто не станем «играть на их поле». Ядерное оружие мы, конечно, оставляем на самый крайний случай. А вот в ответ на любую прилетевшую к нам «штуку» будем стрелять хотя бы и вакуумными боеголовками по местам пуска. Мобильных, необнаруживаемых пусковых установок на первое время хватит. Посмотрим, как это понравится зажавшимся европейцам. У них тесно, любой толковый взрыв кого-то, а достанет. Москва, в свою очередь, далеко не Белград, слава богу.

¹ В широком смысле «лимитрофы» — употреблявшееся в 20—30-е годы XX века общее наименование возникших на внешних границах СССР карликовых полунезависимых государств.

— Не хотел бы я вас иметь своим противником, Алексей Михайлович, — совершенно автоматически поёжившись, сказал Президент. Берестин только слегка улыбнулся. Император Олег был при первом знакомстве куда сдержаннее и твёрже, хотя и полный абзац к нему подступил.

Алексей улыбнулся и продолжил:

— По опыту прошлых «Бурь в пустыне» и прочих «тайфунов с ласковыми именами» — подготовка серьёзной военной операции даже против мало-боеспособных полуфеодалных армий занимала у американцев несколько месяцев. Здесь задача будет на порядок сложнее, так что времени на «адекватный ответ» мы имеем в избытке... Поэтому не стоит вам беспокоиться. В крайнем случае — потренируемся в проведении учебных мобилизационных сборов пяти-шести возрастов. Сейчас у нас есть дело поважнее.

Агентура Императора (Алексей не хотел раскрывать всех карт) установила, что англичане планируют нанести по той России шокирующий и обезоруживающий удар не позднее середины следующей недели. Основная цель — базы Балтийского и Северного флотов, Романов-на-Мурмане, Петроград, Николаевская и Северная железные дороги, прилегающие к этим районам аэродромы. Задействован будет почти весь Гранд-Флит, до двухсот самолётов палубной авиации и около пятисот — береговой... Только бомбардировщиков. Плюс истребительное прикрытие.

— Серьёзно, — сказал Мятлев. — Наши сумеют его отразить?

— С большим трудом и огромными потерями. Зенитная артиллерия у них только ствольная, плюс авиация ПВО и флотов. При тридцатипроцентных потерях бомбардировщики в состоянии вывести из

строя до половины больших кораблей и сильно разрушить инфраструктуру баз. Ответный удар получится значительно слабее, тем более что их флот будет рассредоточен и едва ли сильно пострадает. А дальше война приобретёт затяжной характер. Если американцы станут снабжать бриттов в той же мере, что в нашу Вторую мировую, забава может затянуться не на один год. Сами понимаете, с намеченной «интеграцией» едва ли получится что-нибудь выгодное для нас.

— Из ваших слов следует? — спросил Президент.

— Что мы должны буквально завтра начать переброску на ту сторону хотя бы сотни ЗРК, двух десятков РЛС и такого же количества противокорабельных ракет, «Москитов» и «Гранитов»... С расчётами и техническими специалистами. Самолётами до тоннеля, и оттуда тоже по воздуху до места. На развёртывание и подготовку к бою останется как минимум двое суток. Вполне приемлемо. Можно переправить и пару эскадрилий «Грачей» с несколькими боекомплектами.

— Это не ослабит нашу здешнюю обороноспособность?

— Ни в коей мере. Тем более, как я уже доложил, мы располагаем не днями, а месяцами, и то в случае, если американцы совсем с катушек съедут. И потребуется нам в первую очередь совсем другая техника. Плюс мы получим значительное количество обстрелянных бойцов и всю мощь имперской России.

— Хорошо, — вздохнул Президент. — Действуйте. Ты, Леонид, обеспечь необходимое взаимодействие. А я подпишу соответствующие приказы...

Сильвия с Олегом и Арчибалдом воспользовались лифтом, умевшим перемещаться не только по вертикали, но и по горизонталям в любую точку Замка. На самом деле он просто использовал возникающие в каждый нужный момент по законам местной топологии внепространственные тоннели, не имеющие отношения к стабильной составляющей здешней архитектуры, в которой «нормальные» лифтовые шахты вообще отсутствовали. Только двери и сами кабинки, всегда оказывающиеся поблизости от местонахождения любого из обитателей, которому нужно было куда-то попасть.

То ли Воронцов, то ли кто-то из женщин ещё при первом посещении спросили Антона, не проще ли просто проходить через любую дверь в любое место? На это он ответил:

— Никаких проблем, но мне показалось, что так несколько снижается психический дискомфорт. Вы же всё-таки люди, и консерватизм в определённых дозах вам необходим. Хорошо бы вы себя чувствовали, оказавшись в абсолютно пустом пространстве, где всё нужное, от стула до книги или зубной щётки, возникало ниоткуда только в тот момент, когда вам захочется сесть или почистить зубы...

Физически перемещение воспринималось иногда как подъём вверх, иногда как спуск, но никогда как движение по горизонтали.

Остановился лифт секунд через двадцать, как будто они поднялись этажей на пять, но однажды Новиков с Шульгиным на такой же примерно маршрут по коридорам и лестницам затратили около двух часов, пережив при этом массу увлекательных приключений. Причём до цели так и не добрались. Андрей, помнится, тогда удивлялся, как Стругацкие в «Понедельнике» угадали и про лифт, и про свойства коридоров НИИЧАВО. С космосом

и грядущим коммунизмом промазали, а тут — точка в точку.

Сильвия открыла перед Олегом двери ставшего по-своему сакральным местом «адмиральского кабинета» Воронцова. Увидев его интерьер и убранство, Император пришёл в восхищение, настолько они соответствовали его вкусам.

— Я познакомлю тебя с дизайнером этого помещения. Думаю, вы друг другу понравитесь. Только на его жену засматриваться не советую...

— О чём ты, Си?! Кроме тебя, для меня женщин не существует!

— Ох, как пылко. Смотри, как бы не зачах от воздержания. Я тебе ничего не обещаю и потакать твоим прихотям не собираюсь. Лучше приготовься, сейчас здесь должны появиться ещё две барышни из твоей гвардии. Возможно, они тебя отвлекут.

Действительно, не прошло и пяти минут, которые Олег посвятил осмотру кабинета, а Сильвия как раз успела выкурить без спешки сигарету, любуясь океаном за окнами. Этот кабинет был расположен метров на тридцать выше её апартаментов и в другом крыле Замка, обращённом фасадом на зюйд-ост. Отсюда океан заполнял всё поле зрения, не видно было ни пляжа внизу, ни окружающих скал и холмов. Завораживающее зрелище, особенно если знать, что по этим волнам не плавал ещё никто, ни викинги, ни полинезийцы на своих «Кон-Тики».

...Следующая неделя продолжала приносить Российской Федерации и её ближайшим окрестностям, плюс-минус десять тысяч километров от крайних пограничных пунктов, новые яркие впечатления. Как писал в своих недавних блогах и статьях Волович, тогдашний оппозиционер, «в этой стране жить

скучно и противно!». Будто по мановению рук старика Хоттабыча, подсушившего свою бороду и разорвавшего очередной волосок, скука исчезла. Да и во второй части тезиса наметились изменения.

Самое интересное — это отметили люди самых разных стран, классов, образовательных уровней и политических убеждений.

Одними из первых — жители почти умирающих деревень, сёл и посёлков городского типа в окрестностях давным-давно оставленных, брошенных, словно при паническом отступлении, гарнизонов и военных городков от Пскова до Ростова и от Брянска до Нижнего Новгорода и Махачкалы. В городки вдруг начали круглосуточно прибывать на поездах, самолётах, колоннами «Уралов» и «ЗИЛ-131», иногда и пешим порядком батальоны и полки бравых, снаряжённых по полной выкладке солдат. Такие точно, по выправке, дисциплине и готовности «с марша в бой», как в при Екатерине, Потёмкине и Суворове, при Ермолове, Скобелеве, в Отечественную и даже в последнюю «грузинскую» войну.

Не зря Фёст и Берестин доказывали Президенту, что русскому человеку нужен только чётко отданный приказ и сколько-нибудь понятная мотивация. Ну и уверенность в том, что «отцы-командиры» по-прежнему знают, что делать.

Если столетия назад несколько тысяч одетых в военную форму людей могли прийти в богом и чёртом забытый угол, остановиться, оглянуться и поставить в голодной степи, пустыне или горах лагерь, тут же начинающий превращаться в крепость, а потом и городок, вокруг которого следующей весной возникали посады, станицы, торжища и всё сопутствующее, то отчего сейчас вдруг стало иначе? Отчего на размещение и обустройство какого-ни-

будь полка вдруг стали требоваться годы времени и миллиарды рублей денег?

В каждой части есть свои инженерные, сапёрные, технические, медицинские службы и предписанные уставами и инструкциями сроки и способы развёртывания. И этого достаточно. Тем более сейчас, при нынешнем уровне связи, транспорта, исторического опыта, наконец.

Вчера ещё брошенные городки зияли пустыми окнами разграбленных казарм, а на вторые сутки и рамы нашлись, и стёкла вставлены, заборы подняты, где нужно — натянута колючка, подключены свет и даже водоснабжение.

Местные мужики с удовольствием (иногда и восторгом), за хорошую плату выполняют работы, кто что умеет, и «транспортная повинность» налажена, как на Руси издавна принято, и везут из окрестностей радиусом в сотню километров продовольствие с подворий и ферм, стройматериалы находятся. На четвёртый день — всё стало как раньше.

Частные предприниматели, задыхаясь от изумления и подвалившего счастья, по ночам считают немерено привалившую выручку и созваниваются с поставщиками, впятеро и вдесятеро повышая заказы против обычного.

А уж местным девушкам, не успевшим разъехаться по окрестным «центрам цивилизации», какая радость! На любой вкус женихи появились, и солдаты, и офицеры. Правда, немного странные временами. И говорят не совсем «по-нашему», ну, это понятно, из далёких мест прибыли, из Сибири, с Дальнего Востока. И манеры непривычные. Простейших вещей иногда не понимают. Так не это же главное.

Зато у местных, и не только местных, но и столичных чиновников и предпринимателей незнакомые проблемы возникли. Многие почти утратили генетическую память о том, как с ними может «серьёзная власть» разговаривать.

Сколько раз Президенту, всего месяц назад, приходилось ломать голову над задачками, подходящими для учебника Остера: «Из федерального бюджета региону N выделен целевой трансферт в два миллиарда. До конечного потребителя дошло двенадцать процентов этой суммы. Вопрос — где остальные деньги?»

Оказалось — ответ довольно прост. Стоит только свести на очную ставку человека, подписавшего платёжное поручение, и того, кто в получении расписался. Обычно через час решение не самой сложной задачи находится, при том условии, что спрашивающий не реагирует как на намёк войти в долю, так и на упоминание об «очень серьёзных заинтересованных лицах». А вот срок в десять лет, да не условно, а реально, с отбытием на отдалённых «стройках капитализма» — вот он. Председатель военно-полевого суда легко может выписать, но так же легко и простить, в обмен на «сотрудничество со следствием».

Ещё интереснее решались в прибывших «издалека» войсках вопросы материально-технического снабжения. Ничего похожего на столь общепринятые в здешних местах «тендеры», «распилы», «откаты» и прочие сюжеты из курса политэкономии «периода первоначального накопления». Зам по тылу полка, допустим, получает у начфина энную сумму наличными, на которую закупает у местных поставщиков всё необходимое, от картошки до сапожных гвоздей. А также оплачивает всякие услуги

и подрядные работы. В конце месяца отчитывается в офицерском собрании о расходах, до последней копейки. Если питание было плохо или ремонт казармы должным образом не обеспечен — выслушивает всё, что о нём думают товарищи. Это не считая взыскания от командира. А могут и потребовать в отставку подать или суду предать... Какая в таких условиях коррупция?

Между поставщиком, исполнителем работ и кассой исчезли любого рода посредники, вплоть до главы районной администрации и начальника милиции. То же и преступного мира касается. Очень многим странным показалось, что «гости» любую местную власть и любые «понятия» игнорируют. К примеру, в одном ресторане подсели к подполковнику, начальнику ГСМ, трое «реальных пацанов». Объяснили, что десять миллионов казённых денег на закупку бензина он потратил «не там и не у тех». Посоветовали впредь «не ошибаться». Офицер их послал. Ему показали пистолет, так, для наглядности. Он достал свой и без разговоров завалял двоих. Третьего сдал в свою контрразведку. Сколько голов в ближайшие дни полетело, включая кое-кого из команды губернатора. А подполковнику — благодарность в приказе и никакого разбирательства.

Задумаешься тут.

В кабинет вошли Катранджи, Басманов, Верещагина и Волынская. Увидев Императора, валькирии ошеломлённо вытянулись, не зная, рапортовать ли или реагировать как-то иначе. Ибрагим и тот поднапрягся. Один Михаил спокойно поднёс ладонь к козырьку, чем и ограничился.

— Вольно, вольно, — поднял руку Олег. — Проходите, рассаживайтесь...

Сильвия внимательно наблюдала за Императором. Нет, при виде валькирий Олег не почувствовал совершенно ничего. Ничего «этакого». Почеловечески он рад был увидеть милых и при том героических девушек и немедленно предложил всем выпить за благополучное возвращение. Арчибальд подал шампанское и водку. Император чокнулся с Мариной и Кристиной, каждой поцеловал ручку, чем вверг девушек в полное смущение.

С чаркой в руке сообщил валькириям, что они, как и их подруги, за мужество и героизм уже награждены орденами Святого Георгия и повышены в чинах. Господа же Катранов и Басманов получат свои награды позднее, но принцип «За богом молитва, а за царём служба не пропадёт» остаётся в силе.

Сильвия из-за спины самодержца жестом показала им, чтобы вели себя без всяких церемоний. Настроение Олега Константиновича сейчас это позволяло.

А сам он, поставив на стол пустую чарку, пригласил Басманова к окну. Постоял немного, молча глядя на волны и разминая папиросу, потом спросил:

— Как, Михаил Фёдорович, не хотите ещё на моей стороне повоевать? Прошлый раз у вас неплохо получилось...

— Как прикажете, Ваше Величество! Я другой работы не знаю, честно говоря, а в Крыму у меня серьёзных дел нет. Если не секрет, что от меня требуется?

— Пока не решил. Просто чувствую, что без вас не обойтись. Вы полковником давно ходите?

— Четвёртый год.

— Генерала я вам сразу даю. Дальше разберёмся.

— Рад стараться, Ваше Величество, — щёлкнул Басманов каблуками.

...10 сентября на побережье Балтики день выдался пасмурный, обещающий долгий обложной дождь. А синоптики, глядя на упавший ниже семисот двадцати миллиметров барометр, обещали кое-что похуже — шквалы, нагонную волну и прочие пакости.

— Господин премьер-министр, — докладывал премьеру Уоллесу Первый лорд Адмиралтейства, — у нас всё готово. Авиация на стартовых позициях, флот развёрнут. Если решение окончательное, вам остаётся отдать приказ. Погода благоприятствует. Шквалы налетят на Балтику через два-три часа после расчётного времени бомбометания. Наши самолёты накроют цели и успеют дойти до Швеции. Сядут под Стокгольмом. В это время придёт *очень сильный шторм*. Главный метеоролог утверждает, что такого не было больше пятидесяти лет. Русские не смогут даже взлететь, и им очень трудно будет устранять последствия налёта. Флот за это время подойдёт к Бельтам и начнёт их форсировать. К утру будет на траверзе Данцига. Тут мы повторим удар береговой и палубной авиацией...

— Со шведской территории?

— Ну и что? Со шведской территории и с авианосцев. Это война. Мне доложили, что шведы согласны. Они рассчитывают получить Финляндию обратно... Я не дипломат, это не мои заботы. Возможно, уже завтра русские запросят мира. Наши потери от зенитного огня ожидаются в пределах десяти процентов, у них — больше пятидесяти.

Адмирал вздохнул и переступил с ноги на ногу. В глаза премьеру он старался не смотреть. Он говорил, что положено, но это ему не нравилось. Томили предчувствия, которые он не мог рационально объяснить. На жизнь и русских, да и своих лётчиков тоже ему было наплевать. Геополитика и «человечность» — понятия из разных смысловых пластов. Кого беспокоят жизни людей — пусть идёт во врачи или священники. Реальной опасности проигрыша он не видел. Да и как она может возникнуть? Два сокрушительных удара по Кронштадту, Гельсингфорсу и Петрограду, завтра утром ещё два по Романову и Архангельску, после чего можно месяц ничего не делать и читать сводки со среднеазиатского фронта... А отчего же на душе скверно?

(В другой реальности такие же предчувствия беспокоили почти всю верхушку германского генералитета в июне сорок первого года.)

Уоллес тоже вздохнул, вопреки всем правилам затянулся дымом толстой сигары «Гран женёр», едва не закашлялся.

— Если готово, то начинайте. Зачем вы пришли ко мне? Вы имеете на руках директиву?

Адмирал кивнул.

— Вот и выполняйте. Мне доложите, когда самолёты вернутся на аэродромы. Я буду в клубе. Не хочу, чтобы дёргали по пустякам...

Лёгкий крейсер Балтийского флота «Светлана» двадцатиузловым ходом спускался к зюйду восточнее острова Борнхольм. На его боевых постах кроме своих было до десятка офицеров флота РФ, обслуживавших незнакомой конструкции радиолокаторы и командовавших матросами, возившимися с толстыми зелёными трубами. Говорили, что это

пусковые контейнеры невиданных зенитных ракет, могущих поражать одновременно несколько десятков воздушных целей на дистанции в двести километров. Это казалось офицерам крейсера невероятным, но кто станет шутить подобным образом?

Кроме того, у «союзников», одетых в очень похожую, но всё же другую форму, имелось с собой очень много разных интересных штучек, например, коробочек размером в ладонь, с экраном в две спичечные коробки, на которых можно было сколько угодно смотреть великолепного качества цветные фильмы. В том числе и довольно «забавного» содержания. Только для взрослых мужчин.

Раз можно в такой «плеер» поместить сотню кинофильмов, так, наверное, и про ракеты всё правда.

Начинающийся ветер развёл приличную волну, крейсер валяло градусов на десять с борта на борт.

— Если придётся стрелять, качка не помешает? — спросил командир «Светланы» у старшего офицера ракетно-зенитного комплекса со странным чином «капитан третьего ранга»¹.

— Без разницы. Лишь бы в момент пуска не вверх килем плавали... — усмехнулся зенитчик.

— А целиться как? В тучах и за горизонт...

— Они сами прицелятся. Дадим направление, высоту и «образ цели». И пусть ищут.

— Кто? — не понял командир.

— Ракеты. Знаете, я вам потом подробно всё расскажу, а то ведь у нас на вахте нельзя отвлекаться.

— У нас тоже, — дёрнул щекой командир и отвернулся. Он не привык, чтобы ему делали замечания младшие по чину.

¹ В РИФ этому «званию» соответствует чин старшего лейтенанта.

С верхней локаторной площадки ссыпался по трапу главстаршина-контрактник.

— Товарищ каптри, есть цель. Курс норд-вест пятьдесят шесть градусов, удаление сто сорок миль. Цель крупноразмерная, скорость сближения — сорок четыре узла...

— Есть, продолжайте наблюдение.

Главстаршина вознёсся обратно на площадку.

— Вот и всё, господин капитан второго ранга, — обратился каптри к затылку командира. Цель обнаружена. Они самые, голубчики. Прикажите сыграть боевую тревогу. И передать информацию на эскадру и на берег...

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Том 2

ОТ ФИНСКИХ ХЛАДНЫХ СКАЛ...

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Козлова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,

Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,

факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан

Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе.

Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 13.03.2013.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 13 000 экз. Заказ № 1858.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-63577-1

9 785699 635771 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховский Оборона, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

БОЛЬШИЕ БАТАЛЬОНЫ

Заказчики и вдохновители заговора против России в этот раз крупно просчитались. Ни выверенные схемы, ни миллионы долларов, потраченные на подкуп чиновников и продажных военных, не сработали. Буквально за день, казалось бы, до мелочей отработанный план начал рушиться как карточный домик под порывом свежего ветра. Ветра перемен. В Россию наших дней пришли новые русские – свободные, уверенные в себе люди из альтернативной Российской империи, не испытывавшие гнета большевизма, не пережившие ужасов Второй мировой, готовые помогать и защищать тех, кого они по праву считали своими братьями. Вадим Ляхов, Сергей Тарханов, их учителя и соратники рискнули – и вот их чаяния и надежды готовы стать реальностью.

ISBN 978-5-699-63577-1

9 785699 635771